

О. А. Хорошилова

КОСТЮМ И МОДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Э П О Х А Н И К О Л А Я I I

КОСТЮМ
И МОДА
Российской
империи

О. А. Хорошилова

КОСТЮМ И МОДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Э П О Х А Н И К О Л А Я I I

УДК 94(47)''18/19''(084/1)

ББК 63.3(2)5я6

X80

**Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»**

Макет, обработка фотографий и цветокоррекция –

Александр Зарубин

Фото на обложке и суперобложке:

Лейтенант Константин Оглоблинский с дочерью.

Фотоателье «Левицкий», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1900-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

Хорошилова О.А.

X80 **Костюм и мода Российской империи: Эпоха Николая II.** – М., Этерна, 2012. – 464 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00286-7

Книга, основанная на архивных документах, дает визуальный портрет эпохи через костюмы и моду. Источники – указы, распоряжения императора и различных министерств, правила ношения мундиров, табели имуществ, обмундирования и т.п., дневники и письма современников, воспоминания свидетелей того времени, журнальная периодика и многое другое.

Показано влияние политических событий, литературы, искусства, локальных конфликтов и войн на стиль жизни и костюмы одного из самых интересных и драматичных периодов в истории костюма и моды Российской империи.

Текст дополняют фотографии, рисунки, карикатуры. Большинство иллюстраций публикуются впервые.

УДК 94(47)''18/19''(084/1)

ББК 63.3(2)5я6

ISBN 978-5-480-00286-7

© О.А. Хорошилова, 2012

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2012

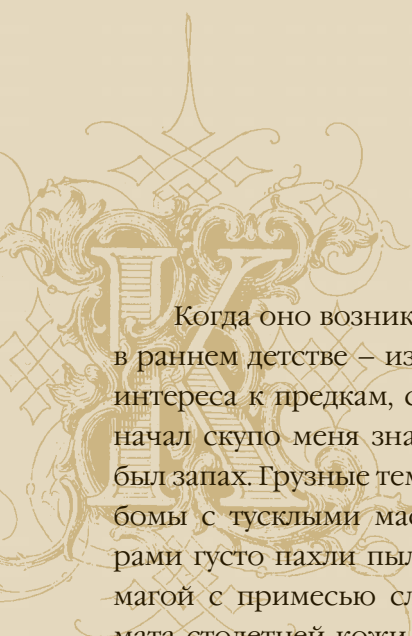
СОДЕРЖАНИЕ:

Вместо предисловия	7
глава 1 Августейшая мода	13
глава 2 Мундиры, выпускники, петлички	55
глава 3 Министерская Россия	127
глава 4 От кадета до корнета	185
глава 5 «Синяя говядина», «тонняги», студиозы	223
глава 6 Девушки в униформе	275
глава 7 Костюмы профессий	313
глава 8 От мира к войне. Светская мода 1890-х – 1917 гг.	357
Заключение	458
Библиография	462

Вместо
предисловия

ЧУВСТВО ЭПОХИ

Когда оно возникло? Кажется, еще в раннем детстве – из чистого, тихого интереса к предкам, с которыми отец начал скупко меня знакомить. Вначале был запах. Грузные темные пухлые альбомы с тусклыми массивными затворами густо нахли пылью и старой бумагой с примесью сладковатого аромата столетней кожи. На плотных листах с золотыми обрезами – карточки в плавно изогнутых лианах салонного модерна (бланки тогда на редкость изящно оформляли). Живописные лица исполнены в розоватых тонах фотосепии. Прапрабабка Варвара, красавица, молодая и спесивая, с утонченным античным профилем сердцеедки. Держала мужа под шелковым каблучком, а семью и дела – в железном кулаке. Вот ее сыновья – послушной темной рамой вокруг стареющей матери: ловкий предприниматель, артист Александринки, «поручик-голубчик» Московского полка и еще один – застенчивый чернобородый врач в скромном белом кителе со слепыми от солнца погонами (мой прадед). А вот и дед, Лев Николаевич, юнкер Пунин, Лева – фотографии наклеены вперемежку. На нескольких

страницах – хаотично, скороговоркой описана его жизнь. Детство, прелестное Царское Село, кадетский корпус, юнкерское училище, война, потом еще одна, и еще... Зоркая, звонкая лупа бабушки, сквозь которую она когда-то перечитывала Вольтера и Руссо в подлинниках начала века двадцатого, приближала блестящие детали эпохи – вензеля на светлых погонах кадетского мундира, пуговицы и ременные бляхи с «сиянием», кокарды, звездочки, петлички. Красивые мелочи гражданского мира меня тогда не привлекали, я осматривала их бегло и рассеянно.

К тактильным ощущениям и первым архивным запахам примешался неизбежный аромат духов, которыми бабушка щедро опрыскивала театральные перчатки. В ее молодости это было *bon ton*. Ольги Николаевны не стало много лет назад, а перчатки все еще расточали терпкий сладковатый парижский «одор», перебить который не могли ни кислотоватый шерстяной запах военного сукна, ни жутковатый телесно-нафталиновый аромат лисицы, старинной горжетки, когда-то искрившейся в пыльном серебре петербургской зимы.

**Лева
и Зина Пунины
позируют
в праздничных
костюмах.**

1904 г. Царское Село.
Архив О.А.Хорошиловой

Николай Михайлович Пунин, надворный советник, младший врач Гвардейской конно-артиллерийской бригады.

На правой стороне сюртука – знак доктора Императорской Военно-медицинской академии.

Ателье «Carbini Frères»,

Санкт-Петербург.

Конец 1890-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Русская Belle Époque казалась мне временем вечной зимы в сценографии мирискусников. Картинно небрежное щегольство народного баса, легко распахнувшего монументальную шубу, его соболья набекрень шапка, его пестрое подвижное кашне. Острые лучи московского маслянистого солнца, играющие на лисированных румянцах развеселых купеческих девиц. Полутьма холодного петербургского вечера, рождающая дивные фантомы. Жемчужно улыбаются незнакомки в «пльэдах» и меховых манто, безумный монарх в нежных хлопьях брейгелевского снега проводит красочный парад, не замечая багровеющей впереди могилы, полувоздушная николаевская шинель танцу-

ет вальс с петербургским ветром в звездной гоголевской ночи. А внизу стыннут тусклые улицы и тепло золотятся витрины богато иллюминированных магазинов, кафе, ресторанов, где так прелестно обманывают, соблазняют и гениально сводят с ума покупателей призрачного петербургского счастья.

В русской Belle Époque всегда холодно, празднично, чуть чопорно и чуть одиноко. Кажется, ее современники, закутанные в шинели, спрятавшиеся в пальто, ротонды, в дивные сибирские меха, разоблачались лишь для того, чтобы сняться на память в фотографических ателье. Их были тысячи. Дорогие и модные: «A. Pasetti», «Левицкий», «Boissonnas et Eggler», «К. К. Булла» – для аристократии и несметно богатых купцов. Чуть скромнее, но столь же известные: «А. Лоренс», «Rantz & Schrader», «А. Оцуп», «Reisert & Fliege». Были и для середняков, расчетливых разночинцев, желавших получить дешевый фотографический отпечаток с дешево выглядящего оригинала. Названия этих мастерских, раскиданных по всей Российской империи, помнят ныне разве что пухлые губернские справочники. Сотни тысяч снимков – формата «визит», «кабинет» и побольше – расходились по семейным альбомам, становились со временем сотней дорогих лиц, а после кончины человека, их обожавшего, отправлялись на свалку истории, и только десяток-другой попадал в чужие руки, бережливые, но чаще корыстные...

Дмитрий Михайлович Пунин,
поручик лейб-гвардии Московского полка.
Ателье «Carbini Frères», Санкт-Петербург.
Начало 1890-х гг.
Архив
О.А.Хорошиловой

Варвара Дмитриевна Пунина

(урожденная Соколова) позирует в траурном наряде, который она носила после смерти мужа.

Ателье «Carbini Frères»,
Санкт-Петербург. Начало 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

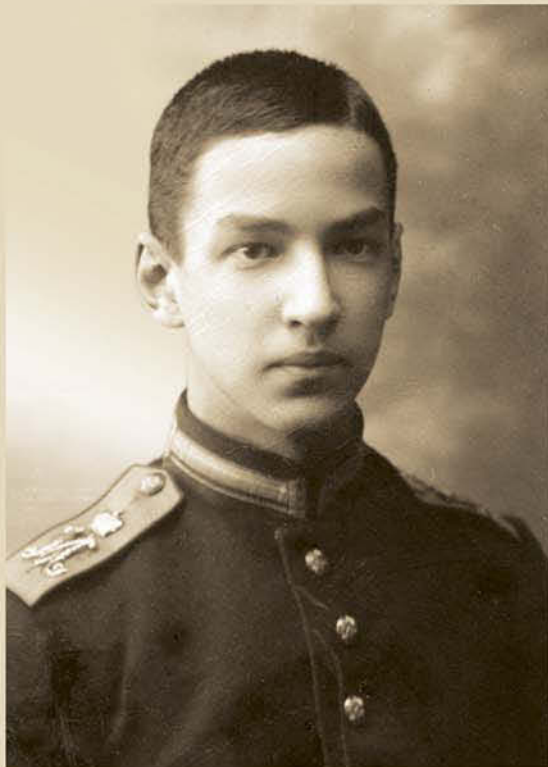

Дети Николая Михайловича Пунина
слева направо:
Лев, Зинаида,
Леонид, Александр,
Николай.
Двое последних в летней форме воспитанников Царскосельской Императорской Николаевской гимназии.
Царское Село.
Нач. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Лев Пунин,
воспитанник
петербургского
2-го кадетского
корпуса.

Фотоателье «И. Оцуп»,
Петроград,
1914 – 1915 гг.

Архив О.А. Хорошиловой

В конце 1990-х годов я зашла в один известный букинистический магазин на Литейном проспекте. Там бывал еще мой дед во время учебы в кадетском корпусе. Рассматривая старинные книги сквозь витринное стекло, обнаружила сиротливую пачку оливковых карточек. Благородные лица и неблагодарно низкая за них цена подкупили. Чувство эпохи, эта хрупкая аура нестройных семейных образов, полупрозрачных тонких звуков, случайных ароматов, начало, наконец, обретать четкие контуры, логику и почти телесную плотность фактов, заверенных личной печатью истории.

Вначале это были просто лица и просто костюмы – беззвучные, тусклые, обыкновенные. Но их изучение, попытки атрибуции (по фотоателье, одежде, аксессуарам, прическам) совершали с безымянными фигурами невообразимые метаморфозы. Становилось ясно, почему у господина именно такой сюр-

тук, именно так повязан галстук и наде-та шляпа, почему дама странно выпячи-вает грудь и позирует вполоборота, за-ставляя любоваться извивающимся тре-ном вечернего платья. Удавалось точно определить время съемки и даже набро-сать судьбу человека, следуя всего лишь размашисто-нервному росчерку под се-бялюбивым лицом дарителя. Впрочем, в сложном вопросе атрибуции часто при-ходилось опираться и на чувство эпохи, интуитивность которого мягко подска-зывала то, о чем упорно молчали факты.

Из тысяч снимков, оживленных ар-хивными и мемуарными свидетельства-ми, постепенно выстраивался образ того сложного и пестрого времени, начавше-гося с пастельной Belle Époque и завер-шившегося в студеных окопах Великой войны.

Это было удивительное время – пе-строе, хаотичное, противоречивое, жутковатое. В моде – все. Лубочный «неорюс», тусклый классицизм, пури-танская спесивая англomanия, теле-сный и чувственный Восток, литерату-ра, спорт, война. Декаденты теряли го-лову от эстетского гашиша и красиво стрелялись в «синема», рабочий люд терял голос на стачках, а несчастные юнцы-офицеры тихо сходили с ума под оглушительными разрывами герман-ских фугасок...

Это было воинственное время. Ура-патриотический поход в Китай, непонятная далекая Русско-японская, му-чительно длинная, потерявшая свой

смысл Первая мировая, а затем постыдная Гражданская. А еще митинги, революции, «долой» и «всех за борт». Модой правил военный стиль, и униформа хранилась в гардеробах большинства современников русской Прекрасной эпохи. Форменные костюмы носили августейшая семья, придворные чины и служащие, военные и чиновники гражданских ведомств, купцы и служители культа, воспитанники учебных заведений, стражи порядка. И даже гражданский костюм с охотой заимствовал элементы и красивые детали военного обмундирования. Огромное влияние на жизнь и быт оказали войны, особенно Первая мировая, перекроившая гардероб модниц и предвосхитившая многое, что стало привычным уже в эпоху советской республики.

Моду эпохи Николая II невозможно изучать лишь по журнальным изящным костюмам высшего света. В те годы форма значила куда больше – и для коронованных особ, и для мелких обывателей. Она рассказывала о человеке почти все – его происхождение, чин, положение в обществе, финансовый достаток, личные заслуги. Форменный костюм был сложным языком с сотней правил светской грамматики и тысячами щегольских исключений. Им овладевали в отрочестве и говорили до конца дней. Хочется, чтобы книга помогла изучить его основы и, быть может, почувствовать ушедшую эпоху.

Я бесконечно благодарна всем тем, кто предоставил для книги ценные документы и фотографии: Кириллу Иосифовичу Финкельштейну, Андрею Львовичу Пунину, Владимиру Викторовичу Авдееву, Алексею Павловичу Григорьеву, Татьяне Васильевне Румянцевой, Светлане Михайловне Ванькович, Юлии Михайловне Амирханян, Сергею Евгеньевичу Володарскому, Роману Вячеславовичу Смирнову, Елене Александровне Быстровой, Ксении Паскаль, Сергею Александровичу Линдебергу, Александру Владимировичу Данилову, Сергею Юрьевичу Копытову.

Я признательна издательству «Этерна» за терпеливый труд по подготовке макета книги.

Отдельную благодарность выражаю моим двоюродным братьям Андрею и Владимиру Гофманам за предоставленные архивы, а также Константину Зборовскому и моей маме Галине Хорошиловой.

**Лев Николаевич
Пунин
с супругой
Ольгой Николаевной.**

Ленинград, 1934 г.

Архив

О.А. Хорошиловой

1

Августейшая мода

Костюмы семьи Романовых
и двора

Император
Николай II.
Это привычное
сочетание титула,
имени и цифры
рождает длинную
череду трафаретных
образов – зеленый
мундир в лентах
и звездах, черно-
желтая горностаевая
мантия, скипетр,
держава и,
конечно же,
блистательная
корона над
неподвижным
лицом, почти ликом.

Этот привычно-официальный, цензурно одобренный образ самодержца российского лишь в малой степени соответствовал своему жизненному прототипу, такому человеческому, «слишком человеческому». Император, скромный, стройный, чуть застенчивый, любил простые оливково-серые кителя, малиновые косоворотки, фуражки и шапки гвардейских стрелков. Во время торжеств и военных парадов он носил мундиры старинных и славных полков. Были в его гардеробе и гражданские костюмы, по которым, если бы не смуты 1917 года, можно было с легкостью составить красивую историю русской моды. Теперь об их скромной роскоши напоминают россыпи снимков, сделанных лучшими столичными фотографами Анаклетом Пазетти, Фредериком Буассонна, Карлом Буллоу, а также членами августейшей фамилии – украдкой, как бы в шутку.

Новорожденный наследник престола хоть и зачислялся в списки нескольких именитых гвардейских полков, мундиры получал лишь в пять-семь лет. Эполеты, золотые галуны, шитье, ордена станут частью гардероба и личности великого князя Николая Александровича позже. А пока будущий император нежилась в резной люльке и безмолвно наблюдал малознакомый мир в батистовой рубашечке, кружевном воротничке и чепчике. На прогулку в Летний сад он отправлялся в светлом пальто и токе из белых лебяжьих перьев, превращавших малыша в пушистого птенчика.

В 1869 году небольшой гардероб великого князя пополнился особой детской одеждой для торжеств – белыми батистовыми и шелковыми платьицами с воротничком-бертой и рукавчиками-воланами в духе позднего ро-

мантизма. Такие наряды ввел для августейших детей Николай I еще в конце 1840-х годов. Декольте и рукавчики украшали голубые муаровые ленты. Подол обыкновенно был коротким – примерно до колен – и в нижней части отделан кружевами и фестончиками, напминавшими готические пенакли. Модной «гарнировкой»¹ детских нарядов считалась также английская вышивка. Под платьем малыш носил корсет-пояс с двумя ляпочками, нижнюю крахмаленную юбочку, а также панталончики, обшитые кружевами, шелковые или шерстяные белые чулочки. На ножках – бархатные или кожаные ботинки с боковой застежкой, иногда – сафьяновые гессенские сапожки с кисточками. В менее торжественных обстоятельствах Николая Александровича одевали в белое платье с лифом-кофточкой, украшенное отложным кружевным воротничком-бертой.

Когда великому князю исполнилось три года, пришло время расстаться с детскими платьицами. Их сменили холщовые и шелковые красные и голубые «русские» рубашки, кушачки и широкие, по моде того времени, шаровары, которые следовало заправлять в мягкие с развалом сапоги «со многими складками». Наряд дополнял головной убор – фетровая шапочка «à la ямщик» с небольшим плюмажем по тулье. Такой национальный наряд считался в 1860-е годы весьма модным, так как в обществе и монаршей семье были популярны идеи славянофилов. Зимой будущий император носил бархатные или кашемировые пальто на пуговицах или с бранденбургскими из синего, зеленого или черного сугажа.

Император Николай II
в Большой императорской короне и горностаевой мантии.
Фототипия 1896 г.
Архив О.А.Хорошиловой

¹ Гарнировка – отделка платья, жакетов и других видов одежды.

Императрица Мария Федоровна с детьми.
Будущий император Николай II стоит справа в матросском костюме.
Фотоателье «Везенберг», Санкт-Петербург, 1870-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

И вот наследнику престола исполнилось семь лет. Этот момент считался важным, ведь он входил в мир взрослых, начинал активно постигать азы разнообразных наук и искусств, присутствовал с другими представителями семьи на торжественных мероприятиях, участвовал в парадах и смотрах. Именно в этот день рождения будущий «хозяин земли русской» получил много подарков, приобщивших его к новому сложному придворному миру. Самые важные преподнес его дед, император Александр II – дивные мундиры тех полков, в которые с рождения был зачислен Николай Александрович: лейб-гвардии Семёновского, Измайловского, Егерского, Кавалергардского. Среди самых любимых был элегантный темно-зеленый полукафтан лейб-гвардии Преображенского полка, украшенный шитьем по воротнику и клапанам рукавов, красным лацканом и традиционной белой выпушкой. На свое семилетие великий князь получил и парадный полукафтан 65-го пехотного Московского полка, шефом которого он состоял со дня рождения. Мундир этот был скромнее, на шесть пуговиц, без лацкана и шитья, но юнец был от него в полном восторге.

Однако эти великолепные, прекрасно сшитые мундиры следовало надевать лишь в торжественные дни – во время праздников, смотров и других событий, связанных с историей и жизнью полков. Большую часть времени великий князь вынужден был проводить во дворце за учебой. Среди его преподавателей – настоящие звезды российской науки того времени: экономист, министр финансов Николай Христианович Бунге, историк Василий Осипович Ключевский, обер-прокурор Священного синода Константин Петрович Победоносцев. Стратегию и военную историю преподавал генерал Генрих Антонович Леер, военное искусство – генерал Михаил Иванович Драгомиров. Седовласым профессорам великий князь внимал, сидя за столом в удобной морской блузе с полосатым воротничком-гюйсом, брюках и мягких ботиночках.

Юнец быстро напивался знаниями, хотя профессора порой журили его за ле-

ность. Но гораздо быстрее двигался он по военной табели о рангах. В 1875 году получил чин прапорщика, через пять лет стал подпоручиком. 1 марта 1881 года объявлен наследником престола и на следующий же день назначен августейшим Атаманом всех казачьих войск и шефом лейб-гвардии Атаманского полка. Его гардероб пополнился мундиром светло-синего сукна со скошенным воротником и серебряными петлицами, суконными шароварами, черной мерлушковой шапкой. На нем прекрасно смотрелась серебряная звезда и светло-голубая муаровая лента ордена св. Андрея Первозванного.

В 1884 году цесаревич принял воинскую присягу, а через три года стал штабс-капитаном лейб-гвардии Преображенского полка. Николай Александрович был одинаково элегантен и в темно-зеленом гвардейском мундире, и в расшитом «снурями» красном доломане лейб-гусар, с которыми не раз отправлялся на пестрые и лихие красносельские маневры.

Император Александр III с супругой императрицей Марией Федоровной и детьми.

Цесаревич Николай Александрович стоит за отцом – в офицерском сюртуке. Фототипия. 1880-е гг. Архив О.А.Хорошиловой

Цесаревич Николай Александрович

в мундире офицера лейб-гвардии

Атаманского полка.

Фототипия. 1889 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Цесаревичу исполнился 21 год. Обучение закончено, пройден обязательный курс наук. Настало время гран-тура – большого путешествия, в которое по традиции отправляли своих отпрысков российские монархи, чтобы познакомить детей с истинными масштабами Российской империи и культурой тех стран, с которыми пришлось бы дружить или воевать. Гран-тур Николая Александровича был особенным, так как объединил в себе Европу, Россию, страны Востока и длился с октября 1890 по август 1891 года. Во время поездки наследник носил партикулярные костюмы и лишь в особенно торжественных случаях переоблачался в военную форму.

Какую бы часть света ни посещал Николай Александрович, он был одет с иголки – белоснежные сорочки с мягким отложным воротником, шелковые галстуки с изящными булавками, жилеты, однобортные или двубортные шерстяные вестоны, брюки клетчатые или визитные, в тонкую полоску. Коротко стриженную голову покрывали модные «булелеры» – котелки с высокой тульей и короткими щегольски отогнутыми полями. Пребывая в жаркой Индии, он носил белый колониальный костюм – однобортную куртку со стоячим воротником и брюки, – а также пробковый бри-

танский шлем. Но даже в гражданской одежде наследник выглядел слегка по-военному благодаря тонким кавалерийским бакенбардам, столь модным тогда среди петербургских молодых гвардейцев, и усикам с напوماженными и вздернутыми концами.

Во время гран-тура Николай Александрович был произведен в капитаны, а в 1892 году стал полковником. В этом чине он пребывал до конца своих дней.

Изящный гражданский костюм наследник трона надел во время знаменательной встречи со своей будущей супругой Алисой, принцессой Гессен-Дармштадтской, состоявшейся в 1894 году в Кобурге. Гардероб, привезенный тогда цесаревичем в Германию, включал светлые шерстяные прогулочные костюмы и черные сюртуки с темно-серыми брюками в тонкую полоску для более торжественных случаев.

Весьма скромно прошло в ноябре 1894 года бракосочетание будущего монарха с избранницей. В присутствии родственников и близкого круга придворных августейшая пара дала клятву вечной любви и верности. Николай Александрович был одет в красный доломан и синие чакчиры лейб-гвардии Гусарского полка, шефом которого стал незадолго до этого события. Александра Федоровна произносила священные слова в золотопарчовой мантии, отороченной и подбитой мехом горностая, а ее голову покрывала корона с кружевной фатой. Но бракосочетание было лишь подготовкой, генеральной репетицией гораздо более пышного и значимого ритуала – коронации, прошедшей 14 мая 1896 года и ставшей самым дорогостоящим и помпезным событием в правление последнего российского императора.

К нему долго и тщательно готовились. Разрабатывали режиссуру церемонии, прописывали все ее этапы, обсуждали последовательность действий монарха и свиты, составляли список приглашенных, меню и многое другое. Особенно внимательно отнеслись к костюмам трех главных действующих лиц коронации – императора, императрицы Александры Федоровны и вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Николай Александрович предпочел короноваться в мундире «семейного» лейб-гвардии Преображенского полка. Этим он нарушил традицию, ведь его прадед, дед и отец короновались в общегенеральских мундирах. Но император был всего лишь полковником и не смел претендовать на жирные золотые эполеты генерал-майора. Итак, мундир выбран. Следовало определиться с ателье. Николай Александрович остановил свой выбор на седовласом грозном Карле Ивановиче Норденштреме, поставщике Его Величества. В гардеробе императора уже был десяток мундиров, сшитых этим «королем петербургских портных», а также сотня изящных предметов и аксессуаров, выгодно дополнявших элегантную военную форму. Коронационный мундир «построили» за месяц и в конце марта 1896 года представили императору для примерки. Это был очередной шедевр гениального Норденштрема – прекрасно сидящий, мягко облегаю-

щий стан, но не тесный, из превосходного зеленого сукна с острой молнией белой выпушки, гвардейским скошенным воротником и преображенским шитьем, повторенным на клапанах обшлагов. По фасону и крою это был еще «мужицкий» полукафтан эпохи Александра III – такие тогда носила русская армия, хотя и начала заметно от них устывать.

Мундир украсили полковничьи эполеты с вензелями Александра III, аксельбант, золоченные пуговицы. Все это, а также золотую тесьму под бриллиантовую цепь ордена св. Андрея Первозванного заказали у Александра Михайловича Скосырева, одного из главных поставщиков императорского двора. Самой любопытной деталью мундира был прорезной клапан в центре лифа, застегнутый на крючок. Во время кульминации предстоящего торжества – святого миропомазания – император должен был отстегнуть его, раскрыв грудь для окропления миром.

Цесаревич Николай Александрович среди офицеров лейб-гвардии Гусарского полка в Красном Селе. 1880-е гг.
Фото предоставлено А. и В. Гофманами

**Цесаревич
Николай
Александрович**
в мундире полковника
лейб-гвардии
Преображенского
полка.

Фотоателье братьев
де Йонг.
Нач. 1890-х гг.
Электронная
библиотека «Галлика».

**Императрица
Александра
Федоровна.**

1890-е гг.
Архив
О.А.Хорошиловой

Коронационную униформу дополняли удобные чуть широкие шаровары и высокие лакированные сапоги. Голову царя украсила знаменитая Большая императорская корона, создание талантливых и трудолюбивых Иеремии Позье и Георга Фридриха Экарта. Под корону монарх должен был надеть специальную бархатную ермолку, сшитую мастерами Скосырева специально для предстоящей церемонии.

Более сложной и кропотливой была работа над облачением Александры Федоровны. Члены Коронационной комиссии достаточно быстро сошлись во мнении, что лучшим и самым уместным нарядом будет так называемое «русское» платье. В качестве парадного облачения придворных дам оно было введено особым распоряжением Николая I в 1834 году. Гораздо труднее было подобрать образцы вышивок и текстиля. Эту задачу возложили на фрейлину Ее Величества Марию Николаевну Ермолову. Для «русского» платья более всего подходила тяжелая серебристая парча, а лучшим ее поставщиком в России считался купец первой гильдии Владимир Григорьевич Сапожников, владе-

лец известной компании «А. и В. Сапожниковы». После скрупулезного изучения нескольких образцов Мария Николаевна остановила свой выбор на тяжелой, роскошной серебристо-серой парче с говорящим названием «грань». Материал был столь монументальным и плотным, что выдерживал любое количество металлической вышивки. Сделав последние расчеты, все обдумав и взвесив, Ермолова составила Сапожникову увесистый заказ – 45 метров серебристой искрящейся «грани». После этого неутомимая фрейлина принялась за вышивки. Следовало придумать такие узоры, которые бы одновременно соответствовали «русскому» стилю платья и вписывались в контекст коронации. Ермолова поспешила к художникам, знавшим все об орнаментах.

Николай Козлов придумал для императорского платья тонкие рокайльные прелести в стиле вышивок Луи XV. Михаил Врубель предложил стилизованную византийскую вязь, а Елена Тайхерт, названная в документах «ученой рисовальщицей», создала проекты орнаментов в абстрактном «русском» стиле.

Меню торжественного обеда
в честь коронации
1896 г.
Частная коллекция.

Ермолова сочла, что проект художницы лучше всего подходит коронационному наряду. За него «ученая рисовальщица» получила целых 300 рублей².

Следующий этап работы был самым сложным. Купец Сапожников переправил парчу в Санкт-Петербург в мастерскую Ольги Николаевны Бульбенковой, знаменитой придворной портнихи. В ее салоне «Мадам Ольга» парчу раскроили и перевезли в Москву. Там «грань» уже ждали монашенки Ивановского монастыря и специально приглашенные мастерицы. Ловкими проворными пальчиками они покрыли парчу серебряными орнаментами, блестками и жемчужинами, специально доставленными в Москву из петербургского Зимнего дворца. Затем кусочки расшитой «грани» опять попали к Бульбенковой. Ее мастерицы сшили их, руководствуясь проектом и указаниями Ермоловой. После этого платье вернули игуменье Сергии, и монашки ахнули – от частой глажки парча потемнела, а вышивка искривилась из-за машинной строчки. Пришлось распороть часть платья, вставить новые куски парчи и заново расшить. Платье императрицы несколько раз переезжало из Москвы в Петербург и обратно. В Коронационную комиссию и фрейлине Ермоловой сыпались взаимные обвинения. Монашенки жаловались на Бульбенкову и ее неумение обращаться с высокопородной парчой. Мадам Ольга спешила защитить свое ателье и утверждала, что московские мастерицы ничего не смыслят в искусстве кроя и технологиях... Наконец, в марте 1896 года платье было готово. Ослепительный наряд Александры Федоровны дополняли корона и бриллиантовый орден св. Андрея Первозванного, созданные ювелиром Карлом Августом Ганом.

Следовало подготовить мантии – для императора, императрицы и Марии Федоровны. Вновь обратились к Сапожникову, и купец предоставил все необходимое: грань (гладкую и гербовую), атлас, шелковые шнуры с кистями³.

² Амелехина С., Гафифуллин Р. Платье для императрицы / Родина, № 9, 2001. – С. 101-102.

³ Там же. С. 103.

Фирма «Павел Скородумовский с сыновьями» поставила горностаевый мех. Мантии сшили мастерицы Ольги Бульбенковой.

Свидетелями коронации стали члены семьи Романовых. Великие князья надели парадные мундиры тех частей, в которых состояли, маленькие князья императорской крови – белоснежные матросские костюмчики, великие княжны и княгини облачились в парадные «русские» платья. «Как я была взволнована, что накануне коронации почти не спала, – вспоминала великая княгиня Ольга Александровна. – Я была на ногах задолго до того, как поднялась Нана. Кажется, мы позавтракали, я уж и не помню. Затем Нана и девушка-служанка начали меня одевать. Я облачилась в длинное придворное платье из серебристой тафты и впервые надела через плечо алую Екатерининскую ленту. На голову мне надели шитый серебром кокошник. К платью полагалась накидка, прикрепленная к левому плечу со шлейфом. Прежде я еще никогда не надевала “доспехи”, как мы называли этот наряд, показавшийся мне тяжелым и неудобным. На мне была одна нитка жемчуга и больше никаких других украшений»⁴.

Важными участниками предстоящего действия были герольды. Они оповещали о начале торжеств, возглавляли коронационную процессию и почетным караулом выстраивались вокруг императорского трона. Их великолепные костюмы во многом повторяли средневековые облачения. Каждый был одет в нижнюю тунику, далматик, бело-черно-золотые шаровары, мягкие песочного цвета сапоги и бархатные шляпы с плюмажем. Известно, что золотую парчу для далматик заказали у Владимира Григорьевича Сапожникова. Рисунок государственных гербов, украсивших облачения герольдов, создал Александр Александрович Фадеев, художник департамента Герольдии Правительствующего Сената.

Все одеяния, драгоценные аксессуары, подарки были, наконец, готовы. Они обошлись казне в 898 тысяч рублей! Но результат того стоил.

⁴ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 241.

С. П. Шварцманский. Император Николай Александрович в форме лейб-гвардии Преображенского полка. С. П. Шварцманский. С. П. Шварцманский. С. П. Шварцманский.

His Majesty Emperor Nicholas II in uniform of the regiment: Preobrazhensky

Княгиня Мария Барятинская, свидетельница коронации, вспоминала:

«Москва, настоящая царская столица, была в праздничном наряде и с радостью встречала гостей. Поприветствовать Белого Царя⁵ собрались все расы, одетые в невиданное многообразие костюмов. Его величество въехал в Москву в окружении членов императорской семьи, зарубежных правителей и иностранных послов, сопровождаемый блестящей свитой, причем все были верхом. Две императрицы, великие княгини и княжны ехали в лакированных цвета ласточкиного крыла каретах (как на картинах Ватто), возраст которых датировался временами Екатерины I, а может быть, и старше <...>.

Площадь перед Кремлем стала заполняться войсками в полной форме, чтобы при-

ветствовать их величества на пути в собор, где должна была произойти коронация. Я не могу описать это во всех деталях, но постараюсь изобразить наиболее примечательные моменты. Первой в собор вошла вдовствующая императрица; на ней было платье из серебристой ткани, украшенное драгоценными камнями, а на голове у нее была алмазная корона. На шею – огромные, привлекающие всеобщее внимание коронные бриллианты. С плеч ниспадала императорская мантия из тяжелой парчи, отороченной горностаем. Над головой – бархатный, обшитый золотом балдахин фиолетового цвета, который по концам поддерживали придворные из ее свиты. У входа в собор вдовствующую императрицу встретил митрополит, поднес крест и окропил святой водой. Затем она уселась на троне и стала ждать некоронованных величеств <...>.

Император Николай II

в форме лейб-гвардии Преображенского полка.

Цветная литография. 1896 г.
Flickr.com

⁵ Барятинская М. С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. – М., 2006. Электронная библиотека <http://statehistory.ru>.

*С. Императорское Высочайшее Величество Император Николай Александрович
в форме лейб-гвардии Гусарского полка.*

*Le Majesté Impériale L'Empereur Nicolas Alexandre vitch
en uniforme du régiment des Hussards de Sa Majesté*

**Император
Николай II**
в форме лейб-гвардии
Гусарского полка.

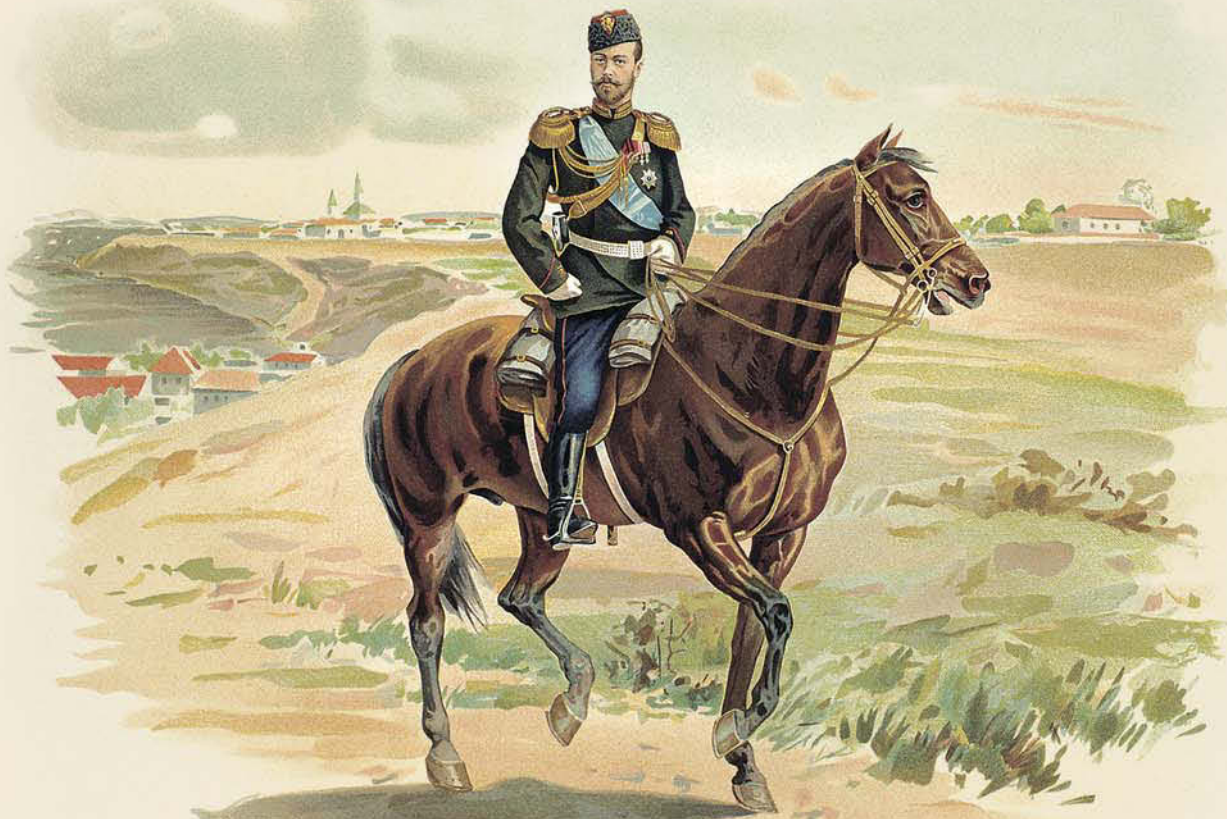
Цветная литография. 1896 г.
Flickr.com

На императоре Николае был мундир самого старого гвардейского полка – Преображенского, а императрица была одета в белое русское платье, обшитое жемчугом. Так как они еще не были коронованы, перед ними не несли никаких символов власти. Императрица была исключительно красива, но все заметили, насколько смущенной и нервной она выглядела. Глаза императора были яркими и светлыми, как будто он смотрел в будущее с надеждой и уверенностью».

Князь императорской крови Гавриил Константинович описал чин коронавания:

«Красота была во всем и затмевала все, что мне когда-нибудь приходилось видеть. Успенский собор, свидетель нескольких веков русской истории, в котором венчались на царство все цари из Дома Романовых; сонм духовенства в великолепных облачениях, с митрополитами во главе; чудное пение — все это придавало тор-

жеству глубоко-мистический характер. Великие княгини и иностранные принцессы в роскошных платьях и драгоценностях; великие князья и иностранные принцы в самых разнообразных мундирах; придворные дамы и кавалеры, — живописная толпа, окружавшая царя и цариц — все было красиво и величественно. Государь сам, как Самодержец Всероссийский, возложил на себя корону и короновал Императрицу, вставшую перед ним на колени. Государь прочел “Символ Веры” громким и ясным голосом. Было очень трогательно, когда Государь читал молитвы, которые читают государи по чину коронавания. При этом одну молитву Государь читал стоя, а все присутствующие стояли на коленях, а другую Государь читал коленапреклоненно, а присутствующие стояли. По окончании чина коронавания все Семейство поднялось по лестнице на возвышение, на котором стояли царь и царица, чтобы принести им поздравления <...>.

Его Императорское Величество Николай Александрович Романов, Царь Всероссийский, в форме 14-го драгунского Нижегородского полка.
Творчество: Гравюра на литографии А. М. Шейдлера, 1896 г.

His Majesty Emperor of Russia, Nicholas Alexandrovitch, in uniform of the regiment of dragoons de Nijni - Novgorod.

Затем последовало миропомазание и вхождение Государя через Царские Врата к Престолу для св. Причащения по священническому чину. При совершении миропомазания помазывают миром также и грудь. Для этого у Государя было сделано на груди мундира отверстие с клапаном. На следующий день, когда мы осматривали Оружейную Палату, нам показали этот мундир, и мы видели вырез на груди мундира с клапаном, чтобы этот вырез прикрыть. Мундир уже висел среди других, в которых короновались прежние императоры. Между прочим, Александр III долго не хотел посылать своего мундира в Палату и носил его и после коронации. Это было заметно по его изношенности»⁶.

После священнодействия процессия перешла в Грановитую палату, где участников

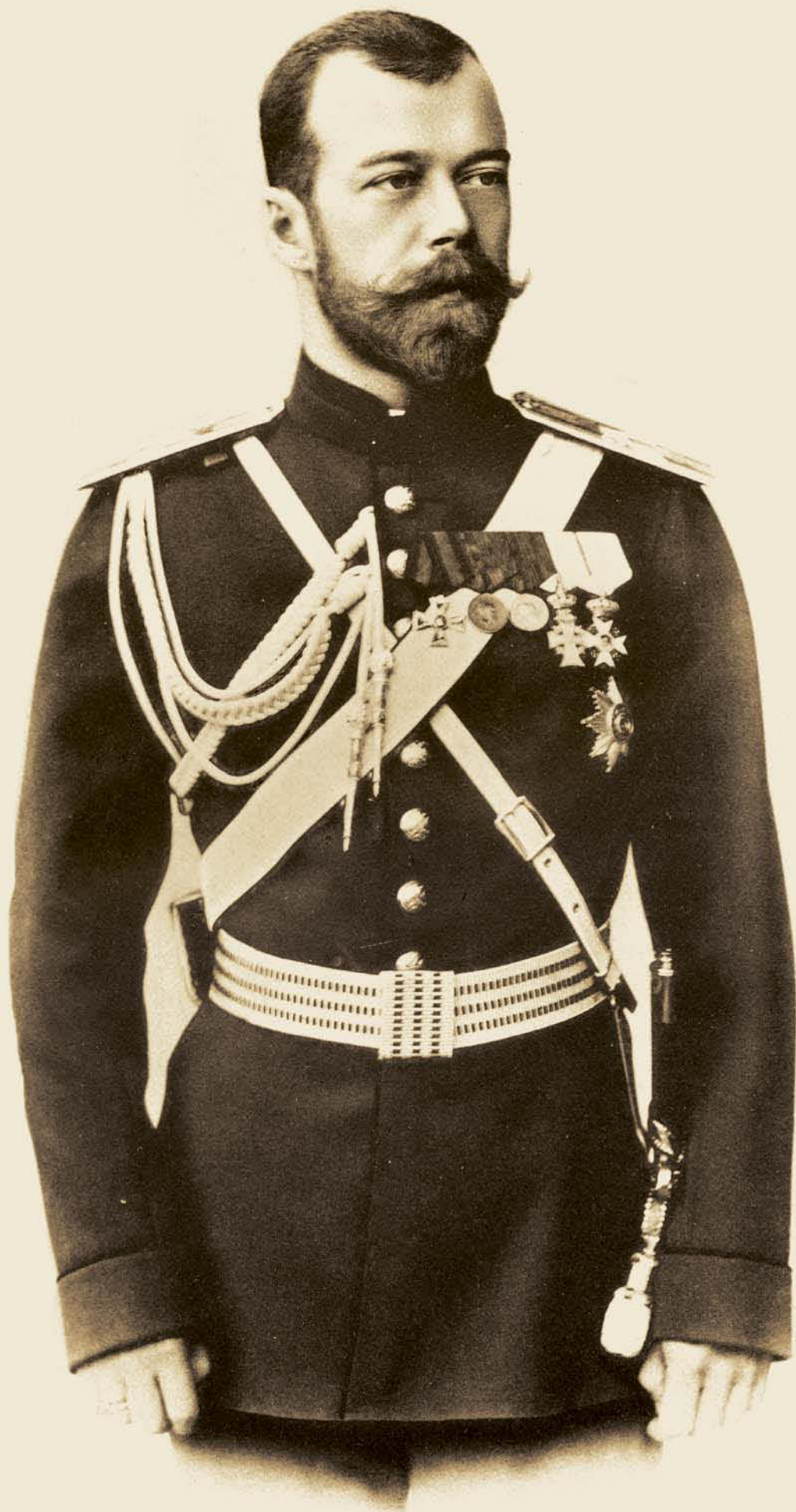
коронации ждали искусно накрытые столы с яствами. День завершился пышной иллюминацией и фейерверками. Во это время в Москве проходили народные гулянья, закончившиеся трагедией на Ходынском поле. Впрочем, даже она не помешала императорской чете принимать поздравления и участвовать в запланированных мероприятиях.

Это было последнее грандиозное и дорогостоящее торжество дома Романовых. Никакие последовавшие за ним празднества, даже знаменитый бал-маскарад в Зимнем дворце, не могли сравниться с коронацией 1896 года. И виной тому не только Ходынская катастрофа. Николай II и его супруга, скромные и непритязательные в личной жизни, не любили пышных, многолюдных и дорогих мероприятий. Княгиня Мария Барятинская утверждала: «Во время правления царя Николая II развлечения при дворе устраивались редко.

Император Николай II
 в форме
 14-го драгунского
 Нижегородского
 полка.

Цветная литография. 1896 г.
 Flickr.com

⁶ Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Мемуары. – СПб: «Голубой всадник», 1993. – С. 26.

Императрица недолюбливала светскую жизнь, не проявляла интереса к танцам, а дети были еще слишком малы для появления в свете»⁷.

Николай Александрович не был утонченным модником, однако знал все о военном шике и слыл среди офицеров знатным «тоннягой». В форме царь был необычайно хорош, и многие офицеры старались ему подражать еще тогда, когда он был наследником. Матильда Кшесинская вспоминала: «Володю Свечина я помнила еще правоведем. Он служил теперь (в 1892 году. – О.Х.) в Преображенском полку, одно время вместе с наследником (Николаем Александровичем. – О.Х.), и обожал его, стараясь во всем ему подражать. Он носили такую же бороду, как наследник, катался, как он, в одиночке с толстым кучером, носил закинутый назад башлык и даже руки старался держать, скрестив у пояса, как наследник. Он был на него похож и приходил в восторг, когда ему отдавали честь как наследнику, становясь во фронт»⁸.

Часто государя видели в Преображенском мундире, а также в ловком красном доломане и белом ментике лейб-гусар. Он предпочитал носить их и во время торжественных Высочайших выходов. Александр Александрович Мосолов свидетельствовал: «Государь обыкновенно выходит в форме того полка, ко-его праздник совпадает с днем выхода или который в этот день несет караульную службу во дворце. Иногда, впрочем, государь предпочитает надеть мундир Преображенского или Лейб-гусарского полка, в коих, как известно, царь служил, проходя в них военную науку»⁹.

Николай II не отличался выдающейся внешностью. Он не был высок и статен, как его отец, не имел чарующе грозного лика, как его прадед Николай I. Царь имел черты приятные, мягкие, но не выразительные. Его, облаченно-го в полковничий мундир, часто принимали за гвардейского офицера-аристократа. «Как-то днем, – писала Мария Барятинская, – когда мы

объезжали новых лошадей, мой муж, я и мой деверь встретили его величество, которого мы никогда прежде не видели катавшимся на таких простых санях. Издали, видя его красивую бороду и гусарский головной убор, мы приняли его за князя Орбелиани, брата фрейлины царицы. “Мамук! Мамук!” – закричали мой муж и мой деверь. Тогда возница поднял с глаз свою меховую шапку и, низко поклонившись, сказал нам: “Это их величества!”. Мы были очень сконфужены; правда, мы так и не узнали, услышала ли императорская сторона наше бесцеремонное приветствие»¹⁰.

Об «офицерской» внешности императора писал и Олег Пантюхов, служивший в лейб-гвардии 1-м стрелковом Его Величества батальоне: «В первый же год, в первую зиму моего пребывания в батальоне, приехал к нам государь. Какая простота во всем: и в одежде, и в обращении, и в разговорах, и в окружении <...>. Государь был в форме нашего батальона. Если бы не двойные вензеля на его полковничьих погонах и не золоченые аксельбанты, то по форме его можно было принять за одного из наших офицеров»¹¹.

Главными поставщиками императора были асы портновского мастерства – непревзойденные Карл Иванович Норденштрем и Александр Михайлович Скосырев, а также Генри Фолленвейдер, владелец знаменитой фирмы «Генри», у которого Николай II заказывал военно-морскую форму, в том числе и мундир Гвардейского флотского экипажа.

Несколько раз императора видели в солдатском обмундировании. Связано это было с тем, что военное министерство начало реформирование внешнего облика и снаряжения армии. Новый вариант обмундирования решено было опробовать осенью 1909 года в 16-м стрелковом полку, расквартированном близ Ливадии. Узнав об этом, монарх приказал доставить во дворец «опытные образцы». Утром 24 ноября, надев просторную защитную рубаху

Император Николай II

в вицмундире полковника лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. Фототипия. Нач. 1900-х гг. Архив О.А. Хорошиловой

⁷ Барятинская М. С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. – М., 2006. Электронная библиотека <http://statehistory.ru>

⁸ Цит по: Николай II. Воспоминания. Дневники – СПб: Пушкинский фонд, 1994. – С. 26.

⁹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 193-194.

¹⁰ Барятинская М. С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. – М., 2006. Электронная библиотека <http://statehistory.ru>.

¹¹ Пантюхов О. О днях былых. Семейная хроника Пантюховых. – Мэпплвуд, 1969. – С. 149.

Император Николай II
в форме полковника лейб-гвардии Преображенского полка.
Фототипия.
Архив О.А.Хорошиловой

с суконными погонами, фуражку, шаровары и сапоги, ремень с пряжкой и подсумками, перекинув через плечо вещевой мешок и скатку, взяв винтовку со штыком, император отправился в поход по ливадийским холмам. В тот же день он зафиксировал в дневнике: «Утром надел рубашку стрелка 16-го стрелкового полка и полное походное снаряжение и отправился из Ливадии в Ореанду. Вернулся через час и сорок минут довольный испытанием»¹². Александр Александрович Мосолов дополнил: «Надев его (обмундирование. – О. Х.), вышел из дворца совершенно один, прошел 20 верст и, вернувшись по другой дороге, сделал всего более 40 (верст. – О. Х.) <...>. Он нигде не чувствовал набивки плечей или спины, признав новое снаряжение подходящим, впоследствии его утвердил»¹³. В ноябре того же года импера-

¹² ГАРФ. Ф. Николая II. Оп. 1. Д. 254. С. 156.

¹³ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 84.

тор несколько раз надевал гвардейское обмундирование и снаряжение и также остался им вполне довольным.

Вскоре об этих испытаниях узнали в столице. Многие издатели-ловкачи быстро запустили в продажу ура-патриотические картинки с изображением царя-солдата, марширующего по просторам России.

Николай II, «крайне скромный и простой в своей частной жизни»¹⁴, в качестве домашней одежды предпочитал лаконичный и скромный военный стиль. Начальник канцелярии Министерства императорского двора указывал: «Николай II, правда, надевал дома красные крестьянские рубахи и даже дал их, под мундир, стрелкам императорской фамилии»¹⁵. Обыкновенно такую рубаху, украшенную золотыми погонами и вензелями, император носил с широкими шароварами, мягкими сапогами, а голову покрывал шапкой офицера лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии батальона. В более холодное время поверх рубашки надевал офицерскую светло-серую тужурку, обессмерченную Валентином Серовым.

Александра Федоровна тоже не любила роскошь и русскую великосветскую праздность. Выросшая в одной из самых скупых и консервативных монарших семей Европы, она до последних дней оставалась верна ее жестким правилам. «Во многих отношениях государыня была викторианкой, – писала Лили Ден. – Вместе с бабушкой (королевой Викторией. – О. Х.) она разделяла приверженность закону и порядку, верность семейному долгу, неприязнь ко всему “модерновому”. Свойственна была ей и расчетливость Кобургов, которая так раздражала светскую чернь»¹⁶.

Царица предпочитала скромные пастельные тона, прекрасно подходившие тону ее мраморного точеного лица и всей ее статной и собранной фигуре. Излюбленными от-

¹⁴ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. – Москва: Современник, 1991. – С. 135.

¹⁵ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 84.

¹⁶ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 36.

тенками были гриперлевый, нежно-голубой, бледно-фисташковый, шафрановый, сиреневый, светло-розовый, а также лиловый, доминировавший в ее гостиной.

Весьма сдержанно относилась она к модным новинкам. Терпеть не могла фривольные шмиз а' la directoire с завышенной линией талии и слишком смелым декольте. Императрица не видела смысла в «хромяющих» юбках, придуманных диктатором моды французом Полем Пуаре. Она считала неприемлемым экзотический гаремный стиль, не понимала, как дамы могут носить пестрые платья-халаты в китайском вкусе.

Царица предпочитая строгие и слегка консервативные платья с красиво ниспадающими складками, визуально удлинявшими ее

фигуру. В них она выглядела элегантно и даже монументально. Своим пристрастием к строгим туалетам она нередко вызывала возмущение у вдовствующей императрицы Марии Федоровны, известной любительницы многоцветья и рюшей. Ольга Александровна сообщала: «Маме (Марии Федоровне. – О. Х.) нравились броские, с отделкой платья, при чем определенных цветов. Она никогда не учитывала вкусы самой Алики (Александры Федоровны. – О. Х.). Зачастую мама заказывала платья, но Алики их не носила. Она прекрасно понимала, что ей идут платья строгого покроя»¹⁷.

Николай II в окружении семьи.

На императоре – любимая малиновая рубаха стрелков Императорской Фамилии. Фотооткрытка. Нач. 1910-х гг. Архив О.А. Хорошиловой

¹⁷ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 239.

**Николай II
на Красносельских
маневрах.**

На нем – офицерский
китель образца
1907 г.

Фотооткрытка.

Кон. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Николай II
и великий князь
Николай Николаевич
младший.**

Фотооткрытка.

1910-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Во время Высочайших выходов Александра Федоровна надевала парадные, но не слишком роскошные и броские наряды. В особо торжественные дни она облачалась в традиционное придворное «русское» платье, прозванное «императорскими доспехами» за тяжесть и неудобство. В нем она присутствовала на торжествах по случаю 300-летия дома Романовых. Фрейлина Анна Вырубова сообщала: «Несмотря на усталость, государыня была по-

разительно красива в своем голубом бархатном русском платье, с высоким кокошником и фатой, осыпанном жемчугами и бриллиантами; на ней была голубая Андреевская лента»¹⁸.

Помимо парадных платьев в гардеробе императрицы хранились формы тех полков, шефом которых она была. Мундиры ей, бесспорно, шли.

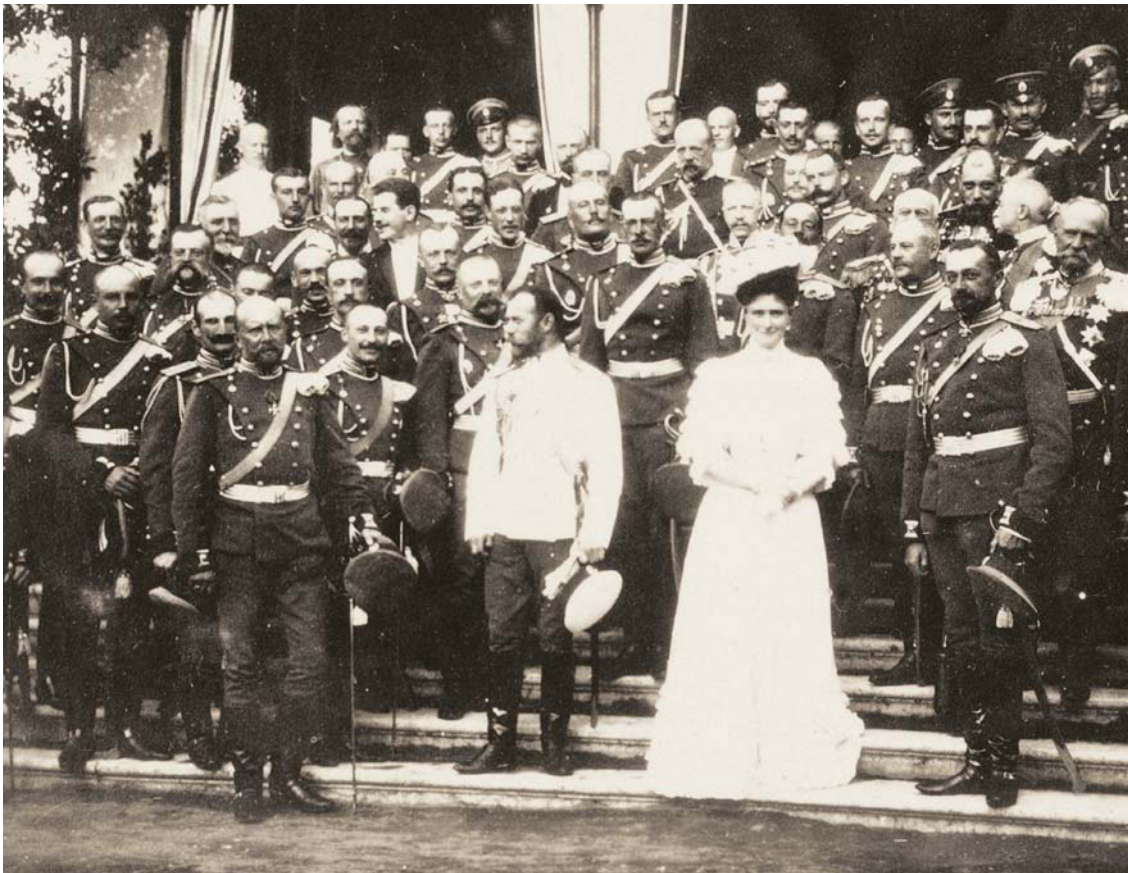
В домашней обстановке царица носила удобные, красивые, но недорогие вещи, чрезвычайно простое, скромное белье из тонкого полотна с незатейливыми, но искусными вышивками. Императрица старалась обходиться без помощи слуг. По утрам самостоятельно принимала ванну, прибирала волосы, сидя перед зеркалом в легком шелковом японском кимоно. В дневных нарядах также ощущалось влияние сдержанного и расчетливого викторианства. Царица предпочитала белые хлопковые или шерстяные платья, ансамбли из строгой блузы и юбки, а также чайные платья для традиционного «файф-о-клок». Лиلى Ден оставила описание одного из подобных нарядов:

«Государыня была одета в белое. Шляпка драпирована белой вуалеткой. У нее было нежное белое лицо, но, когда она волновалась, щеки ее покрывались бледно-розовым румянцем. Рыжевато-золотистые волосы, синие глаза, наполненные печалью. Гибкий, тонкий, как тростинка, стан. На шее великолепное жемчужное ожерелье. При каждом движении головы в бриллиантах ее серег вспыхивали разноцветные искры. На руке простой перстенок с эмблемой свастики — излюбленным ее символом возрождения, — с которой впоследствии было связано множество всяких домыслов и предположений, будто Императрица была склонна к оккультизму. Эти неумные люди просто не понимали, что на самом деле значила для нее эта эмблема»¹⁹.

В холодное время Александра Федоровна надевала шерстяные и бархатные платья с небольшим количеством ювелирных укра-

¹⁸ Вырубова А. А. Фрейлина Ее Величества. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 143.

¹⁹ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. — СПб: «Нева», 2003. — С. 22.

Императорская чета
в окружении
офицеров
лейб-гвардии Уланского
Ее Величества полка
во время празднования
юбилея полка.

Фототипия. 1903 г.

Архив О.А.Хорошиловой

шений. «Императрица тогда была в ожидании наследника (имеется в виду январь-февраль 1904 года. – О. Х.), – писала Анна Вырубова. – Помню ее высокую фигуру в темном бархатном платье, опушенном мехом, скрадывающем ее полноту, и длинном жемчужном ожерелье»²⁰.

Хоть императрица и считала каждую копейку, любила экономить даже на собственном гардеробе, она пользовалась услугами самых дорогих именитых закройщиц. Неприлично дорого стоили наряды у мадам Бризак, но отказаться от услуг этой ловкой, хитрой и талантливой мастерицы Александра Федоровна была не в силах. Мадам вместе с мужем Альбером владела дамской портновской мастерской «Бризак», находившейся в доме № 8 на Малой Конюшенной улице. Сюда стекались заказы от всех самых требовательных столичных модниц. Бризаки обслуживали чопорных

светлейших княгинь, графинь и герцогинь, разбиравшихся во всех тонкостях парижского стиля, театральных див, желавших поразить публику каким-нибудь фантастическим нарядом. Ее услугами пользовались и великие княгини, стремившиеся перещеголять друг друга новинками «от мадам Бризак». Скромный и деловитый Альбер занимался финансами. Его неутомимая супруга, умевшая гениально убеждать и мило забалтывать, с утра до вечера хлопотала с клиентками и неусыпно контролировала работу мастериц, количество которых достигало внушительно цифры 60. Мать Вениамина Каверина, трудившаяся под началом мадам Бризак, рассказывала:

«И вот работаю я года три, научилась не хуже других, сижу на сарафанах – это была такая парадная форма, из бархата лилового, голубого и желтого цвета. Сижу я на сарафанах, а нужно так шить, чтобы примерка была без булавок – как надела платье, так и сняла. А жалованья мне платят восемь с полтиной.

²⁰ Вырубова А. А. Фрейлина Ее Величества. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 14.

Императрица Александра Федоровна в придворном платье.

Фототипия по снимку
ателье «Boissonnas et Egglér».
Нач. 1910-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Я прошу: “Мадам Бризак, – наша начальница была мадам Бризак, – я работаю третий год и на княгиню Юсупову шью полгода”. А она мне говорит: “Девочка, ты прибавки от меня не дождешься. Не годится быть такой гордой, ты очень бедная и очень серая”. Я прихожу к мастерицам, а они спрашивают: “Ты ей руку поцеловала?” – “За что? За мою работу?”. А старшая услышала и говорит: “Ты молоденькая, живешь на заводе, у вас волнения, и я тебе советую держать язык за зубами”²¹.

Бризакки были настоящими семейными закройщиками Романовых. Их платья с большим удовольствием носила императрица

²¹ Каверин В. А. Открытая книга. – Минск: Юнацтва, 1988. – С. 76.

Мария Федоровна. Затем супругов включили в список придворных поставщиков императрицы Александры Федоровны. «Вся одежда, начиная от матросок, которые носили маленькие Великие Княжны, до платьев и манто, которые они носили, будучи молодыми девушками, выпускались Домом А. Бризак», – утверждал его последний владелец Рене Бризак.

Счета, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, свидетельствуют о том, что мадам ежемесячно получала от императрицы приличные суммы – примерно по 6-9 тысяч рублей²². Но ее жадность не знала пределов. Иногда желание выгадать, усыпить бдительность великокняжеских клиентов приобретало комические формы. Лили Ден, пользовавшаяся услугами расчетливой законодательницы мод, вспоминала:

«Это была высокая смуглая женщина. Всякий раз, как она появлялась, чтобы проследить за примеркой, я указывала ей на дороговизну ее услуг. Бриссак сначала смотрела на меня с обиженным выражением лица, затем с заговорщицким видом шептала: “Прошу Ваше Императорское Высочество никому не говорить об этом в Царском Селе, но для вас я сделаю скидку”. Позднее Алики рассказывала мне о том, как она посетовала на чересчур высокие цены, на что мадам Бриссак ответила: “Прошу Вас, Ваше Императорское Величество, никому об этом не сообщать, но я всегда делаю скидку для Вашего Величества”. Мы с Алики от души расхохотались! Вот старая пройдоха! Она так хорошо на нас заработала, что могла жить на широкую ногу в собственном особняке в Петербурге”²³.

Дом «А. Бризак» просуществовал до 1917 года. После Октябрьской революции он был закрыт, а владельцы эмигрировали на родину, во Францию, оставив в обнищавшем пролетарском Петрограде склады, переполненные мехами, кружевами и великолепным текстилем, а еще недвижимость, драгоценности, картины...

²² РГИА.Ф. 525. Оп. 2 (217/2715). Д. 1. Л. 5, и, 22,42,57,87.

²³ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 261 – 262.

Среди других домов, являвшихся поставщиками Его Императорского Величества, были салон «Мадам Ольга», принадлежавший Ольге Николаевне Бульбенковой, мастерская дамского портного Павла Ивановича Китаева, располагавшаяся на Невском проспекте в доме № 68, модная мастерская Надежды Петровны Ламановой-Каютовой, находившаяся в Москве. Поставщиком Александры Федоровны являлся и прославленный английский дом моды Redfern, клиентами которого были королева Виктория, принцесса Уэльская, королева Дании и королева Португалии. В списках заказчиков можно найти королеву эллинов Ольгу Константиновну и великую княгиню Марию Павловну, супругу Владимира Александровича. Впрочем, даже у Redfern бывали «проколы». Великая княгиня Ксения Александровна писала: «Вот-с 212 р. Redfern здесь, поэтому я ему же дам переделывать платье покороче — оно чрезвычайно не впору!»²⁴.

Александра Федоровна весьма внимательно подходила к выбору тканей. В 1902 года ее верным поставщиком стал купец Василий Иванович Костинский. Его магазин, знакомый многим именитым и богатым петербуржцам, находился на Большой Конюшенной улице в доме № 13 и предлагал лучший выбор шелковых и шерстяных тканей, а также высококачественную хлопковую пряжу. Купчиха Алиса Александровна Гиссер, занесенная в списки поставщиков Ее Величества в 1904 году, снабжала императрицу лучшим бельем, английским и французским, а также драгоценными кружевами, шитыми и плетеными. Ее салон «Галантерейная торговля. И Труфанова» располагался на улице Гоголя²⁵ и занимал несколько домов, с № 1 по № 9. Меха поставлял первой гильдии купец Павел Иванович Леянов. У Николая Андреевича Ниссена августейшая семья покупала дорожные вещи. В 1913 году поставщиком Ее Величества стал и Генрих Дальберг;

Императрица Александра Федоровна в форме полковника лейб-гвардии Уланского Ея Величества полка, шефом которого она была.

Пресс-фото 1920-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

известный торговец вязаных и трикотажных изделий. Шляпки самых разнообразных фасонов, а также искусственные цветы изысканных форм и оттенков приобретали в магазине Матрены Платоновны Поповой на Караванной улице.

У царицы часто болели ноги, и она могла носить лишь мягкие, легкие туфельки с длинными чуть заостренными носками. Атласной она предпочитала замшевую обувь золотистого, шафранового оттенков или цвета слоновой кости.

В списке императрицы значатся и два парикмахера — Павел Петрович Пинассо и Генри (Анри) Генрихович Делькроа. Впрочем, к их услугам Александра Федоровна прибегала в особых случаях, в домашней же обстановке предпочитала укладывать волосы самостоятельно. Лили Ден свидетельствовала:

²⁴ Ксения Александровна, вел. кн. Письмо Оболенской А. А., б. д. («Вот-с 212 р. Redfern здесь...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2005. — [Т. XIV]. — С. 526.

²⁵ Малая Морская улица в 1902 году была переименована в улицу Гоголя.

«Ее рыжевато-золотистых волос никогда не касались щипцы для завивки, прическу она предпочитала самую простую и лишь для праздников и важных приемов изменяла своей привычке и позволяла себе более замысловатую»²⁶.

Императрицу сложно было уличить в чрезмерном внимании к себе. На прически и макияж она тратила минимум времени, не полировала ногтей – маникюр не любила ни она, ни ее муж. Однако Александра Федоровна прекрасно разбиралась в парфюмерии, предпочитала тонкие, цветочные ароматы, в том числе запах сирени и ландыша, прекрасно подходившие ее сдержанным элегантным нарядам. «Ее Величество любила всякие цветы, – вспоминала Лили Ден, – но в особенности лилии, магнолии, глицинии, рододендроны, фрезии и фиалки. Любовь к цветам сродни любви к духам, и Ее Величество не была исключением. Из духов она предпочитала “Белую Розу” парфюмерной фирмы “Аткинсон”. Они, по ее словам, были прозрачными, без всякой примеси, и бесконечно ароматными. В качестве туалетной воды она использовала “Вербену”»²⁷.

Александра Федоровна имела обычай одаривать приближенных модными сувенирами, в полной мере соответствовавшими ее понятиям о скромности и бережливости. Лили Ден свидетельствовала: «Русские аристократы никак не могли взять в толк, с чего это их императрице вздумалось вязать шарфы и шерстяные платки и дарить им эти вязаные изделия или же отрезки на костюмы. У них было совершенно другое представление о том, каким должен быть царский подарок»²⁸.

Царские дети первые официальные платья надевали еще во младенчестве – через две недели после рождения. Они представляли собой голубые (для мальчиков) и розовые (для девочек) рубашечки с рюшами и шелковыми лентами. Во время торжеств младенца клали на золотую парчовую подушку, а чтобы дитя не простыло, покрывали роскошной мантией

с горностаевым подбоем. При крещении царственные младенцы получали первые регалии. Цесаревичу Алексею, к примеру, поднесли ленты и сияющие звезды российских орденов, среди которых высшим был св. Андрей Первозванный. На царских дочек возложили знаки ордена св. Екатерины.

Повседневные костюмы царских детей были такими же скромными, как и родительские. Малышей одевали в белые хлопчатые или шерстяные платица с заниженной линией талии, подпоясанные кушачком. Обычно их украшали английской вышивкой, батистовыми рюшами и кружевами. Так как по традиции эти наряды одевали и девочки и мальчики, царская семья выгодно сэкономила. Платица старших сестер донашивали младшие. Во время загородных прогулок в холодное время года дети надевали синие бархатные или белые пуховые пальтишки, пуховые токи и муфточки. С четырех лет царские дочери носили более взрослые, «женские» платья с более длинным подолом, кокеткой, буфонирующими рукавами. С 11–12 лет их наряды все больше повторяли материнские. Зачастую Александра Федоровна сама подбирала их фасоны и расцветку. Вновь обратимся к воспоминаниям Лили Ден: «Ее Величество, не желая баловать дочерей, сама выбирала и заказывала им платья. В детстве девочки одевались одинаково, но затем две старшие Великие княжны стали носить похожие платья, а младших одевали, так сказать, подстать их сестрам»²⁹.

В изящных, но весьма скромных нарядах царские дочки неизменно вызывали у публики прилив верноподданнических чувств. Владимир Николаевич Воейков был тому свидетелем: «Великие княжны очаровывали всех своими приветливыми улыбками; их появление в открытом моторе государя, в белых платьях, с красными соломенными шляпами, до того наэлектризовало публику, что шофер моего мотора – Павел – должен был проявить громадное искусство, чтобы не отставать от авто-

²⁶ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 42.

²⁷ Там же С. 44.

²⁸ Там же С. 36.

²⁹ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 52.

мобиля Его Величества, к которому кидалась толпа, крича ура и бросая вверх шапки»³⁰.

Цесаревич Алексей до 4 лет носил хлопковые и шерстяные платьица с кушачком. Затем его стали одевать в русские рубашечки и шаровары, а также в популярный в то время матросский костюм и бескозырку. При рождении мальчика зачислили в добрый десяток гвардейских частей и назначили шефом нескольких гвардейских и армейских полков. В пять лет он получил свои первые шефские мундиры, которые надевал во время придворных церемоний, парадов и полковых праздников.

Сестры Алексея Николаевича также состояли шефами гвардейских и армейских частей и потому имели право носить соответствующие мундирные платья. «Великие княжны очень гордились и своими мундирами, и полками своего имени. Они всегда присутствовали на парадах, надев форму собственных полков, что неизменно доставляло им огромное удовольствие»³¹, – вспоминала Лили Ден.

Минимум несколько раз в год Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия облачались в «императорские доспехи» – парадные «русские» платья из серебряной парчи. Лиф изящно овивала лента ордена св. Екатерины. Эти наряды они не жаловали за их тяжесть и неудобство и, подобно маме, предпочитали легкие, элегантные, скромные и современные одежды, соответствовавшие стремительному и спортивному веку.

На семейных фотографиях дочери запечатлены в простых хлопковых летних платьях и белых шляпах, в матросках с гюйсами или шелковыми воротничками в горошек. Осенью и холодной весной они надевали элегантные шерстяные костюмы приглушенных тонов, строгие английские троттеры³² и шляпки-токи³³ с эспри³⁴, «американские» блузы с плот-

Императорская чета с новорожденной великой княжной Ольгой.

Фототипия. 1895 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Цесаревич Алексей Николаевич.

Фототипия по снимку ателье «К. Е. фон Ган и Ко», 1904 г.

Архив О.А.Хорошиловой

ными шерстяными юбками. Зимой августейшие красавицы резвились в парках, одетые в теплые двубортные или однобортные пальто, юбки, меховые шапочки и шарфы. Цесаревич Алексей на многих зимних снимках позирует в бекеше и барашковой папахе, сродни тем, которые носили тогда в армии.

³⁰ Воейков В. И. С царем и без царя. – М.: Родник, 1994. – С. 48.

³¹ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб.: «Нева», 2003. – С.52.

³² Троттер (другие названия – тайер, городской костюм) – дамский прогулочный демисезонный костюм, состоявший из жакета и юбки.

³³ Ток – небольшая женская или мужская шляпа с короткими полями или без полей.

³⁴ Эспри – украшения на гоовных уборах, составленные из небольших перьев.

**Цесаревич
Алексей Николаевич
с отцом,
императором
Николаем II.**

На мальчишке – форма
подпоручика
лейб-гвардии
4-го стрелкового
Императорской
Фамилии батальона.
Фототипия. 1911 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Императрица Александра Федоровна
с сыном Алексеем.**

Фототипия. 2-я пол. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Великая княжна
Ольга Николаевна
в форме офицера 3-го гусарского
Елисаветградского полка,
шефом которого она являлась.**

Фотооткрытка. 1909-1910 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Внешнему лоску юные красавицы придавали ровно такое же значение, как их мать. Они носили простые, но весьма элегантные прически, предпочитая красиво уложить волосы, подобрав их шелковой «греческой» лентой. Подобно Александре Федоровне, девочки предпочитали легкие цветочные ароматы фирмы «Coty»³⁵. Ольга обожала парфюм «Rose Thé», Татьяна – «Jasmin de Corse», Мария в своих ароматических пристрастиях копировала мать, пользуясь парфюмом «Lilas», Анастасия использовала «Violette». Именно эти ароматы от «Coty» вслед за царской семьей начали употреблять великосветские девушки, аристократки и горожанки. В сущности, мода начала XX века на цветочные запахи пришла в Россию благодаря императрице и ее благоухающим сиренью и фиалками дочкам.

Семья Николая II была достаточно спортивной. Все ее члены любили проводить свободное время на воздухе. Император обожал охоту и страсть эту унаследовал от своего отца, Александра III. Благородному хобби царя потворствовали сотни придворных чинов, числившихся в Управлении императорской охоты при Министерстве императорского двора. Они заботились о том, чтобы монарх отлично провел время в лучших семейных угодьях – Спале, Беловеже, Гатчине, Царскославянском лесу, финских шхерах... Николай II обыкновенно облачался в охотничий костюм, напоминавший егерский – однобортную или двубортную куртку типа тужурки из плотной шерсти оливкового, песочного оттенков или цвета «маренго», широкие шаровары, заправленные в мягкие высокие сапоги. На дичь охотился в английской куртке-«ноρφолк» с кокеткой и удобными накладными карманами. До и после охоты император накидывал пальто или плащ. В качестве головного убора чаще всего носил круглую барашковую шапку с суконным верхом, а также мягкую фетровую шляпу или кепку.

Вторым увлечением императора был байдарочный спорт. Лили Ден отмечала: «Излюбленным его (Николая II. – О.Х.) развлечением

**Великая княжна
Ольга
Александровна**

позирует у своих картин.
Обложка журнала
«Новое время», 1915 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Цесаревич Алексей

в бекеше
за уборкой снега.
Царское Село.
Фототипия. Кон. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

³⁵ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. С. 51.

Императорская семья.

Фотооткрытка.

Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

была гребля. Он любил байдарку и каноэ. Когда императорская семья отдыхала в финских шхерах, государь, бывало, проводил на воде целые часы³⁶. Монарх сильно и легко вел байдарку, без труда набирая скорость. Активным и резким движениям ничто не должно было мешать, потому он надевал простую, удобную и нежаркую одежду. Часто свой выбор он останавливал на малиновой рубашке стрелков Императорской Фамилии, темно-зеленых шароварах и шапке-«боярке», тулью которой украшал ополченческий крест, знак лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии батальона. Греблей увлекались и дети императора. Маленький Алексей помогал отцу управлять байдаркой в милом матросском костюме и бескозырке, на ленточке которой золотилась надпись «Штандартъ». Дочери надевали по такому случаю блузы, шерстяные куртки и юбки, от ветра и речной прохлады их головы защищали вязанные колпаки, совсем как у гномов. Если же было жарко, они предпочитали легкие белые льняные или хлопковые костюмы, прикрываясь от солнца канотье или легкими шляпами с короткими полями и высокой тульей.

³⁶ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003. – С. 60.

Поистине семейной игрой был лаун-теннис. Как только у императора выдавалось время, весной или летом, он вместе с детьми, супругой, ее верной спутницей Анной Вырубовой и парой офицеров отправлялся не теннисный корт. Подвижная игра требовала соответствующей одежды. Императрица и дочери надевали легкие белые платья или блузы с юбками, голову покрывали шляпами, канотье или панамы. На ногах – традиционные для этой игры парусиновые тапочки, тенниски, затянутые шелковыми шнурками. Мужской костюм состоял из английской рубашки с отложным воротником (рукава как правило подворачивались до локтя), брюк из белого полотна или тонкой шерсти (обязательно с манжетами). Иногда его дополнял широкий спортивный пояс. На ноги надевали парусиновые тенниски.

Вместе занимались греблей, играли в теннис и бадминтон. Вместе и купались. В каждой приморской императорской резиденции были прибрежные купальни – шатры для переодевания и трапы со специальными тросовыми поручами, уходившие в воду. Плавали в специальных трикотажных костюмах в полоску, иногда император и цесаревич разоблачались до кальсон и купались в них. Фотографии лич-

Великая княгиня Мария Павловна

и другие представители императорской семьи выезжают на конную прогулку.

Фотоателье братьев де Йонг.

Нач. 1890-х гг.

Электронная библиотека

«Галлика»

ного характера свидетельствуют также о том, что император не прочь был поплескаться в волнах обнаженным.

Костюмы родственников императора во многом напоминали вышеописанные. Крестили новорожденных в похожих рубашечках и чепчиках. Князь императорской крови Гавриил Константинович приводит описание своего одевания: «После погружения в купель меня положили на пеленальный стол, который был поставлен тут же, в церкви, за ширмами. Там на меня надели серебряное платье “декольте”, со шлейфом и кружевами, и серебряный чепчик, также с кружевами и голубыми лентами. Государю подали кружевную подушку и положили меня на нее. Зимой мы носили бархатные пальто, похожие на боярские кафтаны, отороченные соболем, собольи шапки с бархатным верхом, гамаша и варежки на резинке, малинового цвета. Наши пальто были очень красивы и передавались от старших – младшим»³⁷.

К четырем годам гардероб великих князей пополнялся шелковыми рубашечками с кушаками и ловкими сафьяновыми сапожка-

Члены императорской фамилии

во время охоты

в Скерневицах.

Фотооткрытка.

Кон. 1890-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

ми. Мальчишки любили дополнять этот наряд какими-нибудь полувоенными вещицами. Гавриил Константинович, к примеру, носил турецкую феску: «Я ходил по комнате в малиновом халатике и красной феске, потому что мне остригли волосы. После крестин ко мне зашли император Александр III и императрица Мария Федоровна. Я до сих пор помню их стоящими в дверях между столовой и моей комнатой. Я вынул висевшую у меня через плечо игрушечную шапку. Государь спросил меня: “Кто ты такой?”. Я ответил: “Турка”»³⁸.

³⁷ Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Мемуары. – СПб: «Голубой всадник», 1993. – С. 17-18.

³⁸ Там же. С. 19-20.

Великий князь Александр Михайлович с супругой Ксенией Александровной.

Нач. 1910-х гг.
Flickr.com

Ложась спать, мальчики и девочки надевали длинные, почти до пола белые рубашки, скупно украшенные английской вышивкой.

В семь лет великие князья, как и цесаревич, становились шефами полков и по этому случаю получали от отцов красивые мундиры. Великий князь Александр Михайлович не без удовольствия вспоминал свою первую парадную форму: «Радости беззаботного детства внезапно оборвались для меня в тот день, когда мне исполнилось семь лет. среди многочисленных подарков <...> я нашел форму полковника 73-го пехотного Крымского полка и саблю. Я страшно обрадовался, так как сообразил, что теперь сниму свой обычный костюм, который состоял из короткой, розовой, шелковой рубашки, широких шаровар и высоких сапог красного сафьяна, и облекусь в военную форму. Мой отец улыбнулся и отрицательно покачал головой. Конечно, мне иногда позволят, если я буду послушным, надевать эту блестящую форму. Но прежде всего я должен заслужить честь носить ее прилежанием и многолетним трудом»³⁹.

³⁹ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. – М.: Современник, 1991. – С. 14.

С юности великие князья и княгини, а также князья и княгини императорской крови, носили одежды, напоминавшие взрослые. Мальчики привыкали к мундирам, учились красиво в них двигаться и сидеть. Девочки своим внешним видом практически не отличались от императорских дочерей, во время торжеств они тоже облачались в серебряные «императорские доспехи».

Когда настало время жениться, великий князь вместе с родительским благословением получал и приданое, традиционно состоявшее из четырех дюжин сорочек и ночных рубах, а также ночной халат из серебряной парчи, весивший шестнадцать фунтов. Великому князю Александру Михайловичу пришлось надеть его, чтобы соответствовать придворным правилам. «Церемониймейстер объяснил мне, – пишет он, – что этот халат и туфли по традиции должен надеть новобрачный перед тем, как войти в день венчания в спальню своей молодой жены <...>. Проходя в спальню к жене, я увидел в зеркале отражение моей фигуры, задрапированной в серебряную парчу, и мой смешной вид заставил меня снова расхохотаться. Я был похож на оперного султана в последнем акте»⁴⁰.

Во время венчания великие князья и князья императорской крови были в мундирах тех полков, в которых состояли или над которыми шефствовали. Подвенечное платье великих княгинь и княжон весьма напоминало традиционное придворное. Однако если избранницы великих князей имели право идти под венец в бриллиантовой короне, то невестам князей императорской крови этого не полагалось.

Взрослые великие князья чаще всего носили мундиры, их сестры и супруги, следуя моде, предпочитали одеваться у лучших столичных и европейских портных – Гиндус, Бризака, Пуаре, Редферна, Уорта.

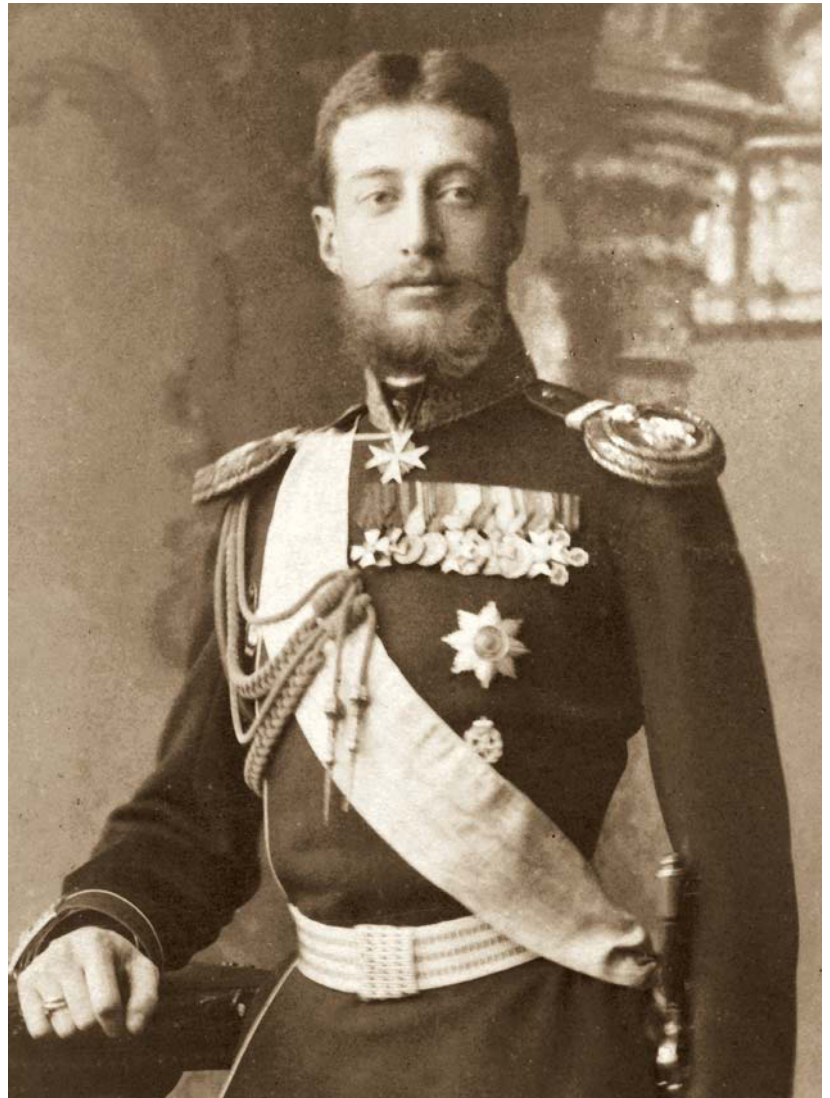
Впрочем, в этой блистательной и стилистически безупречной семье были свои оригиналы. К примеру, великий князь Николай Константинович и его супруга, Надежда Александровна

⁴⁰ Там же. С. 109–111.

Дрейер, настоящие короли эпатажа. Княгиня Мария Барятинская свидетельствовала: «Одевался он (великий князь Николай Константинович. – О. Х.) самым эксцентричным образом. Голову и лицо начисто выбривал и носил очки. Наряд его состоял из красной рубашки, черного бархатного костюма и, что зимой, что летом, шапки из котика. Любимым его цветом был красный, и он доминировал в его окружении. Его дом, коляски, ливреи слуг, даже упряжь у его лошадей – все было ярко-красного цвета»⁴¹.

О нарядах супруги опального великого князя Барятинская писала следующее: «Госпожа Искандер (Надежда Александровна Дрейер. – О. Х.) была одной из самых эксцентричных и необычных женщин, которых мне довелось встречать. Она носила самую необычную одежду, как правило совершенно неподходящую для ситуации. Так, например, она появлялась днем в вечернем платье, расшитом пайетками, с диадемой на голове, с большим алмазным колье, сверкающим на груди. Одежды ее всегда отличались самыми яркими, пестрыми красками. Ее приемы были больше чем необычными. Однажды она меня особо пригласила. Меня провели в полутемную комнату в мавританском стиле, где я почувствовала себя весьма неловко. Меня встретила огромная борзая, громко лаявшая, она всегда ходила по пяткам за хозяйкой. На этот раз на госпоже было красивое шелковое платье с длинным шлейфом. Вся комната была устлана коврами, в которых тонула нога, так что не было слышно ни звука, кроме шелеста ее шелкового платья»⁴².

Таких эксцентриков, как великий князь Николай Константинович, в семье Романовых, пожалуй, не было. Тем не менее, большинство ее членов были склонны к мягкой театральности и маскараду. По традиции в первые месяцы нового года устраивались костюмированные балы и милые семейные театральные представления. Некоторые члены императорской фамилии были пылкими поклонниками

Талии и Мельпомены. Александр Александрович Половцев указывал на то, что «великий князь Дмитрий Константинович не дурен в комической роли», но пальму первенства в этом состязательном августейшем искусстве он отдавал Павлу Александровичу, младшему сыну Александра II. Великий князь Константин Константинович не только сочинял стихи, но и выступал в качестве актера на импровизированной сцене офицерского собрания лейб-гвардии Измайловского полка, а также в Эрмитажном театре. Он пробовал себя и в роли режиссера, а во время работы над постановкой драмы собственного сочинения «Царь Иудейский» принимал живое участие в проектировании сценических костюмов и грима.

Великий князь Константин Константинович в мундире лейб-гвардии Измайловского полка. Под мундир, вероятно, надет корсет.

Фотоателье «Везенберг».

Кон. 1890-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

⁴¹ Барятинская М. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. – М., 2006. Электронная библиотека <http://statehistory.ru>.

⁴² Там же.

Великий князь Константин Константинович

в роли Иосифа Аримафейского. Костюм 1-го действия. Фототипия. 1914 г. Архив *О.А.Хорошиловой*

Великий князь Константин Константинович

в роли Иосифа Аримафейского. Костюм 2-го и 3-го действий. Фототипия. 1914 г. Архив *О.А.Хорошиловой*

Князь императорской крови Игорь Константинович

в роли Руфа. Фототипия. 1914 г. Архив *О.А.Хорошиловой*

Император Николай II

в костюме царя Алексея Михайловича. 13 февраля 1903 г. Фотоателье «Левицкий», Санкт-Петербург. Архив *О.А.Хорошиловой*

Самым грандиозным, фантастическим, блистательным маскарадом, устроенным семьей Романовых, стал костюмированный бал в Зимнем дворце, состоявшийся 11 и 13 февраля 1903 года. Его темой была выбрана эпоха царя Алексея Михайловича, памятная своими фантастическими богатыми парчовыми костюмами, собольими шубами, горлатными шапками, своей восточной любовью ко всему роскошному и драгоценному. Николай II не был первым российским императором, решившимся на такое дорогостоящее костюмное представление. Один из первых исторических балов, главной темой которого был русский XVII век, состоялся 9 февраля 1849 года в Москве в доме генерал-губернатора Арсения Андреевича Закревского.

Он назывался «Англия и Россия». При императоре Александре III исторические маскарады вошли в моду, а вместе с ними и эпоха Алексея Михайловича. В 1883 году великий князь Владимир Александрович устроил в своем дворце бал во вкусе XVIII века. Его участники кропотливо готовили костюмы и привлекли к работе не только лучших портных, но и специалистов в области истории русского быта. Однако их наряды не могли сравниться с теми, которые заполнили галереи Эрмитажа и залы Зимнего дворца в феврале 1903 года.

Прежде чем создать костюмы, следовало изучить эпоху царя Алексея Михайловича. Обратились к ведущим специалистам в этой области – историкам, этнографам. Начались

Великий князь Николай Николаевич младший
в наряде начальных людей «копейщиков» конца XVII в.
Фототипия. 1903 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Великий князь Борис Владимирович
в наряде начальных людей «копейщиков» конца XVII в.
Фототипия. 1903 г.
Архив О.А.Хорошиловой

поиски информации – в книгах по истории быта и костюма, мемуарной литературе, в богатейших архивах Императорской академии художеств. Наконец, собрав необходимый материал, приступили к проектированию нарядов для предстоящего торжества. Главную роль в этом процессе играл модный в то время художник Сергей Сергеевич Соломко, один из знатоков русского исторического костюма. Облачение императора (выступавшего в роли царя Алексея Михайловича) разрабатывали директор Эрмитажа Иван Александрович Всеволожский и художник Евгений Петрович Пономарев. Шили наряды в лучших мастерских, среди них – модная мастерская Н. П. Ламановой, мастерская И. И. Каффи, дом А. Бризак.

Кроме того, некоторые детали, аксессуары, дополнившие царственный облик, происходили из XVII века. Так, запястья императора Николая II украшали поручи, осыпанные жемчугами. В руке он держал жезл Алексея Михайловича. Всего из Оружейной палаты Московского Кремля в Петербург было доставлено 38 оригинальных предметов, участвовавших в бале.

Мероприятие растянулось на два дня. 11 февраля состоялся вечер, во время которого гости приветствовали императорскую чету «русскими» поклонами, насладились концертом в Эрмитажном театре и танцевали «Русскую» в Павильонном зале. Костюмированный бал прошел 13 февраля в Концертном зале и завершился торжественным вечерним ужином в Николаевском зале.

В маскараде участвовало множество персонажей XVII века. Императрица играла роль супруги царя, Марии Ильиничны. «Ксения была в наряде боярыни, – вспоминал великий князь Александр Михайлович, – богато вышитом, сиявшем драгоценностями, который ей очень шел. Я был одет в платье сокольничего, которое состояло из белого с золотом кафтана, с нашитыми на груди и спине золотыми орлами, розовой шелковой рубашки, голубых шаровар и желтых сафьяновых сапог. Остальные гости следовали прихоти своей фантазии и вкуса, оставаясь, однако, в рамках эпохи

XVII века»⁴³. Великая княгиня Мария Георгиевна нарядилась «крестьянкой из Торжка». Княгиня Екатерина Владимировна Голицына была одета «боярыней», а ее супруг, Дмитрий Борисович Голицын – «начальником царской охоты» (он занимал аналогичную должность при дворе Николая II). Великий князь Николай Николаевич младший предстал в роли «копейщика». Офицеры-конногвардейцы красовались в малиновых костюмах сокольничих... Владимир Николаевич Воейков был поражен неожиданно преобразившимся Эрмитажным театром: «Впечатление получалось сказочное от массы старинных национальных костюмов, богато украшенных редкими мехами, великолепными бриллиантами, жемчугами и самоцветными камнями, по большей части в старинных оправках. В тот день фамильные драгоценности появились в таком изобилии, которое превосходило всякие ожидания»⁴⁴.

14 февраля часть гостей участвовала в тех же костюмах в маскараде, устроенном во дворце графа Александра Дмитриевича Шереметева.

Этот бал оказался последним в череде сказочных богатых маскарадов российских императоров. После Русско-японской войны и революции 1905 года императорская семья считала неуместным и несвоевременным проводить такие масштабные и дорогостоящие мероприятия. И даже бал 1913 года в честь 300-летия дома Романовых не смог сравниться с маскарадом 1903 года.

В период Первой мировой войны представители августейшей семьи выглядели подчеркнуто скромно – в полном соответствии с обстоятельствами. Великие князья, надев походную форму, отправились на фронт. Императрица и ее приближенные облачились в костюмы сестер милосердия и часто навещали раненых в открытых на собственные средства госпиталях. Вне службы они носили блузы и шерстяные юбки, а также тайеры.

⁴³ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. – Москва: Современник, 1991. – С.174.

⁴⁴ Воейков В. И. С царем и без царя. – М.: Родник, 1994. – С. 24-25.

Великая княгиня Виктория Федоровна
в скромном дневном костюме. На лифе жакета заметны Георгиевские медали 4-й, 3-й и 2-й степеней, полученные за самоотверженную работу на передовых позициях. Фототипия. 1916 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Цесаревич Алексей
в походном обмундировании нижних чинов. Фототипия. 1914 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Великий князь Николай Николаевич младший,
главнокомандующий русской армией, в походной форме. Фототипия. 1914 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Костюмы придворных чинов и служителей

Двор Романовых был огромен, сложен по своей структуре и включал в себя множество придворных чинов, мундиры которых своей помпезностью, роскошью и обилием золотой вышивки ничуть не уступали богатым маскарадным костюмам августейших особ.

Придворные чины делились на два ранга. К первому относились: обер-камергер, обер-гофмейстер, обер-гофмаршал, обер-шенк, обер-штальмейстер, обер-егермейстер, обер-форшнейдер. Они были приравнены к гражданским чинам второго класса. К числу вторых чинов двора принадлежали гофмейстер, шлатмейстер, егермейстер, обер-церемониймейстер, гофмаршал. К ним же относили и должность директора Императорских театров. Они приравнивались к гражданским чинам третьего класса. Помимо них при Дворе состояли церемониймейстеры, соответствовавшие гражданским чинам пятого класса. Камергерам и камер-юнкерам гражданские чины не присваивались.

Существовали и придворные медицинские звания: лейб-медик, почетный лейб-медик, лейб-хирург, почетный лейб-хирург, лейб-акушер, почетный лейб-акушер, лейб-окулист, почетный лейб-окулист, лейб-педиатр, почетный лейб-педиатр, гоф-медик и почетный гоф-медик.

По сведениям «Придворного календаря», в 1911 году штат двора Его Величества включал в себя: одного обер-камергера, семь обер-гофмейстеров, одного обер-гофмаршала, одного обер-шенка, четырех обер-егермейстеров, 80 гофмейстеров, одного гофмаршала, 42 штальмейстера, 18 егермейстеров, двух обер-церемониймейстеров, одного директора Императорских театров, 22 церемониймейстера.

Придворные чины имели множество привилегий. Но, пожалуй, одной из самых почетных был так называемый «выход за кавалергардов». Во время больших Высочайших

выходов чины вместе с высшими государственными сановниками собирались в Концертном зале, расположенном неподалеку от личных покоев императорской семьи. Перед ним выстаивался караул от лейб-гвардии Кавалергардского полка. Собравшиеся в нем гости находились как бы «за кавалергардами», что дало название и самой привилегии. Александр Александрович Мосолов описал встречу императора с придворными чинами: «Шествие начинается. Первые чины двора стоят лицом к государю вплоть до того момента, когда обер-церемониймейстер дает им знак начать “выход”; они шествуют тогда в порядке их ранга по отношению к царю – чем выше орден, тем ближе к Его Величеству. Их Величество следуют, немного отступя, за первыми чинами двора. Сзади государя идут члены императорской фамилии. Затем проходят придворные дамы, сановники разного рода, министры, сенаторы, военная свита. Шествие проходит через Николаевский зал, занятый офицерами гвардейских полков. В дальнейших залах находятся прочие (то есть не имеющие «выхода за кавалергардов». – О.Х.), допущенные на выход лица и именитое купечество, а на хорах – корреспонденты газет»⁴⁵. Процессия двигалась из Концертного в Николаевский зал и далее – к придворной церкви, но допускались в нее лишь императорская чета, великие князья, самые важные сановники и гофмейстерины.

Эти Высочайшие выходы, придворные балы и прочие церемонии с высочайшим участием представляли собой настоящее модное дефиле и не оставляли равнодушными даже самых избалованных членов семьи Романовых. Великий князь Александр Михайлович приходил в восторг от обилия золотых мундиров и драгоценной мишуры: «Громадные залы, украшенные зеркалами в золотых рамах, были переполнены сановниками, придворными чинами, иностранными дипломатами, офицерами гвардейских полков и восточными владыками. Их блестящие формы, шитые серебром

⁴⁵ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 194.

**Императрица
Александра
Федоровна.**

Фотогипсия.

1904 г.

Архив О.А.Хорошиловой

и золотом, являлись великолепным фоном для придворных нарядов и драгоценностей дам»⁴⁶.

Придворные наряды, действительно, превосходно украшали любые высочайшие церемонии. В царствование императора Николая II они включали в себя пять видов: парадный, праздничный, обыкновенный, будничный (служебный) и дорожный. Главной и наиболее красивой частью парадной формы был однобортный на девять пуговиц мундир с красным скошенным воротником и великолепными шитыми золотом орнаментами, украшавшими воротник, обшлага, карманные клапаны, фалды. Мундиры первых чинов двора дополняла вышивка по основным швам (на рукавах и по спинке). Их надевали с белыми суконными брюками с золотым галуном.

⁴⁶ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. – М.: Современник, 1991. – С. 135.

Впрочем, обер-штальмейтеры, штальмейтеры, обер-егермейстеры и егермейстеры несколько выделялись из общей вызолоченной массы чинов своей особой вышивкой, погонами из золотого витого жгута, а также белыми суконными или лосинными панталонами с ботфортами, роднившими их с военными. Парадный облик дополняла шляпа с белым плюмажем, петлицей и золотым шитьем, аналогичным тому, которое поблескивало на парадных мундирах.

Этот вид формы придворные чины носили во время больших Высочайших выходов, больших дворцовых балов и на торжественных обедах с участием императора, на парадных выездах и в некоторых других случаях, указанных в «Придворных календарях». Были и так называемые «особо торжественные случаи», когда придворным чинам следовало являться в раззолоченных мундирах и белых шелковых кюлотях. И вот тут начинались неприятности, ведь отнюдь не все имели ноги Аполлона. Бальные конфузы с легкой иронией описал Александр Александрович Мосолов:

«Да, у придворного чина ноги не должны были быть ни слишком тонкими, ни слишком толстыми, ни слишком костлявыми: панталоны были только до колен. Сказать правду – некоторые икры не всегда оставались там, где им быть полагалось. Особа вдруг нагибалась и начинала поворачивать свою икру, соскользнувшую на перед ноги. Это была своего рода пластическая операция»⁴⁷.

Мосолов имеет в виду особые накладки на икры, а также на бедра и ягодицы, с помощью которых европейские мужчины уже в XVII веке ловко выправляли то, что казалось им некрасивым или не соответствовало требовательной и ветреной моде. И, безусловно, эти пикантные приспособления не были новинками в начале XX века, даже наоборот, являлись в некоторой степени признаками старомодности и объектом для насмешек и колких замечаний записных остряков. Вероятно, по этой причине

⁴⁷ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 198.

старика-чиновники пытались хитрить и придумывали способы, как не надевать коротких брюк на балы. Мосолов описал один из них:

«Обер-гофмейстер двора князь Репнин, обремененный старостью и подаграми, вошел в министерство с прошением: не будет ли ему разрешено являться в длинных белых штанах, не предусмотренных регламентами? Получилось великое недоразумение: докладывать ли царю это прошение, или разрешить старику белые штаны без ведома Его Величества? Фредерикс был в большом затруднении. Наконец он пошел на компромисс: заговорил о Репнине не во время доклада, а так, при случае. Царь ответил: «Конечно, решайте это сами». А потом вдруг прибавил: «Впрочем, нет... Этим почетным лицам будет неприятно знать, что прошение не было мне доложено... Вы придете, скажете мне, что такой-то жив, хотя и страдает ревматизмом... Я же узнаю с удовольствием, что почтенный придворный предводитель дворянства Киевской губернии собирается на бал, несмотря на свой преклонный возраст. Доклады такого рода много времени не возьмут...»⁴⁸.

Обыкновенно, по мундиру отличить одну придворную должность от другой было достаточно сложно. Помогали аксессуары. К примеру, камергеры у левого карманного клапана мундира носили золотые ключи на андреевской ленте. Обер-камергерские ключи, надевавшиеся на правую сторону, были щедро осыпаны бриллиантами. Отличие обер-церемониймейстеров отметил Александр Александрович Мосолов: «знаком их должно быть жезл – длинная трость черного дерева с шаром из слоновой кости наверху, двуглавым орлом и бантом андреевской ленты»⁴⁹.

Праздничная форма включала в себя вицмундир. По крою он был аналогичен парадному, однако вместо вышивки его украшали золотые галуны: девять по борту, четыре на каждой фалде, три на концах рукавов и один на каждой стороне воротника. С вицмундиром носили белые суконные брюки с

Сергей Балтазарович Скадовский,
камергер двора
Его Величества,
в придворном вицмундире.
Сер. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Статский советник,
имеющий придворное
звание и состоящий
в Российском обществе
Красного Креста.
Москва. 1916 г.
Архив О.А.Хорошиловой

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 199.

**Лейб-педиатр,
действительный
статский советник
Иван Павлович
Коровин.**

Так как лейб-медиком он стал еще при императоре Александре III, на погонах он носил наложенные вензеля «АIII» и «НII». Фотоателье «Boissonnas et Egger», Санкт-Петербург. 1-я пол. 1900-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

**Тайный советник,
лейб-окулист
Леонид Георгиевич
Беллярминов**

в кителе образца 1907 г. На погонах видны вензеля императора Николая II. 1914 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

галуном, который украшал и темно-зеленые брюки обер-шталмейстеров, шталмейстеров, обер-егермейстеров и егермейстеров. Шляпы для такого рода формы полагались черные с черным плюмажем и галунами (кроме церемониймейстеров, камергеров и камер-юнкеров).

Праздничное платье придворные чины надевали во время церковной службы в присутствии императора, на молебны по случаю отъезда монарха и его семьи, при представлениях особам августейшей фамилии и лично государю и так далее.

Обыкновенная форма представляла собой: «Вицмундир, брюки темно-зеленые с галуном; шляпа, как в праздничной форме. Для обер-шталмейстеров, обер-егермейстеров и пр. серые брюки для первых – с красными лампасами, а для последних – с темно-зелеными и красной, по середине оных выпушкой. При сей форме быть без лент»⁵⁰.

В будничную форму входили: мундирный фрак с золочеными пуговицами, черный шелковый галстук и такого же цвета жилет и брюки. Голову украшал цилиндр, а грудь – ордена.

⁵⁰ Придворный календарь. – СПб, 1911. – С. 431.

В качестве дорожной формы в 1901 году был введен форменный двубортный сюртук (у обер-шталмейстеров и других вышеперечисленных чинов – с погонами), который носили с черным жилетом, галстуком и брюками, а также фуражкой. В летнее время сюртуки полагались белые, фуражки покрывали белыми чехлами.

Придворные медики не имели особой формы. Однако те из них, кто состоял по Военному ведомству и носил форму, украшали свои узкие серебристые погоны вензелями Николая II. Если лейб-медик получил придворное звание еще при Александре III, то этот золотой вензель дополнялся меньшим серебряным – «АIII» под короной. Такие в правление последнего российского императора носили только четыре врача: лейб-медик Николай Александрович Вельяминов, лейб-хирург Николай Александрович Круглевский, лейб-окулист Николай Иванович Тихомиров и лейб-педиатр Иван Павлович Коровин.

В придворный штат входили и так называемые придворные служители, тоже разделившиеся на ранги. К высшим относились: камер-фурьеры, гоф-фурьеры, камердинеры, мундшенки, кофешенки, тафельдекеры,

кондитеры и метрдотели. Камер-фурьеры заведовали прислугой, скрупулезно фиксировали все происходящее при дворе в особых камер-фурьерских журналах, а также помогали обер-церемониймейстеру в его нелегкой работе. В качестве парадного платья они носили малиновые ливрейные фраки со срезанными полами, лиф от линии плеча до талии был сплошь покрыт золотой вышивкой. Золотой бордюр окаймлял нижнюю часть подола, а также украшал борт и низ белого суконного жилета, надевавшегося под мундир. К этому наряду полагались белые (или бежевые) кюлоты и белые шелковые чулки, черные туфли с пряжками и шпага. Обыкновенно «строили» одежду камер-фурьеров и прочих служителей перво-классные закройщицы фирмы «Лидваль и сыновья», золотошвейные работы осуществляла мастерская Владимира Залемана⁵¹.

Камер-фурьеры зачастую назначались из числа гоф-фурьеров, заведовавших прислугой. Они носили весьма похожее парадное платье, но вышивка по лифу была раза в два уже. Камер-фурьерами могли стать и камердинеры, придворные служащие, состоявшие при Высочайших особах, а также при Императорском Эрмитаже.

К высшим служителям относились и придворные официанты, в число которых входили: мундшенки, кофешенки, тафельдекеры, кондитеры и метрдотели.

При дворе состояло множество низших служителей: камер-казаки, камер-лакеи, скороходы, вершники, арапы... Они все носили чрезвычайно богатую и не лишённую экзотики одежду. Камер-казаки сопровождали императорскую семью во время больших и малых выездов, а также были личными телохранителями августейших особ. Их форма напоминала казачью. Чекмень (синий или красный) расшит золотыми бранденбургскими с пышными кистями, а также гербовыми галунами. Бешмет (такого же цвета, как и чекмень) украшен гербовым галуном по вороту и вдоль застежки. Сэтим нарядом камер-казаки носили шаровары

(навыпуск или заправленными в сапоги), а также папаху из черной каракульчи со шлыком, золотыми галунами и золотым этишкетом.

Камер-лакеи не уступали гоф-фурьерам в роскоши костюмов. Они носили темно-зеленые ливрейные фраки. Впрочем, цвет основного материала терялся под искрящимися золотыми гербовыми галунами, покрывавшими перед и спинку лифа, окаты рукавов, основные швы и фалды. На правом плече кафтана красовался эполет с короной, грудь украшал золотой аксельбант. С ливрейным фраком лакеи носили малиновый жилет, также расшитый галунами, кюлоты, белые шелковые чулки и черные лакированные туфли с пряжками. Праздничной формой служили фраки, украшенные по воротнику и обшлагам гербовым галуном, малиновые жилеты и кюлоты, шелковые гольфы и туфли. С парадной и праздничной формой камер-лакеи носили церемониальную шпагу. Обыкновенная форма включала в себя те же фраки, но с белыми брюками и золотыми галунами по бокам. С будничным костюмом носили темно-зеленые брюки. Была и дорожная форма, состоявшая из двубортного сюртука, воротник и обшлага которого были покрыты гербовым галуном, брюк и фуражки.

Аналогичные костюмы носили придворные скороходы, правда вместо фрака им полагалась ливрея с короткими фалдами, похожая на куртку. Дополнял их торжественный облик экзотический головной убор – остроконечная шапка, напоминавшая гренадерку эпохи Ели-

Императорская чета на торжествах по случаю 100-летия Бородинской битвы. Выездом управляют придворные выездные лакеи. На запятках кареты – камер-казаки. Фотооткрытка. 1912 г.

Архив О.А.Хорошиловой

⁵¹ Тарасова Н. И. Ливрейный костюм в собрании Эрмитажа: из опыта атрибуционной работы / Вопросы музеологии, 1(3), 2011 – С. 135.

Мальчик в костюме придворного певчего.

Фотоателье
«Ю. Штейнберг»,
Санкт-Петербург.
Нач. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Дворцовый гренадер.

Фототипия
«Р. Голке и А. Вильборг»,
1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

заветы Петровны, расшитая галунами, с пышным плюмажем из страусовых перьев.

Покой императора и членов его семьи охраняли во дворце красивые, заслуженные деды с окладистыми бородами, в раззолоченных мундирах, на которых из-за обилия галунов едва были видны золотые и серебряные кресты, полученные за участие боях. Это были знаменитые дворцовые гренадеры, чей суровый вид и здоровенные меховые шапки приводили в восторг, а иногда и в ужас маленьких великих князей.

Весьма своеобразными были костюмы певчих Придворной капеллы. В штате этого заведения состояли «большие» (то есть взрослые) и «малые» (подростки) певчие. Первые выступали в малиновых ливрейных фраках и жилетах, обшитых по бортам и обшлагам широким золотым галуном, либо в черных вицмундирах с золочеными пуговицами. «Малые» певчие лелеяли слух высокопоставленной публики в малиновых польского образца кафтанах с золочеными бранденбургами и галунами, шнурами с массивными кистями, перекинутыми на правое плечо, а также широким золотистым кушаком.

Дети не только выступали на концертах и торжественных мероприятиях. В стенах ка-

пеллы они учились – целых восемь лет. Потому в качестве повседневной одежды носили форму, схожую с костюмами реалистов или воспитанников городских училищ. Она состояла из суконных рубашки и шаровар, кожаного ремня с бляхой без чекана и суконной фуражки с кожаным лакированным козырьком. В холодное время «малые» певчие надевали пальто или шинель («тонняги» нескромно украшали ее мехом). Летом носили белые полотняные рубашки и шаровары, а также фуражки из такого же белого полотна. В целом вид их был подтянутый и весьма опрятный. После окончания старших профессиональных классов капеллы певчие поступали в Санкт-Петербургскую консерваторию, военные училища или продолжали работать в придворном ведомстве.

Был и еще один вид придворных, игравший значительную роль в жизни императорского окружения – дамы и девицы, имевшие какое-либо красивое и сложное для русского уха почетное звание. Формально самым высоким считалось звание обер-гофмейстерины. Дамы, его носившие, возглавляли придворный штат и занимались делами свиты императрицы и великих княгинь. Однако на практике эти обязанности исполняли статс-дамы (при императрице), а при великих княгинях – дамы безупречного аристократического происхождения, но порой и без придворных званий. Помимо них, при дворе состояли камер-фрейлины и фрейлины. У них тоже была своя придворная форма. Она представляла собой «русское» платье, весьма напоминавшее наряды императрицы и великих княжон. Александр Александрович Мосолов так его описывает: «Это платье белого атласа должно оставлять открытыми оба плеча; шлейф должен быть красного бархата с золотым шитьем (фрейлины великих княгинь имели шлейфы других цветов, по особому расписанию). На голове должен красоваться кокошник красного бархата»⁵². Под словом «шлейф» Мосолов имеет в виду верхнюю, распашную часть платья с

⁵² Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 194.

откидными длинными рукавами. Именно по его цвету можно было с легкостью отличить статс-даму от фрейлины. С 1834 года, когда мундироман Николай I придумал одевать придворных дам в униформичные туалеты, гофмейстерины получили платья малинового цвета, статс-дамы и камер-фрейлины – зеленого, фрейлины – пунцового. Это отличие оставалось неизменным вплоть до 1917 года.

Замужние придворные дамы, действительно, надевали «кокошники», а девицы – русскую «повязку», украшенные полупрозрачной вуалью из белого газа. Наряды непременно дополнялись драгоценными аксессуарами. Гофмейстерины, статс-дамы и камер-фрейлины крепили к левой стороне лифа миниатюры с изображением императрицы, осыпанные по кругу бриллиантами – «высокое отличие, дававшее звание “портретной” дамы»⁵³. Фрейлины блистали бриллиантовыми шифрами в форме вензеля той августейшей особы, в свиту которой они входили. Такие отличия носили непременно на андреевской ленте – на левой стороне лифа.

Во двор на балы или торжественные большие выходы съезжались и просто высокородные особы без придворных званий. Тем не менее их наряды должны были во всем соответствовать этикету. Мосолов отмечал: «Дамы, просто приглашенные ко двору, само собою разумеется, могут быть одеты в платья любого цвета, но того же покроя (имеется в виду «русское» платье. – О.Х.). Платья и кокошник, само собою разумеется, могут быть украшены драгоценными камнями в зависимости от степени богатства соответственной особы. В этом отношении приведу как пример, который меня как-то поразил, г-жу Зиновьеву, жену предводителя дворянства одного из уездов Петроградской губернии: она носила в виде пуговиц девять или десять изумрудов, величиной каждый с голубиное яйцо. Бриллианты были в мое время особенно замечательны на графине Шуваловой, на графине Воронцовой-Дашковой, на графине Шереметьевой, княгине Кочубей, княгине Юсуповой и т.д.»⁵⁴.

⁵³ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992. – С. 198.

⁵⁴ Там же. С. 194.

2

Мундиры, выпушки, петлички

Военное обмундирование
императорской России

Рассматривая старинные фотографии русской Прекрасной эпохи, невозможно не обратить внимания на подтянутых, щеголеватых военных в ладных мундирах и кителях. Они – центр компаний, предмет зависти «гражданских лиц» в унылых сюртуках.

Им приветливо улыбаются дамы, а девушки, позируя фотографу, спешили встать к ним поближе.

Русская армия и флот

Военные были в моде, и мода была чуть военной. Армией восхищались. Облик ее, стать, выправку, мундиры и «тонность» мягко перенимали или дословно копировали в мирное бально-парадное время, и в период затяжной и ужасной Великой войны. Французский корреспондент, побывав в российской столице, не мог скрыть своего восхищения статью и красотой русской армии: «Я говорю об этом без всякой лести и вполне искренне выражаю свою мысль. Я видел войска всех европейских государств, но не видел солдата прекраснее русского. Сильный, высокого роста, он, тем не менее, сохраняет большую гибкость, а его плавная медленная походка довершает гармонию»¹.

В самом начале царствования императора Николая II русская армия все еще носила «мужицкую форму», завещанную ей императором Александром III. Она была удобнее, функциональнее, легче помпезного обмундирования предшествующих эпох и в полной мере соответствовала популярному стилю «неорюс», являясь милой театральной репликой русского народного костюма. Впрочем, ее главным и неоспоримым достоинством была низкая себестоимость – важное качество в условиях финансовой нестабильности российского государства в 1880-е годы. Генерал-майор Борис Владимирович Геруа вспоминал: «Александр III отменил воскресные разводы караулов в Высочайшем присутствии, нарядные весенние парады, на которых полки щеголяли своим рав-

нением и шагистикой, блистали своими мундирами с отличиями ярких цветов, частые смотры по разным случаям. Даже и форма одежды упростилась до такой степени, что почти сошли на нет петлички и ремешки, на которых точили свой глаз командиры, создавшие тип военного педанта-придиры под армейской кличкой “ремешок”»².

Весьма показательно, что «мужицкие кафтаны» первыми надели армейские полки – в 1881 году. Тем самым избалованной и любящей роскошь гвардии был явлен новый образец для подражания – простое, относительно удобное и скромное армейское обмундирование. Случай сколь яркий, столь и уникальный, ведь до того лишь гвардия была ориентиром и определяла моду.

Армейская пехота носила двубортный без выпушки мундир с крючками-застежками. На скругленный воротник нашивались цветные клапаны, соответствовавшие номеру полка в дивизии: первый полк – красный, второй – синий, третий – белый, четвертый – зеленый. При парадной форме офицеры надевали эполеты и шарфы, а при обыкновенной – погоны и цветные кушаки (но во время караулов, дежурств надевали шарфы). Фельдфебелям и старшим вахмистрам также были положены кушаки, а прочие нижние чины носили черные кожаные ремни с воронеными гладкими бляхами. К мундиру полагались шаровары с сапогами, а также парадные головные уборы – черные мерлушковые (генералам и офицерам), барашковые (нижним чинам) шапки. В целом армейская форма отличалась от гвардейской меньшей изысканностью и тонностью,

На предыдущей полосе:

**Алексей Быков,
унтер-офицер
2-го эскадрона
лейб-гвардии
Конно-Гренадерского
полка.**

Позирует в парадном обмундировании образца 1897 г., искусно раскрашенном в фотомастерской.

Фотоателье «И. М. Брезанова», Санкт-Петербург, 1910-1913 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

¹ Монкад, де Л. Петербург, как он представляется парижанину / Столица и усадьба, 1914, № 10. С. 16.

² Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. С. 81.

Офицеры лейб-гвардии Егерского полка в «мужицких» мундирах, введенных в гвардии в 1882 г.

В центре за столом сидит командир полка граф Павел Петрович Шувалов.

Группа снялась во время маневров, возможно в Красном Селе.

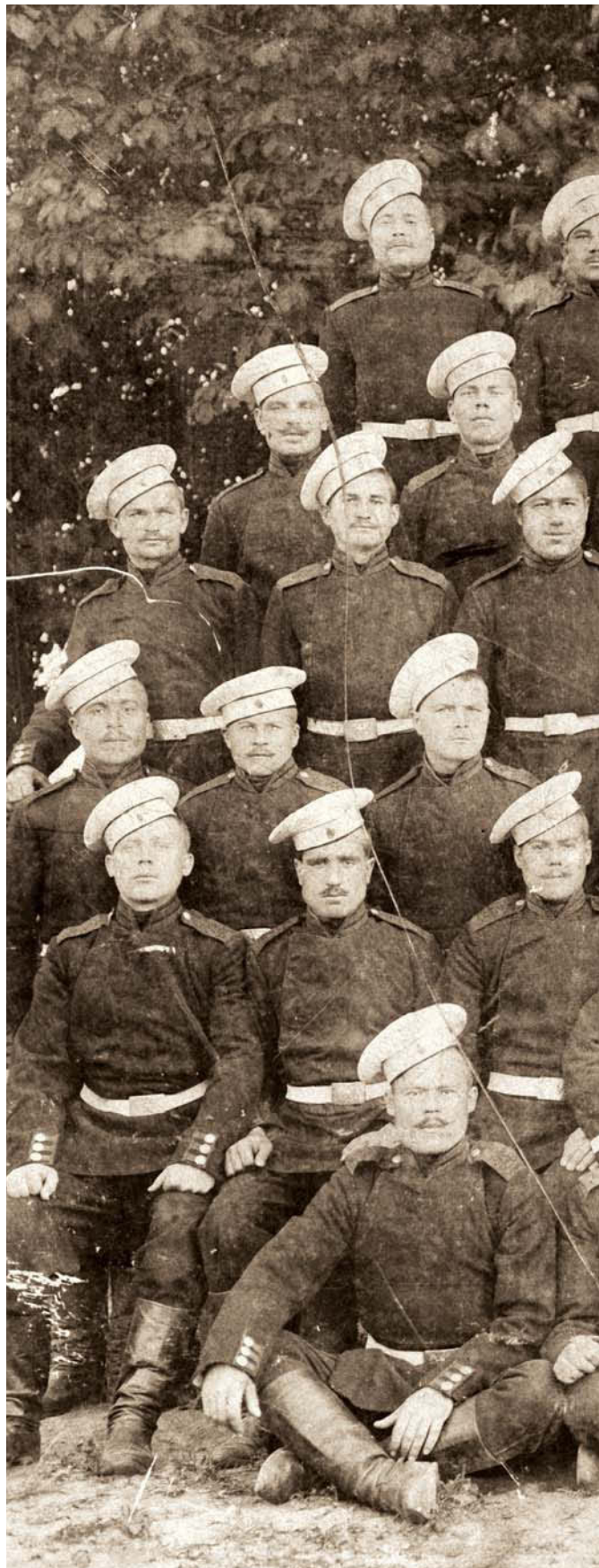
1894–1895 гг.

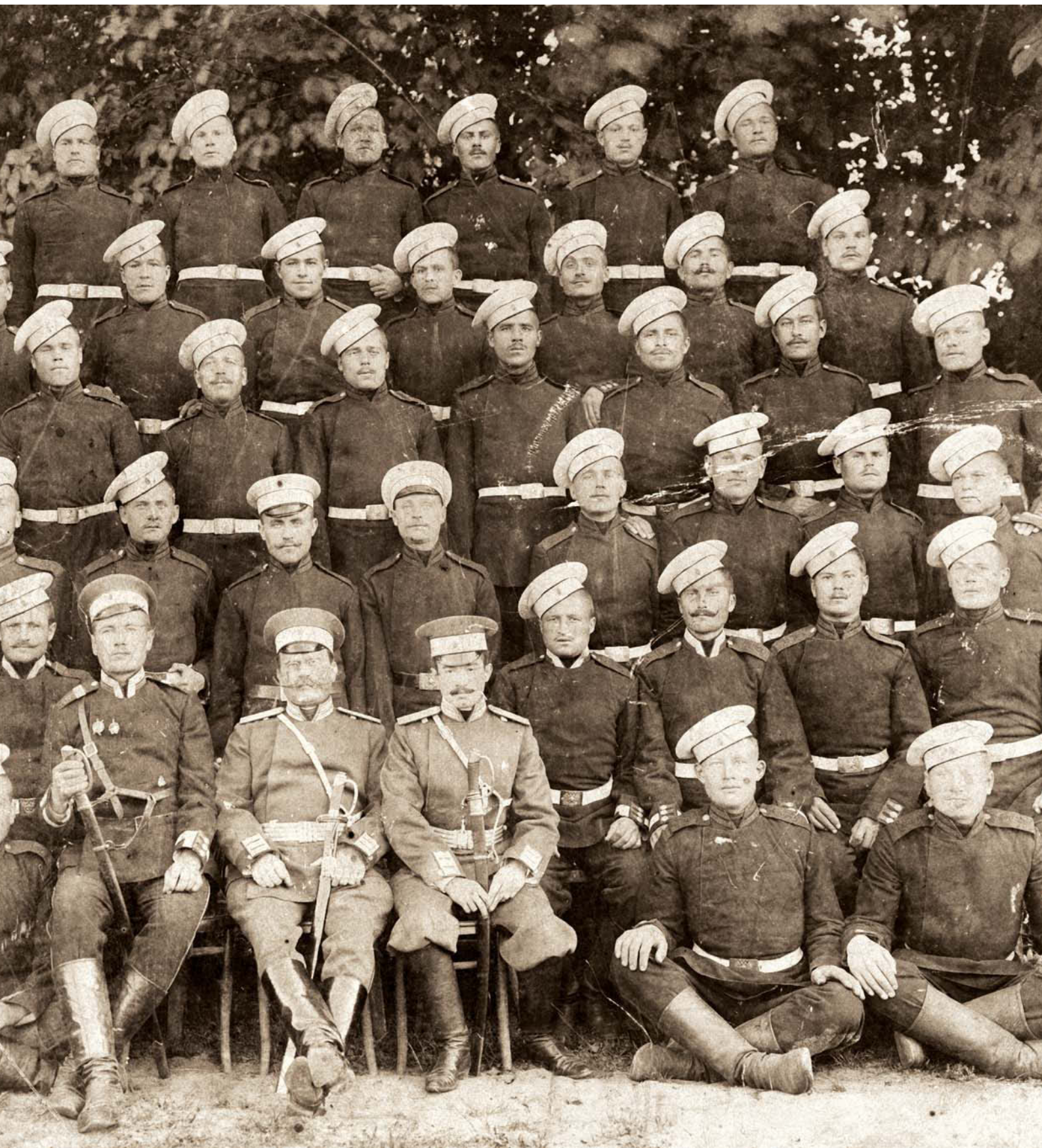
Архив О.А. Хорошиловой

Нижние чины и офицеры Лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка в «мужицких» мундирах, введенных в гвардейской пехоте в 1882 г.

Варшава, конец 1890-х гг.

Архив О.А. Хорошиловой

**Унтер-офицеры
7-го Финляндского
стрелкового полка**
в форме
образца 1881 г.
и шинелях
внакидку.
Фотоателье
«А. М. Andersen»,
Выборг.
Середина 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Двоюродный прадед автора, **Дмитрий Михайлович Пунин**, поручик лейб-гвардии Московского полка. Позирует в мундире при погонах, портуpee и фуражке. Фотоателье «Kolonowski & Cie», Санкт-Петербург. Конец 1890-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

Двоюродный прадед автора, **Александр Михайлович Пунин**, в пехотном армейском мундире и барашковой шапке образца 1881 г. На плечах – светло-синие погоны четвертого полка дивизии с витым шнуром вольноопределяющегося. Фотоателье «Carbini Frères», Санкт-Петербург. 1890-е гг. Архив О.А.Хорошиловой

а также некоторыми деталями. К примеру, не было шитья на воротнике, вместо Андреевской звезды на шапках крепился двуглавый орел, на тульях фуражек носили кокарду, а на околыше масляной краской по трафарету выводили шифровку полка.

Офицеры гвардейской пехоты носили темно-зеленые двубортные мундиры «русского покроя»³. Один из главных гвардейских признаков – скошенный воротник – был сохранен. На нем, а также на клапанах обшлагов сложно переплеталось полковое шитье.

Даже в этом лаконичном и простом мундире офицеры старались соблюдать гвардейскую тонность. Они носили «кафтаны» с тесными лифами, узкими, почти осиными талиями, акцентируя их шерстяными кушаками с бантами, борт был мягко скошен направо.

Многим гвардейским офицерам и особенно генералам эти мужицкие кафтаны пришлись не по душе. Однако молодежь ими была вполне довольна. «Главное их достоинство, – объяснял бывший гвардейский офицер Юрий Владимирович Макаров, – было то, что они шли ко всем фигурам и сложениям. Они были хороши и на стройном поручике, и на дородном полковнике»⁴.

С мундирами носили темно-зеленые широкие шаровары с выпушками. Их заправляли в сапоги, которые по моде того времени должны были быть со многими складками. Макаров вспоминал: «Когда в 90-х годах великий князь Константин Константинович командовал Преображенским полком, он завел моду на длинные, мягкие лакированные сапоги, которые на ноге делали множество складок,

³ Эти мундиры были введены в гвардии в 1882 г.

⁴ Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905 – 1917. Буэнос-Айрес: Доррего, 1951. С. 110.

Нижние чины 21-й пехотной дивизии в обмундировании образца 1881 г. Справа – нестроевой унтер-офицер 131-го пехотного Тираспольского полка, слева – рядовой 129-го пехотного Бессарабского полка. На его барашковой шапке – знак отличия, полученный этой частью за участие в обороне Севастополя в 1854–1855 гг.

Фотоателье «Э. Линкевич», Киев.

2-я пол. 1890-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Прапорщик **армейской пехоты** в обыкновенной форме – сюртуке, шароварах, высоких сапогах и фуражке.

Фотоателье «А. Михайлов»,

Кутаис. 1890-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

наподобие неправильной гармошки. Когда эти сапоги натянешь на деревянную колодку, а иначе как на колодке их нельзя было держать, сапог длиной получался больше метра. Носили эти сапоги с довольно высокими каблуками»⁵.

Голову покрывали черными барашковыми шапками с кокардой, Андреевской звездой, дополненной у артиллеристов скрещенными золотыми пушками, а у саперов – серебряными топорами. Полки, проявившие храбрость в боях с неприятелем, украшали «мурmolки» еще и специальными знаками в форме развеваю-

⁵ Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Буэнос-Айрес, Дорrego, 1951. С. 195.

щейся ленты с выбитой надписью о том, где и когда полк заслужил отличие. Они крепились между кокардой и Андреевской звездой. Ими гордились все служившие в полку. Когда шапку снимали, то ее держали «звездой или гербом кверху, имея большой палец снаружи по направлению к гербу, звезде, а остальные четыре пальца в головном отверстии»⁶.

Помимо мундиров офицеры русской армии носили сюртуки с эполетами или погонами, длинные шаровары и фуражки с кокардой. В холодное время надевали шинели с башлыками, а также плащи (пальго). Летом щеголяли в двубортных белых или небеленых кителях, покрывая голову зачехленными фуражками. Многим офицерам, однако, не нравились плотные суконные фуражки в тонком летнем чехле: «Так как черная фуражка с надетым белым чехлом выглядела довольно некрасиво, офицеры заказывали себе особенные, летние фуражки, легкие, где верх в виде чехла был уже приделан. Такая летняя фуражка стоила два рубля, и чехлы на ней можно было менять»⁷.

Форма нижних чинов гвардейских пехотных полков напоминала офицерскую, но вместо шитья воротник и клапаны украшали петлицы, шапки шили из барашка. Погоны полагались различных цветов: у большинства гвардейских полков – алые, у лейб-гвардии Кексгольмского и лейб-гвардии Санкт-Петербургского полков – желтые, у лейб-гвардии 3-го стрелкового Финского батальона – светло-синие. Летом солдаты носили рабочие блузы (гимнастерки), подпоясанные ремнями. Обмундирование нижних чинов сидело плохо, мешковато. Впрочем, бывало, что некоторые особо щедрые командиры рот, батальонов и даже полков на собственные средства шили солдатам мундиры, отчего они имели дорогой и молодецкый вид. Среди нижних чинов гвардии были и сутубые модники. Они носили крошечные и тесные барашковые шапки, едва державшиеся на головах, и готовы были отдать немалые деньги за мягкие, с развалом сапоги со многими складками...

⁶ Правила о форме одежды. СПб., 1894. С. 16.

⁷ Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Буэнос-Айрес, Доррего, 1951. С. 42.

Рядовой лейб-гвардии Конного полка в придворной выходной форме – белом колете, красном супервесте с орлом, лосинах, ботфортах и каске. Товарищество «Р. Голике и А. Вильборг», Санкт-Петербург. Архив О.А. Хорошиловой

Наиболее пострадавшей от коренных реформ «мужицкого царя» считала себя кавалерия. Все армейские гусарские и уланские полки в 1882 году были преобразованы в драгунские. Кавалеристы с печалью сняли красивые лацканные мундиры, ментики и доломаны, чикчиры и ташки. С явным нежеланием и пренебрежением носили они пореформенный скучный драгунский мундир с обшлагами мыском, серо-синие шаровары, меховую шапку с более высоким, чем в пехоте, колпаком. Кавалеристов можно было с легкостью спутать с вечно пылящей пехотой. К счастью, реформы не затронули гвардейскую кавалерию, в которой оставались и гусары, и уланы, и кирасиры...

Армейский «мужицкий кафтан», введенный приказом по Военному ведомству под символическим номером 313, считали несчастливым и неудачным многие. Он откровенно не нравился привыкшим к мундирной роскоши свитским генералам, тоже вынужденным его носить. Проклятия в адрес новой формы сыпались отовсюду – из полков, штабов, интендантств, местных команд, обозных частей. И даже верноподданническая военная пресса осторожно критиковала пейзажное обмундирование. «Кройка и шитье мундира очень непросты, и при всем том нынешний мундир достаточно-таки неуклюж»⁸, – считал А. Литвинов. Такого же мнения придерживались другие офицеры и журналисты.

Многие находили лаконичный военный гардероб неоправданно дорогим. Все чаще звучали предложения ввести в комплект повседневной формы более дешевые и удобные тужурки. «Несколько стеснительными и для службы не совсем удобными кажутся некоторые из наших правил о форме одежды господ офицеров. Отчего, например, не дать последним возможности при их малом содержании (особенно в младших чинах) носить тужурку (укороченное пальто) не только дома, но и на занятиях для сохранения сюртука»⁹, – писал некто К. Л. М. на страницах журнала «Разведчик».

Помимо самого мундира, было множество неудобных деталей. К примеру, офицерский галстук: «У мундира всегда открыта шея спереди в разрезе воротника – галстук этого не устраняет, мы его не умеем носить. Офицеры наши давно уже вместо галстука носят так называемый ключок, то есть полоску сукна, пришитую к одной стороне воротника, что много практичнее галстука»¹⁰.

Офицеры и журналисты, возмнившие себя новыми реформаторами военного костюма, думали и о солдатах, натерпевшихся от

«мужицкой формы». Они предлагали заменить их мундиры рубахами: «Мундир – одежда, совершенно непривычная нашему солдату; применяясь к нашим военным определениям, рубаха есть мундир для 9/10 всего населения. Так что мундир для нас одежда не национальная. Несмотря на некоторые изменения в мундире с целью упростить его пригонку и дать возможность надеть что-либо теплое под него, он по-прежнему остался неудобен. Пригонка по-прежнему трудна, воротник обязательно пригонять особо на каждого, а в спине и в груди, несмотря на самую тщательную пригонку, через год он уже жмет и распарывается неудержимо. Борт на крючках держится плохо, и при надетой амуниции очень часто отстегиваются верхние крючки»¹¹.

⁸ Литвинов А. Суконная рубаха вместо мундира / Разведчик, 1892, №116. С. 566.

⁹ К. Л. М. Правила формы одежды гг. офицеров / Разведчик, 1894, № 203. С. 734.

¹⁰ Литвинов А. Суконная рубаха вместо мундира / Разведчик, 1892, №116. С. 566.

¹¹ Литвинов А. Суконная рубаха вместо мундира / Разведчик, 1892, №116. С. 566.

Генерал-лейтенант Николай Петрович Линеви́ч в парадном генеральском мундире образца 1882 г. Фототипия, 1903-1904 гг. Архив О.А.Хорошиловой

На предыдущей полосе:

Нижние чины лейб-гвардии Кавалергардского полка в колете (слева) и вицмундире (справа). В центре – нижний чин артиллерии. Фотоателье Березанова, 1890-е гг. Архив О.А.Хорошиловой

Несчастливая, потускневшая, лишенная своих исторических лацканов, ментиков и чикчир, кавалерия с жаром поддержала критику столь ненавистной формы. На страницах влиятельного и популярного в военной среде «Разведчика» была опубликована большая статья «Формы обмундирования кавалерии», авторы которой, некие Б. Н. и А. Р., последовательно и логично доказывали важное значение старого доброго кавалерийского обмундирования. «Всякий кавалерист, который по призванию своей службы должен быть представителем лихости и безответной удали, одетый в несоответствующую сему форму, много теряет в глазах других родов оружия»¹². Под этими словами готова была подписаться вся русская кавалерия.

Авторы статьи приводили яркие примеры беззаветной преданности полков своей исторической форме. Вот один из них: «Недавно в одном из драгунских полков, бывшем гусарском, старшему полковому писарю предстояло праздновать 50-летний юбилей непрерывной службы в полку, и офицеры собрались для обсуждения, каким образом вознаградить сего достойного нижнего чина в столь знаменательный для него день. Решено было собрать денежную сумму и спросить будущего юбиляра, какой бы подарок он лучше всего пожелал получить, и старый служака попросил – сшить ему гусарскую венгерку, какую полк имел до переформирования в драгуны. Получив венгерку, он обрадовался, как ребенок, и вне служебных обязанностей с ней не расставался, а, чувствуя приближение смерти, завещал похоронить его в дорогой ему венгерке, что и было, конечно, исполнено»¹³.

В качестве новой формы для кавалерии авторы статьи предлагали ввести гусарское обмундирование, которое казалось им «самым желательным: удобным, простым, недорогим и вместе с тем элегантным».

Критика офицеров и журналистов сводилась к тому, что форма эпохи Александра III морально устарела, она неудобна, неэкономична и некрасива, что необходимо новое обмундиро-

вание – одновременно элегантное (с сохранением исторических элементов костюма) и практичное (предлагалось заменить сюртуки тужурками, ввести в качестве рабочей одежды рубахи).

С доводами военных молчаливо соглашался молодой император Николай II, ценитель изящности и знаток военной тонности. К форме отца он относился с прохладным гвардейским пренебрежением. Ему с детства нравились прелестно ампирные формы императора Александра I, а в юности он молчаливо восхищался сдержанно элегантными мундирами императора Александра II. Но предпочтения свои он не мог и не захотел явить миру немедленно после вступления на престол. Трагедия в Барках, предрешившая скорую кончину отца, сыновний долг, тяжело и неожиданно упавший на его некрепкие плечи, не позволили Николаю Александровичу сразу же приняться за реформирование обмундирования. «Мужицкие» кафтаны и шапки-«мурмолки» следовало носить еще какое-то время – как бы в память об императоре.

Но офицеры неистовствовали. Они продолжали с жаром критиковать «мужицкий костюм», надеясь убедить молодого и мягкого царя-мундиромана в необходимости скорейших преобразований. В 1898 году в «Разведчике» вышла статья, автор которой громил злосчастный мундир по всем пунктам: «Покрой его таков, что без кушака в нем нельзя никуда выйти, а если кушаки всегда носить, то надо их часто менять <...>. Мундир, застегиваемый на крючки, приличен только новый, а чуть-чуть мундир несвеж, крючки морщат всю грудь, а борт оттопыривается, открывая для постороннего глаза побелевшие и погнувшиеся петли. Редко случается, чтобы кто-либо на улице или в гостях показался в мундире; это прямо доказывает, что пехотный мундир не пригоден для обиходной жизни. В барашковой шапке, которая специально предназначена для парадов, ровно нет ничего парадного, короче, эта шапка не удовлетворяет своему основному назначению»¹⁴.

¹² Б. Н. и А. Р. Формы обмундирования кавалерии / Разведчик, 1894, № 195. С. 582.

¹³ Там же.

¹⁴ А. Е. Форма одежды офицеров / Разведчик, 1898, № 394. С. 399-400.

Но император Николай II медлил, боясь смелых поступков и жестких контрреформ. Первые его приказы касались деталей и не сулили армии никаких кардинальных изменений в форме. В 1894 году вместо вензелей в бозе почившего императора введены вензеля «НП». Кавалерийским разведчикам в 1896 году дарована продольная нашивка на погоны. Милые и малозначимые нововведения. А гвардия меж тем мечтала о «скромном шике», кавалерия оплакивала пылящиеся в цейхгаузах исторические уланки и ментики, армия изнывала в жарких мешковатых мундирах и меховых шапках. Все ждали перемен. Наконец, в 1899 году, по указу императора при Главном штабе образовали комиссию, призванную «уменьшить расходы офицеров на обмундирование, сделать в нем упрощения, придавши ему по возможности более красивый вид». Ее возглавил генерал-майор Бибиков. Военные чиновники с туго набитыми портфелями отправились в армейские части – терпеливо выслушивать жалобы офицеров на форму и фиксировать их на гербовой бумаге. Работала комиссия медленно. В ее адрес сыпались насмешки, анекдоты и едкие стихи. Один офицер в бойких рифмах описал истершийся мундир, который он, впрочем, не спешил менять. Закройщику свое решение он объяснял так:

*«Ты, братец, верно, не слыхал
О той комиссии, что года полтора
Над новой формой нам трудится,
Уж нынешний она, конечно, чем-нибудь
Должна, наверно, разрешиться»*

Но хитрый мастер понимал, что в России ничего не делается быстро. И спор с офицером выиграл он:

*«И, барин, полно вам шутить!
В такой комиссии –
как можно торопиться?
Поверьте – новый Ваш мундир
Совсем успеет износиться,
Пока комиссия на что-нибудь решится!
Позвольте мерку снять?»
Пришлось с портным мне согласиться
И пять рублей ему задаток дать»¹⁵.*

В 1900 году комиссия генерал-майора Бибикова свою работу наконец завершила. Собранные отчеты, жалобы и предложения высились белыми неодолимыми гималаями в канцеляриях. Их пытались разобрать, рассортировать по темам, видам жалоб. Дело оказалось сложным – среди офицеров не было единого мнения о том, что нужно изменить. Кто-то требовал вернуть историческую форму, кому-то нравились «мужицкие» мундиры, но раздражали жаркие меховые шапки. Некоторых не устраивала внешняя дешевизна формы, другие, напротив, видели в ней первый шаг к демократизации армии... Комиссия рапортовала: «Высказанные по предмету обмундирования мнения оказались крайне разнообразными и не дающими достаточных оснований к изменению ныне существующей формы обмундирования»¹⁶.

Комиссия представила лишь записку рекомендательного характера, составленную на основе общих жалоб и предложений опрошенных офицеров¹⁷. В пункте первом говорилось о возможности заменить барашковую шапку фуражкой. Третий и четвертый пункты были посвящены мундирам, которые следовало «упростить» и «снабдить пуговицами». Португеи предлагалось ввести галунные, национальными цветами признать синий, красный и белый...

Кое-что из этих предложений осуществили. Черную лакированную португею заменили галунной, генералам и офицерам разрешили носить в столицах непромокаемые плащи-накидки. Изнывавшие от жары войска Одесского, Туркестанского, Кавказского военных округов получили наконец парадные фуражки с козырьком и гербом взамен неудобных и неуместных в теплом климате барашковых шапок. Козырьки на фуражках стали носить и нижние чины Варшавского, Виленского, Киевского военных округов, а также Квантунской области. Много жалоб, пришедших в комиссию из южных регионов империи,

¹⁶ Разведчик, 1900, № 520. С. 883

¹⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 6632. Л. 121.

¹⁵ Г. Новый мундир / Разведчик, 1899, № 453. С. 548.

касались парадных мундиров, в которых летом было невыносимо душно. И они не остались безответными. Генералам и офицерам Туркестанского, Сибирского, Одесского и Приамурского военных округов разрешили вместо парадной формы носить кителя с орденами, лентами и аксельбантами.

Николай II и Военное министерство понимали, что неумолимо близится время реформ. Однако чем заменить суровый «мужицкий» стиль русской армии и какой новый образ ей сочинить, не знал ни император, ни чиновники. Пока они тяжело и долго думали, в армии появились свои чудо-теоретики, ловкие офицеры, знавшие толк в искусстве ношения костюма и неплохо разбиравшиеся в моде. Они бойко излагали взгляды на будущую форму русской армии. Писали статьи, издавали книги. Некоторые из этих блистательных опусов стали весьма популярны в офицерской среде. В конце 1890-х годов все обсуждали эссе поручика лейб-гвардии Кексгольмского полка Бориса Викторовича Адамовича «О формах одежды». Утонченный знаток истории искусства, ценитель изящного и апологет прекрасного, он задумал форму, отвечающую законам эстетики и не противоречившую здравому смыслу. Он убеждал читателей в том, что обмундирование должно быть красивым, что оно должно соответствовать общему художественному стилю эпохи. Форма – это опознавательный знак, по которому легко можно отличить армию от гвардии, один полк от другого. Адамович выступал за возвращение исторических видов обмундирования – своеобразных полковых святынь. В целом, поручик повторял все то, что высказывали его сослуживцы в офицерских собраниях и на страницах журналов.

Гораздо более смелым, ярко художественным и, как все художественное, алогичным был проект капитана лейб-гвардии Преображенского полка Павла Дмитриевича Шипова, опубликованный отдельной брошюрой в 1901 году под названием «Русская военная одежда». Офицер лаконично определил главную цель своего проекта: «Резко отличить русские полки от наших западных соседей». Для этого следова-

ло обратиться к опыту прошлых веков, объединить элементы русского национального костюма, платья времени царя Алексея Михайловича, петровского обмундирования, учесть современные нужды солдат и офицеров, не забыв об идее патриотизма и национальной гордости, которую должен был выражать новый мундир. Капитан ратовал за возвращение полкам их исторических отличий именно потому, что они укрепляют «корпоративный дух». Шипов уделил внимание и эстетической составляющей, к которой гвардейские офицеры всегда относились трепетно. Капитан утверждал: «Военная одежда имеет государственное значение, и одним из первых ее условий должна быть красота. Сознание воина, что он красиво одет, вселяет в нем бодрость и подъем духа»¹⁸.

Красивыми, по мнению Шипова, были стрелецкие одежды времен царя Алексея Михайловича и молодого Петра Алексеевича. Богатая фантазия офицера облачила рядовых в рубахи-косоворотки, вышитые по горловине, манжетам и подолу, кафтаны до колен, украшенные застежками-бранденбургками, широкие шаровары, заправленные в сапоги, поярковые и меховые шапки, двубортные шинели. Урядники отличались от рядовых галунами. «Начальным людям», то есть офицерам, Шипов разработал целый гардероб, составленный из строевой, обыкновенной, праздничной и смотровой одежд. Автор был убежден в том, что гвардейские офицеры будут красивы и элегантны в холщовых и цветных рубахах, кафтанах с козырями и зимними поддевками.

Проект капитана Шипова и вольные сочинения некоторых других мундиротворцев были остросовременными и в некоторой степени модными для начала XX века. В то время Россия и Европа бредили национальным стилем, выросшим и окрепшим на почве дробного, научного историзма. В самом начале царствования императора Николая II Государственный совет возложил на себя нелегкую задачу – установить истинно национальные русские цвета и обосновать свой выбор исто-

¹⁸ Шипов П.Д. Русская военная одежда. СПб., 1901. С. 9.

рическими и геральдическими изысканиями. В 1896 году комиссия под председательством адмирала Константина Николаевича Посьета утвердила три государственных цвета – белый, синий и красный, составивших национальный флаг. Они же определили колорит коронации Николая II, состоявшейся в мае того же года. Была даже идея ввести эти цвета в армейское обмундирование и снаряжение. Однако от нее отказались по финансовым соображениям.

Русскую старину изучали не только монархи и члены правительства. Художники, историки, ювелиры, закройщики, повара увлекались далекой, красивой и безгрешной матушкой Русью, восстанавливали ее благообразный быт по крупицам, добытым из недр фантазийной археологии. Грубое было затерто, роскошное вычищено и отточено до европейского легкого изящества. Одно за другим возникали общества ревнителей старины всех типов и эпох. К примеру, в 1901 году, когда Шипов опубликовал свое эссе, князь Дмитрий Петрович Голицын основал в Петербурге Русское собрание, призванное изучать и пропагандировать историю и культуру Руси. Там часто проходили вечера, на которые гости собирались в русских национальных костюмах. В начале XX века маскарады в русском вкусе повсеместно вошли в моду, а в феврале 1903 года в Зимнем дворце прошел самый торжественный и помпезный костюмированный бал, участники которого были одеты в наряды эпохи царя Алексея Михайловича... Неудивительно, что именно петербургские гвардейские офицеры, питомцы мод, друзья большого света, попали под обаяние ослепительно роскошной, волшебной Руси и наполнили ее образами свои легкомысленные проекты.

Одновременно с ними Военное министерство рассматривало и куда более реалистичные предложения офицеров об упрощении и модернизации существующей формы. По их мнению, внешний лоск и красота обмундирования – это его главный недостаток. Оно должно стать более удобным, носким и незаметным в условиях современной войны. Здравомыслящие гностики изучали не выставоч-

ные каталоги и фолианты по истории искусств, а таблицы с калибрами и скорострельностью новых типов орудий, результаты стрельбищ и военных учений, иностранную военную периодику и сухие статьи коллег-офицеров. Чем больше информации они анализировали, тем острее видели недостатки отечественной формы и ее полное несоответствие европейским стандартам.

Уже почти полвека британская армия успешно камуфлировалась в «цвета грязи», оставаясь практически неуязвимой для противника во время колонизации Индии и зулусской войны. А после Трансваальской кампании в преимуществах цвета хаки никто уже не сомневался. В 1896 году обмундирование этого оттенка было официально установлено для колониальных войск Соединенного Королевства, а в 1902 году в него перекрасили походную форму других частей британской армии.

Опыт англичан заинтересовал наших офицеров и чиновников. Еще в 1890-е годы артиллеристы выступали против применения белого цвета в полевых условиях, так как он оставался заметным даже на далеких расстояниях и служил прекрасной мишенью. В 1897 году Военное министерство распорядилось не ставить в строй лошадей белой и светло-серой мастей, так как во время маскировки войск они могли выдать расположение целой части¹⁹. Однако самой большой проблемой оставались летние белые кителя, рубахи и чехлы. И вновь заговорили артиллеристы. В 1903 году А. Бибилов деликатно предложил: «Чрезвычайно рекомендуем одеть прислугу (орудийную. – О.Х.) в темные рубахи, если во время жары необходимо одевать их». Его робкое замечание вскоре нашло многочисленных сторонников, не только среди артиллеристов. На страницах военных журналов все чаще появлялись статьи против белого цвета в обмундировании.

«На маневрах под Владикавказом, – сообщил А. Дунин, – группа офицеров из отряда обороняющегося расположилась на возвышенности около Лысой горы. Как всегда курили,

¹⁹ Приказ по Военному ведомству (по артиллерии), 1897, № 126.

**Оперный певец
Леонид Витальевич
Собинов**

в офицерском летнем белом кителе и зачехленной фуражке. На груди – знак об окончании императорского университета.

Середина 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

беседовали. Вдруг один из собеседников обратил внимание на выступление противника из лагеря, находившегося от нас в верстах девятидесяти. Все обернулись в сторону наступающего, который ярко обрисовывался в дали своей яркой белой массой. Кто-то заметил: «Какая благодать белые рубахи – никуда не спрячешься», и посыпались замечания со всех сторон. Седой батарейный командир, участник нескольких кампаний, говорил: «Когда мы положительно изнывали от жары и жажды, нас заставляли одевать шинели, чтобы скрыть белые рубахи и тем спасти нас от расстреливания», и его слова, произнесенные с глубоким раздражением, до сих пор звучат в моих ушах»²⁰.

²⁰ Дунин А. Цвет обмундирования / Разведчик, 1903, № 676. С. 854.

Рекомендации и здравые предложения офицеров учтены не были. На театр разгоревшейся Русско-японской войны они отправились в негодных для полевых условий пальто, суконных мундирах и шароварах, а также меховых шапках, не защищавших глаза от солнца. Граф Алексей Алексеевич Игнатьев, участник Русско-японской войны, вспоминал: «Каково же было мое изумление, разочарование и негодование, когда оказалось, что ни один из предметов военного обмундирования и снаряжения мирного времени не был приспособлен к войне. Даже шашки не были отпущены. Мундиры и кителя – узкие, без карманов, пальто – холодное (то есть без подкладки. – О.Х.), сапоги – на тонкой, мягкой подошве»²¹.

Но хуже всего было летнее искристо-белое обмундирование, превращавшее офицеров и солдат в блестящие мишени. Графу Игнатьеву, одетому с иголки в щеголеватую летнюю форму, дал дельный совет полковник-фронтовик: «Не забывайте снимать фуражки, когда придется высовывать голову из окопа. Лучшей мишени, чем белая фуражка, не сыскать. А японцы – отменные стрелки! Белое обмундирование и особенно белые фуражки служат одной из немаловажных причин наших потерь в людском составе»²². Это понимали все, побывавшие хоть раз в бою. Фронтовики быстро нашли выход из положения, вспомнив колониальный опыт британцев. Форму начали красить. В январе 1904 года офицеры и нижние чины 26-го Восточно-сибирского стрелкового полка послушно надели серо-желтые рубахи, кителя и чехлы на фуражки. Издали такую выкрашенную форму увидеть было трудно. Существовали и другие камуфлирующие оттенки. «Здесь, в Маньчжурии, установлены три основных цвета, – отмечал журналист Михаил Огиевский, – бурый, темно- или, вернее, буро-зеленый и темно-желтый»²³.

²¹ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Симферополь, Крымиздат, 1953. С. 158.

²² Там же. С. 186.

²³ Огиевский М. Обмундирование и содержание солдата в Маньчжурии / Разведчик 1905, № 768. С. 554.

Русские кавалеристы на театре Русско-японской войны.

Запечатлены в рубашках из английского габардина цвета хаки. На головах – фуражки с назатыльниками, защищающими от солнца.

Фототипия. 1904 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Псевдохаки пришелся не по душе многим офицерам. «Грязь, и больше ничего», – сетовал капитан Николай Маркович Побилевский. Отчасти он был прав, ведь красили шинели, кителя и рубашки всем, что было под рукой, – моченой корой деревьев, дешевым китайским чаем и даже грязью. «Все перекрасились. Но как! – возмутился граф Игнатъев. – Проснувшись утром, я увидел вместо русской пехоты толпу в каких-то желто-зеленых, голубоватых и зеленоватых тряпках. Не лучший вид имело и большинство офицеров. В результате кустарной, спешной и неумелой покраски обмундирования все наше воинство сразу приобрело жалкий вид»²⁴.

Офицеры со связями и деньгами выписывали себе из Петербурга английское сукно и габардин цвета хаки, из которого шили рубашки и

кителя. Военный корреспондент Владимир Табурин сообщал петербургской публике: «Представьте себе офицера не в сюртуке или в мундире, как вы его привыкли видеть, а в серой рубашке, часто надетой прямо на тело – иначе трудно вынести жару. На многих куртки из хаки. Из-под фуражки сзади спускается назатыльник, также от жары. Иногда назатыльником служит обыкновенный носовой платок. Загар на лице такой густоты, какой на родине он никогда не достигает, причем он дополняется еще густым слоем пыли. Многие офицеры и даже солдаты носят, для предохранения глаз от пыли, закрытые по краям очки. Сильное нравственное напряжение, близость опасности и даже смерти кладут печать суровой сосредоточенности. Здесь молодежь мужает не годами, а днями»²⁵.

То, что не могли придумать в военных кабинетах, обретало форму на полях Маньчжурии.

²⁴ Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. Симферополь: Крымиздат, 1953. С. 186-187.

²⁵ В. Табурин. На войне / Нива. 1904, № 31. С. 610.

Военный врач – титулярный советник запечатлен перед отправкой на театр Русско-японской войны.

На враче – сшитый на заказ китель из английского габардина цвета хаки. Такие кителя были лучшим средством камуфляжа во время боя.

Рига, 1904–1905 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Обмундирование русской армии стремительно менялось под прицелами метких и безжалостных японских снайперов, в желтых песчаных бурях и колючих снежных вихрях.

Офицеры сняли блестящие галунные погоны, портупей и пуговицы, ведь именно по ним японские стрелки безошибочно вычисляли командиров и выбивали их. Пришлось отказаться и от изящных, но холодных шинелей, заменив их грубыми солдатскими (в целях маскировки). Впрочем, некоторые офицеры вне боя предпочитали удобные бекешы и теплые романовские шубы, дополняя этот дикий вос-

точный гардероб пышными лисьими и волчьими шапками. Равнодушные к фронтовой моде офицеры, а также нижние чины пехоты и артиллерии носили черные папахи сибирских стрелков вместо положенных по уставу барашковых шапок. Владимир Табурин отмечал: «Формы офицеров трудно различаются под полубубками, бурками, башлыками. Встречаю молодого офицера графа Б*, которого видел в Петербурге в Главном штабе в форме Конной гвардии. Не узнаю. Вместо изящного, юного красавца передо мной стоит грозный признак воина, даже лицо старше и взгляд суровее. Кстати сказать, папахи, несмотря на свою кажущуюся тяжеловесность, очень легки и удобны. Нахлобученные на лоб и на уши, они очень греют голову и шею»²⁶. Эти папахи оставались любимым головным убором многих фронтовиков и после окончания Русско-японской войны. Правда, выдавшие виды «сибирки» порой вызывали у обывателей негативную реакцию, ведь русская армия войну позорно проиграла, и участников боев никто не спешил признавать героями. Алексей Алексеевич Игнатьев с горечью вспоминал такой эпизод: «Не слаще было себя чувствовать и на улице. Черная мохнатая сибирская папаха привлекала всеобщее внимание, и в первый же день приезда, когда дрожки задержались на перекрестке, где-то на Загородном проспекте, я услышал поразившее меня замечание: “Эй, смотри, – маньчжурский герой! На фонаре бы ему повисеть...”»²⁷.

На войне все было на пользу и все шло в дело. Солдаты носили китайские соломенные шляпы «доу-ли», офицеры форсировали в английских колониальных шлемах, и те и другие обмахивались веерами, купленными у торговцев. Когда становилось слишком жарко, вместо рубашек использовали сетки. Изорванные жаркие сапоги, тяжелевшие от прилипчивой маньчжурской грязи, заменяли местной удобной обувью – «улами» на толстой подошве. Михаил Огиевский свидетельствовал: «Почти везде исчезла вторая пара сапог, и вместо нее по-

²⁶ В. Табурин. На войну / Нива. 1904, № 16. С. 310.

²⁷ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Симферополь: Крымиздат, 1953. С. 278.

Русский офицер-охотник

на позициях у Хуаншаня под Мукденом.
30 января 1905 г. На нем характерная охотничья
одежда – тулуп на меху, шапка-ушанка, суконные
шаровары, бурки. На поясе – ягдташ. Военная
атрибутика отсутствует в целях камуфляжа.

Архив О.А.Хорошиловой

Герой Русско-японской войны, фельдфебель Алексей Страхов.

Рисунок выполнен воспитанником 2-го кадетского
корпуса. Обмундирование передано верно – шинель
с клапанами и погонами, папаха-«сибирка».
Именно так выглядели сибирские стрелки во время
Русско-японской войны. 1905-1906 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

М. Кавицкий, рядовой пехотного полка

(3-го в дивизии).
Одет в шинель
и папаху-«сибирку».
Тесак образца
1848 г. указывает
на то, что рядовой –
музыкант. Аккуратные
усики и манерная
эспаньолка это
лишь подтверждают.
Кавицкий снялся
29 января 1904 г.
в Харбине – сразу
после официального
объявления войны
между Россией
и Японией.

Архив О.А.Хорошиловой

Павел Петрович Скоропадский, есаул 3-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска, в чекмене и папахе-«сибирке». Открытка, 1900-е гг. Архив О.А.Хорошиловой

явились легкие поршни с портянками, в некоторых частях портянки прикрыты короткими суконными гамашами, и в общем получилась легкая изящная обувь»²⁸.

Неопрятная, мешковатая, серо-рыжая русская армия проиграла в войне с японцами, но выиграла затяжную битву с кабинетными стратегами за реформу обмундирования. Чиновники Военного министерства внимательно изучали фронтовые изобретения и кустарно выкрашенные предметы нехитрого военного гардероба, анализировали сухие и безразличные сводки колоссальных потерь в личном составе русской армии. «Медлить нельзя – следует как можно быстрее разработать новое полевое обмундирование», – был офи-

циальный вывод. В 1906 году сформировали специальную комиссию во главе с генералом от инфантерии Михаилом Ивановичем Батяновым, участником Русско-японской войны, знавшим о проблемах войск не понаслышке.

В мае того же года комиссия провела в Красном Селе испытания различных зеленых оттенков и отрапортовала: «Наиболее защитным цветом на различных фонах является коричнево-серый или спектральный, имеющий в отдалении тот же коричневатый-серый цвет. На зеленых фонах наилучшим защитным цветом оказывается желто-зеленый»²⁹. Для того чтобы в будущем избежать многоцветья, комиссия опубликовала наставление по окраске рубаш и фуражечных чехлов³⁰. Летом 1906 года войска всех округов в качестве эксперимента надели окрашенную летнюю рабочую форму. Опыт оказался успешным. Защитному походному обмундированию наконец дали зеленый свет.

Весной 1907 года новые, американского покроя кителя надели офицеры³¹. Они были вполне удобны, изящны и элегантно лаконичны – короткие, однобортные с пятью металлическими пуговицами, стоячим воротником, двумя нагрудными и двумя боковыми карманами. Цвет кителя установили единым для всех родов войск – желтовато-серый с зеленым оттенком (шанжан). Шашка вдевалась в прорезь над левым боковым карманом. Колодки с наградами пристегивали над левым карманом, академические знаки крепили под карманными клапанами между второй и третьей пуговицами. Китель носили взамен мундиров в течение летних месяцев.

В том же году приказом по Военному ведомству за № 19 нижние чины получили летние рубахи защитного цвета из равентуха.

Однако на этом реформа полевого обмундирования не закончилась. Главное интендантское управление рассматривало сотни отзывов о вводимых изменениях, знакомилось с предложениями и проектами господ офицеров, делало выводы, испытывала наиболее любопытные

²⁸ Огиевский М. Обмундирование и содержание солдата в Маньчжурии / Разведчик 1905, № 768. С. 554.

²⁹ ПСЗРИ. 1906, Т. 26. Отд.1. № 27933. С. 588.

³⁰ ПСЗРИ. 1906. Т. 26. Отд. 2. № 27933. С. 256.

³¹ Приказ по Военному ведомству, 1907, 24 марта, № 171.

Полковник Николай Николаевич Склифасовский (Склифосовский), командир 127-го пехотного Путивльского полка, в офицерском кителе образца 1907 г. с неуставными боковыми карманами. На его галунной портупее – Золотое оружие «За храбрость», полученное за участие в Русско-японской войне.

Фотоателье «W. Homan»,
Пярну, 1908 г.
Архив О.А. Хорошиловой

**Младший
фейерверкер
гвардейской конной
артиллерии.**
1909-1912 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

и экономичные образцы обмундирования. К примеру, чиновники не на шутку увлеклись идеей полковника Гулькевича о двухцветных защитных рубашках, позволявших легче и лучше камуфлироваться в разных природных условиях³².

³² Об этом проекте подробнее см.: *Аранович А. В.* Русский военный костюм. 1907–1917. СПб., 2005. С. 38.

Среди прочих оставался нерешенным вопрос о походном обмундировании нижних чинов, ведь они получили только летние защитные рубашки. 10 марта 1909 года наконец был издан приказ № 100, в котором подробно описывалась новая форма. Нижним чиновам полагались походный мундир, летняя рубашка, шаровары, фуражка, шинель. Походный зеленовато-серый мундир в целом повторял офицерский – однобортный, на пять штампованных защитного цвета пуговиц, стоячий, но не твердый воротник, застегивающийся на крючки. Карманов и прорези для шашки не было. Мундир кроили таким, чтобы под него в холодное время можно было надеть фуфайку.

Гвардейские части можно было опознать по обшивке вокруг рукавов и погон, а также металлическим пуговицам на погонах походных мундиров. Свои отличия имели и специальные части. К примеру, чины охотничьих команд украшали рукава светло-зеленой тесьмой, чины пулеметных команд – малиновой. Артиллеристы и телефонисты носили на левом рукаве присвоенные им знаки, музыканты – наплечники, обшитые темно-оранжевой тесьмой. Походные мундиры украшали двухцветные погоны, одна сторона которых – присвоенная части, а другая – защитная с трафаретной шифровкой.

Летняя зеленовато-серая рубашка практически не отличалась от гимнастерки 1907 года, однако пуговицы стали защитного цвета. Пехота носила зеленовато-серые шаровары, кавалерия – серо-синие. Головным убором служила фуражка защитного цвета с козырьком и подбородным ремнем. Шинели практически не изменились. В зимнее время вместо фуражек носили папахи из серого натурального короткого меха³³.

Скучную и однообразную походную форму корректировали по законам тонности. Молодые изящные модники пехотных полков носили «кавалерийские» кителя – чуть короче уставных. Талия утягивалась, стоячий воротник кроили высоким, и он зло впивался в подбородок. Но красота требовала жертв, и прихо-

³³ Приказ по Военному ведомству, 1910, № 626.

дилось, стиснув зубы, терпеть. Тоннягам определенно не нравились шаровары, и они шили их чуть уже по бедрам и теснее в коленях, подчеркивая стройность ног, охваченных мягкими высокими сапогами. И даже полевые фуражки, приговоренные к короткому существованию самим своим назначением, заказывали только у знатных мастеров. Стоит ли говорить, что этот лаконичный, отточенный и спортивный облик мгновенно стал модным среди студентов, облачившихся вслед за офицерами в аналогичные кителя и копировавших каждый штрих нового военно-полевого образа.

Солдаты, впрочем, от офицеров не отставали. Во-первых, они почти поголовно нарушили устав тем, что нашили нагрудные карманы или же заказывали новые кителя на офицерский манер. Некоторые к тому же носили металлические орленые пуговицы вместо положенных штампованных. Рубахи предпочитали короче и уже уставных. Кителя и гимнастерки, а также карманы шаровар украшали цепочками от часов с брелоками. Если позволяли средства, нижние чины заказывали элегантные фуражки в частных мастерских, требуя сшить их с мягким валиком по тулье.

Подпоручик 157-го пехотного Имеретинского полка

в офицерском кителе образца 1907 г. Слева – студент императорского университета. Обращает внимание его совершенно «офицерская» внешность, вздернутые усы и высокий воротник сюртука.

Воронеж. Ок. 1908 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Команда разведчиков лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка

в цветных фуражках и защитных гимнастерках. На погонах нижних чинов заметны продольные полосы – знаки отличия конных разведчиков. Велосипеды были одним из их средств передвижения.

Петергоф. 1913 г.

Архив О.А.Хорошиловой

В 1912 году походный солдатский мундир отменили. Нижние чины получили рубахи защитного цвета, на которых уже в следующем году появились удобные накладные карманы.

Итак, защитная походная форма, рожденная на маньчжурских полях, в 1907–1909 годах обрела наконец официальный статус. Постепенно начали реформировать и парадное обмундирование. В 1897 году кавалеристы были очастливлены новыми двубортными мундирами на шесть пуговиц – в армейских драгунских полках, лацканного покроя на семь пуговиц – в гвардейских драгунских и конногренадерских полках.

После драматичной и кровавой Русско-японской войны побежденной на фронте и опозоренной в тылу армии требовалась какая-нибудь отдушина, сладкая пилюля против апатии и чувства горечи. Мешкать дольше нельзя – император и чиновники прекрасно понимали, что именно теперь нужна утешительная новая форма, искрящаяся полковым шитьем, украшенная лацканами, выпушками, петлицами, всей этой исторической красивой мишурой громких побед старой русской армии. От мужицкого стиля отказались. Но чем его заменить? Войскам требуется моральная поддержка, осязаемая историческая память, способная заглянуть, скрыть современные ошибки. В начале XX века самыми беспорочными, неоспоримыми и дивно изящными считались две победы – в Отечественной войне 1812 года и в русско-турецкой кампании 1877–1878 годов. В правления Александра I и Александра II наша армия ловко выигрывала одно сражение за другим в картинных, живописных мундирах, которые и следовало вернуть войскам в слегка модернизированном варианте. В приказе № 613 от 6 декабря 1907 года значилось: «Восстановить гвардейским частям пехоты, артиллерии и сапер мундиры времен царствования императора Александра II, отмененные в 1882 году».

Гвардия вновь надела блистательные мундиры лацканного покроя, воплощавшие собой баснословные победы прошлого. Их украсила сложная искрящаяся вышивка. К мундирам полагались неширокие шаровары, но модная

Иван Тихонович Тихонов, фельдфебель лейб-гвардии Преображенского полка, в парадной форме образца 1907–1909 гг.
Товарищество «Р. Голике и А. Вильборг», Санкт-Петербург.
Архив О.А.Хорошиловой

молодежь предпочитала более узкий фасон – «почти рейтузы», по меткому выражению гвардейца Юрия Макарова. С ними носили полумягкие лакированные сапоги с двумя или тремя складками.

Армейским пехотным полкам, артиллерии и инженерным войскам устанавливался двубортный мундир на шесть пуговиц, слегка расходящихся вверх, с цветными выпушками по запашному борту. Козырьки на фуражках нижних чинов упразднились, исчезли и шифровки на околыше, место которых заняли кокарды.

На предыдущей полосе:

Подпрапорщик лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества батальона в форме стрелков эпохи императора Александра II. Именно эти мундиры были возвращены гвардии в 1907 г.
Фотоателье «К. Е. фон Ган и Ко», Царское Село. 1906 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Лейб-гвардии
Конный полк
в парадной форме.**

Художник Н. Самокиш.

Издание Фельтена. 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Чины лейб-гвардии
Гусарского полка в парадной форме.**

Художник Н. Самокиш.

Издание Фельтена. 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Подпрапорщики лейб-гвардии
Саперного батальона (слева)
и лейб-гвардии 2-го стрелкового
Царскосельского полка.**

Изображены в парадной форме образца
1907-1909 гг.

Издание «Ришар», Санкт-Петербург.

Архив О.А.Хорошиловой

**Рядовой лейб-гвардии
Павловского полка
в мундире образца 1881-1882 гг.**

Голову украшает гренадерка, оставленная
этой воинской части в качестве элемента
городской парадной формы в строю.

Издание Свято-Троицкой общины сестер милосердия.

2-я половина 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Полковник
Николай Николаевич
Склифасовский (Склифосовский),**
сын знаменитого хирурга,
командир 127-го пехотного
Путивльского полка.
Позирует в парадном мундире
при наградах.
Фотоателье «A. Lorens», Санкт-Петербург.
Архив О.А. Хорошиловой

**Младший унтер-офицер,
вольноопределяющийся**
в двубортном армейском мундире
образца 1897 г.
Фотоателье «Г. В. Трунов», Москва.
Начало 1900-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

**Рядовой
187-го пехотного
Аварского полка**
в форме
образца 1907 г.
Астрахань, 1913 г.
Архив О.А. Хорошиловой

**Вольно-
определяющиеся
22-го саперного
батальона.**

Мундиры образца 1907 г.
сидят прекрасно и,
скорее всего,
сшиты на заказ.

Конец 1900-х гг. Выборг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Офицеры
и вольно-
определяющиеся
лейб-гвардии
Кавалергардского
полка.**

Позируют
в вицмундирах,
офицер справа
(граф Алексей
Алексеевич Игнатьев) –
в сюртуке.

Фотограф К. К. Булла (?),
Санкт-Петербург,
1902 г.

Архив О. А. Хорошиловой

Кавалерийские полки, бывшие до реформы 1860 года кирасирскими, получили темно-зеленый (в нескольких полках – черный) однобортный колет, обшитый по воротнику и борту характерной камчатой тесьмой. Исконно драгунские полки надели темно-зеленые однобортные на восемь пуговиц мундиры с цветными выпушками. Стоячий закругленный воротник украшали цветные клапаны с пуговицами, а также петлицы, кому они были положены. Уланы отныне имели полное право форсировать в темно-синих мундирах с лацканами, закругленными воротниками, обшлагами мыском. Гусары с нескрываемым удовольствием примерили свой исторический гардероб – доломаны, краповые чакчиры (кроме 5-го гусарского полка, которому присвоили черные). Некоторые полки получили также заветные ментики.

Все эти реформы, впрочем, не коснулись старого доброго офицерского сюртука, который продолжал оставаться элементом повседневной формы вплоть до 1917 года. Дорог он был многим гвардейцам, в том числе и Юрию Владимировичу Макарову, служившему в лейб-гвардии Семеновском полку: «Вместе с киверами и лацканами, в 1917 году отошел в историю русский офицерский сюртук, одежда очень несовременная и для ношения очень неудобная, но с которой связано много воспоминаний. В наше время углы воротника закрутили, чем сделали сюртук более удобным для ношения, но зато исчезла милая шелковая косынка и заменилась простым шелковым язычком, который носился на воротнике на резинке вокруг шеи. На практике, так как воротники и у нас носились очень высокие, и под ними крахмаль-

**Рядовой лейб-гвардии
Гродненского гусарского полка**
в доломане и меховой шапке
с Андреевской звездой.

Начало 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Младший унтер-офицер,
вольноопределяющийся,**
состоящий в команде разведчиков
20-го драгунского Финляндского полка.
Позирует в зимней кавалерийской
шинели. На рукаве – шеврон
сверхсрочнослужащего 2-го разряда.

Начало 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Урядник
Собственного
Его Императорского
Величества конвоя.
Товарищество
«Р. Голике и А. Вильборг»,
Санкт-Петербург.
Архив О.А.Хорошиловой

Казак 1-й
Уральской Его
Императорского
Величества сотни
лейб-гвардии
Сводно-казачьего полка.
Товарищество
«Р. Голике и А. Вильборг»,
Санкт-Петербург.
Архив О.А.Хорошиловой

**Собственный
Его Императорского
Величества конвой.**

Художник Н. Самокиш.

Издание Фельтена.

1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

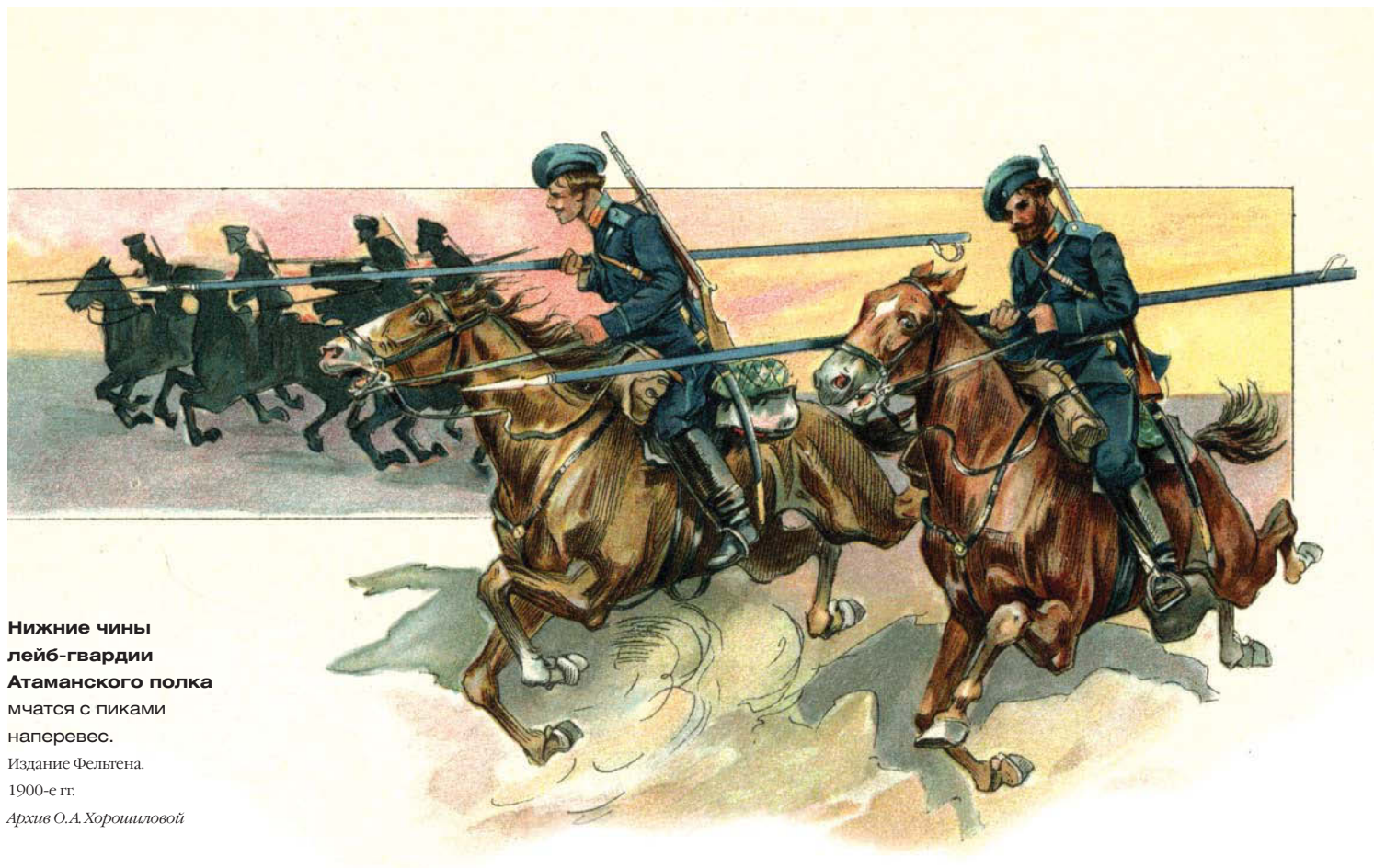
**Нижние чины
лейб-гвардии
Атаманского полка**

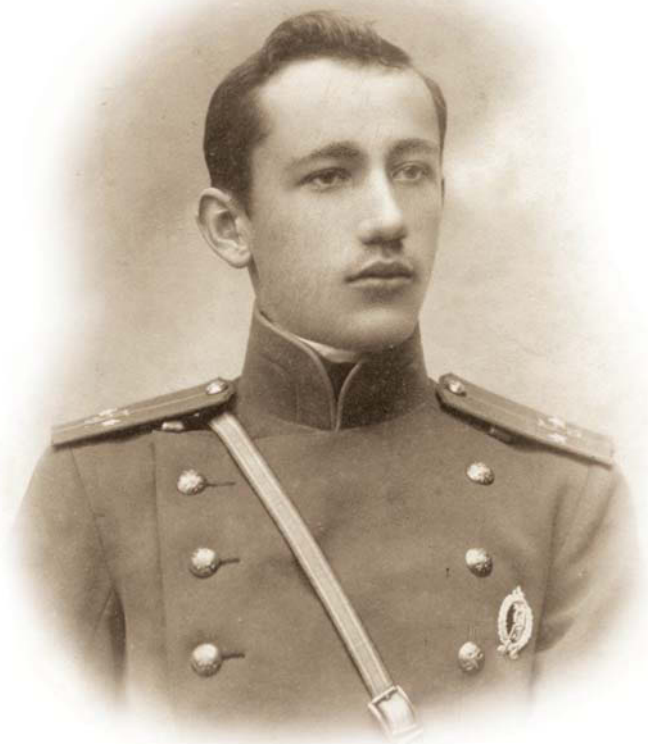
мчатся с пиками
наперевес.

Издание Фельтена.

1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Александр Васильевич
Вакуло, подпоручик
5-го стрелкового полка.**

На сюртуке заметен юбилейный знак в память назначения цесаревича Алексея Николаевича шефом Алексеевского военного училища. 1909 – 1910 гг.

Фотоателье «А. Badzian», Кельце.
Архив О.А.Хорошиловой

**Поручик
7-й артиллерийской
бригады.**

Отметим модный завышенный воротник сюртука.

Тамбов, 1912 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Поручик
160-го пехотного
Абхазского полка**

в сюртуке и галунной портупее.

На погонах – шифровка «40», обозначающая номер пехотной дивизии.

Отметим длинные пышные усы, модные среди офицеров того времени.

Начало 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Военный врач
в чине титулярного
советника (справа)
и капитан
одного из пехотных
полков
(третьего
в дивизии) в сюртуках.
1-я половина 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

ного воротничка было не видно, этот галстук часто заменялся простым шелковым лоскуточком, который пришивался изнутри прямо к воротнику. Официально исчезли и расстегнутые сюртуки. Неофициально, в интимной компании, в память прошлого, мы сюртуки все же расстегивали, а под ними, как и в старину, носили высокие пикейные жилетки с золотыми пуговицами. С мундиром и сюртуком рубашки полагалось носить белые. Надеть под мундир или под сюртук цветную рубашку было преступление»³⁴.

Раз гвардия и армия получили новое обмундирование, следовало ввести и соответствующие головные уборы. В их выборе император и Военное министерство проявили себя истинными и неизлечимыми ретроманами. Дорогая и красивая форма была дополнена историческими киверами и шапками, изящно украшенными и стоившими немалых денег. Гвардейская пехота, стрелки, пешая артиллерия и саперы надели кивера так называемого пехотного образца. Они весьма напоминали те знаменитые кивера с развалом, в которых русская армия громила Наполеона в 1812 году. Новые головные уборы имели цветной околыш, серебряную Андреевскую звезду с кокардой над ней, кутас с кистями и помпоном, металлическую чешую. Для армейских уланских полков вводились также уланские каски с помпонами (при обыкновенной форме) и султанами (при парадной форме). Армейские гусары украсили свои буйные головы меховыми шапками с гербом, кокардой, шлыком и волосяным султаном (при парадной форме). Была восстановлена так называемая азиатская шапка для 16-го, 17-го и 18-го драгунских полков. Она представляла собой фетровый колпак, обшитый черным барашковым мехом. В 1909 году драгунский кивер из черного фетра с подвесами и соответствующими знаками получили Гвардейский запасной кавалерийский полк, Гвардейская Конноартиллерийская бригада, а также офицеры и юнкера Николаевского

Корнет лейб-гвардии Кавалергардского полка,
поэт Михаил Михайлович Сухотин в праздничной форме – алом колете и каске. Фототипия, 1908 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Офицеры 4-го эскадрона лейб-гвардии Кавалергардского полка.
Один офицер позирует в вицмундире, все остальные – в сюртуках. Группа снялась перед отправкой некоторых офицеров на театр Русско-японской войны.
Фотоателье «Boissonnas & Eggler», Санкт-Петербург, март 1904 г.
Архив О.А.Хорошиловой

кавалерийского училища. Своеобразные головные уборы были присвоены армейским драгунским полкам (кроме Приморского), конной и конно-горной артиллерии. Их черные кожаные каски с козырьком и назатыльником, отличавшиеся плотным, дугообразным волосяным гребнем (черным или белым), преобразовали драгун и конноартиллеристов в бравых суворовских чудо-богатырей.

Все прочие войсковые части при обыкновенной и парадной формах носили цветные суконные фуражки. И здесь встал вопрос о том,

³⁴ Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Буэнос-Айрес, Доррего, 1951. С. 195–196.

**Унтер-офицеры
и подпрапорщики**

(слева направо):
лейб-гвардии
Семеновского,
12-го гренадерского
Астраханского,
лейб-гвардии
Егерского,
лейб-гвардии
4-го стрелкового
Императорской
Фамилии
и лейб-гвардии
Волынского полков.
Товарищество «Р. Голике
и А. Вильборг»,
Санкт-Петербург.
Архив О.А.Хорошиловой

как сохранить офицерам армейских пехотных полков, артиллеристам и инженерам присвоенные их частям отличия, которые до реформ крепились на барашковые шапки. Нижним чинам металлические ленты перенесли на тульи фуражек, а офицерам присвоили нагрудные знаки, весьма напоминавшие те, которые еще при императоре Александре I украшали мундиры победителей Наполеона. Новый вид отличия представлял собой посеребренную или позолоченную пластину серповидной формы с накладными двуглавым орлом и надписью отличия. Знак крепился серебряным или золотым канительным шнуром к пуговицам эполет или погон.

Мужицкий стиль сохранили, пожалуй, лишь офицеры и нижние чины лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии батальона. Они продолжали носить барашковые «кучерские» шапки, а в 1906 году надели малиновые рубахи-косоворотки и темно-зеленые безворотные полукафтаны русского покроя с кушаками. Для конца 1900-х их «крестьянский» облик был уже весьма необычным и становился порой темой для колкостей и дружеских издевок. Бытовало, к примеру, такое двустийше: «Кто в рубахах мужики – императорски стрелки». Впрочем, «мужикам» такая своеобразная, народная и весьма узнаваемая форма нравилась. С 1907 года офицеры батальона дополнили

свой летний гардероб темно-зелеными фуражками с кокардами в виде ополченческого креста, наложенного на кокарду. Они же чуть позже украсили защитные фуражки нижних чинов.

После серии реформ и нововведений офицерский гардероб заметно увеличился и подорожал. Форма теперь подразделялась на парадную, обыкновенную и повседневную – для зимы и лета, для строя и вне строя.

Каждый из этих видов одежды следовало носить в определенные правилами дни. Юрий Владимирович Макаров вспоминал: «В зависимости от случая, офицер мог облечься в парадную форму, что обозначало: кивер с белым султаном, мундир с красным лацканом, эполеты, нагрудный знак (сначала он существовал только в Петровской бригаде, кажется, в 1910 году его ввели во всей пехоте), ордена, у кого были, серебряный пояс, т. наз. шарф, шаровары, высокие сапоги, белые замшевые перчатки и, конечно, шашка, которая носилась всегда. За парадной шла «караульная форма». Это обозначало: кивер, но уже не с султаном, а с «помпоном», мундир без лацкана, погоны, шаровары и высокие сапоги. Нагрудного знака не полагалось, но зато носился револьвер, на ремне под шарфом и с серебряным шнуром вокруг шеи. Существовала еще «обыкновенная форма». Она надевалась при явке начальству,

преимущественно для разносов, в церковь, на панихиды, вынос плащаницы и т. п. Состояла она из того же мундира без лацкана, кивера с помпоном, при нагрудном знаке, шароварах и высоких сапогах. Была еще “бальная форма”. Тот же мундир без лацкана, кивер с помпоном, длинные штаны и маленькие лакированные ботинки. Эту форму, довольно элегантную, можно было надевать и на парадные обеды»³⁵. Перечень частей, составляющих эти виды формы, печатался отдельными брошюрами под названием «Правила о форме одежды». Списки и таблицы всех элементов можно также найти в известном издании полковника В. К. Шенка «Правила ношения форм одежды офицерами всех родов оружия и гражданскими чинами Военного ведомства» (1910 год).

Офицеры без сожаления прощались с крупными суммами, чтобы сшить себе ладно сидящий мундир или щегольской тесноватый китель, ловкую фуражку, приталенное, легкое пальто. И конечно, приходилось платить дорого за отличные кивера и литые кирасы, аккуратные нагрудные знаки, сапоги, шпоры...

Если положение обязывало и позволяли финансы, гвардейский офицер-петербуржец направлялся в магазин-ателье по адресу: Невский проспект, дом № 46. Его владельцем был седобородый и хмурый, как серое скандинавское небо, Карл Иванович Норденштрем, король военных закройщиков, личный поставщик императорского двора, обладавший необыкновенным деловым чутьем и десятком талантливых и проворных портных. Его продукция обходилась дорого. Походный китель можно было приобрести за 90-100 рублей, кирасирский колет – за 220-250 рублей. Парадный гвардейский пехотный мундир обходился офицеру в 150 рублей. Брюки стоили 30-40 рублей, жилет – 15. Но приходилось жертвовать ради красоты и тонности, ведь Норденштрем как и его предки, разбирался в вопросах офицерского шика не хуже августейших модников.

Впрочем, не только седовласый викинг предлагал гвардейцам вещи отменного качества. Император, великие князья и богатые офицеры часто пользовались услугами конкурента Норденштрема – Александра Михайловича Скосырева. В его магазине на Владимирском проспекте можно было одеться с головы до ног и приобрести необходимые аксессуары, к примеру галунные португалии и великолепные аксельбанты.

Мундирное шитье петербургские гвардейцы заказывали в мастерской «Мария Залеман», владела которой Анна Васильевна Артемьева. Стоило оно недешево – около 30 рублей, но офицеры денег не жалели, так как результат был всегда бесподобен.

Нестроевые чины лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка.

На мундире стоящего нижнего чина хорошо виден полковой знак, утвержденный в 1910 г.

Фотография 1914 г.

Архив О.А.Хорошиловой

³⁵ Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905 – 1917. Буэнос-Айрес: Доррего, 1951. С. 196.

Учебная команда лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества батальона.

На офицерах и нижних чинах – гвардейские лацканные мундиры образца 1907 г.

На некоторых видны барашковые шапки, отмененные в 1908 г.

Фотоателье «К. Е. фон Ган и Ко», Царское Село. 1909 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Флигель-адъютант, полковник граф Федор Эдуардович Келлер в форме лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии батальона образца 1881 г. С 1883 по 1887 г. Келлер был командиром этой части.

Фототипия конца 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Определенной популярностью пользовались другие ателье – Леонтия Абрамовича Вейсмана, Абрама Исаакиевича Херкуса, Александра Флегонтъевича Нилова. Все, что требовал устав и нашептывала военная мода, можно было обнаружить в магазинах Виктора Николаевича Курочкина, Михаила Львовича Пляцкого, Товарищества «Мандль и Райц».

Лучшие фуражки предлагал магазин «П. А. Фокин», находившийся на улице Караванной в доме № 2. Юный корнет Владимир Сергеевич Трубецкой заказал свой первый офицерский головной убор именно здесь: «От Норденштрема я несся к Фокину – наиболее излюбленному гвардейцами магазину “офицерских вещей”. Но всего замечательнее были знаменитые фокинские фуражки, которые делались только на заказ и которые признава-

лись в гвардейской кавалерии квинтэссенцией хорошего тона. С маленькими тупыми полями и в меру мягкие, они были чуть измяты по совсем особому фасону, придавая гвардейцам нечто от утонченного щегольства»³⁶.

Шпоры заказывали в мастерской «П. Савельев», владели которой сыновья основателя – Василий и Николай. Она располагалась в доме № 14 по улице Казанской. Каким бы ни было жалованье, истинный гвардеец готов был отдать последние деньги за пару легких савельевских шпор с их фирменным мягким, чистым, серебряным звоном, отозвавшимся во многих мемуарах. Ордена и полковые знаки было модно заказывать в известных петербургских мастерских «Эдуард» и Альберта Кейбеля.

Если офицер не имел особых предпочтений и полюбившихся мастеров, он мог приобрести обмундирование и амуницию в Гвардейском экономическом обществе, предлагавшем продукцию сотен производителей, с которыми заключались соответствующие договоры. Чего здесь только не было. В дубовых высоких шкафах и на изящных полках в стиле цветущего модерна стояли, словно на плацу, заветные предметы обмундирования – каски и кирасы, уланки и гвардейские кивера, портреты, трубочницы и даже фотографические аппараты на треногах. Сладчайшие услужливые продавцы в хорошо сшитых сюртуках и белоснежных манишках вертелись, как маленькие заводные балерины, совершая невероятные антраша в изящном полете за вещами, указанными клиентом. Здесь можно было купить изысканные вина и звонкое французское шампанское, дамы угощались кофе и английским чаем, детей баловали леденцами и птифурами. Весьма быстро магазин утерял свой скромный военный шик, превратившись в дорогой и модный бутик, который современники сравнивали с московским «Мюр и Мерелиз».

Товары, предлагаемые Гвардейским экономическим обществом, часто не отвечали потребностям офицеров, а вторили свет-

³⁶ Трубецкой В. С. В кн.: Князья Трубецкие. Россия воспринет. М., Военное издательство, 1996. С. 480.

**Рядовой лейб-гвардии
4-го стрелкового Императорской
Фамилии батальона**
в форме образца 1881 г.

Издание Свято-Троицкой общины сестер милосердия.
2-я половина 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

ской моде. Так, в начале 1910-х годов в магазине отсутствовали низкие воротнички, так как в моде были только высокие и очень высокие. Один покупатель-офицер сетовал: «Например, приходите вы покупать воротничок высотой в 4,5 сантиметра фасона Wellington. «Простите, – заявляет приказчик, – у нас держат начиная только с 5 сантиметров. Извольте и прейскурант посмотреть». Глядишь, и, действительно, офицеру с короткой шеей, привыкшему к фасону Wellington, нельзя пользоваться услугами Гвардейского экономического общества»³⁷.

³⁷ Бар. Т-в. Гвардейское экономическое общество с точки зрения интересов офицеров / Разведчик, 1912, № 1127. С. 374.

Гвардейские тонняги и во всем их копировавшие провинциальные армейские богачи ловко пользовались возможностью часто менять китель на мундир, эполеты на погоны, фуражку на кивер. В этом разнообразии форм и аксессуаров было легко шиковать. Многие молодые офицеры, поклонники

**Старший
унтер-офицер
лейб-гвардии
4-го стрелкового
Императорской
Фамилии батальона**
в форме
образца 1906 г.

Издание Свято-Троицкой общины сестер милосердия.
2-я половина 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Реклама мастерской
«Эдуард».**

1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Подпоручик
лейб-гвардии
Финляндского
полка**
в пальто.

Ок. 1907-1909 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

спортивной моды и неоклассической эстетики, стремились походить на стройных античных героев и по этой причине нередко пользовались техническими приспособлениями. Некоторые с большим удовольствием «затягивались» – то есть носили корсеты, которые можно было приобрести в соответствующих магазинах или же заказать в мастерских. Они представляли собой нагрудники из льна или хлопка с двумя плечевыми лямками и затяжкой на лифе, с помощью которой счастливый владелец обретал узкую талию и стройную фигуру. Такие корсеты носили многие петербургские гвардейцы, ими пользовались и августейшие особы, в частности великий князь Константин Константинович, известный модник и знаток шика. И даже в провинциальных городах молодые офицеры не стеснялись их носить. Мстислав Валерьевич Добужинский так описал артиллерийского поручика Р., служившего в Вильне: «Он был необыкновенный щеголь <...> был кудряв, с бачками и усиками в стрелку, и, вероятно, был облачен в корсет»³⁸.

Сорочки носили исключительно белые, цветные же считались в высшей степени дурным тоном или признаком опасного революционного демократизма. Щеголи-офицеры шили мундиры в хороших мастерских и непременно с покушениями на моду. Они были чуть короче положенных, тесноватые, с зауженной талией и слишком высоким, впивающимся в шею воротником. Переднюю полочку прокладывали изнутри ватой, чтобы создавалось впечатление «груди колесом». Впрочем, в среде столичных гвардейцев это считалось дурным тоном.

Сюртуки также подчинялись правилам гвардейского шика. «Сюртук должен был быть отнюдь не длинный, – пояснял Юрий Владимирович Макаров, – чуть выше колен, просторный и широкий, чуть в талию, но настолько свободный, что, когда подынешь руки, он должен был свободно ездить вниз и вверх по туловищу. В сюртуке, так же как и в мундире, должны были быть показаны грудь и плечи, но подкладывать для этого вату отнюдь не разре-

³⁸ Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 90.

шалось. Помню, как во время последней примерки старик Даронин нарочно совал мой папелец во все соответствующие места, дабы я мог самолично убедиться, что в сюртуке ничего не подложено. Помню также, что второй и третий сюртук я шил себе совершенно равнодушно, но когда облакался в первый, то испытывал такой же трепет, какой, говорят, испытывают молодые девицы, первый раз в жизни надевающие бальное платье. Впоследствии сильную конкуренцию первым петербургским военным портным составило Гвардейское Экономическое Общество. Оно переманило к себе главного закройщика от Даронина и стало шить не хуже, а главное, вдвое дешевле»³⁹.

По правилам гвардейского тона мундирная и сюртучная подкладка шилась только из кашемира. Она быстро протиралась, а главное, мешала при ходьбе, так как длинные полы сюртука собирались спереди. Но шик важнее здравого смысла – это твердо знали все тонняги.

Особо модными считались узкие кавалерийские рейтузы, крой которых копировали и некоторые щеголеватые пехотные офицеры. Они практически облипали ноги и этим, безусловно, подчеркивали их стройную рельефность. Мстислав Добужинский, описывая внешность модника поручика Р., указывал: «Он носил какие-то особенные облегающие ногу рейтузы, называемые почему-то “лиссабонскими”». Такие нередко можно встретить на фотографиях офицеров начала XX века.

Шикую подчинялись, кажется, все виды одежды. «Пальто, – писал Юрий Макаров, – должно было быть не светлое, а темно-серое, не длинное и широкое, почти без талии»⁴⁰. Кавалерийские шинели были, наоборот, длинными и доходили до шпор. Каждый офицер мечтал о «николаевской» шинели – однобортной, из теплого серого сукна на меховой подкладке. Ее главным отличием была богатая, широкая пелерина и бобровый, соболиный или енотовый воротник, в который было так уютно кутаться в сизую петербургскую стужу. Сто-

ила шинель 200 рублей и более, потому даже не все блистательные гвардейцы могли ее позволить. Своим старинным фасоном и небольшим весом «николаевская» шинель все меньше соответствовала активной, энергичной жизни молодых офицеров, потому счастливые обладатели надевали ее лишь на балы и в театры. В ней же они позировали какому-нибудь именитому фотографу для изящных снимков «cabinet portrait» и «boudoir».

Остромодными аксессуарами являлись тонкие, ловкие тросточки, с которыми молодые столичные поручики и ротмистры отправлялись на скейтинг-ринки или музыкальные вечера в Павловске. До начала 1910-х годов очки в офицерской среде считались немодными, и даже слабовидящие избегали их носить. Граф Алексей Алексеевич Игнатъев называл их «явлением в армии редким». Свойственны они были, пожалуй, лишь артиллеристам, блиставшим образованностью. Впрочем, их бархатные воротники с «ученым кантом» и аккуратные очки вызывали у столичных щеголей приступы унынья и тягучей скуки. В армии эти оптические приборы называли пренебрежительно «глазенапами», а очки с затемненными стеклами – «консервами».

Однако в начале 1910-х годов, или чуть раньше, стали популярны пенсне без оправы, в которых офицеры позировали даже для парадных групповых снимков. Они не спешили расставаться с ними во время парадов и высочайших смотров. С. фон Дитмар отмечал: «В 1912 году я был очевидцем представления Государю императору в Красном Селе офицеров переменного состава двух специальных школ, причем имевшие счастье представляться и докладывать Державному Вождю армии на милостивые вопросы *rense-nez* не снимали. Как мне казалось, это, при прежней терминологии “вольнодумство”, дисгармонию в область военно-служебной этики не внесло. Таким образом, за *rense-nez* в настоящее время, можно сказать, установились все права гражданства»⁴¹.

³⁹ Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Буэнос-Айрес, Доррего, 1951. С. 197.

⁴⁰ Там же. С. 198.

⁴¹ Дитмар С., фон. О ношении очков и *rense-nez* / Разведчик, 1914, № 1231. С. 352.

**Коллежский ассессор,
доктор медицины Сергей
Романович
Миротворцев**

в мундире преподавателя
Императорской
Военно-медицинской
академии.
1914 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Коллежский
советник,
преподаватель
Императорской
Военно-медицинской
академии**

И. З. Афонский
в сюртуке со стоячим
черным бархатным
воротником, присвоенным
врачам-преподавателям
этого заведения.

На погонах – вензель
академии.

Начало 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Русский хирург,
действительный
статский советник
Сергей Николаевич
Делицын.**

Позирует
в сюртуке и погонах
преподавателя
Императорской Военно-
медицинской академии.
У воротника – знак
ордена Св. Владимира
III степени. Начало 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Прически офицеров были достаточно разнообразны. Однако молодые тонняги, придерживавшиеся в одежде изящного и строгого британского стиля, предпочитали носить английский пробор – по центру или чуть набок, зализывая и умащая волосы гелями. Эту прическу вскоре переняли петербургские пажи, лицеисты и правоведаы.

Если офицер следовал всем правилам шика, носил прекрасно сшитые китель, пальто, ладно сидящую фуражку, изысканно говорил,

изящно двигался и красиво жил, он мгновенно становился иконой стиля для окружающих его юнцов и мужчин. Владимир Сергеевич Трубецкой признавался: «Я – двадцатилетний ребенок. Однако вместо того, чтобы улыбаться, я напускаю на себя усталое равнодушие. Во всех своих движениях я сдерживаю себя. Я стараюсь в точности копировать известных мне наиболее манерных и тонких гвардейских франтов. Я копирую их походку, чуточку презрительное выражение лица – словом, все их повадки, и я чувствую, что это положительно хорошо удается <...>. Вот на широком тротуаре Невского проспекта встречаются мне какие-то штатские молодые люди в студенческих фуражках. Они шагают разнузданной штатской походкой беспечных юношей студентов. Равняясь с ними, я напускаю на себя надменный вид человека, свыкшегося со своим превосходством, иду так прямо, гордо и уверенно, что штатские люди инстинктивно уступают мне дорогу и сторонятся – лишь бы как-нибудь не задеть меня»⁴².

⁴² Трубецкой В. С. В кн.: Князья Трубецкие. Россия воспрянет. М., Военное издательство, 1996. С. 497.

Петр Павлович Дурново,
генерал от инфантерии,
московский
генерал-губернатор.
Запечатлен в сюртуке
с нагрудными знаками
и погонами
Генерального штаба.
Фотоателье
«С. Bergamasco»,
Санкт-Петербург, 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Коллежский
советник в мундире
военного врача.**
Воротник украшен
двумя рядами
серебряных петлиц.
На плечах – серебряные
эполеты с темно-синим
полем.
Вероятно,
врач принял участие
в Русско-японской
войне – на колодке
виден знак ордена
Св. Георгия IV степени.
Санкт-Петербург, 1914 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Однако помимо гвардейского шика с ярко выраженной петербургской нотой существовал и «сверхшик», который метко охарактеризован Владимиром Трубецким: «Только два полка в глазах матери были вне всякого шика и были действительно настоящими порядочными полками – знаменитый исторический лейб-гвардии Преображенский пехотный полк и кавалергардский. У них был сверхшик, заключающийся во всяком отсутствии “шика”. Это было уже какое-то “рафинэ” джентльменства»⁴³.

Уставы и правила ношения формы нарушали не только кадровые офицеры, но и те, кто им всячески подражал, – военные врачи и гражданские чиновники Военного ведомства. Одним из самых распространенных способов «закамуфлироваться» под военного было носить широкие «офицерские» погоны. «Замечается почти сплошное отступление от формы, выражающееся в том, что врачи носят погоны уширенные против установленно-

го образца»⁴⁴, – сообщал журнал «Разведчик». На его же страницах был опубликован трагикомичный рассказ о том, как одного офицера Генерального штаба перепутали с военным врачом. Его автор делал такие неутешительные для себя выводы: «В самом деле: чем, собственно говоря, отличается в настоящее время форма офицера Генерального штаба от формы военного врача? Если смотреть глазами неспециалиста, то решительно ничем. Погоны, которые установлены для врачей, несколько уже офицерских, но значительно шире принятых для гражданских чиновников, все более и более заметно уширяются, незаконно приближаясь к типу погон Генерального штаба. Синий бархатный околыш на фуражке трудно теперь у врачей и встретить; за редким исключением, все носят околыш черного бархата (положенный офицерам Генерального штаба. – О.Х.)»⁴⁵.

⁴⁴ Распоряжения по Военному ведомству / Разведчик, 1911, № 1101. С. 761.

⁴⁵ О. Г. Ш. Непонятное смешение форм / Разведчик, 1913, № 1203. С. 718.

⁴³ Трубецкой В. С. В кн.: Князя Трубецкие. Россия воспрянет. М., Военное издательство, 1996. С. 371.

Новым пореформенным обмундированием были довольны, кажется, лишь гвардейские тонняги и офицеры-богачи. Все прочие, скромно жившие на жалованье, не могли себе позволить сшить такой большой гардероб и приобрести необходимые аксессуары. В военной прессе печатали письма читателей и статьи, критиковавшие чрезмерное обилие видов уставной формы. «Итак, пехотный офицер (беднейший в армии) обязан иметь два вида мундиров, летний китель, сюртук, три пары рейтуз (зимние – длинные и короткие, и летние), два вида сапог, три вида головных уборов (фуражка – зимняя и летняя, и предполагаемый парадный головной убор). Если подсчитать, сколько экземпляров всего этого надо иметь, чтобы быть чисто и прилично одетым и чтобы иметь надлежащий запас на военное время, то... пожалуй, не хватит не только последней “прибавки” жалованья, но и всего его целиком»⁴⁶.

Даже младшим офицерам гвардии приходилось экономить и скрупулезно подсчитывать растраты на обмундирование и снаряжение. Юрий Макаров сетовал: «Обновлять постоянно приходилось мундиры, сюртуки и пальто. Эти, считая на круг, по ценам Экономического Общества стоили 50–60 рублей. Высокие сапоги стоили 20–25 рублей, ботинки – 12 рублей, шаровары и длинные штаны круглым счетом 12–15 рублей. Эполеты – 6 рублей; фуражка, пара погон, шарф, португез, пара белых замшевых или коричневых перчаток приблизительно по три рубля. Вот тут и считай. И все это притом, что подпоручику гвардии казна выдавала 86 рублей в месяц жалованья. Подпоручику армии платили на пять рублей меньше»⁴⁷.

Многие считали неудобным и неэкономичным офицерский нагрудный знак. Основные недостатки этого, безусловно, красивого атрибута перечислил военный обозреватель «Разведчика»: «Без посторонней помощи надеть его на себя почти невозможно. Шнур-

ки, которыми он прикрепляется к пуговицам погон или эполет, рвутся <...>. Самые шнурки имеют определенный и неизменяющийся размер. Между тем расстояние между пуговицами погон на мундире и на пальто не одинаково⁴⁸. Для уменьшения длины шнура приходится прибегать к различным ухищрениям: скручивать шнурок <...> или делать петли на шнурке. Чтобы знак сидел красиво, необходимо, чтобы он плотно прилегал к воротнику. Это заставляет натягивать шнурок на пуговицы довольно сильно; в результате – или шнурок рвется, или пуговица отлетает»⁴⁹.

Новое обмундирование действительно не всем было по карману, и не все считали его удобным. Чиновники Военного министерства опять сели за работу – следовало придумать нечто более экономичное, красивое и походное одновременно. В результате в 1913 году была утверждена весьма своеобразная парадно-полевая форма для гренадерских и армейских частей, инженерных и железнодорожных войск, а также штабов, управлений и некоторых вспомогательных частей. В ней соединили, казалось бы, несочетаемые элементы. Так, при парадной форме на оливковые походные офицерские мундиры и солдатские рубахи настегивались цветные суконные лацканы, цветные скругленные воротники (которые вскоре стали пришиваться), а также мундирные погоны. Но и эта форма имела множество недостатков, помимо своего странного вида. К примеру, офицерам приходилось шить новый парадно-полевой мундир исключительно для парадных целей. Его кроили отрезным по талии и с меньшим количеством складок по спинке, чтобы он не выглядел мешковато. Не известно, какой могла быть дальнейшая судьба парадно-полевого гибрида, если бы не начавшаяся вскоре Первая мировая война, подчинившая военную форму своей железной воле.

⁴⁶ Залесский. Опять форма одежды /Разведчик, 1909, № 953. С. 71–72.

⁴⁷ Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905 – 1917. Буэнос-Айрес, Доррего, 1951. С. 199.

⁴⁸ При парадной и обыкновенной формах в строю, когда офицеры были в пальто, офицерские знаки носились поверх пальто.

⁴⁹ С-нов С. Офицерский нагрудный знак / Разведчик, 1911, № 1096. С. 690.

Обмундирование чинов императорского флота

Офицеры русского императорского флота носили весьма элегантную форму, необыкновенно разнообразную по своим видам и функциям. «Черные рыцари», как их часто называли столичные светские львицы, могли дать фору любому гвардейскому офицеру в умении носить мундир, шляпу, шинель. Они неоднократно одерживали безоговорочную победу в искусстве «сверхшика», когда каждый, пусть даже самый простой и скромный, предмет обмундирования настолько красив и настолько к месту, что ровно ничего изменить в этой идеально целостной картинке невозможно.

Военно-морская форма включала в себя множество элементов: галстук, жилет, мундиры нескольких видов, вицмундир, сюртук, китель, шаровары, укороченное пальто, плащ-пальто, шинель, треугольную шляпу, фуражку, башлык, а также соответствующие аксессуары – эполеты, погоны, португую, холодное оружие, револьвер...

Отличить одного «морского волка» от другого, а также безошибочно определить его профессиональную специализацию помогал прежде всего мундир. Существовало три основных типа по крою – однобортные со скошенным воротником и 8 пуговицами, двубортные со скошенным воротником и 8 пуговицами, двубортные со скругленным воротником и 6 пуговицами. Первые были присвоены генерал-адъютантам, а также адмиралам и генералам, состоявшим при императоре (но без аксельбанта), свитским контр-адмиралам и генерал-майорам (но с серебряным шитьем вместо золотого), а также флигель-адъютантам (при свитской форме). Темно-зеленые двубортные мундиры со скошенным воротником, застегивавшиеся на 8 пуговиц, носили адмиралы и генералы при общей форме, офицеры Гвардейского экипажа, адъютанты Главного морского штаба и некоторые другие чины. На воротнике и обшлагах мундира поблескивало сложное шитье – кант и якоря, перевитые толстыми канатами. Штаб- и обер-офицеры

**Вице-адмирал
Николай
Илларионович
Скрыдлов**

в общеадмиральском мундире образца 1899 г.

Фототипия, начало 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

носили так называемые флотские мундиры – темно-зеленые, двубортные на 6 пуговиц со скругленным воротником, украшенным плотным золотым шитьем – якорями и канатами.

Вицмундиры представляли собой темно-зеленые (почти черные) форменные сюртуки гражданского покроя, застегивавшиеся на четыре из шести пуговиц. С ними надевали сорочку с пристяжным воротничком – отложным или стоечкой, белый пикейный однобортный или двубортный жилет, а также черный репсовый галстук, узкий, повязанный малым бантом.

Сюртуки существовали в двух вариантах – гражданского и военного покроя. Первые в целом не отличались от вицмундиров, а вторые были двубортными, со стоячим закругленным воротником и застегивались на 6 пуговиц.

В летнее время разрешалось носить однобортный на 5 пуговиц китель-«полотняник» из белой полотняной материи со стоячим воротником и двумя нагрудными карманами.

**Лейтенант
Константин
Николаевич
Оглоблинский**

во флотском мундире
при наградах.

Отметим холеные
усы и аккуратную
бороду, столь
популярную среди
русских морских
офицеров.

Фотоателье «Левицкий».

Начало 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Капитан 1-го ранга
в строевой парадной форме –
флотском мундире с эполетами, фуражке, сабле.**

1910-е гг.

Частная коллекция

Все эти виды одежды офицеры носили с темно-зелеными (почти черными) шароварами без выпушек. Наплечными знаками были эполеты и погоны, ношение которых строго регламентировалось правилами и зависело не только от типа одежды, но и конкретных событий, участниками которых становились чины флота.

Верхняя одежда представляла собой укороченное, типа тужурки, пальто, плащ-пальто из черного сукна, воротник которого в зимнее время офицеры украшали черной смушкой, шинель, а также черные каучуковые и кожаные непромокаемые плащи.

У офицеров существовало два вида головных уборов – треугольная шляпа из темно-зеленого сукна, украшенная с правой стороны кокардой, пуговицей и петлицей – кани-

тельного жгута для адмиралов и генералов, галунной с черной полоской посередине – для штаб- и обер-офицеров. Фуражка шилась из тонкого темно-зеленого сукна, имела черный лакированный козырек, кокарду, подбородочный ремень, а также белый кант вокруг тульи. Цвет околыша и дополнительные канты соответствовали занимаемой должности. К примеру, генералы и адмиралы свиты носили темно-зеленую фуражку с алым околышем, окруженным белыми кантами, околыши фуражек чинов по Адмиралтейству из бывших офицеров флота отличались красным околышем с темно-зелеными кантами и т. д. В летнее время поверх тульи надевался белый чехол, и только чины Черноморского и Каспийского флотов зачехляли также околыш и козырек.

Поручик понтонного батальона (слева) и мичман, только что окончивший Морской кадетский корпус.

Фотоателье «И. Войно-Оранский», Санкт-Петербург. 1904-1905 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Николай Николаевич Оглоблинский, лейтенант, помощник заведующего компасным делом во флоте.

Позирует в сюртуке при погонах. На правой стороне груди – знак об окончании Николаевской морской академии.
Санкт-Петербург.
Начало 1890-х гг.
Архив А. и В. Гофманов (Париж)

Военно-морская форма была трех видов – парадная, обыкновенная и береговая походная. Основные составляющие парадной формы – мундир с эполетами, шаровары (с галуном при общeadмиральском и генеральском мундирах), ордена, треугольная шляпа, сабля. Их надевали во время высочайших выходов, для представления начальству по случаю производства в следующий чин, на смотрах в высочайшем присутствии и некоторых других событиях.

Обыкновенная форма генералов и адмиралов флота предполагала сюртук с эполетами, шаровары, белый жилет, черный галстук, ордена, шляпу и саблю. В ней присутствовали на официальных молебнах, при освещении церковей, при прибывании знамен. В вопросах

кроя сюртуков морские офицеры делились на две группы – консерваторов и «тонняг». Первые, старые «морские волки», служившие при нескольких императорах, носили короткие сюртуки с широкой юбкой в стиле позднего Александра II. Молодые офицеры, наоборот, пытались угнаться за ветреной модой. Владимир Полиевктович Костенко вспоминал: «Сегодня выпускники-механики носятся по коридорам с мундирами, треуголками, кортиками и палашами. Наши франты, заказавшие в Петербурге модным портным мундиры и сюртуки с талией, перетянутой в рюмочку, отпущены туда»⁵⁰.

⁵⁰ Костенко В. П. На «Орле» в Цусиме. Воспоминания участника Русско-японской войны на море в 1904-1905 гг. – Л., Судпромгиз, 1955. С. 66.

Вице-адмирал

(возможно, в отставке) запечатлен в окружении любящего семейства.

Он позирует в летнем белом однобортном кителе с вице-адмиральскими погонами (видны черные двуглавые орлы).

Петергоф. 1906 г.

Архив О.А. Хорошиловой

Надворный советник,
 числящийся по морскому ведомству.
 Одет в летний белый китель.
 На груди – знак об окончании
 Николаевской морской академии.

Фотоателье «Е. Чеховской»,
 Москва. 1-я половина 1900-х гг.
 Архив О.А.Хорошиловой

Карикатура
на офицеров флота.

Слева – старый вице-адмирал,
 справа – молоденький мичман,
 заигрывающий с дамой.

1910-е гг.

Фототипия.

Архив О.А.Хорошиловой

На бульварь.

Рис. Заринга. Съ оригинала, принадлежащего С. В. Сѣверину
 Морскія Записки. Т. III, 1945 г. The Naval Records V. III, 1945.

**Лейтенант
Петр Петрович
Шмидт**
в форменном сюртуке,
фуражке
и плаще-накидке
с капюшоном.
1904-1905 гг.
Фототипия.
Архив О.А.Хорошиловой

Береговая походная форма включала в себя мундир с погонами, шаровары, которые носились поверх сапог и в сапоги (к примеру, во время сухопутных походов и маневров), ордена (без ленты), фуражку и саблю. Ее носили не только во время маневров, но и для участия в обыкновенных церковных парадах, разводах, береговых учениях.

Однако форма не была единственным видом одежды военных моряков. Находясь за границей, они носили обыкновенные гражданские костюмы, котелки и цилиндры, брюки со штрипками и штиблеты. В общем, выглядели элегантно, но по-городскому, и отли-

**Капитан 1-го ранга
Иван Иванович Подъяпольский,**
командир Каспийского флотского экипажа.
Снялся во время заграничной поездки
и поэтому одет в гражданский костюм.
Фотоателье «Н. Уэно», Нагасаки. Середина 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

чить их от состоятельных буржуа было практически невозможно. В экзотических южных странах русские моряки своей одеждой напоминали колонистов. Князь Алексей Павлович Чегодаев-Саконский, ходивший на крейсере «Алмаз» в районе Мадагаскара, отмечал: «Наш костюм ограничивался кителем, панталонами и белыми башмаками. Белья не носили, иные ходили даже без носков»⁵¹. Многие офицеры печально известной эскадры адмирала Рожественского, отправляясь в поход на Дальний Восток, не успели запастись штатским платьем и потому придумали оригинальный выход из положения: «На форменное платье одевалось чье-нибудь пальто – и это в тропиках (в бухте близ Сиамы. – О.Х.) – и все. Мне и сейчас жарко делается, когда вспоминаю об этом»⁵².

⁵¹ Чегодаев-Саконский А.П., князь. На «Алмазе». От Либавы через Цусиму – во Владивосток. СПб.: Издатель М. А. Леонов, 2004. С. 54.

⁵² Корецкий М.П. Крейсер I ранга «Владимир Мономах» в бою с японцами у острова Цусима 14-15 мая 1905 г. / Морские записки, Т. XIII, № 2-3, 1955. С. 25.

Мичман,
вахтенный офицер клипера «Опричник»
во время заграничного плавания.

Япония, 1882 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Существовала, правда, одна оговорка. Во время заграничного плавания при посещении иностранных судов, представлении высшим лицам и во время участия в смотрах и парадах морякам надлежало быть в форменной одежде, даже если дело происходило в знойной экзотической стране. Мичман крейсера «Варяг» Александр Владимирович Кованько сетовал: «Консул нам сообщил, что султан примет командира и офицеров у себя во дворце, и просил быть в полной парадной форме. При тропической жаре это было очень тяжело, так как в белых кителях тогда не разрешалось представляться в торжественных случаях и нужно было одевать суконные мундиры»⁵³.

**Адмирал Иван
Константинович
Григорович**

в форменном сюртуке
при погонах.

Фототипия. 1914 г.

Архив О.А.Хорошиловой

С 1899 по 1914 год обмундирование чинов Морского ведомства менялось незначительно, но постепенно росло количество вариантов его ношения, усложнялись правила, и жизнь военных моряков превращалась в ежедневный и многочастный бал-маскарад с переодеваниями. В 1904 году к трем уже существовавшим типам форм добавились еще три – строевая парадная, десантная и служебная. В 1911 году рачительный вице-адмирал Григорович, заботившийся не только о сути морской службы, но и о внешнем виде офицеров, поставил свою визу под сложнейшим с точки зрения обывательского здравомыслия документом – «Правила о формах одежды для офицерских, медицинских и гражданских чинов Морского ведомства». С небольшими исправлениями и дополнениями они просуществовали до 1917 года. Форма делилась уже на 15 (!) видов, включая сезонные варианты (зимний и летний) – парадную, строевую парадную, обыкновенную, строевую

⁵³ Кованько А. В. На «Варяге» в Персидском заливе / Морские записки, т. X, № 1-2, 1952. – С. 55.

**Офицеры флота
в повседневной
летней форме**

вне строя – синих
кителях при погонах,
фуражках, шароварах
навыпуск.

Петроград.
1914-1915 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

обыкновенную, служебную, строевую служебную, повседневную, а также визитную зимнюю.

Существовали предписания, связанные с ношением оружия. Александр Владимирович Зернин отмечал: «При парадной форме, стоя, саблю нужно было держать перед собой, поставив ее на землю и положив руки на эфес. На ходу надо было нести ее, придерживая рукой <...>. Я вошел с независимым видом, держа за эфес свою саблю, которая, в принципе, должна была волочиться по земле на длинных ремнях портупей, надетой под китель, но это не допускалось»⁵⁴.

⁵⁴ Зернин А. Открытие памятника адмиралу Макарову (из воспоминаний) / Морские записки, Т. XX, № 1, 1962. С. 40.

**Известный авиатор,
русский инженер,
капитан Лев Макарович Мациевич**

в синем флотском кителе.

Открытка, 2-я половина 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

В этой сложной схеме легко путались и «морские волки», и вестовые, ревностно следившие за гардеробом офицеров. «Старые вестовые научат новичка, как и что делается, а он перепугает и наделает глупостей, а барин “серчает”. Да и как тут не сердиться, если на кителе не окажется погон или на сюртуке вместо эпюлет – погоны, а обнаружится это в последний момент, когда надо быть готовым»⁵⁵, – сетовал Гаральд Карлович Граф.

Офицерский гардероб периодически пополнялся новинками. Так, в 1901 году летнюю серую шинель сменил плащ-накидка с метал-

⁵⁵ Граф Г.К. Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906–1914. СПб.: БЛИЦ, 2006. С. 96.

лическими пуговицами, цепочкой и без погон (они появились особым распоряжением лишь в 1912 году). В 1907 году чины свиты, Главного морского штаба, офицеры Гвардейского экипажа и некоторые другие получили китель оливково-серого цвета, аналогичный тому, который надели тогда сухопутные офицеры. Его следовало носить при повседневной (вне строя) и строевой служебной формах. В 1909 году «в виде опыта» чинам флота был присвоен синий китель, такого же цвета фланелевые рубахи матросов. В следующем году он, официально утвержденный, стал одним из самых распространенных видов одежды среди русских морских офицеров.

Впрочем, разнообразной и дорогой флотская форма была только в столице, на парадах, торжественных встречах и построениях. В военное время, в трудных, дальних походах морякам порой приходилось довольствоваться обносками и всем тем, что они могли приобрести на скудеющие средства в тех портах, куда заходил их корабль.

Владимир Полиевктович Костенко, участник печально известного перехода Второй эскадры адмирала Рождественского, так описал внешний вид офицеров и нижних чинов броненосца «Орел»: «Машинных и артиллерийских запасов и материалов, а также провизии, обмундирования и всего прочего расходного снабжения на эскадре осталось всего на два месяца. Особенно неблагоприятно обстоит дело с обеспечением команды обмундированием на 1905 год. Ужасные условия плавания, тяжелые судовые работы, громадные погрузки угля, лишение значительной части команды нормальных жилых помещений, использованных под засыпку углем, – все это чрезвычайно ускорило износ обуви и одежды, а Морское министерство решило отправить очередные комплекты обмундирования на 1905 год по железной дороге во Владивосток. Видимо, о сохранности штанов и сапог заботятся более, чем о судьбе эскадры. Ей предоставлено выкручиваться из всех трудностей “собственными средствами”. Сапог и обуви команда не имеет, а обмундирование представляет жалкие лохмотья.

**Унтер-офицер
Гвардейского
экипажа.**

Издание
Свято-Троицкой общины
сестер милосердия.
2-я половина
1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Вместо фуражек половина команды носит какие-то монашеские скуфейки или поварские колпаки, сделанные из грязного тряпья. Предвидя, что к переходу через Индийский океан все резервы обуви иссякнут, старший офицер “Орла” организовал плетение “лаптей” из ворсы»⁵⁶.

Форма нижних чинов тоже отличалась разнообразием. Матросы Гвардейского экипажа носили черный двубортный на шесть пуговиц мундир с отложным воротником, белым кантом и желтыми басонными петлицами. Такие же петлицы и кант украшали обшлага рукавов. Погоны полагались алые, брюки – суконные черные и непременно прямые, так как «английскому фасону “клевш” у нас не следовали»⁵⁷. В 1903 году кондукторам флота был присвоен двубортный белый китель со стоячим воротником

⁵⁶ Костенко В. П. На «Орле» в Цусиме. Воспоминания участника Русско-японской войны на море в 1904-1905 гг. Л., 1955. С. 342.

⁵⁷ Никитин-Фокагитов Н. Д. Во дни перед походом в Америку / Морские записки, Т. XX, № 3-4, 1962. С. 15.

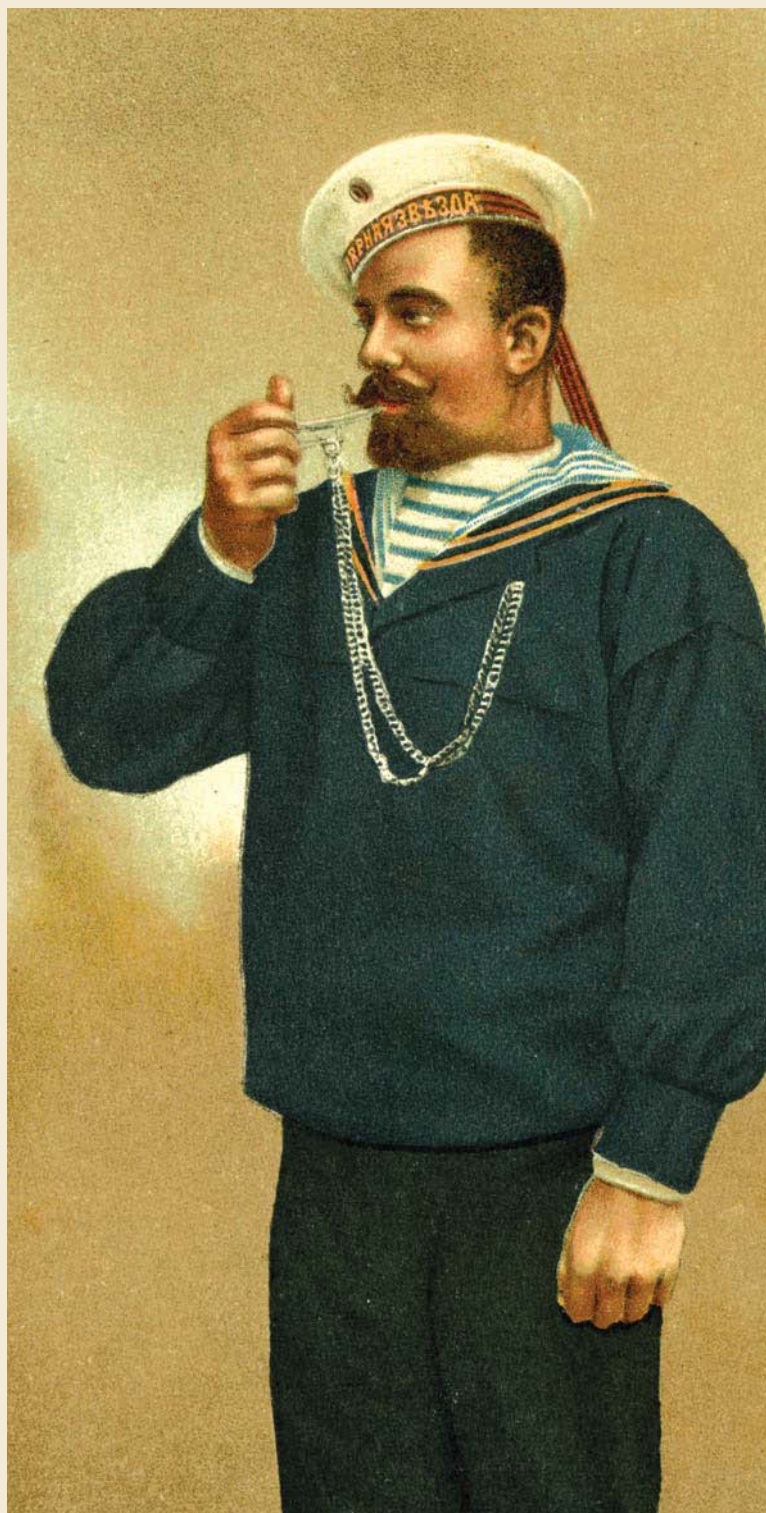

Боцман Гвардейского экипажа

в двубортном мундире и бескозырке с Георгиевской ленточкой. Часто по желанию заказчика фотомастер раскрашивал готовую фотографию в согласии с цветами обмундирования.

Фотоателье «Б. Флак», 1890-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Матрос яхты

«Полярная звезда»

в синей фланелевой рубашке, бескозырке с Георгиевской ленточкой и боцманской дудкой.

Издание Свято-Троицкой общины сестер милосердия.

2-я половина 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Унтер-офицер

Катерной команды лейб-гвардии
Преображенского полка.

Товарищество «Р. Голике и А. Вильборг»,
Санкт-Петербург.

Архив О.А.Хорошиловой

Молодой матрос

в тельняшке и синей
«фланке», служащий,
возможно,
при Царскосельском
адмиралтействе.

Фотоателье «П. Видинев»,
Царское Село.

Начало 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

вместо отложного. В 1908 году нижние чины надели новый ремень – из черной кожи с блестящей, украшенной изображением двуглавого орла на скрещенных адмиралтейских якорях. Матросы носили бескозырки, боцманы и кондукторы – фуражки с козырьком. Шинель полагалась черная однобортная на шесть томпаковых пуговиц, пальто – двубортное, также на шесть пуговиц. Нижние чины флотских экипажей имели аналогичную форму, но без гвардейских отличий и вместо алых – темно-зеленые погоны.

Помимо перечисленных вещей гардероб матроса включал полосатые нательные рубахи («тельники»), галстук, белую полотняную рубашу («formenku») с темно-синим воротником в два ряда белых полосок, рабочую блузу и брюки (из полотна, а также из тонкой льняной парусины), синюю фланелевую рубашу («фланелевку»), носки, вязаные наушники и перчатки, шерстяную фуфайку, сапоги, ремень, башлык. В 1912 году на нагрудных карманах блуз появился порядковый трафаретный номер.

Форма Великой войны и революции

Павел Васильевич Пашков, новоиспеченный безусый офицер, только что снявший форму юнкера-«алексеевца», описал свой новый походный гардероб: «Полагалось иметь известный установленный комплект обязательных вещей, состоявший из: защитного цвета суконной фуражки и папахи серого каракуля; шинели солдатского сукна и образца; непромокаемого плаща; защитного суконного кителя мундира; темно-зеленых диагональных шаровар с красной выпушкой; защитной суконной гимнастерки и таких же к ней шаровар; двух пар галунных и двух пар защитных погон; кожаной двубортной куртки; двух пар сапог (парадные и походные); шерстяного свитера; ременного походного снаряжения; кожаных перчаток; трех пар нижнего белья, нескольких полотенец и носовых платков, носков и т. п. и походного чемодана-кровати»⁵⁸.

Действительный статский советник Сергей Николаевич Делицын

рассматривает череп из коллекции Императорской Военно-медицинской академии. Этот постановочный снимок К. К. Буллы приобрел новое, драматическое звучание с началом Первой мировой войны.

Архив О.А.Хорошиловой

⁵⁸ Пашков П. В. Воспоминания юнкера-алексеевца / Военная быль. 1970, № 102. С. 24.

Прапорщик артиллерии

в щегольской суконной рубаше с модными накладными карманами. Офицер, вероятно, только что окончил школу прапорщиков и снялся перед отправкой на фронт.

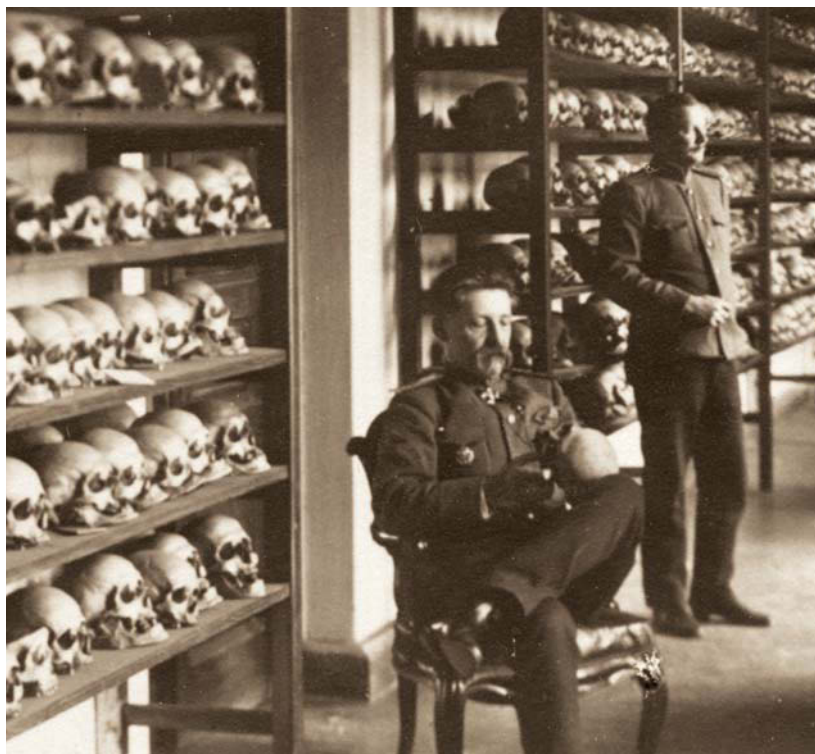
1916 г. Архив О.А.Хорошиловой

Команда разведчиков 8-го Финляндского стрелкового полка

в маскировочных халатах.

1914 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Прадед автора,
Николай Михайлович
Пунин,**

в удобной солдатского
кроя походной рубаше
и полевых погонах.

Рядом – супруга,
Елизавета Антоновна.

Варшава, 1915 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Ефрейтор
стрелкового полка
Влас Зайцев
с другом**
перед отправкой на
фронт Первой мировой
войны.
Позируют в полном
походном снаряжении.
Выборг, 1914 год.
Архив О.А.Хорошиловой

Георгий Мечиславович Козубовский,
корнет 2-го лейб-гусарского Павлоградского
полка. На его гимнастерке – погоны полка
с характерным гусарским зигзагом по краям
и вензелями императора Александра III.
1916 г. Архив О.А.Хорошиловой

**Прапорщик
Вильгельм Михайлович
Недзвецкий.**
Судя по наградам,
он был произведен
в офицеры из нижних
чинов за боевые заслуги.
Обратим внимание
на то, что Георгиевские
крест и медаль
IV степени надеты
под карманный клапан.
1915-1916 гг.
*Семейный архив С.М.Ванькович
(Санкт-Петербург)*

Василий Горячков,
герой Первой
мировой войны,
подпрапорщик отряда
Особой важности
атамана Пунина.
На его гимнастерке –
четыре степени
Георгиевского креста,
а также медали.
Художник Александр
Пржецлавский. 1916 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Нижние чины стрелкового полка
в полном походном обмундировании.
Нельзя не отметить бравый вид этих солдат.
Выборг, 1914 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Алексей Федорович
Зборовский,**
рядовой 238-го пехотного
Ветлужского полка перед
отправкой на театр военных
действий. На его аккуратной,
сшитой на заказ фуражке –
солдатская кокарда
и ополченческий крест.
1915 г.
*Семейный архив К.В.Зборовского
(Санкт-Петербурге)*

**Знаменитый русский актер
Иван Ильич Мозжухин**
в форме вольноопределяющегося
запасной артиллерийской бригады.
Москва, 1916 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Офицерское обмундирование в общих чертах повторяло солдатское. Нижние чины носили весьма похожие гимнастерки, шаровары, шинели, фуражки и папахи. Периодически появлялись новинки. Так, в 1916 году были введены стальные шлемы французского образца, прозванные «адриановскими», нарукавные знаки для контуженных, раненых, отравленных газами, а также для тех, кто бежал из плена, для офицеров введены ботинки, штиблеты произвольного образца. Походную форму получили и специальные части – к примеру, Отдельная батарея для обороны царской Ставки, Отдельная запасная самокатная рота, автомобильные роты, инженерные дружины.

На передовой линии фронта, вдали от царственной столицы и седовласых знатоков плац-парадных регламентов, формировался новый, походный шик, поклонниками которого были не только офицеры, но и нижние чины. Первые обзавелись узкими и более короткими, чем полагалось по уставу, гимнастерками, а в 1916 году надели английские защитные рубахи с аккуратным отложным воротничком, кожаными пуговицами и пухлыми нагрудными и боковыми карманами. Тогда же во фронтовую моду вошли английского кроя кителя, а также куртки-«норфолки» всевозможных защитных оттенков. На фронтовой стиль оказала влияние спецодежда пилотов и автомобилистов. Стали пользоваться спросом так называемые шведские куртки – двубортные, из черной кожи, с металлическими или кожаными пуговицами, отложным воротником, прорезными нагрудными карманами и хлястиком на спинке. Иногда сугубые модники дополняли их черными кожаными бриджами с крагами и такими же перчатками с раструбами, заимствованными у чинов авточастей. Правда, эти куртки отнюдь не у всех вызвали восхищение. Николай Терентьев писал: «Шел мокрый снег, поэтому Протасов одел выданную в училище черную кожаную, “шведскую”, как она почему-то называлась, куртку. Вышел на главную – немецкую – улицу. Генерал, заметив остановившегося у витрины Протасова, направился к нему. “Вы почему это на себя кожаную куртку нацепили?”

Протасов, не ожидавший подобного вопроса, растерялся и не знал, что ответить. “Вы запасной бригады?” – “Так точно, Ваше Превосходительство”. “Доложите Вашему командиру бригады, что начальник гарнизона встретил Вас в кожаной куртке. И больше потрудитесь в таком виде по улице не ходить”»⁵⁹.

Благодаря автомобилистам на тулях пехотных и кавалерийских офицеров появились очки со «шторками». Пользы от них большой не было, но их непременно надевали, позируя какому-нибудь фронтовому фотографу, чтобы

**Нижние чины
запасного эскадрона
лейб-гвардии Уланского
Ее Величества полка.**
Отметим укороченные
по фронтовой моде
гимнастерки.
1914 – 1915 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

⁵⁹ Терентьев Н. Кадеты и юнкера. Машинопись, 1939 г. Архив О.А.Хорошиловой.

затем красивый снимок, запечатлевший последние тенденции во фронтовой моде, отправить родителям и младшим братьям – для изучения и зависти.

Особым шиком отличались нижние чины и офицеры конных отрядов специального назначения. Прапорщик Лев Пунин, служивший в одной из них, писал отцу: «Я сейчас одеваюсь с ног до головы от “Эмира Бухарского”. Ты и не поверишь, какими франтами мы все ходим, как офицеры, так и солдаты. Я уже давно забыл, что такое рубашка. Ношу шикарные английские кителя. Понятно, на разведке одеваемся попроще»⁶⁰. Поручик Леонид Пунин, атаман этого отряда, в конце 1915-го – начале 1916 года ходил исключительно в черкеске, хотя был из состава стрелкового, а не кавалерийского полка.

В период Великой войны среди офицеров стали популярны бриджи-«галифе» (начавшие свой путь в моду еще в 1912-1913 годах), широкие убедери и чрезвычайно узкие отколен, поверх которых надевали высокие, плотно охватывавшие ногу сапоги с особыми ременными застежками под коленом. Примерно со второй половины 1916 года и особенно в 1917 году стали крайне популярны кожаные ботинки на высокой шнуровке, а также весьма элегантные краги на ремнях-фиксаторах или шнуровке по центру. Кокарду все чаще перекрывал подбородочный ремень, а сами фуражки приобретали вид английских – широкие козырьки, обшитые защитной тканью, кожаные подбородочные ремни и мягкая, складчатая тулья. В более холодное осеннее время офицеры помимо шинелей носили «ватерпруфы», заимствованные из охотничьего костюма, а также двубортные пальто из защитного габардина. В 1901 году их запатентовала компания «Burberry» и с этого момента стала главным поставщиком военных «ватерпруфов» в британской армии. Во время Великой войны их стали называть «трэнчкоутами» (в переводе с английского – окопное пальто), и под таким наименованием они распространились среди русских офицеров-англоманов.

⁶⁰ Письмо Льва Пунина отцу от 15 января 1916 года. Архив О. А. Хорошиловой.

*На предыдущей полосе,
вверху:*

**Рядовой
вольно-
определяющийся**
в щегольской папaxe
и защитной
гимнастерке.
Снят перед отправкой
на фронт.
Петроград. 1914 г.
Архив О.А.Хорошиловой

*На предыдущей полосе,
внизу:*

**Офицеры
20-го драгунского
Финляндского
полка**
на фронте Великой
войны. Отметим
любопытные виды
верхней
одежды – бурку
и тренчкоут.
Район Риги. 1915 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Корнет
Станислав
Никодимович
Балахович**
в зимней шинели
и папaxe.
Известный любитель
театральных
эффектов,
офицер
демонстрирует
весь свой арсенал –
шашку, полевую
сумку, маузер образца
1910 года с массивной
портупеей и полевой
бинокль. Борт
шинели украшает
Георгиевская
ленточка, пришитая
углом.
1915-1916 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

На предыдущей полосе:

Поручик (слева) и полковник артиллерии в зимнем обмундировании военного времени. На поручике – бекеша с удобным вместительным нагрудным карманом. 1915-1916 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Кавалеристы-партизаны времен Первой мировой войны. На вольно-определяющемся слева – неуставная белая папаха и шашка азиатского образца с гнездом для штыка. 1916 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Поручик Александр Николаевич Пунин в модном френче английского типа позирует на фоне отрядного знамени. Старый Кеммерн. 1917 г.
Архив О.А.Хорошиловой

*Поручик
А. Н. П.*

**Делегация отряда
атамана Пунина**

после приема у министра А. И. Гучкова.
Признак революционного времени –
красные банты рядом с боевыми
наградами.

Фотоателье «К. К. Булла»,
Петроград 9 марта 1917 г.
Архив О.А. Хорошиловой

**Лейтенант
Дмитрий Николаевич Федотов-Уайт**
на борту «России».

На офицере – неуставная меховая шапка
и теплая бекеша с пришитыми погонями.

Фототипия.
Архив О.А. Хорошиловой

В первые зимние месяцы многие обзавелись неуставными бекешами и полушубками на овчине, каракуле и даже волчьем меху. Некоторые офицеры украшали их бранденбургскими с распущенными кистями, чем еще больше напоминали диких и свирепых венгров из баснословного XVII века. Офицеры поскромнее дополняли запашной борт бекешки широким квадратным карманом с клапаном.

Во время Первой мировой появились и модные военные аксессуары. На запястье фронтовых «тонняг» поблескивали серебряные карманные часы, переделанные ловким мастером в наручные. Их носили в особых массивных кожаных фуглярах. Вместо установленных шашек драгунского образца офицеры красовались с шашками азиатского и кавказского типов, а наганам предпочитали эффектные маузеры образца 1910 года. В апреле 1917 года шашки уступили место кортикам, официально установленным для ношения генералами, офицерами и военными чиновниками повсеместно, кроме службы в конном строю. Среди других модных аксессуаров отметим английские стеки, портсигары, перстни с Адамовой головой. Кстати, эта эмблема летом 1917 года стала главным атрибутом Корниловского ударного отряда (полка). Она украшала околыши фуражек и нарукавные знаки. Чины этого отряда, а также «части смерти» носили на рукавах гимнастерок и шинелей так называемые ударные шевроны, еще один признак беспокойного театрально-революционного времени. Его красный и черный цвета символизировали свободу и гибель во имя России.

Как только прогремела Февральская революция, нижние чины и некоторые офицеры русской армии поспешили надеть красные банты и этим подчеркивали свою приверженность новым властям и новой армии. Иногда заслуженные солдаты крепили их возле Георгиевских крестов и медалей или прямо на колодку, что, безусловно, усиливало комизм их внешнего вида и ощутимо снижало статус этих уважаемых наград, не нуждавшихся в дополнительных атрибутах.

В марте, после опубликования печально известного приказа № 1, офицеры и нижние чины начали постепенно снимать погоны. Первыми в этом малодостойном предприятии были нижние чины тыловых частей и запасных полков, расквартированных в бурлящем Петрограде, а также матросы флотских команд, поспешившие избавиться от ненавистных символов царского времени. Дмитрий Николаевич Федотов-Уайт зафиксировал в дневнике: «5 марта на борту броненосца “Петр Великий” состоялось собрание представителей всех корабельных команд <...>. Звучали требования свободно покидать корабль, носить гражданскую одежду, курить на улице <...>»⁶¹. Однако период жестких и драматичных переговоров длился всего два дня. Уже 8 марта Федотов-Уайт записал: «Погоны были срезаны, и преступники не понесли никакого наказания»⁶².

Февральские власти, впрочем, не решались пока отказаться от «старорежимной» формы, но поспешили узаконить бессистемное спарывание погон. Так, 16 апреля 1917 года военный и морской министр Александр Иванович Гучков издал приказ № 125, которым отменил плечевые знаки, шарфы, вензеля на оружии и прочие «старорежимные» атрибуты. Взамен вводились новые элементы формы, свободные от исторических традиций и прочих тяжких воспоминаний об имперском прошлом, так претивших военному и морскому министру.

Офицеры должны были избавиться от погон и пришить к рукавам милые театральные виньетки, составленные из прямых галунов и галунов «с завитками» или, как их чаще тогда называли, «бубликами Керенского». Подчиненные Гучкова усердно скопировали их с британской морской формы и этим признали полную и сокрушительную победу англомагии, начавшую свой поход в русскую моду еще в 1900-е годы. Инфантильную конфетность новых нашивок попытались завуалировать, ступешать сложным и нарочито серьезным описанием всевозможных вариантов их ношения:

⁶¹ Fedotoff-White D. Survival through War and Revolution in Russia. University of Pennsylvania Press, 1939. P. 99-100.

⁶² Ibid. P. 111.

Старший лейтенант Вячеслав Людвигович Гофман (слева) с семьей.

На офицере – форма, введенная весной 1917 года. Его чин можно определить по рукавным нашивкам. Один широкий галун и три узких без завитка соответствовали старшему лейтенанту. Лето 1917 г.

Архив А. и В. Гофманов (Париж)

«1) у прапорщика и коллежского регистратора – одна узкая полоса галуна из $\frac{1}{4}$ без завитка;

2) у подпоручика и губернского секретаря – один широкий галун в $\frac{3}{4}$ с завитком;

3) у мичмана, поручика и коллежского секретаря – один широкий галун в $\frac{3}{4}$ с завитком и один узкий без завитка;

4) у лейтенанта, штабс-капитана и титулярного советника – один широкий галун в $\frac{3}{4}$ с завитком и два узких без завитка;

5) у старшего лейтенанта, капитана, коллежского асессора один широкий галун в $\frac{3}{4}$ с завитком и три узких без завитка;

6) у капитана 2-го ранга, подполковника и надворного советника – один широкий галун с завитком и один широкий без завитка, оба в $\frac{3}{4}$;

7) у капитана 1-го ранга, полковника и коллежского советника – один широкий галун с завитком и два широких без завитка – все три в $\frac{3}{4}$;

8) у статского советника – один широкий галун с завитком, под ним один широкий галун без завитка: оба в $\frac{3}{4}$ и третий галун в 1 без завитка;

9) у контр-адмирала, генерал-майора и действительного статского советника – один широкий галун в $\frac{3}{4}$ с завитком и под ним два широких по 1 без завитков, а сверху пятиконечная звезда;

10) у вице-адмирала, генерал-лейтенанта и тайного советника такие же галуны, что и у контр-адмирала, но под ними две пятиконечные звезды;

11) у адмирала, генерала и действительного тайного советника такие же галуны, как у вице-адмирала, но под ними три пятиконечные звезды».

При этом офицеры флота и по Адмиралтейству, инженеры-механики, прапорщики и гидрографы носили золотые галуны, а серебряные – офицеры по Адмиралтейству, не выдержавшие полный офицерский экзамен, врачи и корабельные инженеры. Любопытно, что отнюдь не все офицеры в итоге отказались от наплечных знаков. К примеру, стараниями адмирала Александра Васильевича Колчака на кителях офицеров Черноморского флота появились странные «погоны», копировавшие нарукавные нашивки. Они же, судя по некоторым фотографиям того периода, возникли и на плечах некоторых офицеров-балтийцев.

Приказ № 150 от 21 апреля 1917 года изменил внешний вид кителей. Флотские пуговицы были спороты, и на их месте появилась глухая черная планка (из сукна, хлопка или репса), пристегивавшаяся к борту крючками. Некоторые офицеры поспешили изба-

«Последний день в погонах».
Кавалеры ордена Св. Владимира IV степени, Александр, Николай Михайлович и Лев Пунины.

Двое молодых офицеров запечатлены в модных френчах. Их отец, военный врач, статский советник, – в кителе образца 1907 г.

Фотография сделана в сентябре 1917 г. Следовательно, несмотря на мартовский приказ № 1, офицеры продолжали носить погоны вплоть до осени 1917 г.
Архив О.А.Хорошиловой

виться и от карманных клапанов, скрыв разрезы под черной бейкой, другие просто обшивали клапаны черной тканью (иногда даже бархатной). Этот обновленный гардероб дополнили «американские» фуражки с практически горизонтальным жестким козырьком, черным околышем и тульей, золотой кокардой и подбородочным ремнем из золотого шнура. Правда, разрешалось носить и кокарду старого образца, но с одним условием – ее центральная часть должна быть выкрашена в красный цвет.

Тяжелый и драматичный для многих период расставания со старой формой продлился до сентября 1917 года. Лишенная главных своих атрибутов, обесчещенная армия прекратила свое существование, растворившись в кипящем котле кровавой революции и террора. Впрочем, некоторые «старорежимные» предметы и детали обмундирования, хранившиеся в цейхгаузах и на фабричных складах во время Великой войны, надели войсковые части молодой советской республики. К примеру, Петроградское училище красных кавалеристов забавляло публику своими гусарскими шапками, ментиками и шинелями.

Сохранились фотографии и курсантов Тамбовской кавалерийской школы, гарцевавших на параде в уланской форме. Офицеры, перешедшие на сторону формировавшейся РККА, донашивали свои фронтовые вещи – фуражки, галифе, френчи и шинели. Но вся эта странного вида одежда, потерявшая время, уставшая от войны, но омоложенная опереточными бантами, революционными кокардами и шевронами, не могла сравниться с блистательной формой русской императорской армии, одной из самых красивых в Европе.

33

Министерская Россия

Костюмы чиновников
и духовных лиц

Российский чиновничий аппарат представлял собой гигантскую, невообразимо сложную систему, подчинявшуюся высшим органам государственной власти, важнейшим из которых был Государственный совет.

До 1906 года он имел законосовещательные функции, а после превратился в верхнюю палату российского парламента. Роль нижней палаты с 1906 года играла Государственная дума. Центральными органами государственного управления были министерства – внутренних дел, финансов, государственных имуществ, торговли и промышленности, путей сообщения, народного просвещения, юстиции, а также Государственный контроль, военное и морское министерства.

В России не любили чиновников. Четкость и логичность структуры созданного ими бюрократического аппарата – всего лишь иллюзия. На практике он был неповоротливым, закостенелым и безжизненным: «Высшие едва успевают наблюдать за внешней правильностью действий низших инстанций; низшие озабочены удовлетворением внешней взыскательности высших. Взаимные связи этих частей малочисленны и шатки»¹, – писал председатель комитета министров Петр Александрович Валуев. Генерал Александр Алексеевич Киреев выразился лаконичнее: «У нас все дается как-то случайно, не соображаясь ни с чем»².

В каких только грехах не уличали бюрократов: мздоимство, казнокрадство, превышение должностных полномочий, шпионаж. В этом звучном цветастом ряду профессиональных пороков подсиживание, лесть и чиноугодие выглядели мелкими проступками. Российской империей управлял не император, всегда мягко улыбочивый и отрешенный, а демонический бюрократ-невидимка

в сиятельном звездном мундире. Его юркое, вертлявое, чирикающее перо выводило линии судеб, расчерчивало проекты войн и мирных договоров, метко льстило и ловко обманывало простых смертных, августейших особ и даже доброго и отрешенного монарха. В художественной и мемуарной литературе едва отыщется десяток хороших и честных чиновников. Большинство будет до комичности порочным и азбучно продажным. Какими только эпитетами не награждала их острая людская ненависть и писательская мысль: «чернильные души», «бумагомараки», «канцелярские крысы», «чинодралы», «крапивное семя», «приказная строка».

Искренняя нелюбовь и презрение к чиновникам перенесли на их форму, которая не считалась в обществе столь почетной, как военная. Простой Георгиевский крест в петлице скромного сюртука производил на прогрессивно мыслящих особ гораздо большее впечатление, чем расшитый золотом и осыпанный опереточными наградами полукафтан. Совсем по-другому к такому кафтану и таким наградам относились сами «чернильные души». Верно служа и послушно двигаясь вверх по Табели о рангах, они прекрасно знали, что означали искрящиеся мундирные виньетки, лучистые звезды, драгоценные кресты, и понимали, какими путями и себе можно заслужить это ювелирное великолепие...

Впрочем, стать штатным чиновником было не просто. Чтобы сделать первый шаг и оказаться на низшей ступени бюрократической лестницы, следовало вооружиться протекцией все сильного покровителя. Мстислав Валерианович Добужинский, питавший ненависть к чиновничьему миру, вынужден был поступить на службу: «Я решился на это с тяжелым

На предыдущей полосе:

«Отставка и с левой, и с правой». Карикатура на Сергея Юльевича Витте,

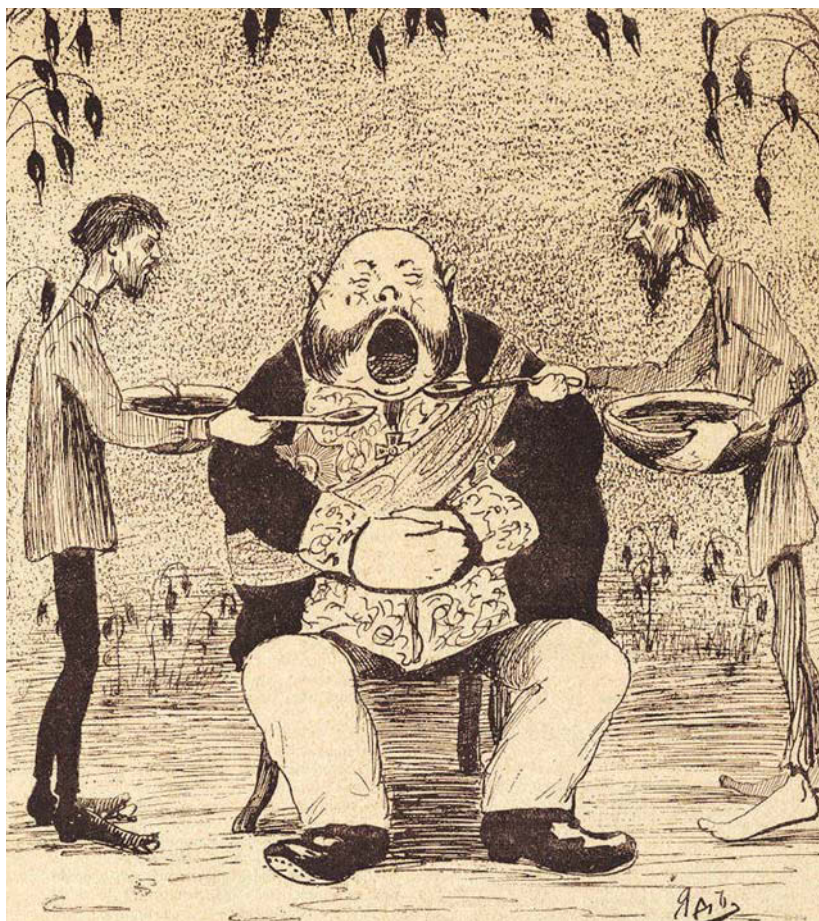
поводом к которой послужила его отставка в 1906 г. Художник изобразил государственного деятеля в мундире Министра финансов. Этот пост он занимал с 1892 по 1903 г.

Фототипия, 1906 г.

Архив О.А.Хорошиловой

¹ П.А.Валуев, граф. Дума русского во второй половине 1955 года / Русская старина. Т. 9, 1893.

² Цит. по: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978, Мысль, С. 62.

Сановники в роскошных, богато расшитых полукафтанах 1-3-го разрядов вызывали в демократически настроенном обществе негативные ассоциации. Здесь художник сравнивает их с вороватыми и ленивыми генералами Салтыкова-Щедрина. Фототипия, 1906 г. Архив О.А.Хорошиловой

«На сферах, или Апофеоз бюрократии».

Откровенная нелюбовь народа к чиновникам отражена в этой карикатуре. Мундир сановника пляшет и веселится в то время, как закон горько плачет. Журнал «Юмористический альманах», 1908 г. Архив О.А.Хорошиловой

сердцем – одно слово “чиновник” меня угнетало. При моем свободолобии стать “человеком 20-го числа”³ казалось мне кабалой и чем-то почти позорным <...>. Однако куда-либо поступить оказалось вовсе не так просто: чтобы быть принятым на казенную службу, было недостаточно моего университетского диплома, даже 1-й степени, дающего сразу чин X класса, – нужна была личная рекомендация <...>. Протекция оказалась в лице приятеля моего дяди Федя – Н. С. Терского, который меня знал еще гимназистом и к которому я и был направлен»⁴.

³ Двадцатое число был днем раздачи жалованья служащим в Российской империи.

⁴ Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987., Наука, С. 174 – 175.

Добужинский недолго оставался «человеком 20-го числа». Но многие из тех, кто попадал в тусклый, суетливый чиновничий мир, постепенно свыкались с работой, узнавали неписанные правила бюрократического произвола и, наконец, становились безликим винтиком в титано-подобной машине. Но каким бы трюкам ни выучивались бюрократы, как бы изящно ни льстили они начальству и балетно расшаркивались в департаментах, мундиры и звезды ожидали не всех. Первые четыре строчки в Табели о рангах были прочно зарезервированы за теми, кто имел прекрасное происхождение, блестящее образование, высокий финансовый статус или же важные связи с августейшими особами. Яков Наумо-

вич Ривош, современник и биограф эпохи Николая II, свидетельствовал: «Непроходимая пропасть лежала между коллежским регистратором и тайным советником. Случаи, когда скромный коллежский регистратор доходил до высших степеней чиновничьей иерархии, были крайне редки <...>. В большинстве случаев верхушку чиновничества составляли питомцы привилегированных учебных заведений (лицей, училище правоведения), выходцы из среды потомственного и титулованного дворянства»⁵.

К перечисленным Ривошем привилегированным учебным заведениям стоит также добавить императорский университет, значение и статус которого к концу XIX века ощутило выросли. Достаточно посмотреть состав Государственного совета в самом начале XX века: из его 59 членов 23 окончили именно императорский университет⁶.

Какого бы происхождения ни был чиновник, какой бы пост ни занимал, он обожал форму и награды во все времена и при любом правителе. Филипп Филиппович Вигель, новоиспеченный «архивный юноша» ампирического века, расцеловал свой новенький чиновничий мундирчик, прежде чем облачиться в него. Столь же трепетно относились к форме проворные гоголевские персонажи, крепколобые щедринские бюрократы, шарообразные спесивцы Чехова... Мундир и сюртук, петлицы и наплечные знаки, треуголка, фуражка, шпага составляли их вселенную. Никчемный и безликий коллежский регистратор, надев форменный костюм, обретал известный статус, его замечали, уважали, его даже боялись. Зоркий фельетонист начала XX века отмечал: «Иностранец, живущий в Петербурге и не имеющий мундира, чувствует себя немного униженным. Если некоторые русские и не носят мундира каждый день, то большинство надевает в торжественных случаях мундиры роскошные и увешанные сплошь орденами и регалиями»⁷.

Подобно военным, чиновники носили форменный костюм и, подобно военным, должны были следовать сложносочиненным предписаниям и хитроумным регламентам, которые с неслыханной скоростью порождала тысячеглавая канцелярская машина. В 1894 году она произвела на свет очередное крупнотелое детище – «Свод правил о ношении форменной одежды чинами гражданских ведомств», составленный из пятидесяти двух (!) параграфов с мудренными объяснениями, кому, как и по каким случаям надобно быть одетым. С небольшими изменениями он просуществовал до 1917 года. Сине-серо-зеленые служители разнообразных министерств, департаментов и канцелярий с трепетом душевным и примерным послушанием терпеливо и последовательно заучивали каждую строчку «Свода». Иметь расшитый полукафтан, изящно скроенный сюртук, шпагу и треуголку – вовсе не достаточно. Если чиновник хотел примерно и легко служить, ему следовало знать сотни сложных «па» в этом постоянном, неизменчивом, многоактном, пестром танце мундиров, классов и орденов.

Форменная одежда чиновника гражданского ведомства эпохи императора Николая II делилась на шесть видов – парадную, праздничную, обыкновенную, будничную, особую, дорожную и летнюю. Каждая подчинялась особым правилам и в полной мере выражала царившее в Российской империи и ничем необоримое чиновничество.

Бесспорной доминантой парадной формы был полукафтан, второе и более значительное «я» чиновника, беззастенчиво выбалтывавшее все о своем хозяине – и его выставленные напоказ блистательные достоинства, и тщательно скрываемые недостатки (небрежность, рассеянность, бедность выдавали, к примеру, дурного качества сукно или плохой крой). Полукафтан тоже подчинялся своеобразной табели о рангах, в которой, однако, было не четырнадцать классов, а десять разрядов по степеням должностей.

⁵ Ривош Я. Н. *Время и вещи*. М., Искусство, 1990. С. 197 – 198.

⁶ Зайончковский П. А. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* М., Наука, 1978. С. 200.

⁷ Монкад Л. де. *Петербург, как он представляется парижанину / Столица и усадьба*, 1914, № 10. С. 16.

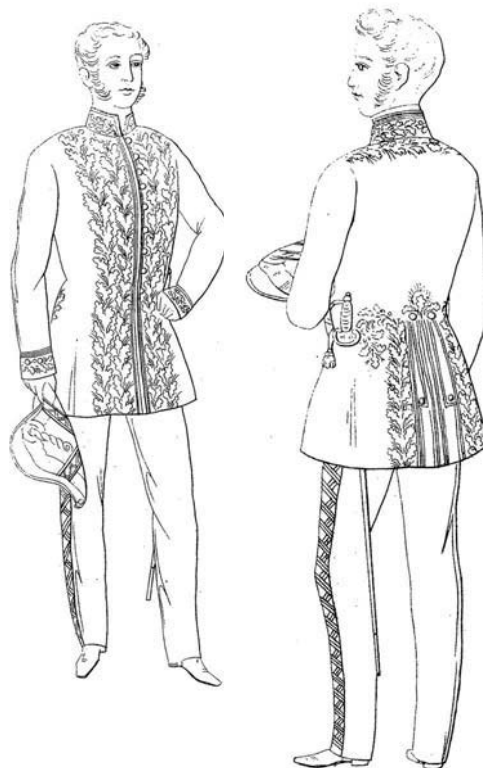
Петр Львович Барк, видный государственный деятель. В разное время он занимал высокие посты в нескольких министерствах. Роскошное шитье на бортах и воротнике подсказывает, что Барк запечатлен в парадном полукафтоне товарища министра торговли и промышленности образца 1911 г. Эту должность он занимал с 1911 по 1914 г.

Открытка. 1910-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Чины 1, 2 и 3-го разрядов носили парадные, все прочие – обыкновенные полукафтаны. 1-й разряд отличался богатой вышивкой по воротнику и под ним, по бортам (в три ряда), на полах сзади, на обшлагах, карманных клапанах и по швам (в один ряд). Чины 2-го ранга надевали полукафтаны с вышивкой «на воротнике и под оным, по борту на полах спереди в два ряда, а на полах сзади в один ряд, на обшлагах и карманных клапанах»⁸. Чем ниже ранг должности, тем меньше вышивки. Так, чиновники пятого разряда тешили свое самолюбие лишь полным шитьем на воротнике и обшлагах. Те же, кого возраст или судьба приговорили к десятому, самому низкому разряду, стеснительно расшаркивались и услужливо кланялись в полукафтанах со скромным росчерком канта на виновато пустом воротнике. Росчерк этот подводил итоговую черту в сложной иерархии мундирного шитья.

Чиновники первых четырех классов надевали с парадными полукафтанами дорогие беспорочно белые брюки, украшенные галунными лампасами (золотыми или серебряными). Все остальные носили брюки в цвет с полукафтанами без лампасов и выпушек. Однако на балы при высочайшем дворе и на тех, где присутствовала российская императорская чета, вместо вполне удобных брюк приходилось натягивать теснейшие белые бриджи (или «кюлоты», как их именовали франкоманы того времени). К ним были положены белые шелковые чулки, а также бальные лакированные туфли. Этот туалет был настоящей мукой для многих чиновников, в особенности стариков. Бриджи сковывали движение, чулки выдавали неказистую, нестройную анатомию кривых чиновничьих ног, туфли немилосердно жали. Впрочем, существовал один выход – вовсе не танцевать на балу. В таком случае чиновники скучно, но с комфортом тянули время на торжествах в длинных белых брюках без галунов и выпушек.

Прочими принадлежностями парадной формы были белые замшевые печатки, шпага, треугольная шляпа, расшитая и украшенная позументом в полном согласии с Табелью о рангах.

Князь Михаил Иванович Хилков в мундире министра путей сообщения.

Фототипия начала 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Парадный полукафтан 2-го разряда министра юстиции.

Утвержденный в 1856 г., он практически не изменился к началу XX века.

Фототипия, 1856 г.

Архив О.А.Хорошиловой

⁸ ПСЗРИ, Т. XIV, май 1894 г. № 10583.

Чиновник в парадном полукафтани V разряда.
Грудь украшают лента и звезда ордена Св. Станислава I степени.
Ниже – звезда ордена Князя Данило II степени.
На шее – знаки орденов Св. Владимира III степени, Св. Анны II степени и черногорского ордена Князя Данило II степени.

Ателье «Bergamasco», Санкт-Петербург, 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Алексей Федорович Круглов,
Генеральный консул в Багдаде, запечатлен в темно-зеленом полукафтани VI разряда, установленном для консулов и вице-консулов.
Среди его наград – звезды орденов Меджидие, Льва и Солнца, а также знак ордена кавалеров Св. Гроба Господня (крест у воротника).

Фотоателье «A. Pasetti»,
Санкт-Петербург. Ок. 1902 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Чиновник VI класса почтово-телеграфного ведомства в полукафтани.

На шее – знак ордена Св. Станислава II степени, на груди – знак ордена Св. Анны III степени, медали «В память царствования императора Александра III» и «В память церковно-приходских школ».
В руках – белые лайковые перчатки, принадлежность парадной формы.

Фотоателье «А. Ф. Алексеев»,
Санкт-Петербург. Конец 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

В театральных постановках нередко использовали подлинную форму.

Актер Иван Берсенеv, играющий роль судебного следователя («Живой труп» Л. Н. Толстого), одет в сюртук чиновника судебного ведомства Министерства юстиции с плечевыми знаками образца 1898 г.

Открытка. 1911 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Надворный советник

И. П. Тудоровский

в мундире военного покроя с шитьем, присвоенным чинам межевого ведомства Министерства юстиции. Плечи украшены продольными знаками, что позволяет датировать фотографию 1881–1885 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Надворный советник
Министерства
внутренних дел**

в форменном сюртуке с галунными петлицами образца 1885 г. Так выглядели чиновники этого министерства и в начале царствования Николая II.

Фотография А. Глазачева.

Новгород. Архив О.А.Хорошиловой

Один из пунктов «Свода правил» в мельчайших подробностях описывал, когда чиновникам следовало надевать парадную форму. Среди торжественных поводов значились: большие выходы при высочайшем дворе, большие церковные праздники, дни крещения, миропомазания, торжественной присяги, обручения и бракосочетания высочайших особ, встреча невест высочайших особ, на торжественных приемах их Императорских Величеств иностранных послов и еще добрый десяток других праздничных дней, богослужений, встреч и приемов.

Праздничный комплект составляли вице-полукафтан (для 1, 2 и 3-го разрядов) и полукафтан (для всех прочих), черные брюки (для первых четырех разрядов с галуном по цвету шитья), жилет, галстук, шпага и шляпа. В таком облачении чиновник присутствовал, в частности, на всенощной в Вербную субботу, на богослужениях с участием императорской четы и детей, на маскарадах в высочайшем дворе.

Обыкновенная форма подразумевала вице-полукафтан или полукафтан, надеваемый вместе с суконными в цвет полукафтана брюками, черным галстуком, жилетом, перчатками и шляпой. Дополняла ансамбль шпага с темляком или без. В таком виде чиновники являлись на воскресные богослужения, заседания кавалерских дум, на дворянские выборы (кроме первого и последнего дней), на панихиды по высочайшим особам и т. д.

В особой форме, то есть надев мундирный фрак, белый или в цвет фрака жилет, белый галстук, перчатки, цилиндр (именовавшийся «круглой пуховой шляпой»), чиновник посещал высочайшие обеды, вечерние обыкновенные собрания, присутствовал на закладках церквей и общественных зданий.. Впрочем, существовал и другой вид особой формы – обыкновенный черный фрак, черный или белый жилет, белый галстук, лайковые перчатки. Его следовало надевать «на официальные

**Статский советник
Оскар Карлович
Маак,**
директор
Александровского
реального училища
в Вологде, запечатлен
в мундирном фраке.
Начало 1890-х гг.
Вологда.
Архив О.А.Хорошиловой

**Чиновник V
или IV класса**
в мундирном фраке
(будничная форма).
На груди – звезды
орденов Белого орла
и Св. Владимира
II степени.
На лацкане – знак
отличия за 50 лет
беспорочной службы.
Фотоателье «К. К. Булла»,
Петроград.
Архив О.А.Хорошиловой

обеда, балы и вечерние собрания у иностранных послов, когда Их Величества присутствовать не изволят»⁹.

Будничная форма, в которой чиновник присутствовал на службе, состояла из мундирного фрака или двубортного сюртука гражданского покроя, брюк и жилета в цвет фрака, черного шелкового галстука, замшевых или лайковых перчаток. Головной убор – цилиндр (при мундирном фраке) и фуражка (при сюртуке). Шпагу при этом виде формы не носили.

Был и еще один вид – дорожный костюм. Находясь на выездах или в служебных командировках, чиновник носил двубортный сюртук, брюки, жилет, галстук, перчатки, фуражку. Некоторые предпочитали более удобные и функциональные тужурки (или, как их официально именовали, «укороченные пальто»).

В осенне-зимнее время чиновники носили темно-зеленую суконную шинель с капю-

шоном и отложным воротником или темно-зеленый двубортный плащ, напоминавший офицерский. В летнее время надевали двубортные белые сюртуки гражданского покроя, полотняные жилет и брюки, а также фуражку, тулья которой была покрыта белым чехлом. Чуть позже чиновники некоторых ведомств обзавелись белой летней двубортной тужуркой офицерского образца. Некоторым официально разрешили носить вместо сюртуков удобные однобортные полотняники, напоминавшие флотские офицерские кителя.

При траурных церемониях и торжественных панихидах чиновники несли на себе знаки полного траура. На левый рукав полукафтана чуть выше локтя надевали черную креповую ленту 9 сантиметров шириной с плоским бантом в центре. Такую же ленту надевали и на рукав плаща. На шляпе черным крепом закрывали петлицу и кисточки по углам, а на шпаге – весь темляк (если он был орденским, тогда прикрывали только кисть). Признаком обык-

⁹ ПСЗРИ. Собрание 3. Т. XIV. Ст. 10583. С. 237.

**Министр народного просвещения
Николай Павлович Боголепов**

в окружении чиновников, возглавляющих низшие технические училища. Отметим разнообразие форм одежды – мундирные фраки, форменные и гражданские сюртуки.

Фотоателье «Г. А. Борель», Санкт-Петербург. 1898-1899 гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Преподаватель биологии Гатчинского Николаевского сиротского института. Позирует в форменном сюртуке с наплечниками и юбилейным знаком Ведомства учреждений Императрицы Марии для лиц обоего пола, состоящих 2 мая 1897 года на действительной службе. Начало 1900-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Санкт-петербургский губернатор, тайный советник Сергей Александрович Толь (в центре справа) и вице-губернатор, генерал-майор Николай Алексеевич Косач (рядом слева) в окружении чиновников губернаторской канцелярии. Большинство – в формах министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. 1899 г. *Коллекция В.В.Авдеева (Санкт-Петербург)*

**Правление
Курско-Харьково-
Азовской железной
дороги.**

Чиновники одеты в форменные сюртуки инженеров путей сообщения с петлицами образца 1885 г. На большинстве – знаки об окончании Института инженеров путей сообщения. В центре группы – начальник железной дороги, действительный статский советник Николай Васильевич Васильев. На шее виден знак ордена Св. Владимира III степени.

Курск, 1892 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**И. П. Тудоровский,
коллежский советник**

межевого ведомства
Министерства
юстиции.

Позирует в зимней
шинели с каракулевым
воротником и
поперечными
плечевыми знаками.

Конец 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

На следующей полосе:

**Василий Андреевич
Петров,
коллежский
регистратор**

межевого ведомства
Министерства
государственных
имуществ. Чиновник
позирует в форменном
сюртуке, пальто
внакидку, белых
замшевых перчатках
и фуражке. Отметим
модную в то время
манеру носить пенсне,
заложив одну его
половину за левый
лацкан сюртука.

Фотоателье «Л. Раевский»,
Вологда, 1896 г.
Архив О.А.Хорошиловой

новенного траура служила лишь креповая лента на рукавах полукафтана, мундирного фрака, сюртука и плаща. Официальные панихиды также имели свой политес и правила. Если они происходили утром, то гражданские чиновники надевали мундирный фрак, черные галстук и перчатки. Вечером его облик был еще печальнее – черные фрак, галстук, перчатки и полное отсутствие наград.

Чиновник должен был знать не только все виды и разряды мундиров, разбираться в шитье, помнить, по каким дням какие надевать. Он выучивал и затренировывал десятки движений и жестов, сопровождавших столь нелегкий, но приятный процесс облачения и ношения формы. К примеру, треугольную шляпу следовало всегда носить кокардой справа. Снимали ее жестом изящным, но скорым и деловитым, а держали непременно петлицей кверху и только левой рукой, опущенной строго вертикально, согнутой в локте и прижатой к телу.

Провинциальный франт с другом – коллежским советником Министерства юстиции, служащим в центральных учреждениях. Чиновник позирует в летнем белом полотнянике и зачехленной фуражке.

Середина 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Честь чиновники отдавали, подобно военным, не снимая шляпы или фуражки, но прикладывая правую руку к головному убору. Если доводилось им встречать на улицах церковное шествие или траурную процессию, тогда «не возбранялось» оставаться в шляпе и фуражке. Шпагу снимали танцующие на балах и вечерах, женихи во время брачных церемоний, а также все те, кто причащался святых тайн и поклонялся иконам и плащанице.

В общем своде правил было множество официально регламентированных исключений, связанных, к примеру, с теми, кто не занимал штатной должности или был причислен к другим ведомствам. Канцелярским чиновникам и служителям из дворян, не состоявшим на штатных должностях, в качестве парадной, праздничной и обыкновенной форм были по-

ложены гражданские полукафтаны с одним кантом. На службу они надевали еще более скромный и неприметный двубортный сюртук, а шпагу – без темляка. Было учтено даже происхождение служащего. Дворянин, к примеру, носил на тулье кокарду гражданского образца. Служащий иного сословия такого права не имел, и унылую его фуражку, без выпушек и кокарды, украшала лишь ведомственная арматура на околыше.

Впрочем, какими бы ни были генеалогические корни чиновников, каждому была положена форма. И даже тот, кто не блистал происхождением и вообще не служил, то есть не состоял на действительной государственной службе, также имел право носить мундир, к примеру, если щедро и самозабвенно одарял материальными благами благотворительные и общепользные учреждения. Свою значительность толстосум (часто из купцов) демонстрировал не только плотным бумажником, дорогими ювелирными безделушками и большими (с хороший кулак) карманными часами на толстой цепочке. Он мгновенно преображался, надев заказной, ладно скроенный мундир, шитые виньетки которого выписывали разряд и статус благорасточителя. Купцы 1-й гильдии могли носить также губернские мундиры в качестве особой привилегии. Если же они временно занимали выборные должности, то имели право на полукафтан 8-го разряда.

Каждый, вне зависимости от ранга, статуса и происхождения, мечтал о наградах. Сначала ревностно выслуживали орден «в петличке», затем подумывали об искристом кресте на шее и безудержно к нему стремились. И плох тот русский чиновник, который никогда не грезил об ослепительной баснословной звезде и ленте, мягкие муаровые зигзаги которой как бы очерчивали сложный и скользкий путь кавалера к желанной награде.

Обозреватель начала XX века подметил это всеобщее российское стремление к крестам и звездам: «Англичанин, говоря о французе, замечает: “Это господин, который ест лягушек и всегда имеет в петлице ленточку какого-нибудь ордена”. Я ничего не говорю о

лягушках, что же касается орденов, то я протестую: видимо, говорившие англичане никогда не бывали в России»¹⁰.

Чиновнику, даже самому неприметному, по-гоголевски тщедушному, следовало непременно иметь хотя бы один орден. И ровно никто в Российской империи не мог понять тех редких оригиналов, не желавших украшать себя ювелирными символами монаршего благоволения или вовсе таких не имевших. Курьезная история произошла с Петром Аркадьевичем Столыпиным, только что назначенным министром внутренних дел и поселившимся на казенной даче. Его дочь, Мария Бок, вспоминала: «На даче нас встретили казенные курьеры, швейцары и лакеи, незнакомые, официальные и кажущиеся враждебными <...>. Франц (лакей. – О. Х.), помогая вместе с одним из министерских лакеев моему отцу одеваться к какому-то официальному приему, на суетливый вопрос своего нового коллеги “Где лента его Высокопревосходительства? Лента где?” обиженно ответил: “Никакой ленты у нас нет, Петр Аркадьевич не генерал”. Привыкший к службе у старых сановников, лакей не мог себе представить, что папа, самый молодой из министров, был в таком маленьком чине, что не имел даже орденской ленты»¹¹.

Костюм чиновника был столь же сложен и запутан, как бюрократическая машина, которой он беззаветно служил. Неудивительно, что даже процесс украшения одежды орденами и лентами строго подчинялся правилам, учитывавших не только ранг и класс ордена, но и виды костюма, а также поводы, по которым следовало надевать ту или иную награду.

Орден Апостола Андрея Первозванного был самой старой и высокой наградой императорской России, получить который могли лишь «высшие чиновники государственные» и только по монаршему благоволению, так как «никакие заслуги не определяют законом для достижения сего ордена». Голубая лента была

Алексей Федорович Князев, действительный статский советник, директор Двинской женской гимназии в сюртуке образца 1897 г. Грудь украшает цепь почетного мирового судьи и звезда ордена Св. Станислава I степени. На шее – знак ордена Св. Владимира III степени. Двинск. 1909 г. Архив О.А.Хорошиловой

заветной целью знатнейших сановников. Она возносила к самим монаршим стопам и помогала направлять эти стопы в необходимом сановнику направлении, она открывала новые возможности придворного и политического влияния и некоторое время прочно защищала от интриг и нападков недоброжелателей. Александр Александрович Мосолов, описывая рассадку за столом императора, отмечал: «Остальные великие князья и великие княгини размещались в соответствии с их рангом вперемежку с дипломатами и первыми чинами двора, армии и гражданской службы. Без андреевской ленты за этот стол попасть было трудновато»¹².

Звезду ордена крепили к левой стороне груди выше других наград. При полукафтани и вице-полукафтани голубую ленту с крестом поверх двуглавого орла надевали через правое плечо. Если сановник был в мундирном фраке и ему следовало носить ленту, тогда ее надевали поверх белого жилета под фрак. В комплект награды входила также цепь, которая украшала плечи и грудь сановников в дни орденских праздников во время присутствия при высо-

¹⁰ Монкад Л. де. Петербург, как он представляется парижанину / Столица и усадьба, 1914, № 10. С. 16.

¹¹ Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Л., 1990. С. 163.

¹² Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб.: Наука, 1992. С. 201.

Коллежский советник

В. П. Войков

в форменном сюртуке с поперечными наплечными знаками образца 1897 г.

Грудь украшают знаки орденов

Св. Анны III степени и Св. Станислава III степени.

Фотоателье «Г. А. Борель», Санкт-Петербург. 1898-1899 гг. Архив О.А.Хорошиловой

чайшем дворе, а также во время торжественных выходов. В этих случаях голубая орденская лента не надевалась.

Орден Святого равноапостольного князя Владимира имел четыре степени. Кавалеры первой украшали правую сторону полукафтана и вице-полукафтана семиконечной звездой, а черно-красную ленту надевали под мундир, выпуская наружу в прорез с левой стороны лишь концы с крестом. Поверх полукафтанов и вице-полукафтанов ее носили только в день орденского праздника, 22 сентября, а также во время высочайших выходов. При мундирном фраке звезду ордена надевали под Андреевскую звезду, если чиновник ее имел.

Награжденные второй степенью крепили владимирскую звезду также к левой стороне мундира, но ниже ордена Белого орла. Шею украшали крестом 2-й степени, помещая его ниже знака Белого орла, но выше аннинского креста 1-й степени. Если же облачиться следовало в сюртук, то надевали только орденскую звезду – ниже звезд Белого орла и святого Александра Невского.

Третья степень представляла собой орденский крест, аналогичный 2-й степени, но несколько меньший по размеру. Его носили на шее на черно-красной ленте. Орден Св. Владимира IV степени носили на груди.

Ленту ордена Александра Невского, имевшего одну лишь степень, надевали через левое плечо, звезду крепили на левой стороне груди. Если сановник уже был ошастливлен орденом Св. Андрея Первозванного, тогда он носил лишь звезду Александра Невского, а вместо ленты украшал шею крестом, носившимся всегда выше прочих орденских знаков. На мундирный фрак крепили лишь звезду, при этом ниже звезды ордена Св. Владимира I степени. Если положено было носить ленту, то ее надевали под фрак на белый жилет.

Знаки ордена Белого орла носили следующим образом. Ленту надевали через левое плечо, звезду крепили к левой стороне груди выше звезды ордена Св. Владимира II степени. Если кавалер уже имел орден Св. Андрея Первозванного, то грудь он украшал лишь знаком ордена на ленте левее ордена Св. Владимира IV степени. При ордене Св. Александра Невского ленту тоже не носили, а орденский знак перемещался на шею выше креста ордена Св. Владимира II степени.

I степень ордена Св. Анны представляла собой звезду, носимую на правой стороне груди, и орденскую ленту, надеваемую через левое плечо. Чиновники, получившие II степень, надевали на шею орденский крест на красной ленте с желтой каймой. III степень ордена, то есть золотой, покрытый красной финифтью крест на ленте, носилась на груди и только в том случае, если кавалер не был награжден более высокими степенями этого ордена. На мундирном фраке крест этот носили те чиновники, которые еще не получили орден Св. Владимира IV степени и не имели шейных орденов.

Была и еще одна степень – IV, которой награждали лишь за отличия, проявленные в боях. Она представляла собой крест под короной, носимый на эфесе шпаги. Ее чашку украшала надпись «За храбрость», а гарду – темляк из аннинской ленты с кистью.

Константин Александрович Варламов, знаменитый русский актер.

Его парадный фрак украшают знак заслуженного артиста Императорских театров (это звание он получил одним из первых актеров), знак ордена Св. Станислава III степени и медаль «В память царствования императора Александра III».

Санкт-Петербург.
Начало 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Сергей Юльевич Витте, министр путей сообщения, позирует в скромном цивильном сюртуке, его повседневной служебной одежде. Фотоателье «К. Шапиро», Санкт-Петербург. 1890-е гг. Архив О.А.Хорошиловой

Помимо Св. Анны существовал и другой типично чиновничий орден – Св. Станислава, пустячный, ничего не значащий, низший в лучистой иерархии расточающих награды святых. Однако именно с него чиновник начинал медленное подобострастно согбенное движение по карьерной лестнице, а потому не иметь Св. Станислава хотя бы в петлице значило быть в обществе пустым местом.

Скромный орден имел всего три скромные степени. Первая – звезда, носимая на левой стороне груди и крест на ленте через правое плечо. Ею обыкновенно гордились лишь бездарности. «Я помню своих учителей по гимназии, – писал Павел Алоизиевич Светлик, –

сухой мертво-бездарный чиновник Мор, по латинскому языку; он очень гордился своей Станиславской лентой и чином»¹³.

Вторая степень ордена – золотой крест, покрытый с лицевой стороны красной финифтью и носимый на шее. Третья степень украшала грудь чиновника или петлицу его сюртука и фрака.

Об этой награде не принято было упоминать в разговоре и тем более ею хвастаться (как это, к примеру, делает карикатурный федотовский «свежий кавалер»). Ее часто игнорировали даже самые мелкие, тщедушные чиновники, мечтавшие поскорее получить заветную Анну III степени, придававшую некий статус, основательность и стройность кропотливо создаваемому образу. Практически открытое пренебрежение наградой передалось даже иностранцам – чиновникам и дипломатам. Всякий раз, когда изящную звезду и пеструю ленту им предлагали в качестве красивого поощрительного сувенира, они спешили мягко уклониться от сего сомнительного подношения. Генерал Александр Александрович Мосолов приводит такую забавную историю:

«Сколько споров было, например, насчет орденов! По приезде во Францию мне подали список подлежащих награждению лиц, и этот список был в три раза длиннее того, который выработан мною в Санкт-Петербурге при активнейшем участии посла и военного агента <...>. А сколько было препирательств насчет того, кому какой орден дали... Не знаю почему, но французы решительно отказывались от ордена Св. Станислава... Отказывались даже от Станиславской звезды. «Нет, – повторяли они, – пусть будет ниже степенью, но только Анна»»¹⁴.

Кавалерам, однако, следовало знать не только иерархию орденов и точное их место на мундире или фраке. Существовали правила о том, с каким видом одежды какие ордена и ленты необходимо надевать. Их также нуж-

¹³ Светлик П. А. Тени прошлого (Воспоминания о службе в русском императорском флоте) / Морские записки, Т. 13, № 1. С. 52.

¹⁴ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб.: Наука, 1992. С. 212.

но было выучить назубок. На парадных мундирах и праздничных полукафтанах пестрели ленты и звезды старших степеней, а также ордена младших классов, надетые в строгом соответствии с правилами. При обыкновенной и будничной формах ленты носили не на фраке, а по жилету. Если чиновник, спеша на службу, надевал двубортный сюртук, то его разрешалось украсить лишь звездой и крестами всех степеней ордена Св. Георгия, старшей степенью ордена Св. Владимира, статс-секретарским знаком, а также учеными и академическими знаками, свидетельствующими о высокой образованности и широкой эрудиции их носителя. На особой, дорожной и летней формах награды располагались в соответствии с правилами их ношения на мундирных фраках. Когда чиновник присутствовал на официальных панихидах, то утром он носил мундирный фрак с орденами и лентой по жилету, а вечером, надев черный фрак, оставлял ордена дома в заветных коробочках.

Гражданские чиновники, вышедшие из военной службы, при всех видах формы и независимо от имеющихся орденов надевали орден Св. Георгия IV степени. Если они были награждены Золотым оружием с надписью «За храбрость», то носили не военную пашку, а шпагу гражданских чиновников военного ведомства с темляком и соответствующей надписью на чашке эфеса.

В российском чиновничьем обществе не иметь награды считалось позором. И находились такие ловкачи, которые шли на обман и фальсификацию, пускали пыль в глаза, чтобы не осрамиться, не стать изгоями. Этому посвящен небольшой рассказ Чехова «Орден». Учитель военной прогимназии с красноречивой фамилией Пустяков готовился отправиться на званый обед к одному знакомому купцу в первый день нового года. Он обратился к соседу, поручику Леденцову, с просьбой одолжить завалященький орден Св. Станислава III степени, объяснив это тем, что купец Спичкин «страшно любит ордена и чуть ли не мерзавцами считает тех, у кого не болтается что-нибудь на шее или в петлице». Надев крестик, он отправился

в купеческий дом. В первые несколько минут Пустяков сконфуженно сидел за столом, заметив среди гостей своего коллегу, учителя французского языка Трамбляна. Однако вскоре в его лацканной петлице он тоже обнаружил форменный обман – чужую Св. Анну III степени. Оба солгали, и оба почувствовали невероятное облегчение. Пустяков прекрасно провел время, но чувствовал все же некоторую досаду. «Знай я такую штуку, – сетовал он, – я бы Владимира нацепил. Эх, не догадался!»

Эта история, как и большинство коротких рассказов Чехова, определенно заимствована из жизни. Вероятно, писатель был свидетелем орденской фальсификации или слышал о ней. Подобное пускание пыли в глаза не очень сведущим, но чрезвычайно наградолюбивым чиновникам или купцам с осторожностью, но практиковалось в Российской империи.

Чиновничья машина в царствование Николая II росла и крепла, напитываясь деньгами, разрастаясь ведомствами, департаментами, канцеляриями. Современники легко путались в тусклых, уклончивых коридорах этого на вид крепко сбитого, но начавшего уже дряхлеть бюрократического строения. Было сложно разобраться в иерархии чиновников, в функциях различных ведомств и департаментов, порой дублировавших друг друга. Государственный деятель, финансист Сергей Иванович Тимашев сетовал: «Каждое ведомство у нас готово считать себя более компетентным в делах постороннего ведомства, чем то, которому данные дела поручены. Отсюда постоянно неуместные вторжения в чужую сферу деятельности <...>. Наконец, ведомствам свойственна какая-то неудержимая потребность возражать, не останавливаясь перед мелочами, очень серьезно мешая чужой работе»¹⁵. Потому Тимашев считал работу чиновников малопродуктивной при «наибольшей затрате сил и энергии».

Еще сложнее было понять нестройную логику чиновничьей формы, подчинявшейся не только уставам и постановлениям, но и неким внутренним, негласным правилам. К при-

¹⁵ Цит. по: Шелелев Л.Е. Чиновный мир России. СПб.: Искусство, 2001. С. 110.

меру, многие служащие уже в конце 1890-х годов начали носить неуставные двубортные тужурки, заменившие строгие, имперские, слишком неудобные мундирные фраки. Иногда, если позволяло начальство, труженики пера и бумаги вовсе отказывались от формы, предпочитая надевать черные жилеты, брюки и двубортные цивильные сюртуки. Были и другие перегибы. Чиновники некоторых министерств (внутренних дел, государственного контроля и др.) носили продольные плечевые знаки и двубортные офицерского покроя сюртуки, по уставу им не положенные. Существовали и такие ведомства, чиновникам которых официально полагались мундиры воен-

ного покроя, но отличить их от военных было сложно, особенно нижним чинам, боящимся офицерских кителей и погон.

Автор заметки «Неудобная мода», скрывшийся под инициалами П. Н. В-й, возмущался: «Ранее увидел на плечах погоны, значит – офицер, а теперь кто только их не носит? И галун для погон чиновников придумали еще гораздо красивее, чем для офицерских. Это новшество сильно стесняет нижних чинов, в особенности летом, когда носится китель (присвоенный и военным, и некоторым гражданским чинам. – О. Х.). Солдат то и дело, как говорится, козыряет, ибо как ему отличить офицера от чиновника, коли оба в кителях и на плечах пого-

ны. И не раз так бывает, что при встрече одновременно офицера и чиновника нижний чин отдает честь и провожает глазами чиновника, ибо у последнего погоны штаб-офицерские. Надо заметить, что многие господа чиновники в настоящее время стали носить погоны почти тех же размеров, как положено для офицеров. Погоны чиновников следовало бы заменить какими-либо иными отличиями, хотя бы красивее и лучше, но лишь бы резко отличались от погон офицерских»¹⁶. От имени автора этой заметки говорил тогда весь офицерский корпус.

Эта почти бунтарская либеральность в форме, да еще не где-нибудь, а в чиновни-

чьей среде с ее генетической, врожденной антипатией к любым проявлениям свободы, начала беспокоить императора Николая II. Он потребовал разработать единообразную, удобную и, главное, понятную форму. В декабре 1898 года появилось соответствующее постановление: «Государь Император Высочайше признал необходимым установить в форменной одежде чинов отдельных отраслей гражданского ведомства некоторое единство, подобное тому, какое, при всем разнообразии в обмундировании различных частей войск, всегда соблюдается в форме воинских чинов»¹⁷.

Съезд по профессиональному образованию,

прошедший в июле 1916 г. в 6-й мужской гимназии. Обращают внимание разнообразные виды форм чиновников, а также гражданские костюмы некоторых присутствующих. Фотоателье «К. К. Булла», Петроград. *Архив О.А.Хорошиловой*

¹⁶ П.Н.В-й. Неудобная мода / Разведчик, 1901, № 560, С. 620 – 621.

¹⁷ ПСЗРИ, 1898, Т. XVIII, № 16268.

Василий Васильевич Зарецкий, агроном, коллежский секретарь департамента земледелия, редактор журнала «Плодоводство». Позирует в праздничной форме – форменном сюртуке, брюках в цвет и шпаге с темляком. Фотоателье «А. Лежонов», Санкт-Петербург. 1909 г. Архив О.А.Хорошиловой

Этим император искренне надеялся внести логику в костюм чиновников, отчасти сблизив его с военным обмундированием. По этой причине и сама новая форма, вводимая постепенно в 1903 и 1904 годах, отчасти напоминала военную. К примеру, более широкое распространение получили двубортные сюртуки, заимствованные у гражданских чинов военного ведомства. Служащим VII и более низких классов они отныне заменяли полукафтаны. Последние были оставлены лишь чиновникам первых четырех классов.

Пуговицы многих ведомств центральных учреждений имели чеканное изображение государственного герба. Если же чиновник служил в губернских учреждениях, то пуговицы его сюртука украшал соответствующий губернский герб. С 1904 года двубортная тужурка, также имевшая военное происхождение, стала официально установленным видом дорожной одежды служащих в гражданских ведомствах. Впрочем, чтобы чиновники вновь не превратились в военных, продольные и поперечные плечевые знаки большей частью упразднили, а вместо них ввели воротниковые петлицы, сообщавшие о чине и должности их носителя с помощью звездочек и арматуры. Плечевые знаки были оставлены лишь министрам, товарищам министров и некоторым другим высокопоставленным чинам.

Костюм служащего стал напоминать несложный математический пример в несколько действий. Полукафтаны носят только чиновники высоких рангов. Все остальные – двубортные сюртуки. Сюртук, белый жилет, черный галстук, брюки без выпушки, белые замшевые перчатки, треугольная шляпа – праздничная и особая формы. Сюртук, брюки и жилет одного цвета, а также треугольная шляпа – форма обыкновенная. Тот же гардероб, но с серыми перчатками и черным шелковым галстуком – форма будничная. С ней носили фуражку, туюлю которой украшала гражданская кокарда (при условии, что служащий был дворянского происхождения), а околыш – ведомственная арматура.

Тужурку следовало носить «при ежедневных служебных занятиях» с жилетом, брюками в цвет сюртука, серыми или белыми перчатками и фуражкой. Летом носили белые сюртуки и полотнянники, а зимой – двубортное пальто или шинель, которую любили украшать меховым воротником и подбоем. Шпагу носили лишь на улице и в собраниях, на службе разрешалось быть и без нее.

При будничной форме строго-настрого запрещалось ношение галстука других цветов, а также булавок и прочих ветреных украшений. Фуражку следовало носить только с форменным костюмом. Однако «чернильные

Коллежский ассессор

Министерства финансов в будничной форме. Щегольство чиновника выдает высокий, жестко накрахмаленный воротник, модный в начале 1910-х гг.

Фотоателье «S. Bielodoubrovsky», Ковна. 1912 г.

Архив О.А.Хорошиловой

души» все эти правила нередко нарушали, предпочитая блистать если и не чинами, то хотя бы безупречной «бонтонностью» и прекрасной осведомленностью в новинках моды.

Ведомства, как и раньше, различались цветом приборного сукна и металла. И даже на большом расстоянии можно было без труда определить бюрократическое происхождение человека в форме. «Почтовые чиновники с желтыми кантами, казначейские с голубыми кантами, интендантские с красными кантами» – так безошибочно определял ведомства светлых служителей граф Алексей Алексеевич Игнатъев, находясь на театре Русско-японской войны. Помогало в этом и золотое или серебряное созвездье суконных или бархатных петлиц, указывавшее определенное место чина в заветной Табели о рангах, этом астрономическом атласе вселенских амбиций и космического себялюбия.

Коллежский регистратор Николай Павлович Данилов (слева)

с сослуживцами по Могилевской контрольной палате. 1908-1909 гг.

На чиновнике – светлосерый полотняник военно-морского образца, введенный для чиновников Государственного контроля в 1904 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Коллежский регистратор, служащий

в Министерстве внутренних дел, одет в форменный полотняник. Пуговицы на петлицах говорят о том, что чиновник служит в губернии, вероятнее всего Витебской. Отметим откровенно щегольскую фуражку с чересчур широкой тульей, модную среди провинциальных молодых франтов того времени.

Фотоателье «М. Г. Димант», Двинск. 1912 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Петр Иванович Веверс, почетный гражданин, член Петербургской городской управы, служащий.

Он, как и многие его современники, нарушал устав, надевая форменную фуражку с «партикулярным платьем» – в данном случае с костюмом-тройкой. Арматура на бархатном околыше, светло-желтые выпушки (выглядящие на старых фотографиях почти черными) свидетельствуют о том, что Веверс состоит на должности инженера-электрика по Министерству внутренних дел. Любопытна надпись на обороте фотографии: «Дядя П. И. Веверса был комендантом Кремля».

Фотоателье «Й. Верещинский», Санкт-Петербург. 2-я половина 1900-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

Чиновники Министерства внутренних дел первыми надели новую, мягко скорректированную по законам здравого смысла форму. С 1903 года и вплоть до Октябрьской революции она практически не менялась. Темно-зеленый двубортный сюртук, заимствованный у гражданских чинов военного ведомства, был украшен золочеными с ободком пуговицами, на которых чеканилось изображение двуглавого орла (для чинов центральных учреждений) или гербов тех губерний, где служил чиновник. Черные бархатные петлицы с черной суконной окантовкой, серебряными звездами, золотыми просветами и арматурой

Чиновник 10-го класса почтово-телеграфного ведомства в форменном сюртуке с петлицами образца 1903 года.

Фотоателье «А. Оцуп», Санкт-Петербург. Начало 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

украшали воротник сюртука, тужурки, пальто и шинели. Продольные плечевые знаки из золотого галуна с серебряными звездочками и черными просветами имел право носить лишь ограниченный круг высокопоставленных лиц, в который входили министр и его товарищ, губернаторы и вице-губернаторы, градоначальники, земские и крестьянские начальники и некоторые другие. Считалось, что эти знаки отличия, имевшие ярко выраженное военное происхождение, – прекрасное, проверенное средство «внушения», что при их виде трепещут, боятся и оттого лучше трудятся и хитроумные чиновники, и безграмот-

ные крестьяне. Эти своеобразные средства влияния действительно себя оправдывали и не раз помогали «золотопогонным» бюрократам успешно командовать, вбивать в головы простого и запуганного народа прописные истины закона.

Треугольная шляпа ничуть не изменилась с 1894 года, а фуражка, носимая при будничной и дорожной формах, приобрела некоторые новые детали. Околыш – черный бархатный, выпушек не было. На темно-зеленой тулье крепилась гражданская кокарда, а на околыше – арматура (золоченый двуглавый орел в венке из лавровых листьев).

В холодное время чиновники надевали пальто или шинель, а голову покрывали круглой мерлушковой шапкой с темно-зеленым верхом, гражданской кокардой и арматурой на тулье. Летом носили белые сюртуки или однобортные полотнянники с петлицами на воротнике.

Впрочем, форма некоторых должностных лиц слегка отличалась от вышеописанной. К примеру, гражданским инженерам, занимавшим в Министерстве внутренних дел штатные технические должности, полагались вместо черных малиновые канты и выпушки, а также серебряная арматура – скрещенные топор и лопата. Те же, кто окончил и служил в

Русское общество обожало форму, и многие ее носили. Из восьми мужчин на фотографии один – гимназист, один – нижний чин Императорской военно-медицинской академии и четверо – служащие и чиновники гражданских ведомств. Санкт-Петербург. Начало 1900-х.
Архив О.А.Хорошиловой

На предыдущей полосе:

Гражданский инженер

в чине IX класса, занимающий штатную техническую должность по Министерству внутренних дел. Позирует в форменном сюртуке и фуражке. Чиновник следит за модой: стрижка – «бобрик», бородка и подвитые усы а-ля Петр Столыпин, который в то время являлся министром внутренних дел и внешним видом невольно определял моду своих подчиненных.

Санкт-Петербург.
2-я половина 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Инженер-технолог

в полотнянике оливково-серого цвета, схожем с офицерским кителем. Отсутствие клапанов на воротнике указывает на то, что он не имеет чина, но занимает классную должность. На тулье форменной фуражки – кокарда гражданского образца, на околыше – арматура: скрещенные молот и французский ключ.

1910-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Священнослужитель,
состоящий при одной
из лютеранских
церквей Риги.
На его положение
указывает белый
галстук-пластрон
и «рок», темная блуза
с отложным
воротником и кокеткой.
Фотоателье «С. Schulz»,
Рига. 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Институте гражданских инженеров императора Николая I, носили аналогичную арматуру, но с наложенным на нее вензелем усопшего монарха. Архитекторы-художники министерства украшали свои черные бархатные петлицы, окаймленные малиновой выпушкой, занятой арматурой – «капитель, а по сторонам ее маска и палитра, внизу коих свиток и молоток»¹⁸. Служащие в местных почтово-телеграфных учреждениях носили те же мундиры, сюртуки, тужурки и фуражки, но приборный металл был белый, а приборный цвет – синий.

В структуру МВД входил и Департамент духовных дел «для надзора и контроля за неправославными христианскими конфессиями и другими религиями в Российской империи». Весьма примечательные одеяния католических, лютеранских, буддийских и прочих священнослужителей вносили разнообразие в однородную массу темно-зеленых форменных мундиров и сюртуков.

Костюм МВД стал базой, на основе которой в 1904 году начали кроить и пере-

краивать форму чиновников прочих министерств. В августе 1904 года новую форму получило ведомство Государственного контроля. Темно-зеленые суконные полукафтаны имели девять золоченых пуговиц, скошенный синий (темно-яхонтовый) бархатный воротник и были украшены ведомственным шитьем. Носили также темно-зеленые двубортные сюртуки с золочеными пуговицами и бархатным воротником. Высокопоставленные чиновники надевали погоны, все прочие украшали воротники темно-яхонтовыми бархатными петлицами с суконными синими выпушками, золотыми просветами, серебряными звездочками и золоченой арматурой – двуглавым орлом в венке из дубовых ветвей.

В октябре 1904 года чиновники Министерства народного просвещения, в том числе учителя, надели двубортные темно-синие сюртуки с золочеными пуговицами и бархатным темно-синим воротником (чиновникам Императорской Академии наук полагались такие же, но суконные). Петлицы – темно-синего бархата с синей суконной выпушкой, золотыми просветами и серебряными звездочками, а также арматурой – золоченым двуглавым орлом в венке из дубовых и лавровых ветвей. Фуражка соответствовала установленной расцветке: туля – суконная темно-синяя, околыш – темно-синий бархатный без выпушек.

В том же году новую форму получили чиновники прочих министерств и ведомств. Принцип, заложенный в форме служащих МВД, сохранялся. Отличить одно от другого можно было по шитью парадного полукафтана, приборному металлу, а также расцветке петлиц и арматуре.

Каждому чиновнику была положена определенная форма, которая возвышала его в глазах других, льстила его честолюбию, а порой составляла единственный смысл тусклого, уныло-департаментного существования. Может даже показаться, что «люди 20-го числа» везде и всюду смиренно носили мундиры, фраки, сюртуки и кителя – ведь столько их было придумано и в стольких постановлениях скрупулезно описано. Однако либеральное и

¹⁸ ПСЗРИ, Т. XXIII, отделение 1, № 23233.

М. Протопопов,
коллежский асессор Министерства
народного просвещения
 в будничной форме – темно-синем сюртуке
 с петлицами, жилете, черном галстуке.
 На правой стороне сюртука – знак кандидата
 богословия.

1914 г. «Фотография Немченко», Мстиславль.
 Архив О.А.Хорошиловой

основательно обуржуазившееся время настойчиво выстукивало новый, нервный перерывчатый ритм, диссонировавший со стройной размерностью жизни по уставу.

В начале 1900-х годов в проворном Петербурге, изнеженно-медлительной Москве и в некоторых бойких провинциальных городах чиновничья форма была признана моветоном. Ее, старую, внушающую комичный трепет, основательно одряхлевшую и в общем-то не удобную, меняли на деловую костюмную тройку, ладно сидевшую на хватком и сообразительном чиновнике средних лет. Об этой тенденции упоминает Мстислав Валерьянович Добужинский, служивший в начале 1900-х в Отделе по отчуждению имущества при канцелярии Министерства путей сообщения: «Мои сослуживцы были теперь другие, все это были, за редкими исключениями, люди с выс-

шим образованием и молодые. В общем, это были люди хорошего воспитания и то, что называется “люди общества”, они были отлично одеты, и ношение формы считалось плохим тоном. Вицмундир надевался лишь в случае личного доклада в Совете министров, но так наряжались лишь “делопроизводители” и “чиновники особых поручений”, которых было мало. Взгляды царили, конечно “новременские” и снобистские»¹⁹.

Преподаватели
Гатчинского
Николаевского
сиротского
института
 в полотняниках
 с наплечными знаками,
 украшенными вензелем
 императора
 Николая I.

Гатчина. Начало 1910-х гг.
 Архив О.А.Хорошиловой

¹⁹ Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 177 – 178.

**Чиновники
и студенты
на отдыхе**

с дамами сердца.

Близ Риги.

1900-1901 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Русский архитектор
Алексей Николаевич
Климентьев
в окружении детей.**

Наперекор уставу
он носит фуражку
с гражданским
костюмом.

На тулье –
кокарда гражданского
образца,

свидетельствующая,
что архитектор
дворянского
происхождения.

На околыше –
арматура
гражданского
инженера – накрест
лежащие топор
и лопата.

1909 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Типичные образы

времен Февральской революции – студент в изломанной «демократической» фуражке (слева) и молодой чиновник в форменной фуражке и цивильном двубортном пальто. Откровенно «помятый» вид юношей – дань революционной моде.

Петроград, 1917 г. Архив О.А.Хорошиловой

Новое время с его нелюбовью к чиновничьему маскараду отразилось и на костюмах членов Государственной думы, учрежденной в 1905 году. Они были сугубо цивильными. Большинство депутатов одевались просто и обстоятельно – по-городскому. Кто-то носил черные двубортные сюртуки с темно-серыми брюками в тонкую полоску. Кто-то являлся на заседания в жилетах, черных или асфальтово-серых пиджаках и брюках в цвет. Трудовики и националисты придерживались аффектированно народного стиля – шелковые рубашки-косоворотки и вышиванки, непременно мешковатые пиджаки, брюки, заправленные в гамбургские сапоги, помятые фетровые шляпы или суконные фуражки-«капитанки». Существовали и некоторые партийные аксессуары.

Коллежский секретарь в форменном пальто и фуражке, служащий в одном из губернских учреждений Министерства путей сообщения.

Рядом – старик в форменной накидке с капюшоном и офицер в шинели с траурной лентой на рукаве.

2-я половина 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Формой пренебрегали даже высокопоставленные чиновники. Князь Кирилл Николаевич Голицын вспоминал о своем отце, Николае Владимировиче: «Назначение отца директором архива (Петербургского главного архива Министерства иностранных дел. – О. Х.) было не только шагом по служебной лестнице, но еще и повышением по рангу: его “подтянули” из надворных советников в статские. Все вновь назначенные чиновники от статского советника и выше должны были представляться государю и являться на прием во дворец в мундире, при шпаге и треуголке <...>. У отца и в помине не было никакого мундира, а старая треуголка была за ненадобностью отдана мне и служила необходимой принадлежностью наших воинственных игр со сверстниками. Скрепя сердце отец покорился необходимости сшить мундир, но против покупки треуголки решительно запротестовал, уверяя, что старая сойдет»²⁰.

²⁰ Голицын К. Н. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997. С. 28 – 29.

Группа попечителей учебных округов на заседании в Министерстве народного просвещения. Второй слева в первом ряду – Климент Аркадьевич Тимирязев, шестой справа – министр народного просвещения, граф Павел Николаевич Игнатьев. Все присутствующие, кроме генерал-майора Алексея Львовича Королькова, одеты весьма демократично – в цивильные сюртуки и классические тройки. Отметим также отсутствие наград. Ателье «Иосиф Оцуп», Петроград. 1915 г.
Архив О.А.Хорошиловой

На следующей полосе, сверху:

Алексей Алексеевич Селиванов, член 3-й Государственной думы, октябрист. Вел активную общественную деятельность, возглавлял Зарайскую земскую управу, в 1894 г. продал свою землю крестьянам. Однако эти заслуги не уберегли его от репрессий. В 1919 г. он был арестован, скончался в лагерях. Фотоателье «Rentz&Schrader», 1909-1910 гг. Санкт-Петербург.
Архив О.А.Хорошиловой

«1 мая обычно левый сектор украшал себя ботоньеркой в петлице, красной гвоздикой»²¹, — отмечал Яков Васильевич Глинка. В Думе всегда и с нетерпением ждали появления депутата Владимира Митрофановича Пуришкевича, хулигана и скандалиста. Его эпатажные наряды были ярким пятном в глубокомысленном образии тусклой думской «униформы». Глинка описал один из наиболее эффектных нарядов депутата: «Пуришкевич, выждав момент, когда появление его могло обратить всеобщее внимание: одетый в визитку, руки в карманах, с красной гвоздикой — где бы вы думали? — в прорехе брюк в непристойном месте»²². Так экстраправый Пуришкевич базарно высмеял заветный первомайский аксессуар левых депутатов.

Форменного платья не имели даже чиновники канцелярии Государственной думы. Лишь приставы и их помощники отличались нагрудными цепями с орлами и знаками, указывавшими на должность.

²¹ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 52.

²² Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 51.

Организатор и лидер партии кадетов, депутат 1-й Государственной думы Владимир Дмитриевич Набоков (третий справа) в окружении однопартийцев и сотрудников газеты «Речь». Набоков в костюме-тройке, возможно сшитом в престижном ателье Лидваля.

Фотоателье «Левинский», Санкт-Петербург. 1909 г. Архив О.А.Хорошиловой

Военизированная форма чиновников

Коллежский советник учебно-воспитательной службы

военно-учебных заведений.

На его черном форменном сюртуке хорошо заметны пуговицы с «сиянием», эмблемой военно-учебных заведений. Фотоателье «Г. В. Трунов», Москва.

2-я половина 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

На следующей полосе, вверху:

Статский советник Милий Васильевич Прокопьев,

преподаватель

Петербургского 1-го кадетского корпуса.

На правой стороне форменного сюртука – знак кандидата богословия.

Фотоателье «С. Смирнов»,

Санкт-Петербург.

2-я половина 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

В этом строгом, сдержанном разнообразии гражданских ведомственных форм существовал любопытный военный элемент, представленный костюмами ряда чиновников и служащих некоторых министерств.

Гражданских чиновников военного ведомства можно было с легкостью спутать с офицерами и генералами – настолько их костюм был идентичен армейскому. Среди них были капельмейстеры, классные топографы, инженерные чиновники и чиновники Главных управлений Военного министерства, состоящие в казачьих войсках и др. Чиновники военно-учебных заведений напоминали флотских офицеров своими черными двубортными сюртуками с погонями.

Почтальоны, числившиеся по почтово-телеграфному ведомству, относившемуся к Министерству внутренних дел, носили практически армейскую форму – двубортные бушлаты с ведомственной арматурой, гимназические, солдатского типа рубахи, фуражки с козырьком и лентообразной бляхой, черные кожаные пояса. Когда служащие ведомства сопровождали ценные грузы или несли караульную службу, то надевали кожаные портупей с пашками и кобуры, в которых лежали заветные револьверы, предмет необычайной гордости всех почтальонов.

В воинственности им ничуть не уступали лесные смотрители и помощники лесничих, числившиеся по Министерству земледелия и государственных имуществ²³. Они носили черные или серые двубортные тужурки, такого же цвета суконные штаны, заправленные в длинные, до блеска начищенные сапоги со множеством складок по моде начала 1900-х годов. Грудь украшала овальная бляха с аббревиатурой «ЛС» (лесной смотритель) или «ПЛ» (помощник лесничего). Для пушного сходства с нижними чинами армии служащие

²³ Министерство земледелия и государственных имуществ несколько раз меняло название. С 1905 года – Главное управление землеустройства и земледелия. С 1915 года – Министерство земледелия.

подпоясывались черным кожаным ремнем с бляхой и надевали кобуру с револьвером. К ручке крепился зеленый шнур, овивавший стоячий воротник тужурки – совсем как у военных. Голову покрывала черная меховая шапка «офицерского образца» с серебристой бляхой на тулье.

Служащие железных дорог также выглядели слегка по-военному. К примеру, главные кондукторы железных дорог Министерства путей сообщения носили черные суконные кафтаны со стоячим скошенным воротником, наплечные жгуты из перевитых белого, малинового и серебряного шнуров, узкий серебряный галун по вороту и обшлагам, кожаный ремень с чеканной бляхой.

Служители тюремного ведомства носили почти армейское обмундирование, что в полной мере соответствовало специфике их работы. И чиновники, и российский монарх признавали «безусловно необходимым сохранить для чинов тюремного ведомства форму обмундирования, близко подходящую к форме военнослужащих», и как бы ни видоизменялся внешний облик тюремных служащих, военный элемент их одежды сохранялся. Согласно

табели 1895 года они носили темно-зеленые суконные мундиры с погонами, бляхой и стоячим воротником, по верхнему краю которого шла алая выпушка. Шаровары заправляли в высокие лакированные сапоги, а голову покрывали суконными фуражками с алыми выпушками, черным лакированным козырьком и мельхиоровой кокардой, зимой надевали черные барашковые шапки. Нижние чины дисциплинарных частей в Иркутском и Приамурском военных округах носили папахи. Фельдфебелям, кроме того, были положены суконные кушаки, а погоны украшали золотые галунные лычки. В холодное время нижние чины носили серые суконные солдатского типа шинели с клапанами на воротнике и погонах. Вооружены тюремщики были как в армии – шашками и револьверами.

Пожалуй, самой военизированной частью был Отдельный корпус пограничной стражи (сокращенно – ОКПС), сформированный в 1893 году из людей пограничной стра-

Бравые почтальоны в форменных бушлатах, шароварах и фуражках с латунными лентами

на околышах позируют вместе с чиновником XIV класса почтово-телеграфного ведомства (в центре). На рукавах бушлатов некоторых почтальонов видны белые углы-шевроны – по одному у младших унтер-офицеров и по два у старших унтер-офицеров почтальонских команд. На служащем (четвертый справа) – знак отличия Военного ордена IV степени и медаль «В память Русско-японской войны» с бантом.

Вторая половина 1900-х гг.
 Архив О.А.Хорошиловой

Служители почтово-телеграфного ведомства,

позирющие в форменных бушлатах, летней форменной рубашке (в центре) и фуражках с арматурой. Судя по револьверам и шашкам драгунского образца они отбывают караульную службу. Маленькие фуражки с низкой неширокой тульей были весьма модны в первой половине 1900-х гг., поэтому фотографию можно датировать 1903–1906 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

жи Таможенного управления Министерства финансов. Его функции были многочисленны, но все они служили одному – упрочнению финансового благополучия быстро развивающегося российского государства. Чины стражи неусыпно охраняли границу, ловили контрабандистов, перебежчиков, разбойников, шаливших на приграничных территориях, усмиряли повстанцев. В их задачи входила охрана железных дорог, станций, перегонов. Отдельный корпус имел чисто военную структуру, даже несмотря на то, что подчинялся Министерству финансов. Его первый шеф, министр финансов Сергей Юльевич Витте, писал: «Во главе стоит корпусной командир; у корпусно-

го командира – начальник штаба. Затем штаб и канцелярия пограничной стражи, а также медицинская часть, подобно тому, как это существует во всех военных корпусах, но в несколько увеличенном виде, так как самый корпус пограничной стражи, несомненно, больше, нежели обыкновенный корпус войска»²⁴.

Отдельный корпус пограничной стражи делился на округа, бригады, отделы, отряды и посты, состоял, как любое крупное войсковое формирование, из генералов, офицеров и нижних чинов. Всего – более 36 тысяч человек. В 1894 году чины ОКПС получили специальную форму, практически не отличавшуюся от армейской, – темно-зеленый мундир со светло-зелеными воротником, погонами, клапанами и выпушками, серо-синие шаровары, серые шинели, темно-зеленые фуражки со светло-зелеными выпушками, папахи, башлыки.

В 1907–1909 годах чины корпуса пероделались в новую форму. Темно-зеленый мундир нижних чинов, заимствованный у армейских улан, был лацканного покроя. Его украшали светло-зеленые клапаны, выпушки и погоны с вензелевыми накладными или номерными шифровками, а также золоченые в два ряда пуговицы. Шаровары по-прежнему были серо-синими. Тулья фуражки приобрела светло-зеленый цвет, околыш был темно-зеленым, выпушки оставлены без изменений. На учебных сборах, маневрах, а также в военное время нижние чины носили защитные мундиры армейского образца 1909 года, а также защитные фуражки. В холодное время – серые шинели или полушубки, папахи, «нансеновки» (охотничьи шапки с меховым назатыльником), башлыки. Офицеры в своей новой, не лишённой элегантности форме чувствовали себя почти кавалерией. Темно-зеленые (тесноватые у модников) мундиры украшал настезной гвардейский лацкан светло-зеленого цвета, воротник сверкал шитыми золотыми петлицами, и нельзя было отвести глаз от золотых кавалерийских эполет и аккуратных, с легким шиком, фуражек (темно-зеленый околыш, светло-

²⁴ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 234.

**Офицер
Отдельного корпуса
пограничной
стражи**

в вицмундире,
фуражке и роскошной
«николаевской»
шинели.

Фотоателье «Р. Шарль»,
Санкт-Петербург. 1913 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Офицер
Отдельного корпуса
пограничной стражи**

в форме образца
1907 г. и сабле
на поясной портупее.
Грудь украшают орден
Св. Станислава
III степени и медали.

Начало 1910-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

зеленая тулья). Следуя правилам кавалерийско-го шика, офицеры-пограничники заказывали себе узкие, облегающие серо-синие рейтузы, дополнявшие рафинированный «фертовый» облик, имевший, казалось, так мало общего с тяжелой, нудной и весьма однообразной работой на границе. В военно-полевых условиях офицеры носили драбовые кителя и фуражки, в зимнее время надевали серые двубортные пальто и шинели, аналогичные армейским.

В Отдельный корпус пограничной стражи входила крейсерская флотилия, чины которой носили военно-морскую форму

с некоторыми отличиями. Нижние чины – темно-синие фланелевые рубахи, воротники которых были украшены тремя рядами светло-зеленой тесьмы. Такие же полосы украшали воротник белой форменной полотняной рубахи. До 1911 года тельняшки имели бело-зеленую расцветку, после – общеплотовскую бело-синюю. Бескозырка была положена темно-зеленая со светло-зелеными выпущками по околышу и верху тульи, погоны и погончики – также светло-зеленые. Шинели носили светло-серые. В обмундирование офицеров крейсерской флотилии входили черные

**Служащие судов
Русского торгового
флота.**

На отложных
воротниках тужурок
заметны якоря.

Середина 1900-х годов.

Архив О.А.Хорошиловой

двубортные мундиры на шесть пуговиц со скошенным гвардейского образца воротником и двумя золотыми петлицами с каждой его стороны. Такие же петлицы, но более короткие, украшали клапаны обшлагов (по три на каждом). При мундире носили золотые эполеты или погоны, присвоенные чинам Отдельного корпуса пограничной стражи. Брюки полагались черные, флотского образца. Офицеры носили фуражки, аналогичные сухопутным чинам стражи, но при парадной и обыкновенной формах к тулье крепили золоченый герб.

Помимо чинов крейсерской флотилии ОКПС, элементы морской символики и обмундирования присутствовали в форме ряда других ведомств. К примеру, судовая прислуга таможенных судов, причисленных к Министер-

ству финансов, носила синие «фланки», белые полотняные рубахи с синим морским воротником и обшлагами, украшенными белыми полосками²⁵, рабочие рубахи из небеленого полотна, а также сине-белые тельняшки²⁶. Этот нехитрый флотский гардероб дополняли суконные темно-зеленые шаровары и рабочие небеленые брюки. Вместо бескозырок судовой прислуге присвоили фуражки таможенного образца – темно-зеленые со светло-зелеными выпущками. Униформу, весьма близкую морской, носили также чины и служащие Русского общества пароходства и торговли, Русского торгового флота и прочие чины Главного управления Торгового мореплавания и портов²⁷.

В эпоху Николая II существовала и еще одна разновидность формы, присвоенная чинам гражданских ведомств, «коим полагается мундир военного покроя». Среди счастливых, которые совершенно законно форсировали в почти армейском обмундировании и едва отличались от франтоватых служителей Марса, были, к примеру, чины акцизного надзора и таможенного ведомства Министерства финансов, межевые чины и упомянутые выше лесничие Министерства государственных имуществ, межевые чины Министерства юстиции и др. Они носили однобортные мундиры и двубортные сюртуки гражданского или закрытого офицерского образцов, кителя и полотнянники, шаровары, фуражки, пальто и шинели, шпаги, а с 1897 года еще и продольные плечевые знаки, близкородственные военным погонам²⁸.

Особая, весьма важная в государственном и политическом смысле роль полиции, подчинявшейся МВД, отразилась на ее форме, выделявшейся из пестрого разнообразия костюмов этого министерства своей военной лаконичностью и строгостью. В губерниях, высших административных единицах Российской империи, полицейские органы возглавлял полицмейстер, уездные – исправник, а в градоначаль-

²⁵ До 15 сентября 1895 года воротники и обшлага были зеленые.

²⁶ ПСЗРИ. Т. XV, № 12032 (табели). С. 340 – 347.

²⁷ Главное управление Торгового мореплавания и портов с 1905 года входило в состав Министерства торговли и промышленности.

²⁸ ПСЗРИ. Т. XVII, 1897, № 14298.

Инспектор морской части, состоящий в Русском обществе пароходства и торговли. На его должность указывают знаки на концах черного бархатного воротника – перевитые канатом якоря. Чиновник позирует в форменном сюртуке образца 1899 г.

Фотография Б. Ф. Готлиба, Одесса. Середина 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Александр Иосифович Югович, главный инженер Китайско-Восточной железной дороги.

Позирует в сюртуке военного покроя и продольных плечевых знаках, присвоенных некоторым чинам Министерства финансов.

Начало 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

чальствах «благочиние, добронравие и порядок» находились всецело в руках градоначальника (или обер-полицмейстера).

Первый носил темно-зеленый мундир с бортом на крючках, стоячим скругленным воротником с двумя серебряного галуна петлицами и обшлагами, украшенными такими же петлицами. Воротник и обшлага овивал оранжевый кант, установленный для чинов полиции еще при императоре Николае I. Он же присутствовал и на черном кушаке, опоясывавшем раздавленное тело чиновника. Полицмейстер устрашал не только своим непременно грозным и внушающим внешним видом. Определенное влияние оказывали и серебряного галуна погоны с оранжевым просветом, грузно лежавшие на плотных, широких плечах круп-

нотелого блюстителя порядка и благонравия. С мундиром надевали серо-синие весьма широкие шаровары, отчего вся фигура этого высокопоставленного мужа казалась еще более внушительной и неповоротливой. Помимо мундира генеральские и офицерские чины полиции носили двубортные темно-зеленые сюртуки с шароварами или брюками – в качестве повседневной формы.

В холодное время надевали светло-серые армейского типа шинели, а голову покрывали черными мерлушковыми шапками со штатпованным гербом губернии и офицерской кокардой. Летом полицмейстер носил небеленого холста двубортный китель с погонами и зачехленную фуражку с гербом города и кокардой. Однако с 1909 года всем чинам поли-

Чины и служащие

4-го участка Митавского городского полицейского управления.

Сидят (слева направо): околоточный надзиратель, коллежский секретарь, пристав 4-го участка, помощник пристава и околоточный надзиратель.

Стоят (слева направо): служащий, не имеющий классного чина, три городских среднего оклада из бывших младших унтер-офицеров, два околоточных надзирателя, городской высшего оклада (три гомбочки на жгутах) из бывших ефрейторов, городской среднего оклада из бывших младших унтер-офицеров, городской среднего оклада из бывших старших унтер-офицеров.

Фотоателье «М. Вуч», Митава. Архив О.А.Хорошиловой

Карикатура на городских времен Первой русской революции.

Подпись под картинкой соответствует духу эпохи:

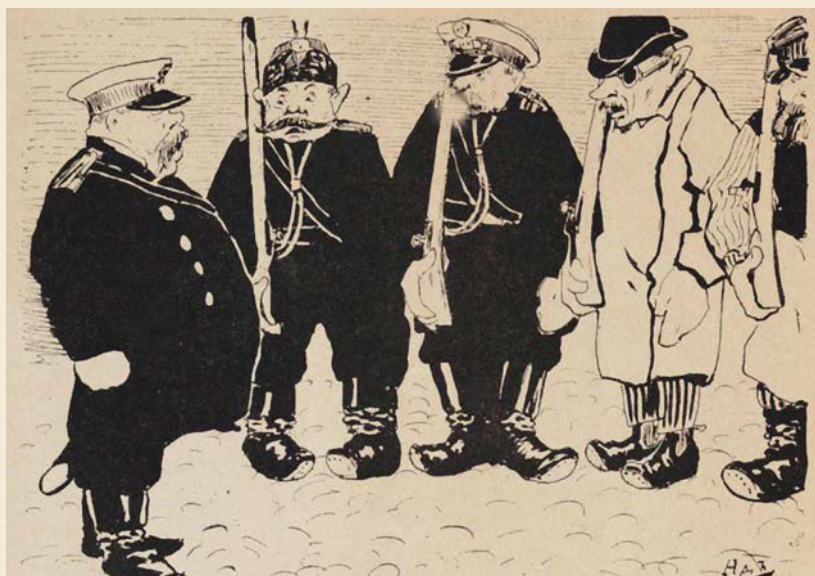
«Ведь вот беда! У меня эфта самая глюса сделалась, а пристав велит в отставку выходить: потому, грит: “Ты, Сидоренко, леветь начал!”».

Журнал «Юмористический альманах», 1908 г. Архив О.А.Хорошиловой

Русский карикатурист изобразил основные типы полиции –

околоточного надзирателя, нижнего чина коннополицейской стражи с характерной шапкой драгунского образца и султаном, городского, «шпика», а также дворника-информатора.

«Юмористический альманах», 1908 г. Архив О.А.Хорошиловой

ции, в том числе и полицмейстеру, разрешили вместо небеленого надевать китель защитного цвета, который к тому времени уже был введен в армии. Плащи и шинели полагались офицерского образца. Полицмейстеру были положены шашка драгунского образца и револьвер. В целом облик его был более военным, нежели чиновничьим.

Полицмейстер руководил целой армией расторопных и хитроумных подчиненных. Его помощник отличался от своего начальника, пожалуй, лишь одной петлицей на воротнике мундира. Полицейский пристав носил воротник с петлицей, но обшлага его рукавов были пусты. Помощнику полицейского пристава петлицы на мундире вовсе не полагались и тд. Гражданские чины полиции занимались множеством канцелярских дел в стуртуках, присвоенных чином Министерства внутренних дел.

Городские полицейские участки делились на околотки, заведовали которыми околоточные надзиратели. Если они были офицерами или имели соответствующий гражданский чин, то носили форму, аналогичную уже описанной. Часто должность околоточного выполняли бывшие унтер-офицеры или фельдфебели, отличавшиеся темно-зелеными (почти черными) двубортными мундирами на крючках с серебряным галуном, украшавшим верхнюю часть воротника и обшлага. Погоны они носили темно-зеленые с оранжевой выпушкой по свободному краю и широкой продольной галунной нашивкой, подпоясывались черным кушаком с оранжевыми кантами. Им были положены черные барашковые шапки с гербом и кокардой, серо-синие шаровары, черной юфти мягкие сапоги со множеством складок. Дополняли военизированный облик драгунская шашка и револьвер.

Околоточным подчинялись городовые, непосредственные блюстители порядка и нравственности. Эти верные служаки с грубыми лицами, словно бы вытесанными неумелой рукой плотника-пропойцы, и унтерскими закрученными усами расхаживали вдоль и поперек своего небольшого участка в особой, всеми хорошо знакомой форме. Их черные (с зе-

леноватым отливом) мундиры украшали своеобразные плечевые знаки – жгуты из оранжевого шнура с посеребренными гомбочками: тремя – для городских высшего оклада, двумя – среднего и одной – низшего. В 1892 году для городских, бывших фельдфебелей, вахмистров и унтер-офицеров ввели еще и поперечные погоны, в народе именовавшиеся «карточками». Их нашивали под плечевым жгутом у оката рукава. Бывший ефрейтор носил одну гарусную нашивку на «карточке», бывший младший унтер-офицер – две, старший унтер-офицер – три. Бывшие армейские фельдфебели отличались одной басонной нашивкой, золотой или серебряной, гвардейские – полустабским басоном.

Летом городовые надевали белые рубахи с зачехленными фуражками, зимой поверх мундира натягивали тугую темно-серую шинель солдатского образца с зелено-оранжевыми петлицами на воротнике и нахлобучивали барашковую шапку. На ней, а также на фуражке теснились одна под другой штампованные посеребренные бляхи – герб и лента с номером участка. Венчала эту сложносоставленную композицию солдатская кокарда. Главными смирительными и устрашающими средствами городских были драгунская шашка, револьвер, а также свисток – для особо пугливых нарушителей.

Форменный костюм чинов уездной полиции отличался от губернского лишь желтым приборным металлом. Ряд отличий в обмундировании имела и земская стража Царства Польского – приборный металл желтый, шитье образца, установленного для петербургской полиции, на погонах и эполетах офицеров – шифровка «З. С.».

В столице и некоторых других крупных городах Российской империи, имевших статус особых административно-территориальных единиц (градоначальств), за порядком и мыслями горожан вел неустанное наблюдение градоначальник. Его мундир отличался от полицмейстерского прежде всего шитым серебряным кантом вокруг воротника и обшлагов, а также изящными сложного рисунка петлицами.

Если же он состоял в свите Его Императорского Величества, то воротник, борт и обшлага дополнял белый кант, левую часть груди украшал серебряный аксельбант, погоны – императорские вензеля. Серебряный шитый кант украшал воротник и обшлага помощника градоначальника. Кроме того, градоначальники, их помощники, полицмейстеры и начальники резерва носили не черные, а серые мерлушковые шапки с государственным гербом²⁹ и кокардой.

Непосредственно градоначальнику или полицмейстеру подчинялась конно-полицейская стража, наводившая страх на вольнодумцев, участвовавшая в разгонах демонстраций и потому вызывавшая в обществе лишь злость и ненависть. Ее весьма своеобразная форма родилась в результате умелого скрещивания полицейского и кавалерийского обмундирования. Офицерам были положены касторовые темно-зеленые мундиры, сходные с полицейскими. Воротник и обшлага мыском украшали серебряные петлицы с пуговицей «против прибора» на каждой. Поверх мундира офицеры надевали лядунку и перевязь, аналогичные тем, какие носили армейские кавалеристы. Особой гордостью и главным отличием коннополицейского стража были аксельбанты – «из ветишкетного уланского шнура с серебряными наконечниками» для офицеров и светло-оранжевые для нижних чинов. Шапки ничем не отличались от армейских драгунских, за исключением, пожалуй, лишь опереточного султана, так дисгармонизировавшего с грозными, угластыми лицами чинов КПС. Сапоги носили кавалерийского образца. Погоны, шаровары, фуражка, а также сюртук были такими же, как в полиции. К 1908–1909 годам сюртук, впрочем, сменил более современный и удобный китель (походный мундир), повторявший кроем кавалерийский. Околоточные надзиратели (вахмистры) и городовые имели несколько основных внешних отличий от аналогичных полицейских чинов – кавалерийского типа мундир с обшлагами мыском,

оранжевый аксельбант и драгунскую шапку с султаном (вахмистры).

Существовал и весьма специфический вид блюстителей порядка – речные полицейские. В их функции входила охрана набережных и мостов, охрана порядка на воде, контроль за разгрузкой и погрузкой судов, а также и весьма почетная обязанность – спасение утопающих. Связь речной полиции с водными путями отразилась и на ее обмундировании, имевшем ощутимую переключку с флотским костюмом. Управляющий речной полиции носил черный двубортный мундир с оранжевым воротником, шитье которого по своей сложности и путаности не могло сравниться ни с каким другим. Оно состояло из двух рядов. Верхний – «по образцу полицмейстеров Санкт-Петербургской полиции»³⁰. А нижний – «вышитый якорь с канатом по тому же рисунку, как у флотских офицеров»³¹. Аналогичные узоры покрывали и обшлага. С мундиром носили как эполеты, так и погоны с оранжевыми просветами. Офицерам было положено шитье «такое же, но верхняя часть на воротнике и обшивка обшлаг по образцу шитья приставов»³². Головными уборами служили треугольная шляпа и фуражка. Помимо мундиров офицеры речной полиции носили синие, наподобие морских кителя, летом – такие же из беленого холста, а также черный двубортный сюртук (до 1908–1909 годов). В холодное время надевали черную шинель, аналогичную морской. В целом форма офицеров речной полиции была столь же разнообразна, как у флотских чинов, и подчинялась строгим и сложным правилам. Обмундирование нижних чинов речной полиции сочетало элементы флотской и полицейской форм. Городовые, к примеру, носили темно-зеленые мундиры по типу Гвардейского экипажа, однако приборный цвет полагался традиционно полицейский – оранжевый, плечевые знаки в целом были похожи на те, которые носили городские наружной полиции, и т. д.

²⁹ Те, кто перешел в полицию из гвардии, вместо государственного орла носили Андреевскую звезду.

³⁰ ПСЗРИ. 1899. № 17474.

³¹ Там же.

³² Там же.

Впрочем, не будем забывать, что форма – не только велеречивые, сложно составленные предписания. Это еще и сотни исключений. Полиция, этот извечный блюститель закона и порядка, нередко ставила под сомнение логику законов и вносила известный беспорядок в собственный внешний вид. Пожалуй, самым распространенным и ничем не искоренимым нарушением были погоны военного образца, которыми дополняли свой милитаристский костюм стражи благочестия и добродетели. Вот что писал по этому поводу один из авторов журнала «Разведчик»: «Был я в Казани в отпуску, и в один прекрасный жаркий день вхожу в вагон, и первым, что бросилось мне в глаза, это сидящий, весьма представительный, полковник в погонах армейской пехоты. Понятно, я сейчас же отдал ему честь, а он очень любезно, за неимением на голове фуражки, кивком головы ответил, так сказать, на мое приветствие и предложил мне место рядом с собою. Просидев не более двух минут, я вышел на площадку, чтобы закурить папиросу, и вслед за мною появляется полковник. Но, о ужас! На нем фуражка полицейского чиновника; признаюсь, меня это сильно поколебало, и я тут же предложил ему вопрос, понятно, в очень вежливой форме, в каком полку он изволит служить, на что и получил такой ответ: “Я становой пристав С-го уезда”. – “Почему же Вы разрешили себе носить погоны полковника армейской пехоты?” – “Это, извольте видеть, у нас многие носят, и снабжает нас ими московский магазин Капустина, которому, я думаю, хорошо известны правила формы”. На такой наивный ответ я предложил самозванцу-полковнику пожаловать со мною в комендантское <...>. Тут-то мой представительный самозванец взял меня за руку и очень вежливо сказал: “Оставьте, г. капитан, меня в покое, я даю Вам честное слово, что сегодня же куплю форменные погоны и никогда не стану носить военных, а мерзавцу Капустину пошлю нахлобучку за неправильное снабжение неуставленными погонами”»³³.

Если верить негативным отзывам в прессе, полицейские чины пренебрегали многими другими правилами ношения обмундирования. К примеру, являлись на торжественное событие в тужурках и кителях, а не в положенных для такого случая мундирах.

Функции политической полиции по традиции исполнял Отдельный корпус жандармов. Шефствовал над ним сам министр внутренних дел, а непосредственным начальником являлся товарищ министра, заведовавший полицией. Особый статус жандармов подчеркивал их форменный костюм. До 1897 года они носили темно-синие и светло-синие (чины Кадровых команд) мундиры образца армейских драгун с кушаком, меховые шапки-«драгунки» с посеребренным государственным гербом или фуражки мундирного цвета с алыми выпушками, серо-синие шаровары с выпушками. Форму офицеров и генералов дополнял плетёный аксельбант из уланского этишкетного шнура с серебряными наконечниками.

Драгунская форма оставалась образцом для подражания у жандармов и после 1897 года, когда чины корпуса получили новые двубортные темно-синие мундиры на 6 пуговиц с закругленным воротником, украшенным у генералов двумя шитыми петлицами, а у офицеров – коваными галунными.

Ротмистр Лев Карлович Утгоф, начальник жандармского управления Ново-Александрийского и Любартовского уездов. Отчетливо виден аксельбант из этишкетного шнура, присвоенный жандармским офицерам в 1886 г. вместо серебряного. Рядом с ротмистром – его супруга и сын Владимир, будущий эсер и революционер. Ок. 1890 г.

Архив О.А.Хорошиловой

³³ Разведчик, 1900, № 502, С. 509-510.

Пожарная дружина
Красноярского
Вольного пожарного
общества.

Первая половина 1900-х гг.
Красноярский краевой
краеведческий музей

В отличие от армейской кавалерии, нижним жандармским чинам суконные клапаны на воротнике не полагались. Обшлага на мундире были прямыми, у генералов и офицеров – с двумя серебряными петлицами без пуговиц. Помимо мундиров офицеры носили темно-синие сюртуки с аксельбантами, а с конца 1900-х – кителя кавалерийского типа. На плечах поблескивали серебряные погоны с красным кантом и синим просветом. С 1907 года в комплект офицерского обмундирования жандармских генералов и офицеров входили: драгунская шапка с султаном, фуражка с темно-синим околышем и светло-синей тульей, двубортный на 14 пуговиц мундир и китель, серебряный аксельбант, кавалерийского покроя

**Пожарный
расчет на новом
«моторе».**

Фототипия,
Санкт-Петербург. 1904 г.
Архив О. А. Хорошиловой

шинель, серо-синие шаровары, плечевая портупья и лядуночная перевязь. Нижние чины носили кавалерийского кроя мундир с красными шерстяными аксельбантами, гимнастерки защитного цвета, шинель, шаровары, бескозырки такого же цвета, как у офицеров, сапоги со шпорами.

Военный стиль был присущ и чинам городских пожарных частей, подчинявшихся полиции и входивших в состав МВД. Руководил ими непременно солидный, внушительного вида брандмайор, чье обмундирование в целом напоминало полицейское. Существенными отличиями были синее (а не оранжевое) приборное сукно, черная подкладка мундира и сюртука, сапоги с длинными голенищами, в которые заправлялись серо-синие шаровары, ну и конечно, медная золоченая каска, которая надевалась при праздничной и парадной формах, а при обыкновенной – фуражка с синим околышем и темно-зеленой тульей. В качестве верхней одежды начальник пожарных команд носил шинель офицерского образца, а также «николаевскую» шинель, придававшую особенно внушительный и солидный вид. Брандмейстерам полагалось аналогичное обмундирование, с той только разницей, что на мундирных воротниках вместо шитья положены были две серебряные галунные петлицы, а вместо эполет – погоны из серебряного галуна с синим просветом и звездочками по чину. Если же брандмейстер чина не имел, то носил синие суконные погоны с серебряной узкой продольной нашивкой по центру.

Нижние чины пожарных команд имели два основных вида одежды – рабочий и праздничный. Первый включал в себя серые двубортные холщовые куртки с отложным воротником, серые широкие шаровары, широкий пожарный пояс, толстые перчатки, сапоги и медный шлем. Из-за доминирующего цвета в одежде народ прозвал пожарных «серыми героями». Праздничная форма состояла из синей двубортной куртки с серебряными пуговицами, синими клапанами на воротнике, синими суконными погонами с красными

просветами и нашивками по чинам (помощник брандмейстера – один галунный басон, унтер-офицер – два баса из белой тесьмы, у рядового старшего оклада – одна). С куртками носили темно-синие суконные шаровары, черные кожаные пояса и медные каски.

Выезд команды на пожар всегда был красочным и динамичным. Художник Михаил Александрович Григорьев нередко становился свидетелем этого яркого события:

«Выезд команды на пожар представлял собою эффектное зрелище. Впереди на тяжелом лоснящемся коне мчался „скачок“ – трубочка в медной каске, который трубил в военный горн, давая знак, чтобы освобождали путь для проезда пожарного обоза. На некотором расстоянии от него летела галопом первая линейка, которую везла тройка чудовищных по росту и силе коней. Повозка была выкрашена в ярко-красный цвет, все металлические части были из начищенной сверкающей латуни. Вдоль линейки, спиной друг к другу, в два ряда сидели пожарные в медных касках, держа (и днем и ночью) пылающие керосиновые факелы с медными головками. В линейку был вставлен развевающийся флаг, разделенный по горизонтали на два поля: верхнее – белое, нижнее – синее. В середине были условные обозначения данной части. За первой линейкой следовали другие, на

которых везли разный инструмент, брандспойты, стволы и рулон свернутой спускной дорожки для спасения людей. За ними ехала пожарная раздвижная лестница – огромная повозка длиной 10–12 метров с задними колесами чуть не два метра высотой. Ее везла тройка таких гигантских коней, что и описать трудно. На известном расстоянии от нее колонну замыкала пожарная машина – большой медный вертикальный котел с медной трубой, к которому снаружи была приделана пожарная паровая помпа и все механизмы управления. Труба дымилась, рассыпая искры, снизу из топки сыпались пылающие угли.

Красные повозки, сверкающая медь, пламя факелов, адский грохот колес и пронзительные переливы горна – все это вызывало чувство тревоги. За пожарной командой во всю прыть мчались в азарте мальчишки и зеваки, иногда даже откуда-нибудь с Выборгской стороны на Фонтанку или еще дальше. Между прочим, одной из любимых детских игрушек был игрушечный пожарный обоз с раздвижной лестницей, а также пожарная качка из папье-маше, оклеенная золоченой фольгой»³⁴.

Схожую форму носили и чины добровольных пожарных команд. Впрочем, старые

Пожарная дружина имени Петра Великого,

основанная в 1894 г. графом Александром Дмитриевичем Шереметевым (стоит впереди).

Фототипия, 1909 г.

Архив О.А.Хорошиловой

³⁴ Григорьев М.А. Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое. СПб.: Российский институт истории искусств, 2006. С. 168-169.

фотографии свидетельствуют о том, что не всегда и не во всем они следовали внешнему облику городских пожарных. Обмундирование не было четко регламентировано и могло быстро меняться в угоду начальнику добровольной команды, а также вездесущей и властной моде, которая в России всегда была с легким милитаристским уклоном. И потому сближение формы добровольных пожарных обществ с армейской было в тот период вполне естественным, как и справедливая критика офицеров в адрес «слишком вольных» пожарных обществ.

В «Разведчике», к примеру, была опубликована такая забавная история: «Сидя в Грязнолужском любительском спектакле, я заметил направляющегося в первый ряд кресел какого-то господина в офицерском сюртуке армейской или гвардейской пехоты с продолжными золотыми погонами и с какими-то вензелями на них. Тогда я пришел в убеждению, что это какой-то приезжий гвардейский офицер, служащий (судя по вензелям на погонах, но без аксельбанта) в роте Его Величества <...>. Но через несколько дней я ближе встретился с приезжим, который оказался... брандмейстером из пожарной команды князя Львова³⁵, приглашенным в наш город для обучения чинов вольного пожарного общества. Сюртук брандмейстера был, действительно, совершенно одинаков с моим (по армейской пехоте), но погоны были плетеные, а вензель состоял из каких-то пожарных арматур. Если же пожарные носят офицерскую форму, то отчего бы ее не носить старшим трубочистным мастерам, деятельность которых не менее полезна и почтенна?»³⁶.

В Департаменте полиции служили и гражданские чиновники, носившие форменный костюм Министерства внутренних дел. Однако и они вызывали недовольство своим военным «шиком», особенно в среде офицеров. Вот что по этому поводу писали тогда жур-

налисты: «В последнее время <...> форма гражданским административно-полицейским чиновникам, как, например, уездным начальникам (в Привислиньи) и исправникам с их помощниками, стала ближе подходить к форме военной в том отношении, что форме этой приданы были, вместо прежних плечевых жгутов³⁷, продольно-плечевые знаки, похожие на офицерские погоны. Они стали открыто драпироваться в тогу офицерства, доводя свое увлечение в этом отношении до того, что вместо установленных для них новой формой узких погон шириной в 5/8 вершка <...> стали доводить до ширины офицерских погон, причем необходимые гражданские звездочки, соединенные во многих случаях с этими погонами, на погонах этих не ставятся. Кроме того, установленную для этих чиновников кокарду «офицерского образца», долженствующую помещаться на тулье фуражки, стали помещать на околыше, на котором вместо кокарды должен по закону находиться герб губернии. Но спрашивается, каким образом можно отличить от офицера гражданского витязя с офицерской кокардой на лбу, широкими погонами без гражданских звездочек и еще донкихотскими шпорами, которые некоторые из них тоже надевают и которые законом им не положены. Если такой витязь наденет на себя еще излюбленный ими плащ («николаевку»), то он еще менее может быть отличен от офицера, а в особенности начальника земской стражи. Некоторые из полицейско-гражданских чиновников, прослышав, что для офицеров установлена еще и тужурка, стали носить и тужурки и, не зная, в каких случаях дозволено ношение этой тужурки, являются в них на присутственные заседания, в уездные и уездные полицейские управления, а также в уездные по воинской повинности присутствия и уездные казначейства»³⁸.

³⁵ Имеется в виду Стрельнинская пожарная команда, основанная князем Александром Дмитриевичем Львовым в 1881 году.

³⁶ Д.Ц. Не одни трубочисты в офицерской форме / Разведчик, 1899, № 434. С. 131.

³⁷ Имеются в виду золотые плечевые шнуры с примесью белого, оранжевого и черного шелка, перевитые в виде жгута, присвоенные уездным исправникам и их помощникам в 1867 году.

³⁸ В. Ч-ев. Форма одежды офицеров и чиновников / Разведчик, № 490, 1900. С. 221-222.

Иерей Виктор Матвеевич Громцев, настоятель Чудской церкви

Череповецкого уезда, в окружении семьи. Священник облачен в рясу, на груди – иерейский наперсный крест и медаль «В память царствования императора Александра III». Голову украшает наградная камиллавка фиолетового бархата.

Конец 1890-х гг.
Архив В. и А. Гофманов (Париж).

Одежды священнослужителей и чиновников Синода

В 1721 году рескрипт склонного к атеизму Петра I обратил Русскую православную церковь в один из органов бюрократического управления делами и умами страны, а ее высшую сакрально-метафизическую власть низвел до земного ранга коллегии. Так возник Святейший правительствующий синод – «соборное, обладающее в русской православной церкви всеми видами высшей власти и состоящее в сношениях с заграничными православными церквями правительство, через которое действует в церковном управлении верховная самодержавная власть, его учредившая»³⁹.

Святейший синод концентрировал в своих руках управление всей Русской православ-

ной церковью, а также осуществлял сношения с мирской властью через специальное лицо – обер-прокурора, зорко следившего за всем, что происходило внутри этой мощной и влиятельной духовной машины. Чтобы представить себе все разнообразие духовных облачений, достаточно было посетить заседание Синода – одежды белого духовенства, оттененные наперсными крестами и мирскими наградами, контрастировали с дорогой дешевизной облачений «чернецов», и это цветовое противостояние тушили, смягчали зеленые, расшитые серебром мундиры чиновников Ведомства православного вероисповедания.

В состав белого духовенства входили священники, не приносившие монашеских обетов и состоявшие в браке. Они имели право приобретать частную собственность, получать награды и даже становиться дворянами. Они, подобно чиновникам, могли сделать неплохую карьеру, двигаясь вверх по церковной табели о рангах. Первую, низшую степень священства

³⁹ Горчаков М. Синод Правительствующий / Ф. А. Брокгауз и И. Ф. Ефрон: <http://www.vchinet/brokgauz>

Иерей в рясе

с нехарактерным отложным воротничком. Отметим также отсутствие иерейского восьмиконечного креста, введенного в 1896 г.

Фотоателье «Вирш», Сарапул. Начало 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Иерей Василий Викторович Громцев, полковой священник 255-го Аварского резервного батальона, а во время Первой мировой войны – 5-го Кавказского стрелкового полка. Запечатлен в рясе и наперсном кресте иерея. Позировает вместе с супругой и дочерьми.

Фотоателье «Бр. Хмара», Петровск-Порт. Ок. 1905 г.
Архив В. и А. Гофманов (Париж)

занимали диаконы, помогавшие священнику во время богослужений, а также учительствовавшие в церковно-приходских школах. Титуловались они с изыском: «Ваше благовестие». Впрочем, возможно было и более скромное обращение – при личной встрече – «отец диакон». Выше стоял протоиерей – то есть главный диакон епархии. Обыкновенно священнослужители этого ранга состояли при кафедральных соборах или же выполняли функции диакона, но по Придворному ведомству. Именовали их «ваше высокоблаговестие». Иереи (в дословном переводе с греческого – священники) допускались к самостоятельному проведению богослужений и титуловались «ваше преподобие». Чаще всего настоятелями церкви или собора были протоиереи, однако этот сан даровался иногда в качестве личной награды. Высшим титулом белого духовенства был протопресвитер.

В дореволюционной России их было четыре: Военного и Морского духовенства, Придворного духовенства (он же – духовник августейшей семьи), настоятели Успенского и Архангельского соборов в Московском Кремле. Протоиерея и протопресвитеров титуловали «ваше высокопреподобие».

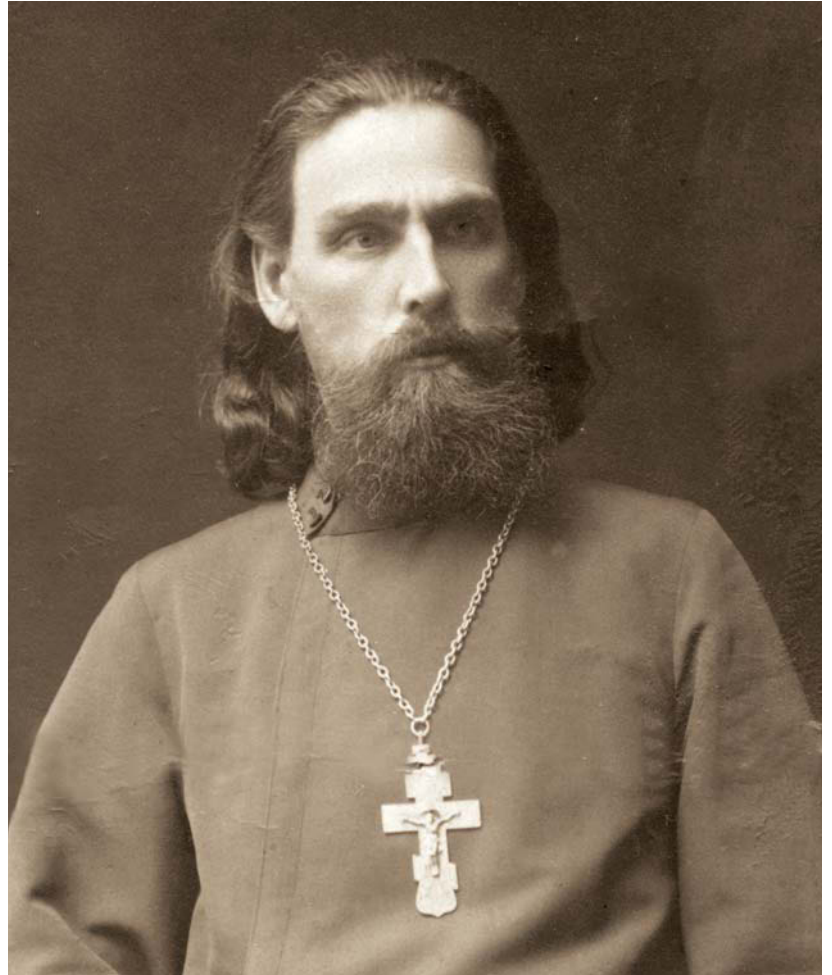
Своя иерархия существовала и в черном духовенстве, составляли которое монахи, рукоположенные в священный сан. Низшим титулом был иеродиакон – то есть монах в сане диакона. За ним следовал иеромонах, равный по статусу иереям белого духовенства. Примечательно, что им разрешалось общаться с мирянами и проводить богослужения, а вот иеросхимонахам это строго запрещалось, так как жили они в схимах. Игумены обычно возглавляли мужские монастыри, но это звание могло быть присвоено и настоятелю храма,

Протоиерей Иван Ильич Сергиев (Иоанн Кронштадтский) в муаровой рясе с наградами – звездой ордена Св. Анны I степени и золотым наперсным крестом «с украшениями» из Кабинета Его Императорского Величества.

Фототипия, середина 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Григорий Иванович Пospelов, протоиерей, священномученик.

Служил в Кронштадте, в Морской Богоявленской церкви. После подавления Кронштадтского восстания был арестован большевиками, обвинен в связи с белогвардейцами и расстрелян. Священник запечатлен в рясе с нехарактерным запахом на правую сторону. На груди – наперсный иерейский крест образца 1896 г. Фотография имеет дарственную надпись сыну Владимиру, сделанную за три года до трагической кончины священника. Фотоателье «Я. и С. Мордухович», Кронштадт. Ок. 1917 г.

если он был монахом. Следующим, более высоким титулом был архимандрит – настоятель крупного мужского монастыря или ректор духовных учебных заведений. Их, а также игуменов следовало именовать «ваше высокопреподобие». Табель о рангах венчали три епископских ранга – епископ, архиепископ и митрополит. Епископ («ваше преосвященство») возглавлял епархию, имел право рукополагать в диаконы, пресвитеры и епископы, освящать храмы и св. миро. Архиепископам подчинялись крупные епархии, а митрополитам – три центральные и самые важные: Петербургская, Московская и Киевская. Архиепископов и митрополитов титуловали «ваше высокопреосвященство». В среде монахов также существовали свои звания (степени) – новоначалное монашество (или иночество), малая схима (вторая степень), великая схима (третья степень).

Одежда духовенства делилась на два основных вида – повседневная (внебогослужебная) и священная (богослужебная). Основным элементом первого вида была длинная, практически до пят, ряса (надевалась на подрясник) с расклешенными книзу рукавами, завернутыми наружу. Она застегивалась на крючки (подшитые под борт) на левую или на правую сторону. У рясы был пришитый стоячий воротничок, застегивавшийся, как правило, на две пуговицы. Щеголи (а были среди белого духовенства и такие) надевали под него чуть более высокий крахмальный воротничок. Этот вид одежды могли шить из разнообразных, порой весьма дорогих материалов – тонкой шерсти или плотного хлопка, атласа и даже шелка с муаровым отливом. Лоснящееся великолепие дорогих материй оттенялось густым рыхлым бархатом рукавных

Протоиерей Федор Филиппович Румянцев,

законоучитель
Двинской женской
гимназии.
Запечатлен в рясе
с наградами –
золотым наперсным
крестом из Кабинета
Его Императорского
Величества, орденом
Св. Анны III степени
и медалью «В память
царствования
императора
Александра III».
Двинск. 1909 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Протоиерей Иван Ильич Сергиев (Иоанн Кронштадтский)

в парчовой рясе
с золотым наперсным
крестом «с украшениями»
из Кабинета
Его Императорского
Величества.
Конец 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

отворотов. Подкладку шили из того же материала либо чуть светлее. Зимние шелковые рясы иногда утеплялись шерстяной стеганой подкладкой.

Священнослужители, принадлежавшие белому духовенству, могли варьировать цвета ряс, соблюдая одно важное условие – в холодное время тона темные (синий, темно-коричневый, маренго, темно-пурпурный), в теплое – светлые (бежевый, светло-серый, палевый). Протоиереи и протопресвитеры носили фиолетовые рясы⁴⁰. Черное духовенство – исключительно черные.

Одной из примет священничества был наперсный крест. С 1896 года во время рукоположения иерей получал серебряный восьмиконечный наперсный крест. Однако за многолетнее беспорочное служение его, получившего уже сан протоиерея, могли наградить золотым четырехконечным крестом, схожим по форме с серебряным иерейским. Более высокой наградой считались кресты «с украше-

ниями» – богато и произвольно орнаментированные, с драгоценными камнями. Любопытно, что некоторые священнослужители носили не один (высший), а сразу два креста (обыкновенно золотой и «с украшениями»), однако ничем, кроме нескромности и гордыни, этот факт объяснить нельзя.

Епископам были положены панагии, которые во время богослужений они носили вместе с наперсным крестом.

У ворота на цепочке, крепившейся к нижней пуговице застежки, висел небольшой крестик в лучах – знак кандидата богословия, который давался лицам духовного звания, успешно окончившим духовную академию. Кроме того, на рясе носили медали, ордена (на груди и на шейных лентах) и знаки отличия. В целом порядок получаемых священником наград был следующим: для иерея – набедренник, скуфья, камилавка, наперсный крест от Священного синода, орден Св. Анны III степени, для протоиерея – орден Св. Анны II степени, орден Св. Владимира IV степени, палица, орден Св. Владимира III степени, золотой наперсный

⁴⁰ Ривони Н.Я. Время и вещи. М.: Искусство, 1990. С. 213.

Протоиерей Федор Семенович Левашев, настоятель церкви Св. Николая Чудотворца при департаменте Министерства народного просвещения.

Позирует в рясе, украшенной звездами орденов Св. Анны I степени (слева) и св. Владимира II степени. На шее – знак кандидата богословия. Обращает внимание наградной золотой наперсный крест «с украшениями» от Кабинета Его Императорского Величества.

Фотоателье «Reissert & Fliege», Санкт-Петербург. Начало 1910-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

крест из Кабинета Его Императорского Величества, золотой наперсный крест «с украшениями» из Кабинета Его Императорского Величества, орден Св. Анны I степени, митра.

С рясами священнослужители носили брюки темных цветов, аккуратно заправленные в мягкие сапоги. Зимой надевали пальто и шубы, кроем повторявшие рясы, но гораздо свободнее и шире, а также с отложным (чаще шалевым) воротником, покрытым бархатом или мехом.

Во внебогослужебное время священнослужители черного и белого духовенства носили скуфейки – мягкие четырехклинные шапочки из сукна или бархата, отороченные в

Архиепископ Антоний, глава Выборгской и Финляндской епархии. Его рясу украшают звезда и лента ордена Св. Анны I степени, знак ордена Св. Владимира III степени, а также епископская панагия. На голове – черный клобук. 1-я половина 1890-х гг.

Архив А. и В. Гофманов (Париж)

зимнее время мехом. Впрочем, белое духовенство имело и другие виды повседневных головных уборов – к примеру, цилиндры с широкими полями и расширяющейся кверху тульей (их называли «поповские шляпы»), фетровые и летние соломенные шляпы, даже панамы. Представители белого духовенства, а также иеромонахи носили наградные фиолетовые камилавки, цилиндры, расширяющиеся кверху. Они были введены в ранг церковных наград в 1797 году.

С рясой архиепископы могли носить черные клобуки, а митрополиты – белые с бриллиантовым крестом в центральной нижней части. Многие священнослужители любили фотографироваться именно в таких головных уборах.

Повседневные одеяния священники черного духовенства заказывали в своих же монастырях. Представители белого духовенства могли носить то, что сшила им рукодельница-матушка. Однако чаще всего они обращались к опытному, профессиональному портному, специализировавшимся на изготовлении подобного рода платья. К примеру, в Петербурге пользовались

Клобук и панагия указывают на то, что перед нами – архиепископ.

Крестик у ворота – знак кандидата богословия. Медаль, вероятно, «В память царствования императора Александра III».

Фотоателье «Д. Здобнов», 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Монах-великосхимник в мантии, аналаве и кукуле.

1900-е гг.

Частная коллекция

популярностью мастерские Ивана Ивановича Смирнова, Ефрема Григорьевича Богданова, Николая Дмитриевича Волхонского.

Во время богослужений священнослужители облачались в ризы, соответствовавшие определенной табели о рангах. Одеждой диакона и низших клириков был стихарь – достаточно свободная рубашка-балахон с округлым срезом горловины и расширяющимися книзу рукавами, из-под которых были видны парчовые или бархатные поручи с вышитыми крестами. Надевали стихарь на подрясник (у диаконов чаще всего из шелка). К левому плечу на специальную небольшую пуговицу пристегивали орарь – длинную полосу из красочной парчи или других дорогих материалов. Дьякон торжественно возвышал передний конец орари во время ектений, осеняя себя крестным знаменем и указывая прихожанам и хору начало песнопений.

Чем выше сан священнослужителя, тем сложнее его ризы. Иереи на подрясник (стихарь) надевали вместо орари епитрахиль, парчовую или бархатную с богатой вышивкой ленту, охватывающую шею и ниспадающую до земли, а также пояс с нашитыми крестами. Затем они облачались в красивую, блестящую фелонь – особого рода накидку с прорезью для головы и мягким вырезом спереди, тем самым подрясник и епитрахиль оставались видны. Этот элемент верхней богослужбной одежды отличался богатством вышивки, представлявшей сложную систему христианских символов. К примеру, четыре вышитые полосы (одна по горловине, две ближе к середине и одна внизу) означали Четвероевангелие, верными служителями которого были иереи и епископы. Но каждая из них имела и свое особое значение. Во время службы на священнике могли быть и особые церковные иерархические награды – набедренник (давался за ревностное служение церкви и носился на правом боку) и палица, небольшой плат ромбовидной формы, который мог получить священник, прослуживший пять лет в сане протоиерея. Палицу носили на левом боку.

Епископы, архиепископы и митрополиты вместо фелони носили саккос – широкий рубахоподобный балахон, напоминавший диаконский стихарь. Перед и спинка от низа рукавов не сшивались, а соединялись «звонцами» и петлями. Поверх саккоса надевали большой или малый омофор – широкую ленту с вышитыми крестами, позументом и бахромой. Один ее конец спускался с левого плеча вниз, другой оборачивался вокруг шеи и перекидывался на спину. Тем самым богослужбный гардероб епископов, архиепископов и митрополитов составляли семь основных элементов: подрясник, поручи, епитрахиль, пояс, омофор, саккос, а также палица. Головным убором, дополнявшим это шитое великолепие, была митра. Существовал и еще один яркий элемент гардероба епископов – архиерейская мантия с широкими горизонтальными полосами и прямоугольной формы «скрижалями» – по две у плечей и у низа подола. Надевали ее поверх рясы во время торжественных процессий и входа во храм.

Слева:

Послушницы одного из женских монастырей.

Отметим белые и черные платки на головах.

1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Справа:

Монашенка в рясе и апостольнике (справа) с игуменьей Евгенией (Екатериной Алексеевной Виноградовой), настоятельницей Московского Вознесенского монастыря.

Фотоателье

«Е. Овчаренко», Москва.

Конец 1890-х гг.

Коллекция С.Е.Володарского (Харьков)

Разговор об одеждах черного духовенства был бы неполным без упоминания об особенных, весьма примечательных и в чем-то очень необычных костюмах русских монахов.

Прежде чем навсегда оставить соблазнительный, шумливый и вздорный мир, молодые люди становились послушниками, жившими при монастыре и выполнявшими разнообразные поручения (послушания). И лишь после этого долгого (целых шесть лет) испытания совершался торжественный и драматичный обряд пострига, превращавший вчерашнего старательно безмолвного юношу в подряснике в задумчивого монаха-рясофора, принадлежавшего первой, начальной степени монашества. Оттого в России бытовало и другое их название – новоначальные монахи. Они носили одежду истинных аскетов – черную рясу из шерсти или хлопка и камилавку, белизну их рук оттенял черный горох четок. Рясофорный монах принимал постриг в малую

Монашенки

в рясах, апостольниках, клубуках, с четками в руках.

«Cabinet Portrait».

Кон. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Великая княгиня
Елизавета
Федоровна,
основательница
Марфо-Мариинской
обители.**

Запечатлена
в белом апостольнике.

Фотооткрытка.

Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

схиму и давал три обета – целомудрия, нестяжательства и послушания. Эта вторая степень монашества отражалась и на costume «малосхимников», состоявшем из хитона (власяницы), вышитого парамана с четырьмя ремешками, соединявшимися крестообразно на груди, пояса-катаура, которым подпоясывали хитон, рясы и мантии (паллия), безрукавной одежды с единственной застежкой у ворота. Поверх камлавки малосхимники носили клобук. Третья, высшая степень монашества – великая схима. Принимая постриг в нее, монах полностью отдалялся от мира, а порой и от своей братии, для того чтобы соединиться с Богом через постоянную и неустанную молитву в уединении. Этот особенный статус безмолвного «великосхимника» красноречиво выражали специфические элементы его костюма. Аналав – длинный черный плат с вышитыми шелком восьмиконечным крестом, орудиями страстей Христовых, головой Адама, словами из молитв. Надевался он поверх мантии. Голову великосхимников покрывал расшитый крестами кукуль, ниспадавший на спину и плечи, отбрасывавший суровую тень на впалые, потухшие глаза служителей «ангельского чина». Судя по сохранившимся весьма редким фотографиям великосхимников, помимо кукуля они носили

и своеобразные остроконечные шапочки типа скуфеек, также богато расшитые христианскими символами и молитвами.

В женских монастырях носили костюмы, весьма схожие с вышеописанными. Послушницы облачались в темные рясы и надевали платки – черные или белые, в зависимости от вида послушания и занятий. Одежда монахинь включала подрясник, кожаный пояс, рясу с отложным воротником и рукавными отворотами, мантию с застежкой у горловины. Голову, спину, плечи и грудь покрывал черный апостольник (платок, туго стянутый вокруг головы с помощью вздежки на затылке). Белый надевали, когда этого требовал особый вид послушания (к примеру, вышивание или работа в просвирне). Во время богослужений и торжеств поверх апостольника монахини надевали черный клобук. Впрочем, зимой вместо него носили своеобразный остроконечный, отороченный мехом головной убор, одновременно похожий на скуфью и кокошник, с длинным кукулем. Каждой сестре полагались четки, а игуменьям – еще и наперсный крест.

Особенное облачение выделяло сестер Марфо-Мариинской обители из тусклого ряда однообразных монашеских одеяний. Князь Феликс Юсупов, с большим вниманием относившийся к любым видам костюмов, отмечал: «Раздав свое имущество, великая княгиня (Елизавета Федоровна. – О. Х.) купила в Москве участок на Ордынке. В 1910 году⁴¹ она построила там Марфо-Мариинскую обитель и стала в ней настоятельницей. Последнее, что сделала она как бывшая светская красавица с безупречным вкусом, – заказала московскому художнику Нестерову эскиз рясы для монахинь: жемчужно-серое суконное платье, льняной апостольник и покрывало из тонкой белой шерсти, ниспадавшее красивыми складками»⁴². Михаил Нестеров действительно создал нежное, женственное облачение, выгодно отличавшееся от монашеского. Однако не стоит искать в нем художествен-

⁴¹ Марфо-Мариинская обитель официально была открыта в 1909 году.

⁴² Ф. Юсупов, князь, граф Сумароков-Эльстон. Мемуары. М.: Захаров и Вагриус, 1998. С. 107.

ного новаторства. Памятуя о специфике этого заведения, являвшегося чем-то средним между монастырем и сестринской общиной, мастер в своем выборе руководствовался уже существовавшим костюмом сестер милосердия.

В чем-то весьма близкими монашеским были одежды русских паломников, ежегодно посещавших Святую землю. Многие облачались в тонкие однорядки, напоминавшие монашеские рясы, головы покрывали шерстяными скуфейками. Некоторые, впрочем, отправлялись в сложное путешествие по Палестине в своих обычных костюмах, живо описанных путешественником Александром Васильевичем Елисеевым: «Странно было видеть вятских крестьян на берегу Красного моря в своих национальных костюмах, больших сапогах, красных рубахах, зипунах, фуражках, с котомками за плечами и Синайскими ветвями в руках»⁴³. Паломниц можно было легко спутать с послушницами – они рядились в темные шерстяные платья, черные или белые платки.

За церковной жизнью и деятельностью ее глав зорко следили чиновники, официально входившие в штат Святейшего синода и вносившие известное разнообразие в черно-белозолотую гамму священнических облачений. При парадной и праздничной формах чиновники VI класса и выше, а также причисленные к Ведомству православного вероисповедания в чинах не ниже IV класса надевали однобортный темно-зеленый мундир с посеребренными пуговицами и шитьем, соответствовавшим установленным разрядам. С мундиром носили белые или темно-зеленые брюки, шпагу и треугольную шляпу. Прочие чины довольствовались форменными двубортными черными (с зеленым отливом) сюртуками с продольными плечевыми знаками или бархатными воротниковыми петлицами с малиновыми выпушками. При будничной форме всем чинам полагалась фуражка с темно-зеленой тульей, черным бархатным околышем, окруженным с обеих сторон малиновой выпушкой. Кокарду гражданского образца носили на тулье, арматуру в виде посеребренного двуглавого орла в венке – на околыше.

Коллежский советник Андрей Эрастович Боголюбов, делопроизводитель Управления Протопресвитера военного и морского духовенства.

На чиновнике – форменный сюртук военного образца с погонами. На шее – знак ордена Св. Анны II степени. Слева – знак кандидата богословия, не имеющего духовного сана, ниже у борта – лента и знак ордена Св. Станислава II степени. Справа – медали «В память царствования императора Александра III», «В память коронации императора Николая II», «В память 200-летия Полтавской битвы» и медаль Российского общества Красного Креста «В память Русско-японской войны 1904-1905 гг.». Чуть правее – знак «В память 100-летия Военного министерства» и ниже – знак Российского общества Красного Креста.

Фотоателье «М. О. Березовский», Петроград, 1914 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Статский советник, служащий в Ведомстве православного исповедания.

Отметим длинные щегольские усы в стиле «Наполеон III».

Фотоателье «К. К. Булла»,

Санкт-Петербург.

Начало 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Русские паломники в Александрии.

Конец 1890-х – начало 1900-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

⁴³ Елисеев А. В. Цит. по: Беляков В. В. Русский Египет. М.: Вече, 2008. С. 11.

4

От кадета до корнета

Форма воспитанников
средних и высших
военных учебных заведений

В офицерских и генеральских семьях было принято отправлять хотя бы одного из сыновей в кадетский корпус. Этим укрепляли и продливали родовую традицию. К 1917 году учебных заведений было уже 29. Санкт-Петербург славился 1-м, 2-м, Николаевским кадетскими корпусами, а также корпусом императора Александра II.

Три корпуса находились в Москве, два – в Оренбурге и по одному в других городах – Воронеже, Полоцке, Самаре, Пскове, Одессе. Существовали и два привилегированных – Пажеский Его Величества и Морской кадетский корпуса.

В них давали хорошее образование, обучали чтению, письму, грамоте, Закону Божьему, рисованию, черчению, математике, литературе, иностранным языкам. В старших классах преподавали специальные предметы, связанные с будущей военной карьерой юнцов: алгебру, аналитическую геометрию, физику, географию, космографию, историю, законоведение. Проводились специальные лекции, посвященные историческим кампаниям и современным военным конфликтам. Кроме того, кадеты старших возрастов обучались строю и стрельбе, фехтованию, гимнастике, танцам. Летом организовывали поездки за город. Учиться было интересно, но в целом кадетская жизнь разнообразием не отличалась. Лев Пунин, воспитанник петербургского 2-го кадетского корпуса, писал:

«Жизнь в корпусе начинается очень рано. Около половины шестого дежурный служитель или, как их у нас называют, “дневальный” будит дежурного по роте кадета, обыкновенно примерного мальчика по учению и поведению. Дежурный кадет встает и будит дежурных по отделениям. В 5 ч. 55 мин. все дежурные кадеты, вместе с теми, которым приказано вставать с дежурными (существует и такое наказание), строятся перед комнатой дежурного офицера, который уже тоже встал. Дежурный по роте докладывает: “Дежурные готовы”. Офицер выходит и здоровается с дежурными. Ему отвечают вполголоса. Затем каждый рапортует: “Господин (чин), кадет (фамилия) на дежурство вступил”.

После этого дежурных распускают, и они расходятся по отделениям. В 6 часов дежурный горнист или барабанщик (в 1-й роте, а в младших ротах звонок) играет что-то из своей собственной импровизации и зажигает электричество. Большинство офицеров в 1-й роте дает немного (минут 5-8) полежать, и только тогда выходят из дежурки и идут по спальне. Дежурные по отделениям стремительно будят кадет, и кадеты быстро вскакивают и стремительно одевают кальсоны. Остальные принадлежности одеваются уже нормальным темпом. Пройдя несколько раз по спальне, дежурный офицер уходит в дежурку. Некоторые кадеты снова ложатся на кровать, большинство же идет мыться и чиститься.

В 6 ч. 35 мин. играют сбор. Все строятся в зале по общему ранжиру. Командует фельдфебель. Приходит дежурный офицер. Читается утренняя молитва, взводные кадеты (вице-унтер-офицеры) производят утренний осмотр: чистоту одежды, обуви и пуговиц (в младших классах проверяют даже чистоту рук и ушей). Рота строем отправляется в столовое зало пить чай с булкой. После чая мы переходим в классы, в которых до 7 ч. 50 мин. проводим утренние занятия по самоподготовке к урокам без присутствия воспитателя.

После утренних занятий прогулка. С этой прогулкой связано много курьезов, но сейчас не время их описывать. После прогулки начинаются уроки. После трех уроков — завтрак и немного свободного времени. Потом опять три урока, причем последний урок всегда физические занятия. После уроков опять прогулка. Потом обед. После обеда 1,5 часа (до 6 ч. вечера) свободны (конечно, не всегда). В это время происходит чтение книг, игры и подготовка уроков.

На предыдущей полосе:

Воспитанник младших классов петербургского 2-го кадетского корпуса

в мундире с шерстяным кушаком образца 1882 г. Несмотря на маленький возраст, мальчишка позирует как настоящий офицер – красиво и слегка высокомерно. Фотоателье «Ф. Фельбингер», Санкт-Петербург. Ок. 1890 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Кадеты 6-го класса
1-й роты
2-го кадетского
корпуса.

В центре – офицер-воспитатель
Константин Иванович
Яровой-Равский.

Петроград, 1914 г.

Архив О.А.Хорошиловой

СВИДЕТЕЛЬСТВО *)

объ успехах и поведении кадета Пунина Льва VII класса 2-го Кадетского Императора Петра Великого Корпуса.

За 1914 уч. годъ

Аттестация по отдѣламъ учебнаго курса.	У С П Ъ Х И.														Подпись родителей, или заступающихъ ихъ мѣсто.													
	Зак. Вспѣшн.	Русск. яз. Грам. Словес. Письм.	Франц. яз. Письм.	Арифмет.	Алгебра.	Геометрія.	Тригоном.	Истор. Г. Аккад. б.-ж.	Физика.	Механика.	Химія.	Военн. Исст.	Естеств. ист. Природов.	Географія.		Исторія.	Законовѣд.	Рисование.	Чистопис.	Сред. Бал.	Сред. по кл.	Поведение.	Прогресс. улоб.	Повтор. экзамен.	Балы за строевое и физическ. образов.	Физич. Гимн. Танцы. Фехт. Средн.		
1	12	76	77	-	-	8	6	7	7	9	-	-	11	87														
2	12	68	98	8				7	8	7	7	8		11	97													Е. Пунина
3	12	88	77	77	-	-	-	8	7	7	6	9		11	98													Е. Пунина
4	11	88	88	87	78									11	69													
5																												
6																												
Письм. испыт.				8	7	7	6	9	8	9	7																	
Годов. балль	12	8	8	8	8	7	8	8	7	8	7	7	8	7	9	11	4	9	8	8								
VII кл. Экзам. Окончат. балль.																												

Определение Педагогического Комитета Председательский комитетъ к. Пунина

*) Примѣчаніе. Успѣхи кадетъ обозначаются баллами, выставляемыми: 1) за знаніе отдѣльныхъ уроковъ (поурочными), 2) за знаніе цѣлыхъ отдѣловъ урочнаго предмета (аттестационными) и 3) за знаніе всего годичнаго курса (годовыхъ балловъ, а въ VII классѣ еще баломъ экзаменомъ). Въ свидѣтельство объ успехахъ заносятся балы двухъ послѣднихъ категорій (2 и 3).

Отдѣленный офицеръ-воспитатель Яровой-Равский,
Командиръ роты Молковъ Коробковъ

Табель с оценками
воспитанника
петроградского
2-го кадетского
корпуса Льва Пунина.
1914-1915 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

С 6 часов начинаются вечерние занятия по самоподготовке с перерывом в 10 минут. На вечерних занятиях присутствует воспитатель (иногда со второго часа уходит). В 8 часов 10 минут занятия кончаются. Мы переходим в спальню и строимся к вечернему чаю. После вечернего чая минут 50 остается свободных и далее — отбой ко сну. Спать можно ложиться и непосредственно после чая. После отбоя дежурные кадеты наблюдают за прекращением разговоров, хождений и так далее. Дежурных отпускают спать в 10 часов 15 минут.

Дни недели очень однообразны и мало чем отличаются от описанного. Скука смертная! Все по расписанию!»¹

Воспитанники корпусов носили однобортный черный мундир на восемь пуговиц с чеканным гербом военно-учебных заведений — двуглавым орлом в «сиянии»². Стоячий скругленный воротник был украшен алой выпушкой и клапанами, а также золотыми галунными петлицами — по одной на каждой стороне. Подпоясывали мундир шерстяным цветным кушаком, но в 1903 году был введен черный лакированный кожаный ремень с бляхой, на которой красовался герб военно-учебных заведений. В стенах корпуса воспитанники носили «домашнее платье» — тот же черный мундир, но без петлиц на воротнике. Его называли виц-мундиром. Воспитанники носили черные брюки без выпушки, фуражку с черной тульей и выпушками по цвету приборного сукна, алым околышем и кожаным лакированным козырьком. В 1909 году околыш украсила солдатская кокарда.

Впрочем, у некоторых корпусов существовала особая форма, лишь отчасти напоминавшая общекадетскую. Воспитанники Николаевского кадетского корпуса отличались серо-синими брюками, шерстяными кушаками, составленными из двух алых и одной темно-зеленой полос. «Корпус был особенный, во-первых, по своей форме, — объяснял его воспитанник Эраст Гиацинтов, —

**Кадет
Виктор Рыков,
воспитанник 1-го
Московского
кадетского корпуса.**

Фотоателье «Г. В. Трунова»,
Москва. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Будущий участник
Русско-японской
войны,
кадет Николай
Склифасовский
(Склифосовский)**

в мундире
воспитанника
2-го Московского
кадетского корпуса.

Фотоателье «И. Дьяговченко»,
Москва.
Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанник
Сибирского
кадетского корпуса
в мундире.**

Фотоателье «А. Темкин»,
Омск. 1-я половина 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

¹ Лев Пушин. Кадетский дневник, 1908-1915 годы. Рукопись. Архив О. А. Хорошиловой

² Герб военно-учебных заведений был введен в 1902 году.

**7-й класс
2-го кадетского
корпуса перед
выпуском.**

Петроград, 1915 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Кадеты,
расположившись
в спальне, позируют
в белых рубашках,
ремнях и шароварах
навыпуск.**

Петроград, 1915 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанники
1-й роты 7-го класса
2-го кадетского
корпуса.**

Некоторые –
в мундирах,
некоторые –
в вицмундирах
(нет петлиц
на воротниках).

Петроград, 1915 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Мы носили кавалерийскую форму. Все кадеты носили черные мундиры с золотым шитьем гораздо шире, чем в других корпусах, и вместо черных штанов мы носили синие, кавалерийские»³.

Кадетам Донского корпуса была установлена форма казачьего образца – темно-синий однобортный мундир Донского войска с воротниковыми серебряными петлицами, длинные темно-синие шаровары, светло-синий кушак и белый кожаный ремень.

Цвет погон соответствовал цвету приборного сукна. Воспитанники петербургского 1-го кадетского корпуса носили красные погоны, петербургского 2-го корпуса – светло-синие с красной выпушкой, Сумского – белые без выпушки, Псковского – черные с белой выпушкой, Хабаровского – темно-зеленые с белой выпушкой, Николаевского – красные с черной выпушкой, Донского – темно-синие с красным кантом и т. д.

³ Пиаццинов Э. Н. Записки белого офицера. СПб: Интерполиграф-центр СПбФКС, 1992. С. 29.

Прекрасно учившимся кадетам строевых рот, имевшим высокий балл по поведению, присваивали звания вице-унтер-офицера и вице-фельдфебеля. Первые отличались золотым галуном по отлету погон, вторые помимо галуна украшали свои погоны продольной золотой нашивкой. Общее отличие было и у кадет старших строевых рот – на пояском ремне они носили шттык, прозванный «сеledкой». Эраст Пиаццинов описал вооружение кадет-николаевцев: «В 1908 году Государь Император даровал нашему корпусу право носить шапки драгунские на белых портупях, такие же лялдушки и винтовки за плечами – одним словом, по кавалерийскому образцу. И при этом гвардейскому! Нашему восхищению и торжеству не было никаких границ, мы поспешили все покупать себе шапки, а все остальное доставлялось казной»⁴.

Кадеты Донского корпуса форсировали с укороченными казачьими шапками на белой гвардейской портупее.

⁴ Там же.

**Вице-унтер-офицер
Донского императора
Александра III
кадетского корпуса.**

Фотоателье «К. Брауда»,
Новочеркасск. 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанник 2-го кадетского корпуса
Иван Кольман.**

Под его левым погоном виден выпускной жетон.
Фотоателье «Ненадо», Санкт-Петербург.
Весна 1912 г.
Коллекция С.Ю.Копытова (Санкт-Петербург)

Поверх мундира воспитанники носили темно-серую (чаще черную) однобортную шинель на пять пуговиц и отложным воротником с нашитыми клапанами. Зимнюю форму дополняли черный кожаный ремень с «сиянием» и башлык из верблюжьей шерсти, концы которого пропускались под погоны, скрещивались на груди и заправлялись под ремень.

В стенах заведения, а также в летнее время вне корпуса полагались гимнастические рубашки небеленого полотна, темно-зеленые брюки и фуражка с белым чехлом.

Существовали и разнообразные варианты спортивной формы – гимнастерки второго срока, серые или полосатые фуфайки, майки. Для футбола, модной в те годы игры, в некоторых корпусах ввели специальную форму.

Ее описание приводит бывший кадет Валентин Яковлевич Бельский: «Игрокам Первой команды форма делалась за счет корпуса: буцы, толстые синие шерстяные чулки, синие же трусики и полосатые бело-синие фуфайки. Доминировавший в форме “наш” синий цвет в сочетании с белым на футбольном поле приятно ласкал глаз, выгодно выделяясь от часто “кричащих” цветов команды противной стороны»⁵.

Все без исключения кадеты должны были выглядеть так, как предписывали правила поведения, напечатанные в годовых билетах воспитанников. Следовало соблюдать чистоту и опрятность во внешнем виде, быть одеты-

⁵ Бельский В.Я. О родном корпусе. Машинопись. Архив О.А.Хорошиловой. С. 53-54.

ми строго по уставу, «не позволять себе никаких произвольных добавлений и украшений установленной формы». К примеру, запрещалось носить галоши, ходить с палками, стеками и хлыстами, держать руки в карманах. Если во время отпуска воспитанник рвал или портил казенное платье, родители шили ему новое за собственный счет. Каждый кадет знал эти предписания назубок и понимал – правила созданы для того, чтобы их нарушать.

Как только мальчишка поступал в корпус, родители дарили ему фуражку. Обыкновенно, не дожидаясь отправки в *alma mater*, новоиспеченные кадеты расхаживали по улицам в своих обычных курточках, брючках и щегольской фуражке. Анатолий Леонидович Марков вспоминал: «Как только результаты экзаменов были объявлены, отец, поздравив меня, немедленно повел в магазин военных вещей, где купил мне кадетскую фуражку с черным верхом и красным околышем, которую я пронесил все лето при штатском костюме, являя из себя довольно странную фигуру. Этот полуштатский-полувоенный вид приводил в полное недоумение встречаемых, не знавших, как понимать мою нелепую личность. В качестве старого кадета, брат Коля, бывший в это время кадетом в Ярославле, сильно возмущался таким видом, находя, что в кадетской фуражке и при штатском костюме я имею “сволочной вид земского начальника”»⁶.

По прибытии в корпус кадетам предстояло облачиться в казенное повседневное платье самого старого срока, которое обычно сидело плохо и производило впечатление снятого с чужого плеча. Потрепанные штаны были слишком широкими или чересчур длинными, рубашка висела, словно на вешалке. Пригоняли форму, как отмечал Анатолий Марков, самым поверхностным образом – налезло, и ладно. Уродливые сапоги, вытащенные кадетом из огромной вонючей черно-рыжей кучи, часто не совпадали по цвету. Но делать было нечего – усатые каптенармусы, в суровом молчании глядевшие на кадета, были глухи к робким жалобам мальчишек. В этой выдавшей виды

форме удрученный кадет отправлялся к очередному мучителю – корпусному цирюльнику. Новичков безжалостно стригли налысо или, как говорили воспитанники, «под три нуля».

Чуть позже – перед первым отпуском – кадет получал полное обмундирование первого срока: белье, мундир, брюки, фуражку, башлык, шинель. За пределами корпуса следовало выглядеть свежо, подтянуто и молодцевато. Но достичь этого получалось лишь после тренировки и нескольких месяцев жизни в суровой *alma mater*. Форму нужно было уметь носить. Марков отмечал: «Еще одна сторона кадетской жизни, которую надо было изучить, это искусство иметь “воинский вид”. Чтобы носить военную форму, нужна не только привычка, но и умение, без чего человек, будь он мальчиком-кадетом или взрослым, выглядит в форме только переодетым штатским, как это резко бросается в глаза у артистов, играющих на сценах театров роли офицера. Мундир, шинель, фуражку и даже башлык надо уметь носить, без чего из мальчика никогда не получится “отчетливого кадета” и вообще военного. Для придания “воинского вида” надо мной в поте лица трудились несколько месяцев подряд не только офицер-воспитатель — полковник Садлуцкий, но и все кадеты отделения, для которых это было вопросом самолюбия. Мне пришлось

Воспитанники старшего класса Хабаровского кадетского корпуса.

Курение было строго запрещено, но кадеты часто нарушали предписания, используя туалетные комнаты

в качестве курилок.

1-я половина 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

⁶ Марков А. Кадеты и юнкера. – М.: Военное издательство, 2001. С. 14.

**Воспитанники
Сумского кадетского
корпуса**
(слева и справа)
с другом-гимназистом
и его семьей.
1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

заново учиться говорить, сидеть, ходить, стоять, здороваться, кланяться, словом — перестроить все мое существо на новый лад»⁷.

Помимо основных правил, прописанных в уставе, «отчетливому кадету» следовало овладеть искусством шика, то есть уметь соответствовать предписаниям, одновременно их нарушая. Тонняги, подражая офицерам, слегка ушивали лиф мундира, чтобы он сидел как влитой. Воспитанники старшей роты немного укорачивали полы, но лишь до разумных пределов, в противном случае наказания было не избежать. Мундирные пуговицы чистили не по уставу, а по внутренним кадетским правилам — ладонями, тертым кирпичом и даже трением о стены, от чего «сияние» потухало, а сукно протиралось, но пуговицы блестели как новенькие.

Тонными считались короткие гимнастерки, которые позволяли себе кадеты старших классов, следуя военной моде. Брюки под стать мундиру слегка ушивали — в начале XX века широкие шаровары считались моветоном. Пуговицы от брюк и кальсон нередко становились предметами азартных игр. Николай Терентьев, учившийся в петербургском 2-м ка-

детском корпусе, вспоминал: «Исключительное распространение получила в корпусе также игра в пуговицы. Заключалась она в том, что нужно было перебрасывать горсть пуговиц с ладони на тыльную часть руки и обратно. Наиболее удобными для игры были плоские оловянные пуговицы от брюк и кальсон. Третья рота скоро начала щеголять с пришитыми наглухо к брюкам подтяжками, а сами брюки и кальсоны закалывались английскими булавками или даже с утра и до вечера зашивались. Наконец, каптенармус заметил систематическое

⁷ Марков А. Кадеты и юнкера. — М.: Военное издательство, 2001. С. 19.

«Бритье кадета».
Карикатура кадета
Тихменева.
Фототипия, 1914 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Воспитанник старшей, «строевой» роты кадетского императора Александра II корпуса.

Молодой человек снялся в весенне-летнее время, о чем говорит зачехленная фуражка в его руке.

Фотоателье «Universal», Гельсингфорс.

Начало 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанник-экстернат
военно-фельдшерской
школы**

в черной суконной рубашке
и фуражке.

Фотоателье «Б. Флак»,

Санкт-Петербург.

Начало 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Воспитанник школы императора

Александра II в повседневной форме – серо-синей
рубашке-гимнастерке, шароварах и фуражке,
на которой виден вензель «АИ».

Фотоателье «С. Смирнов», Санкт-Петербург. 1901-1908 гг.

Коллекция В.В.Авдеева (Санкт-Петербург)

отсутствие пуговиц на сдаваемом ему грязном
белье, сообщил об этом ротному командиру,
тот произвел обыск в тумбочках и у некоторых
виртуозов извлек залежи пуговиц»⁸.

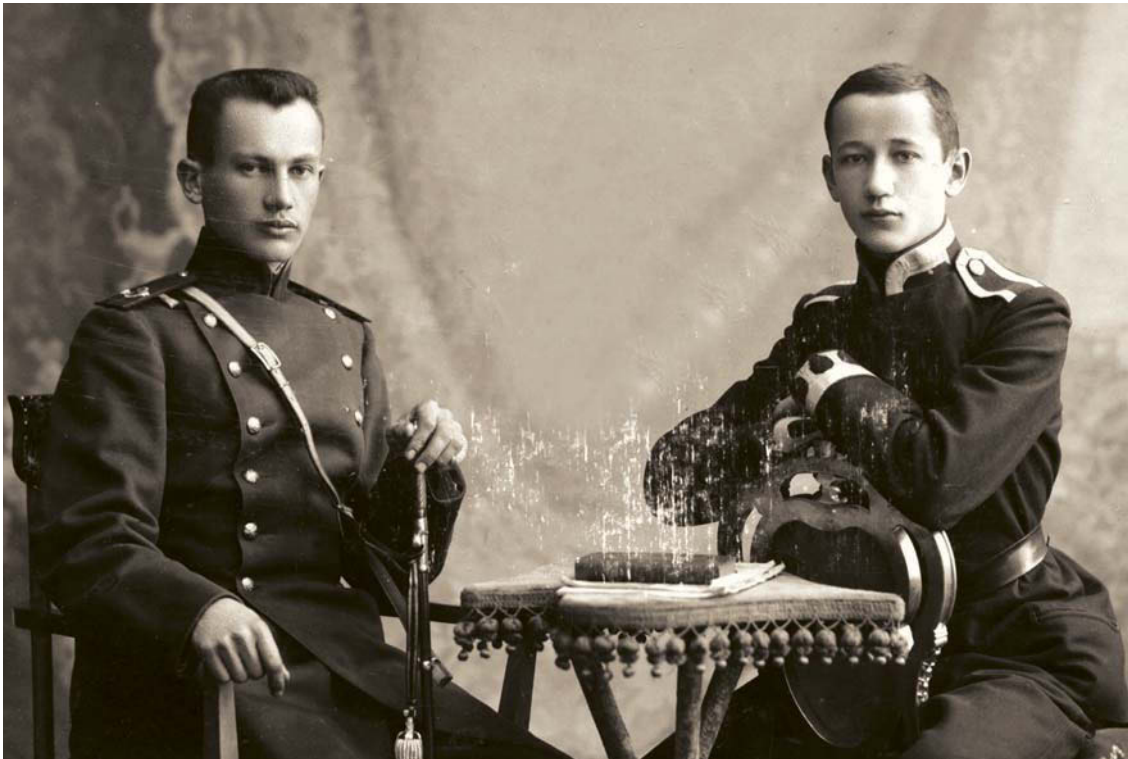
С большим вниманием относились ка-
деты к форме фуражек, которая должна была
соответствовать современной военной моде.
В самом начале 1900-х годов тонными счи-
тались небольшие ловкие головные уборы с
узким околышем и неширокой тульей. В пер-
вой половине 1910-х и во время Первой миро-
вой войны в моду вошли «мятки» – аккуратные
фуражки с примятой по бокам тульей.

Не меньше сил тратили воспитанники на
то, чтобы правильно надеть верблужий башлык.
Его длинные концы заправлялись под погон и
тщательно распрямлялись – не должно было
быть ни одного сгиба. Капюшон прилаживался
так, чтобы он не топорщился даже при быстрой
ходьбе – с этой целью кадеты иногда вкладывали
в него свинец для веса. Кроме того, существовала
и альтернативная манера носить башлык, нару-
шавшая уставные предписания, – концы пропу-

скались под погоны, перекрещивались на груди
так, чтобы один перекрывал другой. Затем пра-
вый конец заправлялся на пояс, а левый – завер-
тывался под правый погон. Этот способ копиро-
вал военную манеру ношения башлыка при на-
детом шарфе-поясе. Любопытно, что ее исполь-
зовали и некоторые гимназисты.

Воспитанники военно-фельдшерских
школ носили форму, похожую на кадетскую.
Она включала в себя суконную черного цве-
та рубашку со стоячим воротником, черные с
альными выпушками погоны, черный ремень и
такого же цвета фуражку с альными выпушками.
Примечательна и форма воспитанников шко-
лы императора Александра II, готовившей ма-
лышей к поступлению в кадетские корпуса.
Повседневная форма состояла из одноборт-
ной серо-синей куртки с пришитыми такого
же цвета наплечниками, темно-зеленых шаро-
вар, черного пояса и фуражки с вензелем Алек-
сандра II на околыше. Была и парадная фор-
ма – темно-зеленая куртка на 9 пуговиц с от-
ложным белым воротником (в 1911 году ввели
еще и алые наплечные знаки), темно-зеленые
шаровары и фуражка.

⁸ Терентьев Н. Воспоминания о 2-м кадетском корпусе. Машинопись.
Архив О. А. Хорошиловой.

Александр Вакуло, юнкер Алексеевского военного училища (справа) с другим подпоручиком.

Фотоателье «Г. В. Трунов», Москва. 1-я пол. 1900-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Обмундирование юнкеров

После окончания кадетского корпуса воспитанник, желавший продолжить военное образование и стать образцовым офицером, поступал в военное училище. К началу царствования императора Николая II их было шесть: Павловское, Константиновское, Александровское военные училища, Николаевское кавалерийское училище, а также два специальных учебных заведения, не подчинявшихся Главному управлению военно-учебных заведений, – Михайловское артиллерийское и Николаевское инженерное училища.

Как правило, в них поступали мальчишки, только что окончившие кадетские корпуса. Они еще в 6-м классе своей alma mater начинали грезить юнкерскими погонами с галуном и благородно-солдатской формой, такой взрослой, серьезной, лаконичной и внушительной по сравнению с милыми кадетскими мундирчиками и фуражечками. Однако в военные училища поступали и «шпаки» – аккуратные, домашние мальчишки, окончившие граж-

данские учебные заведения. Они, как правило, уступали бывшим кадетам в сноровке, практических знаниях и военной подготовке. Впрочем, ко второму году совместного обучения разница эта исчезала. Старательные «шпаки», прилежные в учебе и сведущие в шике, становились «отчетливыми юнкерами» и покидали стены училища хорошо подготовленными молодыми офицерами.

Юноши постигали азы военного ремесла два года. Программа была весьма насыщенной. Помимо общеобразовательных предметов (Закон Божий, русский язык и литература, иностранные языки и т. д.) юнкера изучали множество специальных наук: тактику, военную администрацию, законоведение, военную историю, уставы, артиллерию и фортификацию, математику, ишологию. Кроме того, их обучали танцам, гимнастике и фехтованию.

Ежегодно военные училища выпускали сравнительно небольшое число офицеров, и дефицит профессиональных военных призваны были сократить юнкерские училища, появившиеся в России еще в 1864 году. Поступали в них юноши, окончившие военные прогимназии

или 6 классов гимназии, а также вольноопределяющиеся, продолжавшие числиться в полку весь период своего пребывания в стенах учебного заведения. С конца 1890-х годов началась реорганизация юнкерских училищ в военные, и к 1911 году этот процесс завершился.

Каждый день жизни юнкеров подчинялся раз и навсегда установленному расписанию. Павел Васильевич Пашков, бывший юнкер Алексеевского военного училища, вспоминал: «В шесть часов без четверти барабан забил по-вестку, ровно в шесть часов — подъем, по которому юнкера молниеносно собирались в свои казармы, одевались, мылись, чистились и выстраивались на утренний осмотр, после которого

нас вели строем на утренний чай. После чая мы возвращались строем в бараки для того, чтобы надеть снаряжение и взяв винтовки, вновь выстроиться для строевых занятий, которые продолжались до завтрака. Ровно в 12 часов подавался завтрак. После него — лекции до обеда и, наконец, полуторачасовой отдых, когда разрешалось лежать на койках, обязательно сняв сапоги. В течение этих же полутора часов нужно было готовиться к репетициям, зубрить уставы, а угодившие “под винтовку” должны были отстаивать свой час. После отдыха — опять строевые занятия до вечера, вечерний час, вечерняя переключка, и в 10 часов вечера гасились огни, и все, кроме дежурных, должны были спать. Проведя целый день на воздухе в физических упражнениях, гимнастике и маршировке, мы засыпали, конечно, как убитые, и, по всей вероятности, редко кто видел какие-либо сны»⁹.

Форма юнкеров видоизменялась вслед за общеармейской. В начале царствования императора Николая II юнцы продолжали носить «пейзанские» темно-зеленые мундиры на крючках образца 1881 года, барашковые шапки с гербом и кокардой, широкие шаровары, заправленные в сапоги со многими складками, белые гимнастерки и некоторые другие предметы гардероба, завещанные усопшим императором Александром III. В 1907 году началась очередная реформа обмундирования русской армии, и юнкерам были присвоены двубортные мундиры, щегольские кивера, шинели, защитные гимнастические рубахи и фуражки... Но как бы ни перекраивали форму военных училищ и какими бы новыми плац-парадными красотоми ее ни усложняли, оставались неизменными главные юнкерские атрибуты — суконные погоны с унтер-офицерским галуном, которыми так гордились безусые юнцы, будущие офицеры.

Форма юнкеров строго делилась на два типа — мирную и военного времени. Первая подразделялась на парадную, обыкновенную, служебную и домашнюю.

Фельдфебель, первый знаменщик со знаменем Николаевского инженерного училища.
Позирует в обмундировании, присвоенном юнкерам в 1882 г.
Фототипия, 1903 г.
Архив О.А.Хорошиловой

⁹ Пашков П. В. Воспоминания юнкера Алексеевца / Военная быль. 1970, № 102. С. 18

Парадная форма пехотных военных училищ включала в себя двубортный на шесть пуговиц мундир армейского образца, закругленный воротник и обшлага которого были украшены унтер-офицерским галуном и бельевыми петлицами. На пуговицах и ременной бляхе сиял двуглавый орел. Темно-зеленые шаровары заправлялись в сапоги. Воспитанники Николаевского кавалерийского училища или, как его называли, «Славной школы», гордились своими ловкими мундирами гвардейских драгун с двумя рядами пуговиц, расходящихся к плечам, алыми лацканами, скошенным воротником, обшлагами с мыском, а также узкими серо-синими рейтузами, в которых «николаевцы» выглядели истинными тоннягами.

Казачья сотня Николаевского кавалерийского училища отличалась темно-синими мундирами казачьего покроя с застежкой по центру на крючки, скошенным воротником, обшлагами мыском и темно-синими шароварами с алым лампасом. Юнкера Елисаветградского и Тверского кавалерийских училищ сначала носили мундиры армейских драгун, а в 1908 году получили форму армейских улан – темно-зеленый двубортный мундир на семь пуговиц со скругленным воротником, обшлагами мыском, уланским этишкетом с кистями, элегантно овивавшим воротник и выпущенным из-под кавалерийского эполета. Юнкеров казачьих училищ можно было с легкостью узнать по форме донских полков в Новочеркасском

Юнкера во время занятий по съемке местности.

Фототипия, 1903 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Юнкера
Николаевского
инженерного
училища**

демонстрируют все
виды обмундирования.

Фототипия, 1903 г.

Архив О.А.Хорошиловой

и оренбургских полков в Оренбургском казачьих юнкерских училищах¹⁰. Атаман Григорий Михайлович Семенов, окончивший Оренбургское казачье юнкерское училище, вспоминал: «До 1908 года¹¹ юнкера носили каждый свою войсковую форму, и она представляла собою весьма пеструю смесь цветов и покроя одежды. С 1908 года в училище была введена однообразная форма, состоящая из мундира с красными погонами и серебряным галуном вокруг них и шаровар с синими лампасами. Головной убор – черная большешерстная папаха или фуражка с синим околышем и темно-синим верхом»¹².

¹⁰ В 1910 г. оба юнкерских училища преобразованы в казачьи училища.

¹¹ Григорий Михайлович Семенов ошибается. Форму в Оренбургском и Новочеркасском казачьих юнкерских училищах унифицировали в сентябре 1904 г.

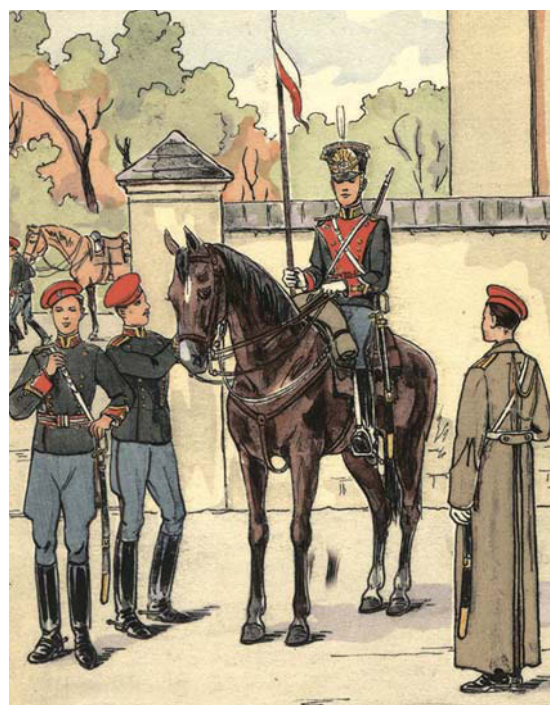
¹² Семенов Г.М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ, 2002. С. 15.

**Юнкера
Николаевского
кавалерийского
училища**

в разнообразных
видах обмундирования
образца 1908 г.

Открытка. Франция.

Архив О.А.Хорошиловой

В 1909/1910 году юнкера получили новый головной убор – кивер с «сиянием» (двуглавый орел с опущенными крыльями, окруженный сиянием). Пехотные военные училища надели кивер армейского образца, «констапулы» и «михайлоны» дополнили его с боков накладными скрещенными пушками, юнкера Николаевского инженерного училища – посеребрёнными скрещенными топорами. Воспитанники «Славной школы» отличались киверами драгунского образца. Красивыми они казались лишь на приличном расстоянии. При внимательном изучении оказывалось, что сделаны кивера грубовато, без должного изыска и шика. К тому же кнопки чешуи растирали кожу в кровь, от долгого ношения кивера начинала болеть голова. Юнкера невзлюбили свои новые головные уборы и дали им меткое название «самовары». Воспитанникам Елисаветградского и Тверского кавалерийских училищ повезло чуть больше – они получили более изящные шапки-уланки. Казачья сотня Николаевского кавалерийского училища, не изменяя своему стилю, носила черные каракулевые шапки с алым шлыком. Повседневными головными уборами юнкеров оставались фуражки-«бескозырки».

В состав парадной формы входила шинель (пехотного и кавалерийского в зависимости от специализации военно-учебного заведения), а также белые замшевые перчатки. При обыкновенной форме вместо белых носили шерстяные или нитяные коричневые перчатки. Служебная форма включала в себя мундир (или рубаху), шаровары, заправленные в сапоги, ремень, фуражку без козырька, шинель, которую разрешалось надевать внакидку, а также коричневые перчатки. Как правило, этот вид формы юнкера надевали перед отправкой в отпуск.

В стенах училища юнкера носили повседневную форму – защитные гимнастерки с погонами, ремни с бляхой, шаровары, заправленные в сапоги, бескозырку или защитную фуражку с козырьком, а также шинель внакидку. «Фараонам», безусым застенчивым новичкам, только что поступившим в училище, доставалось поношенное, выдавшее виды обмундирование. «Мы сдали кадетскую форму и полу-

Николай Красников,
юнкер 5-й роты
Владимирского
военного училища.

Официально
запрещенная стрижка
«бобрик» говорит
о том, что юнкер –
знарок военной
«тонности».

Фотоателье «В. Егоров»,
Петроград. 1915 г.

Архив О.А.Хорошиловой

чили училищную, солдатскую, от которой нас немного покорило, – признавался один из бывших «александронов», – мы получили ношеное и стираное: защитную летнюю гимнастерку и черные суконные брюки-шаровары с напуском, по форме того времени. Мне трудно было подобрать сапоги (тоже ношенные и чиненные) по ноге из-за малого размера ног. Правда, сапоги по фасону были немного лучше настоящих солдатских»¹³.

Вместе со своей первой юнкерской формой «фараоны» получали комплекты нижнего и постельного белья, о состоянии и чистоте которого высказывались разнообразные мнения. Одни выпускники жаловались на то, что белье в училище меняли редко, а в бани ходили и того реже, отчего на шеях юнкеров появлялись черные жирные полосы грязи. Другие, впрочем, уверяли, что и белье стиралось регулярно, и юнкера мылись еженедельно. «Носки и носовые платки мы могли получать хоть по десять раз на день, лишь бы было желание; требовалось только тут же сдать старые»¹⁴, –

¹³ К. Р. Т. Воспоминания об Александровском военном училище / Военная быль, 1973, № 124. С. 34.

¹⁴ Паиков П. В. Воспоминания юнкера алексеевца / Военная быль. 1970, № 102. С. 15.

Юнкер Казанского военного училища.

Фотоателье «И. Якобсон»,
Казань. 1914-1915 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

свидетельствовал Павел Васильевич Пашков. Все, как всегда, зависело от начальства и его отношения к вопросам гигиены.

В училищах предвоенного времени ревностно следили за «отчетливостью» внешнего облика. Юнкерам, особенно «фараонам», следовало соблюдать устав и выглядеть молодцами. Об этом заботились отделенные и взводные портупей-юнкера, которые, не досмотрев за каким-либо неряхой, могли получить разгон от строевых офицеров. Проверяли внешний облик обычно после пробуждения и утреннего туалета. «Осматривали тщательно, – вспоминал бывший юнкер-«алексеевец» Павел Александрович Нечаев, – хорошо ли начищены сапоги, пуговицы и бляха пояса, а для того, чтобы

проверить, как затянут пояс, под него просовывали палец, который должен был еле-еле проходить; некоторые надували живот в это время, но этот трюк никогда не помогал и не мог ввести в заблуждение наше опытное начальство»¹⁵.

Естественно, что юнкерам следовало соблюдать не только сухую букву устава, но и прекрасно знать «внутренние» правила ношения всех элементов формы, включая и законы шика, которым подчинялись всегда с большим удовольствием.

Юнкера старшего курса шили мундиры только на заказ и потому выглядели такими картинками из военно-патриотических журналов тех лет – подтянутыми, опрятными и чуть щеголеватыми. «Немало юнкеров заказывало себе и мундиры, что тоже выходило недорого, – писал Юрий Владимирович Макаров, бывший «павлон». – Делалось это главным образом потому, что в строго форменном мундире высота воротника полагалась всего в два пальца, что при не короткой и не толстой шее, нужно признаться, было довольно некрасиво. Кроме того, собственные мундиры на своей же училищной швальне шились, конечно, лучше, строго по мерке, в талию, и разрешалась даже некоторая небольшая подбавка в плечах»¹⁶.

Ротные командиры на тонкие изыски юнкерской формы обычно не реагировали и, отправляя в отпуск очередного франта в мундире с высоким воротником, ухмылялись или кричали для остротки. Макаров вспоминал, что он специально заказал себе отпускной мундир с высоченным «чуть ли не времен Николая I» воротником, но в училище его не брал, а надевал, всегда лишь приехав домой. Такой сверхшик в его родной «Павлонии» не стерпели бы даже отъявленные офицеры-модники.

Особые правила существовали и для ношения бескозырки: «Немного набок, и чтобы кокарда была на одной линии с носом. Обычно бескозырка надевалась на голову, расправленная ладонь прикладывалась к гребню носа

¹⁵ Нечаев П. А. Алексеевское военное училище, 1864-1964. Париж, 1964. С. 13.

¹⁶ Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905 – 1917. Буэнос-Айрес, 1951. С. 24-25.

указательным пальцем, а вертикальный диаметр кокарды должен был совпасть с линией носа, то есть с указательным пальцем»¹⁷.

Негласным училищным правилам подчинялось все – от шинели и мундира до небольших аксессуаров, игравших, впрочем, важную роль в создании «тонного» образа. Среди юнкеров старшего курса была, к примеру, распространена традиция носить не новые, магазинные, а именно старые, заношенные кожаные темляки. «Иметь старый темляк, подвязанный к рукоятке шашки, считалось хорошим тоном, и к этому стремился каждый юнкер, – комментировал Валентин Яковлевич Бельский. – Такие темляки доставались обычно от старших одноклассников по корпусу при их производстве в офицеры. Можно было их приобрести у служителей, но запас был ограничен, и менее счастливые (главным образом, юнкера из студентов) долго и упорно трудились над новыми темляками в стремлении придать им сколько-нибудь “приличный” вид»¹⁸. Портупей-юнкера пехотных и инженерных училищ украшали свои тесаки офицерскими темляками и, надо сказать, весьма ими гордились. Позируя фотографу, они обыкновенно набрасывали его как бы невзначай на руку, чтобы эта заветная черная с серебристыми прострочками ленточка была отчетливо видна на фотоснимке.

Блистательными знаниями всех премудростей шика отличались воспитанники «Славной школы». За собственный счет они шили мундиры, шаровары, шинели, сапоги. Лишь младшие «сугубые» юнкера и только в стенах заведения терпеливо, словно тяжкое древнее проклятие, носили никудышнюю мешковатую форму, денно и ночью мечтая перейти на старший «корнетский» курс. Франты-николаевцы непременно заказывали тонкозвучные шпоры. На легко узнаваемый и различимый среди множества кавалерийских мелодий «малиновый» тон настраивали их знаменитые братья Савельевы, сводившие с ума сере-

бристым благозвучием добрую половину петербургских офицеров и «корнетов»-юнкеров. Через много лет их звучание все еще помнили бывшие воспитанники военных училищ. Юнкер Константиновского артиллерийского училища Валентин Бельский, имевший в своем арсенале несколько пар савельевских шедевров, отмечал: «Шпоры настраивались по желанию: в унисон, приму, секунду, терцию. На создание мелодии в перезвоне шпор оказывала и манера их подвязки и особенности походки»¹⁹.

Шпоры смотрелись великолепно лишь на заказных сапогах, напоминавших те, которые носили офицеры. «Делались сапоги в кредит, “в счет производства”, т. е. в счет тех 250 рублей, которые казна каждому молодому офицеру выдавала на обмундировку», – пояснял Владимир Юрьевич Макаров. Во время строевых занятий надевали казенные сапоги, много раз ношенные и неоднократно чиненные, которым юнкера придумали неблагозвучное имя, сходное со словом «самоходы». Они до крови натирали ноги, и привыкнуть к ним не могли даже самые терпеливые стоики-спартанцы.

Главной и самой ответственной задачей воспитанника училища было правильно и красиво уйти в отпуск. Этому искусству учились постепенно – через тычки и язвительные упреки старших курсов и замечания дежурных офицеров. Процедуру подготовки к «явлению», то есть к приходу в комнату дежурного офицера, выдававшего отпускные билеты, детально описал Юрий Владимирович Макаров:

«Рядом с главной лестницей, на площадке перед дежурной комнатой, было вделано в стену огромное зеркало, больше человеческого роста. Дежурный по училищу офицер отпускал юнкеров в определенные часы, в два, в четыре и в шесть. К этому часу со всех четырех рот на площадку перед зеркалом собирались группы юнкеров, одетых, вымытых и вычищенных так, что лучше нельзя. Все, что было на юнкере медного: герб на шапке, бляха на поясе, вензеля на погонах, пуговицы, – все было начищено толченым кирпичом и блестело ослепи-

На следующем развороте:

Выпуск юнкеров Александровского военного училища. В центре – начальник училища генерал-лейтенант Николай Иванович Геништа. Москва, 1915 г.
Архив О.А.Хорошиловой

¹⁷ К. П. Т. Воспоминания об Александровском военном училище / Военная быль. 1973, № 124. С. 36.

¹⁸ Бельский В. Я. О родном корпусе. Машинопись. Архив О. А. Хорошиловой. С. 91.

¹⁹ Там же.

тельно. На шинели ни пушинки, и все складки расправлены и уложены. Перчатки белее снега. Сапоги сияли. Башлык, если дело было зимою, сзади не торчал колом, а плотно прилегал к спине, спереди же лежал крест-накрест, правая лопасть сверху и обе вылезали из-под пояса ровнехонько на два пальца, не больше и не меньше. В таком великолепии собирались юнкера перед зеркалом, оглядывая себя и друг друга и всегда еще находя что-нибудь разгладить, подтянуть или выправить. Наконец, били часы, и из дежурной комнаты раздавался голос офицера: «Являться!»²⁰.

Если офицер не находил никаких оплошностей в форме и внешнем виде, он приказывал юнкеру брать желанный отпускной билет. Однако перед выходом из стен училища «отчетливый» юнкер-николаевец должен был слегка откорректировать внешний вид по негласному уставу, который каждый воспитанник знал назубок. Помогал им обычно старый добрый каптенармус, приготавливавший заранее все необходимые для отпуска вещи, в том числе сапоги и шпоры. Николай Терентьев отмечал: «Юнкер Николаевского кавалерийского училища мог идти в отпуск исключительно в собственных сапогах и в шпорах только запрещенного образца – “бульдожках”»²¹.

Неуставная отпускная форма существовала во всех без исключения военных училищах. Даже скромняги артиллеристы, увальни-«михайлоны», с ученым безразличием относившиеся к юнкерской моде, озорно нарушали правила, чтобы соответствовать традициям. «К ним относилась прежде всего так называемая шпорная традиция с сопутствовавшими ей подтрадициями о ношении в отпуск только собственных хромовых сапог, особых неформенных фуражек-“мяток”, темляков на пашках, на гимнастерках – желтых ремней с пряжкой вместо форменных лакированных с бляхой, брюк-“галифе” вместо казенных ша-

рवार и т. д. Традиции же требовали не носить установленных на холерное время фляжек с водой»²², – вспоминал Николай Терентьев.

В училищах существовала и спортивная форма для разных видов упражнений. Фехтованием занимались в мундирах, рейтузах или шароварах, надев поверх тяжелый, монолитный передник, принимавший на себя колкие удары неверной руки юнкера-соперника. Гимнастические упражнения делали в расстегнутых мундирах второго срока либо в белых блузах-косоворотках. В пехотных училищах существовали весьма поверхностные занятия верховой ездой, которые воспитанники любили лишь за то, что можно было надеть серо-синие кавалерийские рейтузы, в которых юнцы ощущали себя «благородными корнетами».

В 1914–1917 годах актуальной для юнкеров стала форма военного времени. Она состояла из защитного цвета суконной рубашки или кителя (для кавалерийских и казачьих училищ), поясного ремня, черных или серо-синих шаровар, заправленных в высокие сапоги (кавалеристы украшали их шпорами), солдатского типа фуражки с козырьком, наушников, башлыков и шинели (пехотной или кавалерийской в зависимости от специализации училища). В таком обмундировании эффектно выглядеть было весьма непросто. Однако для воспитанников «Славной школы» не существовало ничего невозможного: «Красивый и стройный, как дорогая игрушка, только что вышедшая из магазина, передо мной стоял, загораживая дорогу, юнкер старшего курса, одетый с иголки, в отлично сшитом защитном кителе, синих бриджах и великолепных сапогах, на которых каким-то чудным серебряным звонком звучали шпоры, хотя их владелец как будто стоял совершенно неподвижно»²³.

Воспитанники артиллерийских и кавалерийских училищ носили плечевую портупею и пашку с темляком. Портупей-юнкера пехотных и инженерных училищ отличались тесаками, украшенными офицерскими темляками, а те,

²⁰ Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905 – 1917. Буэнос-Айрес, 1951. С. 22.

²¹ Терентьев Н. Кадеты и юнкера. 1938-1939 гг. Машинопись. Архив О. А. Хорошиловой.

²² Терентьев Н. Кадеты и юнкера. 1938-1939 гг. Машинопись. Архив О. А. Хорошиловой.

²³ Марков А. Кадеты и юнкера. – М.: Военное издательство, 2001. С. 62.

чьи погоны украшал лишь общеюнкерский галун, несли тяжелые винтовки. Павел Васильевич Пашков пояснял: «Винтовки носились “на плечо”, да еще на гвардейский манер, то есть почти отвесно, отчего левая рука очень уставала и немела, а на вооружении были винтовки пехотного образца, весившие 12 с половиной фунтов»²⁴.

Самой важной и любимой частью походной амуниции юнкера был вещевой мешок. О нем с благодарностью вспоминали многие питомцы военных училищ, «Эти вещевые мешки служили нам большую службу, — писал Павел Васильевич Пашков, — к перевязи мешка прикреплялась особая петля, и, когда нас ставили под винтовку и офицер командовал: “На плечо!”, нужно было, поднимая винтовку устав-

ным приемом, вставить тыльную часть ложа в эту петлю. Тогда, стоя смирно, можно было винтовку не держать — она сама держалась в петле, а руку мы сгибали только для вида. Но трюк этот требовал большой практики и долгих предварительных упражнений, да и не всякому он давался. Я быстро и в совершенстве постиг эту премудрость, благодаря чему стояние “под винтом” было совсем не утомительно»²⁵. Была и другая причина, почему юнкера так любили эти мешки: «Эта вещевая сумка носилась символически, ибо она всегда была пустой. Однако она имела большое значение при обучении рассыпному строю, — при перебежках требовалось стремительно падать на землю, не обращая внимания на состояние почвы (тра-

Юнкера, надев специальную защиту, учатся фехтовать.

Фототипия, 1903 г.

Архив О.А.Хорошиловой

²⁴ К.Р.Т. Воспоминания об Александровском военном училище / Военная быль, 1973, № 124. С. 36.

²⁵ Пашков П.В. Воспоминания юнкера-алексеевца / Военная быль, 1970, № 102. С. 16.

Николай Усов,
юнкер Владимирского
военного училища.
Фотоателье «В. Егоров»,
Петроград, 1915 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Прапорщик
Николай Усов
в офицерском
походном
снаряжении.**

Его китель украшен
знаком об окончании
Владимирского
военного училища.
Плечевые ремни
перекрывают звездочку
на погонах. Так часто
делали прапорщики,
чтобы казаться
капитанами.
Фотоателье «В. Егоров»,
Петроград, 1915 г.
Архив О.А.Хорошиловой

ва ли, сырой посев, грязь и т. д.), поэтому, чтобы не пачкаться, все ловчились падать на левое бедро, на вещевую сумку, сохраняя брюки в чистоте»²⁶.

Внешность юнкеров также должна была соответствовать уставу – голова бритая «под три нуля», никаких усов и бороды. Стриг и брил казенный, училищный цирюльник, однако при желании юнкер мог зайти и к «маркизу», платному мастеру, в меру ловкому и проворному, который работал от души, не забывая почитать кланяться «господину юнкеру».

Если юнец страдал от излишней растительности, а времени ежедневно бороться с ней не было, он писал рапорт на имя ротного командира, и тот разрешал ему отпустить бороду. Впрочем, такие случаи единичны – среди воспитанников военных училищ бороды были не в почете. А вот что действительно пользовалось популярностью – это стрижка «бобр». Обычно перед самым отпуском юнцы заходили к «маркизу», и он каким-то чудесным образом формировал на голове небольшой хохолок, завершая этим элегантный образ тонняги-«корнета».

²⁶ К.Р.Т. Воспоминания об Александровском военном училище / Военная быль, 1973, № 124. С. 35.

Самыми необычными в нехитром гардеробе юнкеров были костюмы для «похорон Шпака». Так презрительно именовали всех тех, кто пришел в училище «со стороны», то есть из гражданских учебных заведений. Изнеженные мальчишки, не ведавшие тяжелой корпусной жизни, ранних побудок и утомительной муштры, должны были пройти через обряд «очищения» и убить, задушить, похоронить в себе презренного мещанина, писклявого горожанина, Шпака. Траурная процессия происходила в ночь перед торжественной юнкерской присягой, и готовились к ней, словно к смотру в августейшем присутствии.

Костюмы, сочиненные и срежиссированные участниками похорон заранее, могли бы легко конкурировать со сценическими

облачениями лучших и скандальнейших поэтов-футуристов. Павел Александрович Нечаев нарисовал весьма живописную картину: «Наконец, сигнал был дан, и бараки закипели лихорадочной жизнью: юнкера быстро вскакивали, поспешно надевали заранее приготовленные и тщательно каждым продуманные костюмы и быстро строились перед бараками своих рот. Фантазии и изобретательности каждого юнкера предоставлялось придумать себе соответствующий событию костюм, причем приходилось, конечно, удовлетворяться тем, что было под рукой; некоторые воспользовались своим штатским платьем, в котором они прибыли в училище, другие обратились за помощью к нашим ротным капитанармусам, снабдившим их мундирами мирного времени и киверами. Большинство было в одних кальсонах, в мундирах и киверах, некоторые – в шляпах, кепках и штатских фуражках, в студенческих тужурках или пиджаках, одним словом – в различных комбинациях штатского с военным; были в бескозырках задом наперед, но все, без исключения, без штанов»²⁷.

Все участники процессии вооружались звучными, визжащими, громыхающими предметами – котлами, крышками от кастрюль, большими поварскими черпаками, свистульками, словом, всем тем, что способно было производить самые громкие и эксцентрические звуки. И в таком виде юнкера двигались по зале (а если процессия происходила во время летних лагерей, то по училищному плацу), окружив шумной толпой главного виновника ночного торжества – презренного и навеки усопшего «Шпака». Эту роль послушно и весьма правдоподобно исполняло чучело – холщовый мешок, набитый соломой или ватой. Его везли «траурные погребальные колесницы», в реальной жизни – стойки для штыковых упражнений. Звенящая и улюлюкающая процессия медленно двигалась по кругу, затем останавливалась, и начиналось

оплакивание. В это время церемониймейстер из фельдфебелей, увешанный лентами, шнурками и брошами, произносил торжественную траурную речь, навсегда прощаясь со «Шпаком» – постылой и сирой гражданской жизнью. И каждая его реплика оканчивалась причитаниями и театральным хлопанием десятков юнкерских носов.

За несколько месяцев до окончания военного училища молодые люди начинали думать о выпуске и своей первой офицерской форме, деньги на которую (примерно 300 рублей) они получали от казны. Как правило, начальство приглашало лучших поставщиков и портных в стены училища, чтобы воспитанники не теряли время на поиски сукна, закройщика, фурнитуры. «Поставщики всего этого, приглашенные училищем, устраивали целую выставку своих товаров-образцов в манеже, и мы сами могли выбирать тот или иной материал, за ту или иную цену»²⁸, – вспоминал Павел Васильевич Пашков. Затем начинались примерки и сложный выбор амуниции: «Можно себе представить, с каким восторгом мы осматривали и выбирали себе все, что полагалось! Все отпускные дни теперь посвящались примеркам у портных и у сапожников, беготне по магазинам, и разговоры только и касались будущего производства. Необходимо заметить, что все поставляемые нашими поставщиками товары оказались действительно первоклассными, в чем пришлось убедиться впоследствии, уже на фронте, сравнивая полученное в нашем училище с тем же у офицеров, выпущенных из других училищ. Особенно хороши оказались наши шинели и сапоги, которым, казалось, и сноса не было»²⁹.

На оставшиеся от выданной суммы деньги юнкера шли в лучшие ювелирные мастерские, чтобы заказать себе небольшие, элегантные нагрудные знаки, свидетельства их пребывания в стенах училища, ставшего для многих родным домом.

²⁷ Нечаев П. А. Алексеевское военное училище, 1864–1964. Париж, 1964. С. 7.

²⁸ Пашков П. В. Воспоминания юнкера-алексеевца / Военная быль. 1970, № 102. С. 22.

²⁹ Там же.

Форма пажей

Среди военно-учебных заведений было одно особенное по своему статусу и структуре – Пажеский Его Императорского Величества корпус. Здесь училась элита России – великие князья и отпрыски высокородных семейств, графы, герцоги и маркизы, сыновья умниц царедворцев и победоносных раззолоченных генералов. Классы делились на семь общих и два специальных. В общих (с первого по седьмой) пажи проходили программу кадетских корпусов, в специальных изучали то же, что их сверстники в военных училищах. Здесь готовили к светской, элегантной, красивой жизни, к пышным придворным церемониалам, встречам августейших особ, приемам и торжествам, а военному делу учили шутя, с тонкой гвардейской небрежностью. Юнкера пехотных училищ придумали пажам обидное прозвище «шаркуны» – за их подчеркнuto светские повадки и блистательное знание придворного этикета. Пажеский корпус отличался и специфической методикой обучения. «Существенное отличие специальных классов Пажеского корпуса от военных училищ состояло в универсальности даваемой подготовки, – отмечал бывший паж, генерал-майор Борис Владимирович Геруа. – Она должна была быть одновременно и пехотной, и кавалерийской, и артиллерийской, тогда как училища делились по специальностям. Пажи имели право свободно выбирать себе род оружия и самую воинскую часть»³⁰.

Форма пажей имела несколько видов и сочетала элементы кадетского и юнкерского обмундирований, а также придворного костюма. Утром, сразу после пробуждения, надевали хлопковые белые рубахи с невысоким воротничком-стойкой, суконные черные брюки с алой выпушкой, к которым пристегивались подтяжки, и набрасывали на плечи свежие, белые полотенца. После быстрого туалета следовало немедленно надеть мундир – однобортный на 8 пуговиц со скошенным «гвардейским» воротником, черными погонами с алой выпуш-

кой по краям и накладным вензелем императора Николая II³¹. При обыкновенной форме носили черную фуражку (для фельдфебелей, а также пажей 2-й и 3-й рот) и бескозырку (для пажей 1-й роты) с алыми околышем и выпушкой, а специальные классы отличались черной каской с золоченым двуглавым орлом и пылающей гренадой. В строю камер-пажи носили короткие шаровары с длинными черными сапогами, а вне строя полагались длинные шаровары с короткими сапожками, которые надевали и воспитанники младших классов.

Гимнастикой и другими видами активных физических упражнений занимались в белых гимнастерках (в период Первой мировой войны они стали защитного цвета), подпоясанных красным гарусным поясом с кистями. Судя по старым фотографиям, сохранившим облик пажей начала XX века, гимнастерки носили и в весенне-летнее время, с поясами белой кожи и бляхой с государственным гербом.

Чуть более нарядной была парадная форма. Мундир отличался великолепными галунными петлицами в форме шевронов, нашитых по три на каждом обшлагае. Петлицы украшали и воротник (по одной на каждой стороне). Камер-пажи прибавляли к этому плац-парадному великолепию четыре таких же густо золотившихся шеврона на карманных клапанах. Получалось весьма эффектно.

Граф Алексей Алексеевич Игнатьев, зачисленный в младший специальный класс, с упоением описывал свою новую парадную форму: «Через несколько часов по приезде в Петербург я навсегда сбрасываю свой скромный кадетский мундирчик, и портной Каплун пригоняет на меня блестящую форму пажа младшего специального класса. На рукавах однобортного черного мундира нашиты по три широких золотых галуна; такой же галун и на высоком воротнике из красного сукна. Каплун выражает надежду, что через год, дослужившись до камер-пажа, я позволю емушить золотые галуны на каждую из задних пол мундира.

³⁰ Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. С. 30.

³¹ С 1897 года накладные вензеля носили только пажи и камер-пажи 1-й роты. В 1912 году вензеля были присвоены всем прочим пажам и камер-пажам.

**Воспитанник Пажеского
Его Величества корпуса**
в белой летней рубашке,
ремне и шароварах навыпуск.

Фотоателье «П. Видинеев», Царское Село. Нач. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанники
Пажеского
Его Величества
корпуса**

в разнообразных
формах одежды.

Фототипия. Конец 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Красные погоны тоже обшиты галуном, и вместо гладких медных армейских пуговиц кадета на мундире – золоченые, красивые пуговицы с орлом. Штаны навыпуск с красным кантом, пальто двубортное офицерского образца, только не из серого, а из черного драпа; для лагерного времени и для строя – серая солдатская шинель. Тут же от придворного поставщика Фокина приносят мне мое первое оружие – гвардейский тесак на лакированном белом кожаном поясе, с золоченой бляхой, украшенной орлом, и каску из черной лакированной кожи с золоченым шишаком наверху и громадным орлом на передней части. Все, вплоть до шелковой муаровой подкладки на каске, кажется мне блестящим до трепетности,

и, натягивая белые замшевые перчатки, я чувствую, что вступаю в какой-то новый, неведомый и очень красивый мир»³².

Гвардейский тесак, которым так восхищался паж Игнатъев, носили только при парадной форме в строю, а вне строя надевали более элегантную шпагу. Воспитанники общих классов к их большой досаде не имели права на ослепительную каску с орлом и гренадой. При парадной форме они носили скромные фуражки.

Редкий юнец не мечтал о придворной камер-пажеской форме, самой элегантной и

³² *Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. Симферополь: Крымиздат, 1953. С. 45.*

**Полковник
Александр Карлович
Линдеберг**

с пажами во время образовательного путешествия в Малую Азию и Северную Африку.

1-я половина 1900-х гг.
Архив С.А.Линдеберга
(Санкт-Петербурге)

блистательной, самой банально красивой – черный, чуть тесноватый мундир, высокий жесткий воротник, белые лосины, лакированные ботфорты, в которых монохромно отражался весь искристо-помпезный танцующий высший свет и горячее, пылающее золото на всем – груди, руках, погонах, клапанах, каске. «В дни нарядов во дворец камер-пажи прежде всего должны были переодеться в придворную форму. – вспоминал Борис Владимирович Геруа. – Она была большая и малая. Последняя состояла из обыкновенного выходного мундира, но в шишак каски вставлялся белый волосяной султан. Форма эта применялась в случаях второстепенных церемоний и сравнительно редко. Чаще нас требовали в случаях полной торжественности, и тогда надевался придворный мундир, весь покрытый галунами спереди и по сторонам карманов сзади; на ноги – белые лосины, однако фальшивые, ибо шились

не из кожи, а из особой “трикотажной” материи; чтобы они гладко обтягивали ноги, снимались кальсоны и псевдолосины натягивались на голое тело. Затем шли лакированные ботфорты кирасирского типа со шпорами. Каска с султаном. Шпага с офицерским темляком на поясе из золотого галуна, с золотой пряжкой. Фельдфебелю и камер-пажам Императриц эти дорогие мундиры шились каждый раз новые – по мерке. Остальным камер-пажам “пригонялись” из запаса цейхгауза или, как он назывался в Пажеском корпусе, “резерва”»³³.

В таком раззолоченном виде камер-пажи являлись во дворец и терпеливо стояли навзятжку долгие, мучительные часы неспешных приемов и официальных приветствий, медленно и грациозно следовали они за августейшими шлейфами на балах и придворных торжествах.

³³ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. С. 33.

Среди прочих неуставных шалостей – слишком высокие «николаевские» воротнички, упирающиеся в нежную тонкокожую шею, придворные мундиры с зауженной линией талии, английские проборы, столь ненавистные начальству, но обожаемые юнцами-аристократами.

Революция 1917 года внесла свои коррективы во внешний вид пажей. Бывший воспитанник корпуса Сергей Александрович Санников вспоминал: «По распоряжению Риттиха³⁵, форма общих классов – черные пальто и мундир – была заменена солдатскими шинелями и гимнастерками, а, кроме того, погоны были заменены на защитный погон с красной тесьмой вместо золотого галуна. Против замены погон мы категорически восстали и добились сохранения старых золотых погон, но, увы, конечно, уже без вензелей»³⁶. Кстати, слегка изменился и костюм некоторых преподавателей. По свидетельству Санникова, некоторые надели красные банты, а генерал-майор Риттих ежедневно появлялся с орденом Почетного легиона в петлице, «причем была видна только ленточка, а сам орден случайно был за бортом кителя»³⁷.

Камер-паж
в малой придворной
форме.

Санкт-Петербург.
Нач. 1910-х гг.

Частная коллекция

Им следовало вовремя кланяться, подавать руку, повторять пустые и элегантные ответы на дежурные вопросы отрешенно-безразличных монарших особ и стойчески переносить шуточные щипки и тычки бесцеремонных великих князей. Следовало вытерпеть все.

Но у пажей была отдушина – «павлоны», над которыми они едко и порой весьма больно шутили, вооружившись модными аксессуарами. «Мы завели огромные монокли на широких желтых лентах, подзорные трубы и бинокли не меньших размеров (приобретенные у Пето на Караванной), чрез которые мы свысока смотрели на павлонов при их прохождении мимо нашего барака. К сожалению, некоторые из наших каверз были лишены остроумия и иногда выходили из рамок приличия»³⁴, – признавался Николай Людвигович Барклай-де-Толли-Веймарн.

Форма «академиков»

После окончания Пажеского корпуса юнцы выходили напрямиком в гвардию, в безупречно щегольские, высокопородные полки, названия которых выбиты золотом на скрижалях русской истории и начертаны острыми бальными шпорами на глянцеvidных паркетах дворцового зазеркалья. Но те юнкера и пажи, которые не хотели растрчивать жизнь на головокружительные светские рауты, поступив в полк, стремились продолжить образование в сосредоточенно-тихих кельях военных академий, где ценились похвальное учение и

³⁵ Федор Александрович Риттих (1871–1923) был инспектором классов Пажеского корпуса.

³⁶ Санников С. А. Последние дни Пажеского Его Императорского Величества корпуса / Союз пажей, № 14, 1960. С. 9.

³⁷ Санников С. А. Последние дни Пажеского Его Императорского Величества корпуса / Союз пажей, № 14, 1960. С. 9.

³⁴ Цит. по: Хазин О. А. Пажи, кадеты, юнкера. <http://militera.lib.ru>.

В. Пальчиков,
слушатель специальных
курсов Императорской
Военно-медицинской академии,
в сюртуке.

Фотоателье «Denar»,
Петроград, 1914 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Слушатель специальных
курсов Императорской
Военно-медицинской академии**
в кителе и пальто.

Фотоателье «Denar»,
Петроград, 1914 г.

Архив О.А.Хорошиловой

беззаветная преданность наукам. Большинство учившихся в них офицеров носили форму своих частей. Наиболее пестрыми были аудитории Императорской Николаевской академии Генерального штаба³⁸, в которых высшие военные науки постигали пехотинцы, кавалеристы, казаки, артиллеристы, инженеры. Лекции седовласых профессоров они слушали в удобных сюртуках или кителях. На вступительные и выпускные экзамены являлись в парадном обмундировании, расцветчивая академические аудитории всеми цветами богатого армейского спектра, ослепляя стариков-профессоров золотом и серебром шитья, галунов, эполет, а иногда – блистательными знаниями.

Михайловская артиллерийская академия, наоборот, славилась единообразным составом слушателей. Практически все носили черные бархатные воротники с алым «ученым кантом» и золотые погоны умниц-артиллеристов.

³⁸ С 1909 года была переименована в Императорскую Николаевскую Военную академию.

В Императорской Военно-медицинской академии существовала особая форма слушателей и студентов. В начале царствования императора Николая II они носили темно-зеленые однобортные мундиры с красной выпушкой и восьмью посеребренными пуговицами, темно-зеленые двубортные сюртуки со скругленным воротником и такого же цвета широкие шаровары. Прибор положен был серебряный, погоны – темно-зеленые с алой выпушкой и двумя диагональными серебряными нашивками (для студентов) и одной – для слушателей, фуражка – темно-зеленая с офицерской кокардой на околыше (слушатели носили гражданскую кокарду на тулье), красными выпушками по краям околыша и по верху тульи. Пальто носили серое, офицерского образца, а в 1901 году для студентов была введена еще и тужурка. Форма студентов и слушателей была несколько изменена в 1912 году. Они надели темно-зеленые двубортные мундиры пехотного образца с закругленным воротником, алыми выпушками и 12 серебряными пуговицами с государственным гербом. Плечи украсили погоны черного сукна с серебряным галуном: по свободному краю погон – для 1-го курса, по всему периметру – для 2-го, 3-й курс дополнял их узкой галунной нашивкой по нижнему краю погон, 4-й курс – по верхнему, а 5-й курс носил узкие галунные нашивки по обоим краям погон. И без того сложную, тяжелую композицию дополнили грузные золоченые вензеля императора Павла I по середине погон. В 1913 году их черное поле, а также воротник мундира и клапаны пальто стали синими. Кроме мундира был положен защитного цвета китель. Шаровары носили длинные темно-зеленые с алой выпушкой, фуражки – темно-зеленые с синим околышем, алыми выпушками и офицерской кокардой (для студентов) и юнкерской (для слушателей подготовительных курсов).

Помимо академий существовали офицерские школы, в которых, однако, определенного «учебного» обмундирования не было. Пожалуй, единственное исключение – Главная гимнастическо-фехтовальная школа. Обучавшиеся в ней офицеры занимались

Слушатели специальных курсов Императорской Военно-медицинской академии с академиком Иваном Петровичем Павловым.
Фотоателье «Депар», Петроград, 1914 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Слушатели Императорской Военно-медицинской академии с персоналом и преподавателями. В центре – лейб-хирург Сергей Петрович Федоров, основатель крупнейшей российской хирургической школы.
Фотоателье «К. К. Булла», Петроград, 1914 г.
Архив О.А.Хорошиловой

разнообразными видами спорта в специальной форме, учрежденной в 1913 году. Ее же ввели для всех вообще сухопутных офицеров армии и флота. Она была строго регламентирована. Подтянутые, хорошо сложенные поручики и капитаны демонстрировали гимнастические трюки в хлопчатобумажных белых майках-«фуфайках» с набивным или апплицированным изображением двуглавого орла, синих брюках со штрипками, подпоясанных бело-сине-красным кушаком, и черных кожаных туфлях без каблука. Когда же они выступали перед титулованной публикой, на спортивных торжествах и смотрах школы, форму надевали парадную – белые фуфайки, такого же цвета брюки и туфли. Греблей и атлетикой занимались в аналогичных майках, а также коротких бриджах, не доходивших до колена. Фехтовали в светлых толстых куртках из рогажи или парусины, застегивавшихся по левому плечу и под левой рукой. Грудь украшал все тот же двуглавый орел. Шаровары надевали такого же цвета – широкие в верхней части и суженные книзу. Туфли полагались произвольного цвета и образца, но непременно мягкие. Весьма элегантной была одежда для яхтенного спорта – белая рубашка, черный гал-

стук, синяя двубортная тужурка на восемь черных пуговиц и вышитым на левой стороне груди орлом, темно-синие брюки, такого же цвета фуражка со знаком яхтенного клуба на околыше и черным почти горизонтальным козырьком, украшенным по ободку тиснением и лавровой ветвью. Зимой офицеры школы бегали на лыжах в белых вязаных фуфайках с орлом, длинных плотного сукна брюках синего цвета, мягких вязаных племах, кожаных рукавицах и мягких сапогах с обмотками, защищавших от снега. Инструктора школы не следили слишком строго за костюмами воспитанников. Поэтому во время обычных занятий дозволялись «шалости» с формой. Офицеры часто дополняли ее элементами военного обмундирования (фуражками, тужурками), чтобы их не путали с «гражданскими» спортсменами.

Некий спортивно-охотничий форменный костюм был и уловких «тонняг», проходивших «университеты» в Офицерской кавалерийской школе. В 1897 году большой знаток охоты великий князь Николай Николаевич младший организовал при этом учебном заведении парфорсные охоты, которые затем были официально включены в учебный курс в качестве практических занятий, призванных сделать из офицеров великолепных, физически развитых наездников. С 1899 года парфорсные охоты проходили в Поставах на территории имения графов Пржездецких. В многокилометровую гонку за благородными оленями и лисицами офицеры выезжали в английских охотничьих костюмах (красные пиджаки, белые лосины, черные жокейские шапочки) или в оливково-коричневых куртках-«ноρφолках», бриджах-«кникербокерах» и тирольских шляпах. Иногда, впрочем, они охотились в своем полковом обмундировании – четкого регламента не существовало. И кажется, парфорсная охота была единственным мероприятием из всей той богатой образовательной программы офицерских школ и академий, которая привлекла внимание прессы и даже оказала влияние на светскую моду, превратив парфорс в развлечение мягкотелых русских аристократов.

Студенты и профессора кафедры частной патологии и терапии Императорской Военно-медицинской академии.

В центре (в парадном полукафтоне) – статский советник, лейб-медик Василий Николаевич Сиротинин. Первый справа в среднем ряду – почетный лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин.

Фотоателье «Д. С. Здобнов», Санкт-Петербург, 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Черно-белые кадеты

Военно-морские учебные заведения подразделялись на два основных вида – дающие высшее образование и соответственно первый офицерский чин и заведения для повышения профессиональной квалификации офицеров. К первым относились престижный Морской кадетский корпус, а также не менее известное Морское инженерное училище, ко вторым – морские академии.

В Морской кадетский корпус поступали дети офицеров из дворянских семейств, тем самым его блистательный контингент был выше многих сухопутных кадетских корпусов. Мальчишки учились шесть лет. Три года – в младших общих классах и еще три – в старших специальных, в которых постигали азы таких сложных дисциплин, как минное дело, электротехника, морская администрация, девиация компасов, навигация... С 1906 года это заведение, переименованное в Морской корпус, стало выпускать корабельных гардемарinov, которые лишь после практического плавания получали первый офицерский чин.

Жизнь в корпусе протекала примерно так: «День начинался побудкой под горн или барабан в 6 часов 30 минут утра, туалет, одевание, молитва, утренний чай с булкой, к которой давалась иногда половина холодной мясной котлеты, затем строевые занятия или гимнастика. В 9 часов утра начинались классные уроки по 50 минут, с переменой между ними по 10 минут. Уроки продолжались до 11 часов 50 минут. В полдень – завтрак: неизменные котлеты с кашей, рисом, пюре или макаронами и чай (кваса не было). Перед завтраком и после него пелась молитва. Затем после полчасового перерыва кадеты снова шли в классы до 3 или 4 часов дня. В субботу после завтрака уроков не было. После классных уроков – строй или гимнастика, а два или три раза в неделю – вольные сокольские движения под музыку. Большое внимание уделялось математике (6 уроков в неделю), и иностранным языкам (7 уроков); английский язык, необходимый для будущих морских офицеров, был

**Николай
Оглоблинский,
гардемарин Морского
кадетского корпуса.**

Фотоателье «Грюнберг»,
Санкт-Петербург.
Начало 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанник
Морского кадетского
корпуса.**

Санкт-Петербург. 1880-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанник
Морского кадетского
корпуса.**

Варшава. 1880-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

мало кому знаком, но благодаря умелому преподаванию воспитанники усвоили его сравнительно быстро»³⁹.

Только что поступившие в корпус кадеты надевали форму в первый день занятий, то есть 1 сентября, но украсить ее заветными отличиями, погонами, лентами и кокардами, они могли лишь после корпусного праздника 6 ноября, пройдя соответствующую первичную строевую подготовку. Стоит ли говорить о том, как мальчишки ждали этого дня и как мечтали они о белых погонах с желтыми шифровками.

Форма воспитанников Морского корпуса имела четыре вида. Домашняя состояла из синей «фланки» с узкими белыми погонами (у гардемарин – без галунов, но с якорями), черных брюк, малых сапог, а также неизменной черной бескозырки с тремя белыми кантами, украшенной черной шелковой лентой с названием учебного заведения. Фельдфебели носили фуражки типа офицерских. Рабочая представляла собой белую полотняную рубашку (у гардемарин – белые погоны без галунов, но с якорями), белые брюки и малые сапоги. Когда было жарко и безлюдно, кадеты и гардемаринки надевали на головы не бескозырки, а полотняные чехлы от них. При строевой форме носили черный суконный двубортный мундир на шесть пуговиц, отложной воротник которого украшали золотые галунные петлицы, а плечи – белые суконные погоны с трафаретными желтыми шифровками для кадет, вензелями корпуса и золотыми галунами для гардемарин. Воспитанников за цвет их погон называли «белыми кадетами» и «белыми гардемаринами».

Кадеты 6-й и 5-й рот носили «чистые» погоны, то есть без галунов. Воспитанники 4-й роты – белые погоны с галунами по обводу. Те, кто состоял в 3-й, 2-й и 1-й ротах, выделялся белыми погонами с галуном и якорями. С мундиром носили черные брюки, бескозырку, малые сапоги, черную шинель с такого же цвета петлицами на воротнике, башлык, а также португеею и палаш. Отпускная форма была ана-

³⁹ Щепинский Б. А. Рота Его Высочества морского наследника цесаревича кадетского корпуса / Военная быль, 1972, № 115. С. 29.

логична строевой. О ней с ностальгией вспоминал белоэмигрант Александр Петрович Лукин: «На мне – новенькая, только что пригнанная в швальне черная шинель, белые погоны, крестом башлык с черной каймой и туго затянутый ремень со сверкающим на бляхе орлом в северном сиянии. Хорошо!.. Хотя и мерзнут кончики пальцев в затянутых перчатках и ленточки фуражки больно секут лицо...»⁴⁰. К отпускной форме полагались ружье и патронная сума.

Несколько отличалось обмундирование фельдфебелей. Бывший гардемарин Георгий Николаевич Четвертухин отмечал: «Очередной зимний отпуск я, как обычно, провел в Москве. Мне было приятно предстать перед родными и знакомыми в новом звании фельдфебеля, в офицерской фуражке, с поперечным широким золотым шевроном на белых гардемаринских погонах и с саблей⁴¹ в лакированных черных ножнах, с бронзовым эфесом и нарядным темляком (вместо скромного палаша). Это звание присваивалось только лучшим гардемаринам старших рот»⁴².

Как и в любом другом учебном заведении, в Морском корпусе тоже существовали свои негласные правила «хорошего тона». Об одном из них упоминает Павел Алоизиевич Светлик: «Ношение собственных мундиров, сколько-нибудь отличавшихся от казенного, у нас считалось очень дурным тоном, “писарским шиком”, и это потому, что и в казенном мы были хорошо одеты для своего положения»⁴³.

С фатами и «фертами», не подчинявшимся этим правилам, воспитанники расправлялись безжалостно. Светлик вспоминал: «Был у нас сын приближенного к Государю лейб-медика. Этот человек был большой фат и любил красиво одеваться, какие-нибудь носочки в стрелочку, какие-нибудь особенные сапожки и т. п.

⁴⁰ Лукин А. П. Колыбель флота – Морской Корпус / Морской журнал, № 35 (11), 1930. С. 232.

⁴¹ Георгий Николаевич Четвертухин, вероятно, ошибается. Фельдфебелям были положены сабли при строевой форме, а при отпускной – револьверы в кобурах.

⁴² Четвертухин Г. Н. Спохохи воспоминаний / Морской сборник, 1989, № 10-12. С. 90.

⁴³ Светлик П. А. Тени прошлого. Воспоминания о службе в Русском Императорском Флоте / Морские записки, Т. XIII, № 1. С. 59.

Впрочем, был у нас и еще один фат с русской фамилией В.. Так вот им Толстой не давал покоя и однажды с одного из них сбросил и сапоги, и носочки, заставив побегать босиком, за что и получил от них прозвище “хам с громкой фамилией”⁴⁴.

В корпусе, как и в других военно-учебных заведениях, существовала традиция театральных костюмированных «похорон» нелюбимых предметов и учебников. Традиционно все без исключения ненавидели «Neutical Almanac» или просто «Альманах», гринвичский астрономический ежегодник, содержащий данные о небесных светилах и их местоположении. С его помощью преподаватели составляли сложнейшие задачи и нещадно ими мучили юношей на выпускном экзамене. «Похороны» книги проходили торжественно с участием всей выпускной роты, облаченной в невероятные костюмы: «Как и полагается во всех морских церемониях, председательствует Нептун, с трезубцем в руке, окруженный своей свитой. Церемонию совершают три жреца в самых фантастических костюмах и с длинными волосами. Кроме того, в церемонии принимают участие: хор плакальщиц, во всем белом; почетный караул, совершенно нагой, с небольшими повязками на бедрах; представители от Гринвича, Пулкова и от “шпаков”, а также две артиллерийские батареи, люди которых должны быть рослыми, с сильными голосами, в костюме Адама, с маленькой повязкой на бедрах. Они впряжены в орудия цугом, въезжают в помещение и выезжают из него карьером»⁴⁵.

От года к году форма участников печальной процессии слегка видоизменялась. Георгий Николаевич Четвертухин, выпускавшийся из корпуса в 1908 году, отмечал: «Нептун восседал на троне из составленных прикроватных тумбочек, покрытых казенными красными одеялами. Гардемарины во время этой церемонии были в белье и сапогах. Выделялись черными галстуками (в знак траура) те, кто получил предельно низкие баллы, они долж-

ны были изображать “бедных родственников”. В почетном карауле у гробика с Альманахом стояли четыре совершенно голых гардемарины, но в сапогах и черных галстуках»⁴⁶.

Когда же воспитанники получали, наконец, долгожданный приказ о производстве в корабельные гардемарины, они дополняли свою корпусную форму небольшим, но весьма ярким штрихом: «Старшие гарды в день своего производства в корабельные носят приказ о производстве под левым погоном и в ответ на отдачу чести снимают остальным гардам и кадетам фуражку»⁴⁷.

Расставались юноши с корпусной формой без особого сожаления, ведь им предстояло надеть «почти офицерское» парадное обмундирование корабельных гардемаринов – синий китель, белый полотнянный с нагрудными карманами, офицерского образца пальто, фуражку с козырьком и кокардой, палаш и кортик⁴⁸. Однако повседневная и рабочая форма была куда менее привлекательной. Владимир Александрович Белли жаловался: «Для ношения на корабле предназначалась самая настоящая матросская форма с выпущенным синим воротником, без погон и с желтыми вышитыми якорями на обоих рукавах фланелевки. Выдавалось также рабочее платье – белое, корпусного образца, которое должно было носиться с выпущенным синим воротником. И при всем этом — офицерская фуражка... Летняя выходная форма состояла из белого кителя, офицерского образца, а корабельная – матросская форменка! Словом, не разберешь, что это были за люди: на берегу что-то вроде офицеров, на кораблях – самые обыкновенные матросы»⁴⁹.

Одним из главных отличий корабельного гардемарины были черные погоны с золотым галуном по свободным краям, а с 1910 года –

⁴⁴ Четвертухин Г. Н. Сполохи воспоминаний / Морской сборник, 1989, № 10-12. С. 94-95.

⁴⁷ Усаров Г. А. Традиция и обычаи Морского корпуса / Военная быль. Источник: <http://lepassemilitaire.ru>.

⁴⁸ Выдача палаша и кортика корабельным гардемарином отменена в 1914 году.

⁴⁹ Белли В. А. В Российском Императорском флоте. СПб., Петербургский институт печати, 2005. С. 103–104.

⁴⁴ Там же. С. 60 – 61.

⁴⁵ Усаров Г. А. Традиция и обычаи Морского корпуса / Военная быль. Источник: <http://lepassemilitaire.ru>.

с широким золотым галуном посередине. Надо сказать, что погоны эти нравились не всем, так как очень напоминали наплечные знаки кондукторов флота. Интересную историю приводит капитан 2-го ранга Николай Валерианович Крузенштерн:

«Возник вопрос о форме. Старая форма корабельных гардемарин была устаревшей, и надо было дать новую, современную. Больше всего нас интересовало, на каком положении мы будем плавать и какие будут погоны <...>. Наконец, из многочисленных проектов Морской Министр остановился на черных погонах с широким золотым галуном и якорем. Всем нам погоны эти не понравились, т. к. мы хотели офицерские. Для представления новой формы и Высочайшего утверждения надо было продемонстрировать ее Государю Императору. Для этой цели ротой были выбраны старшие гардемаринны Сарычев, Лидерс и я, причем мы получили, после оживленного совещания в курилке, строгое поручение просить Государя не утверждать таких погон, а дать офицерские. В назначенный день мы с Директором Корпуса отправились в Царское Село, во дворец. Во дворце в кабинете Его Величества на бильярде было разложено обмундирование новой формы. Государь Император в присутствии Морского Министра и Директора Корпуса внимательно осмотрел форму на каждом из нас, интересуясь малейшими деталями. Помню как сейчас: мне пришлось показать голландку, а потом одеть и продемонстрировать буршлат (то же, что бушлат. – О. Х.). Одевать буршлат помогали оба адмирала, а Государь засовывал и поправлял синий воротник, который был так накрахмален, что все выходил наружу. Остановившись на погонах, Государь высказал как раз наше мнение: “Вот погоны мне не особенно нравятся, что-то они напоминают мне погоны околоточного⁵⁰”. Но адмирал Бирилев ответил, что погоны подходящие, т. к. чин корабельного гардемарина – средний между чином офицера и кондуктора флота, а в дру-

⁵⁰ Имеется в виду околоточный надзиратель полиции.

гих, более подходящих, не найти. Адмирал Римский-Корсаков высказал то же мнение, поддержав министра... Вдруг неожиданно Государь Император обратился к Сарычеву и сказал: “Ну а вам форма нравится?” Не задумываясь ни секунды, тот отрапортовал: “Так точно, Ваше Императорское Величество”. Совершенно то же, неожиданно для нас самих, на вопросы Государя к каждому из нас по очереди, ответили Лидерс и я. Участь была решена – Государь словесно утвердил форму, милостиво попрощался с нами и удалился...»⁵¹

Вторым по значимости учебным заведением было Морское инженерное⁵² училище императора Николая I, находившееся в Кронштадте. Здесь готовили офицеров, технических специалистов флота, по двум направлениям – механическому и кораблестроительному. Морской офицер Владимир Полиевктович Костенко отмечал: «Морское Инженерное училище не было сословным или привилегированным учебным заведением. В него принимались все молодые люди до 19 лет, окончившие среднее учебное заведение, т. е. на равных основаниях с другими высшими техническими институтами и университетами»⁵³.

Учеба длилась четыре года: 4-й класс являлся общим, 3 – 1-й – специальными. Обмундирование воспитанников, в целом схожее с формой кадетов и гардемарин Морского корпуса, имело несколько главных отличий – серебряный прибор и черные суконные погоны. До 1909 года воспитанникам 4-го общего, 3-го и 2-го специальных классов были положены трафаретные вензеля «НІ» под короной. Металлические якоря украшали только погоны воспитанников 1-го класса. Однако с 1909 года ношение якорей на погонах стало привилегией также 2-го и 3-го классов, а в 4-м были оставлены вензеля. С 1914 года якоря были введены для всех классов.

⁵¹ *Крузенштерн Н. В.* Как была утверждена форма Корабельных Гардемарин / Морской журнал, № (10) 34, Прага, 1930. С. 5-6.

⁵² С 1896 по 1898 г. это учебное заведение называлось Морское Техническое училище императора Николая I.

⁵³ *Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. Воспоминания участника русско-японской войны на море в 1904-1905 гг. – Л.: Судпромгиз, 1955. С. 46.

5

«Синяя говядина»,
«Тонняги», студиозы

Костюмы учащихся
мужских средних и высших
учебных заведений

Система среднего образования в Российской империи включала в себя три основных типа учебных заведений: гимназии, реальные и коммерческие училища.

Помимо этого существовали специализированные технические, сельскохозяйственные, промышленные училища, а также городские училища, духовные семинарии и др.

Были и привилегированные учебные заведения, к примеру Александровский лицей и Училище правоведения, дававшие сразу среднее и высшее образование. Из них юнцы выпархивали в министерства, где, служа отлично-благородно, добивались денег, славы, чинов и лент.

Впрочем, большинство молодых людей, окончив гимназии или училища, отправлялись в специализированные гуманитарные вузы, а кто-то шел в императорский университет. Другие выбирали технические, промышленные или сельскохозяйственные институты. Некоторые, мечтая посвятить себя служению Богу, шли в духовные академии. Стремительное развитие промышленности, сельского хозяйства, экономики в конце XIX века значительно расширило и усложнило систему образования, в особенности высшего, предоставив юнцам и их родителям возможность выбирать учебные заведения, отвечавшие их чаяниям и финансовым возможностям.

Гимназисты

В гимназиях (государственных или частных) преподавали гуманитарные предметы, среди которых – древние языки, русский язык и литература, иностранные языки, история, Закон Божий, логика, география, рисование и т. д. Главной целью этих учебных заведений было подготовить воспитанников к поступлению в университеты. Обучались в них девять лет (год в подготовительном классе и 8 лет в гимназии). К началу царствования Николая II существовало 180 гимназий и 59 прогимназий (шестиклассных учебных заведений с программой, аналогичной соответствующим классам гимназий).

Гимназист облачался в униформу, поступив в первый класс. В подготовительных же классах большинства учебных заведений костюм не был регламентирован, и потому мальчики носили все то, что их родители считали уместным. Свой выбор они обычно останавливали на милых матросках или бархатных курточках, бриджах и чулочках. Голову «приготовишки» украшала заветная бескозырка с ленточками. Если мальчонка учился хорошо, папа дарил ему георгиевскую ленточку с именем какого-нибудь геройского крейсера. Они продавались вместе с другой псевдвоенной атрибутикой в детских магазинах.

Повседневную одежду гимназиста составляли гимнастерка или однобортная куртка, брюки, ремень с пряжкой, фуражка. В северо-западных частях России воспитанники носили черные брюки, темно-синие гимнастерки с тремя серебряными пуговичками и черным лакированным ремнем с пряжкой и выбитыми на ней буквами и цифрами, соответствовавшими номеру и местоположению гимназии. Особым шиком считалось носить «немеркнущую» пряжку, серебро которой не темнело от времени. Такие стоили дороже обычных. К примеру, воспитанники Царско-сельской Императорской Николаевской гимназии покупали их в магазине Угрюмова. Каждая была обернута в легкую папиросную бумагу и продавалась вместе с черной коробочкой.

В южных округах были распространены такие же блузы-гимнастерки, но серого цвета, отчего некоторые в шутку сравнивали воспитанников с арестантами.

Летом гимназисты всех округов надевали белые блузы из коломянки, схожие с теми, какие тогда носили кадеты. Их также подпоясывали черными ремнями с пряжками.

На предыдущей полосе:

Воспитанник 11-й Петербургской гимназии

в зимней форме
(темно-синей рубашке
и серой шинели),
однако фуражка уже
зачехлена.

Нач. 1910-х гг.

Фотоателье «Е. И. Герман»,
Санкт-Петербург.

Архив О.А.Хорошиловой

Въ классъ *167* годъ.

Четверти года.	ПРЕКРАЩЕНІЕ.										Число выписокъ въ журналъ, журналы.	ПОВЕДЕНІЕ.	Подпись родителей или заступающихъ ихъ мѣсто.		
	Законъ Божій, Русскій языкъ, Нѣмецкій языкъ, Французск. яз., Латинск. языкъ.	Географія.	Естественныя науки.	Исторія.	Арифметика.	Алгебра.	Геометрія.	Тригонометрія.	Космографія.	Физика.				Философск. Прологъ.	
I.	444	4553									22	ПОВЕДЕНІЕ.			
II.	434	3442									12				
III.	533	3342									22				
IV.	533	3443									22				
I.	444	5453									22				
II.	535	4343									12				
III.	534	4343									22				
IV.	534	4453									22				
I.	434	5553									234-31			5-Е. Пунина	
II.	535	5342									22-1-			5-М. Пунин	
III.	534	4342									2221-21-			5-Е. Пунина	
IV.	534	4354									22-1-2-			5-	
Годов. балла.	534	4353													
На переп. испитаній.	исполн.														
На повѣр. испит. до экзамена.	исполн.														
На доп. испит. испитаній послѣ экзамена.	исполн.														
Окончат. испитан.	исполн.														

Определение Педагогического Совета.

Александрович

Классный Наставникъ *Александрович*

Воспитанники приготовительного класса одной из петербургских гимназий. Мальчики позируют в матросках и бескозырках с георгиевскими ленточками. Начало 1900-х гг. Архив О.А. Хорошиловой

Табель с оценками Льва Пунина, воспитанника 1-го класса Царскосельской Императорской Николаевской гимназии. 1907–1908 гг. Архив О.А. Хорошиловой

Воспитанник Московской 1-й гимназии Юра Букин в повседневной форме. Москва. 1915 г. Архив О.А. Хорошиловой

В униформе гимназистов существовала определенного рода дедовщина. Воспитанники младших классов должны были носить все по уставу (за этим ревностно следили старшеклассники) – блузы аккуратно заправлены за ремень, пряжки вычищены, фуражки с прямой тульей. «Старики», как водится, форсировали. Они не признавали скучных «солдатских» блуз и обожали ладно скроенные, тесные и порой весьма короткие куртки со стоячим воротником. Строгих правил относительно их кроя и деталей не существовало. Каждый придумывал себе куртку сам. Она могла быть черного, темно-синего или темно-серого цветов. Некоторые были снабжены нагрудными карманными клапанами, что еще больше роднило их с офицерскими кителями. Застежка куртки могла быть потайной, спрятанной под планкой, а иногда была наружной. Воротники застегивались на внутренний крючок, а порой и на две серебряные пуговицы. «В наших куртках есть

что-то кирасирское. Мы знаем это», – вспоминал Николай Оцуп, бывший ученик Царско-сельской Императорской Николаевской гимназии. Если карманные клапаны курток кроились фигурным трехмысковым углом, то они превращались в австрийские военные «blosen», мода на которые существовала среди русской молодежи до Первой мировой войны.

С куртками обыкновенно носили гимназический ремень с пряжкой, который иногда помогал воспитанникам избежать плохой отметки. Хитроумный маневр назывался «способ с кушаком».

Николай Оцуп вспоминал: «Это был старинный, но охотно еще применявшийся способ выиграть время, полминуты, почти минуту. При этом надо было только бодро и молодцевато, поправляя складки курточка сзади, заправляя их таким юбочным фестончиком (в две складки), гаркать начало одной фразы. Например, повторять заданный вопрос.

Воспитанники младших классов гимназии в лесу во время сбора грибов.

1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

На предыдущей полосе, внизу справа:

Воспитанник мужской гимназии при римско-католической церкви св. Екатерины.

На его ременной бляхе выбита аббревиатура этого учебного заведения: «СПРКГ».

Фотоателье «А. Оцуп», Санкт-Петербург; 1906 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанник
4-й Тифлисской
гимназии**

в летней холщовой
куртке, шароварах
и фуражке.

Фотоателье «Пушкинская
фотография С. А. Мичника»,
Тифлис. 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Гимназист старшего класса

в неуставном полотнянике, эмитирующем
военно-морской китель. Тулья фуражки зачехлена.

Фотоателье «Г. Перл», Санкт-Петербург. Начало 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Чарнецкий так и сделал. Он первым делом снял кушак и начал заправлять складки куртки. При этом начал говорить таким тоном, что вот, мол, начал повествование и могу говорить еще долго. Имею что сказать. Перешел он к нам откуда-то, из Келец или из Люблина, или Радзивилишек и акцент имел округлый, певучий, не вытравимый акцент “пше-проша”. “Степенью одночлэна...э-э... стэпенью одночлэна...” – при этом он полностью снял кушак, оправился и застегивал его, попадая пряжкой об “хваталку” снова. Потом, разравнивая сзади фестоны,

вдруг закричал тоном выше (это полагалось для градации уверенности), решительно и безоглядно, точно бросаясь в бой: “Стэпенью одночлэна... называэца... если одночлэн... э... э...” Но Муромцев уже пошел дальше¹.

Когда старшекласники влюблялись и теряли разум, они отваживались и на более нахальные проделки. К примеру, бытовала традиция выводить мелом или чернилами на гимнастерках и куртках инициалы возлюбленных

¹ Цит. по: *Горный С.* Всякое бывало. Берлин, 1927 г. Ссылка на сайт: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NGU_AOtsup_Muromtsev2.htm

дам. Однако подобные выходки преподаватели осуждали и порой не допускали воспитанников в класс.

Франты-«старики» носили с куртками невообразимо узкие заказные брюки, напоминавшие кавалерийские рейтузы, а также «тонные» фуражки – небольшие, едва налезавшие на голову, с непременно согнутыми, примятыми краями тульи. Они назывались «мятки» и, скорее всего, были заимствованы у кадет старших классов. Самуил Яковлевич Маршак вспоминал: «Моя шинель была новее, герб и пуговицы блестели ярче, но зато у брата был вид старого, заправского гимназиста. Верх его фуражки был нарочно примят по бокам, как у Марка Наумовича, а у меня он пока что упрямо топорщился. Да и все гимназическое обмундирование еще выглядело на мне, как на вешалке в магазине. С первого же взгляда можно было узнать, что я новичок»².

В начале XX века немногие гимназисты имели традиционную, уставную парадную форму, введенную еще в достославные времена Александра II. Она включала в себя темно-синий однобортный мундир на девять посеребренных пуговиц и стоячим воротником с узким серебряным галуном, такого же цвета брюки и фуражку с белыми выпушками и серебряной арматурой на околыше. Остряки подметили доминирование синего цвета и закрепили за гимназистами прозвище «синяя говядина». Конечно, эта форма, подчеркивавшая высокий статус его носителя, стоила недешево и потому не всем была по карману. Кто-то намеренно отказался от нее, не желая выглядеть старомодным консерватором. Другие не любили мундиры за их антидемократичность и неудобство.

Впрочем, и сами мундиры, как бы повинуясь новому либеральному времени, не во всем соответствовали уставу. «Тонняги» заказывали себе нарочито короткие мундиры, узкие в талии, с огромным стоячим воротником, высота которого превышала установленную раза в три. Такой, к примеру, носил Николай Гумилев, из-

вестный фронт Царскосельской гимназии. Его «фасон» часто становился темой для шуток и даже карикатур. Но как быловко мундир ни подражал моде, в глазах простаков-демократов и записных щеголей он был лишь старинной уставной чудинкой. А тех, кто его упорно и горделиво носил, называли «белоподкладочниками» за дорогую белую подкладку и аристократический снобизм, который она символизировала. Такие консерваторы выглядят диковинными птицами на групповых снимках гимназистов – презрительно поблескивает галун, тонкие пальцы заткнуты за борт, вздернут фарфоровый нос и глаза отвернуты прочь от презренного плебейского, всех уравнивающего объектива.

В середине 1900-х революционные настроения проникли и в стены гимназий. Некоторые воспитанники даже пытались присоединиться к городским забастовкам, поднимая бунты против всего и всех. Однако их быстро и весьма мягко подавляли, а виновников маленьких революций наказывали келейно. Но то, что воспитанники не могли осуществить в жизни, они выражали в costume.

Любопытную историю приводит Валентин Анненский (Кривич): «Другой случай этого порядка произошел в стенах гимназии уже в тот период, когда средняя школа была сильно

Воспитанники Царскосельской Императорской Николаевской гимназии

в зимней повседневной форме – суконных рубахах, ремнях и шароварах. В центре – преподаватель гимназии в форменном сюртуке Министерства народного просвещения с поперечными плечевыми знаками образца 1897 г. Царское Село, середина 1900-х гг. Семейный архив К.И. Финкельштейна

² Маршак С.Я. В начале жизни (страницы воспоминаний). М., Сов. писатель, 1961. 63.

**Воспитанник
гимназии младших
классов с сестрой.**

Отметим подбородочный ремень на фуражке, модный среди гимназистов. Фотоателье «А. Вяткина», Казань, 1895 г.
Архив О.А.Хорошиловой

охвачена волнением (имеется в виду революция 1905 года. – О.Х). Один из учеников явился в гимназию в красной рубашке, демонстративно выставленной внизу и над воротником форменной куртки. Теперь, конечно, м^{ожет} б^{ыть}, трудно поверить, но тогда, да еще в связи с обстоятельствами времени, — это был “криминал”. Ученик всячески “kozyрял” своей рубашкой, надзиратели были бессильны, товарищи ходили за ним толпой и были в полном восторге. Отец (Иннокентий Анненский, директор Царскосельской Императорской Николаевской гимназии. – О.Х) попросил позвать “преступника” к нему. Тот явился, и конечно окруженный товарищами.

**Гимназист
в парадной форме образца 1881 г.**

Санкт-Петербург, 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

— Что это у вас надето? Ведь вы же знаете, что в гимназию надо ходить одетым по форме? — спокойно и с маленьким оттенком брезгливости обратился отец.

— А почему же я не могу надеть красной рубашки? — довольно развязно спросил гимназист.

Свита его восторженно насторожилась. И он сам, и его сопровождавшие были, конечно, убеждены, что директор сейчас же начнет говорить о недопустимости красного цвета как революционного и т. д. в этом роде и что вот тут-то они и поговорят. Но директор повернул дело по-своему. Он знал, что благодаря времени и всей сложившейся в средней школе конъюнктуре из этой рубашки может раз-

**Гимназист
Николай Соловьев с семьей.**

Судя по медалям «За усердие»,
отец Николая – купец.

1912 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Гимназист
старшего класса**

в мундире
с щегольским высоким
воротником
и выпускным жетоном
у верхней пуговицы.

Фотоателье «Е. Семенов»,
Петроград, 1914 г.

Архив О.А.Хорошиловой

растись целая история, которая может взволновать гимназию, а ближайшим образом погубить самого виновника.

— Ах, вы же, взрослый и сознательный юноша, не понимаете, почему ученику гимназии не подобает надевать красную рубашку? — сурово и несколько повысив голос произнес отец. — Так я вам объясню. Дело в том, что красная рубашка являлась всегда форменной одеждой палача: красная — для того, чтобы на ней не были заметны капли крови казнимого! Поняли вы теперь, насколько она на вас неуместна? Отправляйтесь домой и переоденьтесь, — закончил отец, уходя в свой служебный кабинет. — Я убежден, что вы поняли.

Возражений не последовало, ожидавшегося диспута не состоялось, инцидент был погашен в самом зародыше³.

Не многие из «сочувствующих» революции старшекласников отваживались на подобный поступок. Максимум, что они себе позволяли, — это русские рубашки-косоворотки, подпоясанные бечевкой, которые осенью и зимой носили под куртками. Когда воспитанники тайком отправлялись на демонстрации в беспокойном 1905 году, они крепили красные банты к кокардам фуражек

³ *Кривич В.* Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам. В кн.: Литературная мысль. Альманах III. Л.: Мысль, 1925. С. 223.

**Петербургские
гимназисты
выпускного класса**

в накиннутых
шинелях.

Воспитанник справа
исполнен духа свободы.

На нем – неуставная
пестрая косоворотка,
в руке – запрещенная
правилами гимназий
тросточка.

1900-е гг.

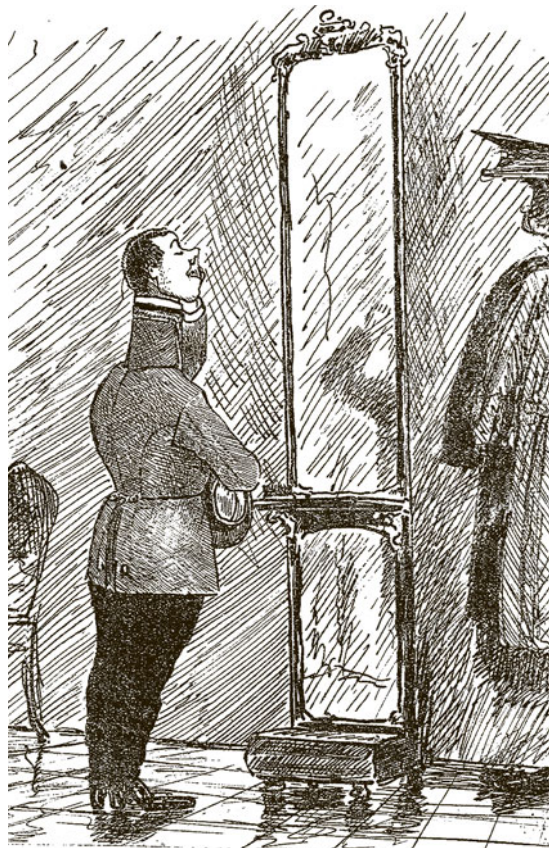
Архив О.А.Хорошиловой

и этим подчеркивали свою сопричастность «народной революции».

Искусство форса распространялось не только на одежду, но и на аксессуары. Под влиянием военного стиля гимназисты старших классов любили украшать фуражки неуставными кожаными лакированными ремешками. Перед самым началом Первой мировой модными стали стеклянные пенсне без оправы, которые носили гимназисты, кадеты, пажи и даже блистательные петербургские гвардейцы, доселе брезгливо относившиеся к любым офтальмологическим придумкам.

Свои правки в костюм гимназистов внесла Великая война. Многие завели себе «офицерские» гимнастерки с двумя нагрудными карманными клапанами. Появились и своеобразные гимнастические костюмы. В период Первой мировой руководство некоторых гимназий сочло необходимым вместо гимнастики ввести уроки военной подготовки. На занятия приходили в почти фронтовой униформе. Лев Успенский оставил ее описание: «У нас был комиссарский вид; на обоих довольно потертые кожаные куртки, на мне – коричневая, на Шонине – черная. На ногах шерстяные обмотки; на головах полувоенные защитные фуражечки: в гимназиях уже третью зиму преподавали вместо гимнастики “военный строй”, и нас одевали такими полуофицерами...»⁴

Гимназисты эпохи Николая II, так же как их предшественники, в зимнее время носили светло-серые двубортные пальто, воротник которых украшали синие клапаны с белой выпушкой, а в холода – еще и черная мерлушка. Старшеклассники редко носили их в рукава, предпочитая накидывать на плечи, а сутубые франты даже пытались драпироваться в пальто, словно в тоги. Воспитанники средних классов не мнили себя цистеронами – они глядели в наполеоны. Такие хоть и носили серые пальто в рукава, но обязательно с правой рукой, заложенной за борт, как это делал сир. За такой «манер» гимназисты часто получали выговоры от преподавателей.

Николай Гумилев перед зеркалом.

Карикатура из рукописного журнала Царскосельской Императорской Николаевской гимназии, 1907 г. На будущем поэте – гимназический мундир с высоким стоячим воротником.

Иллюстрацию предоставил К.И. Финкельштейн

«Краса и гордость гимназии».

Карикатура на щеголя, учащегося в Царскосельской Императорской Николаевской гимназии. Отметим модную зауженную талию и фуражку с плоской тульей.

Фототипия, 1907 г.

Иллюстрацию предоставил К.И. Финкельштейн

⁴ Успенский Л. Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970 г. С. 127.

Воспитанники старших классов Царскосельской Императорской Николаевской гимназии в гимнастических костюмах – тельняшках, ремнях и форменных суконных шароварах.

Царское Село, середина 1900-х гг.
Семейный архив
К.И. Финкельштейна

В стужу надевали черные наушники, схожие с теми, какие использовали военные. И конечно же за плечами воспитанник нес мохнатый ранец, обшитый мехом тюленя. Правда, «старики» его не любили, предпочитая ходить с красивыми кожаными портфелями, украшенными серебряными монограммами.

Приближавшийся выпуск заставлял гимназистов думать не только об экзаменах, но и о достойном внешнем виде. Некоторые, из обеспеченных семейств, заказывали парадный темно-синий мундир, чтобы в нем сняться в известном фотоателее и таким запечатлеть себя в веках. Многие предпочитали покидать стены alma mater в привычных гимнастёрках

Двоюродный дед автора, Николай Пунин, перед окончанием Царскосельской Императорской Николаевской гимназии. Романтический настрой юноши выдают накинутая на плечо шинель и портрет Вагнера у пояса.

Около 1906 г.

Архив О.А. Хорошиловой

и куртках. Но и те, и другие за полгода (а иногда и за год) заказывали в ювелирных мастерских выпускные жетоны. Под орлом с распорстёртыми крыльями или лавровым венком помещался щит, на котором стояли номер выпуска и ниже – номер гимназии. Такие жетоны носили на серебряных цепочках наподобие ордена у шеи либо у верхней пуговицы мундира или куртки. Они же преподносились любимым учителям в знак уважения, и те крепили их к цепочкам карманных часов.

Еще одной выпускной традицией было коллективное срывание и подкидывание фуражечных кокард под свист и громогласное «ура». Петербургские гимназисты иногда выбрасывали их в Неву – на счастье.

Иоганнес Элленберг, воспитанник старшего класса одной из петербургских гимназий. Выпускной жетон прикреплен у воротника мундира наподобие шейного ордена.

Фотоателье «В. Римский-Корсаков», Петроград, 1915 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Воспитанник одной из частных петербургских гимназий

в гражданском пальто и шапке. Рюкзак за его спиной – гимназический ранец, обшитый мехом тюленя.

Санкт-Петербург, 1910-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Воспитанники старшего класса 3-й Московской гимназии.

В центре – преподаватель математики Виктор Петрович Минин. Сидит второй слева – гимназист Борис Королев, в будущем – известный советский скульптор. Обращают внимание неуставные светло-серые куртки воспитанников вместо положенных темно-серых.

Москва. Нач. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Гимназист
в зимней форме
с отцом-чиновником.**

Санкт-Петербург.

1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Реалисты и «коммерсанты»

Конкурентами гимназистов в вопросах тонности и форса были воспитанники реальных и коммерческих училищ, с которыми первые нередко выясняли отношения на улицах российских городов.

Реальные гимназии и прогимназии были учреждены уставом от 19 ноября 1864 года и предназначались для подготовки воспитанников к поступлению в технические и коммерческие ВУЗы⁵. Здесь не изучали греческий и латынь, зато усердно занимались математикой, естественной историей, физикой, химией, космографией, что, впрочем, не мешало реалистам интересоваться музыкой, литературой и писать неплохие стихи. В 1871 году реальные гимназии превратились в училища. А через два года воспитанникам даровали новую форму, весьма напоминавшую гимназическую⁶. Однобортный кафтан темно-зеленого сукна имел девять позолоченных гладких пуговиц, по две маленькие нашивались на обшлагах. Воротник с «гвардейским углом» был украшен золотым галуном. Шаровары, как у гимназистов, были из темно-серого сукна. Пальто носили двубортное «офицерское» темно-зеленого цвета.

Головные уборы тоже были схожи с гимназическими – военные кепи из темно-зеленого сукна с желтыми выпушками и жестяной позолоченной кокардой. Тогда же была принята новая аббревиатура. «Р.У.» означало реальное училище, а буквы и цифры перед ней – место положения и номер заведения. Читать ее следовало так: «С.П.Б.1.Р.У.» – Санкт-Петербургское первое реальное училище, или «У.В.Р.» – училище Виленское реальное.

В 1881 году кепи были заменены фуражками с желтыми выпушками и позолоченной кокардой. В летние месяцы поверх тульи надевали белые чехлы.

В эпоху Николая II реалисты одновременно с гимназистами носили черного цвета косоротки с тремя позолоченными пуговичка-

ми на планке, черные (или темно-серые) суконные или шевиотовые куртки со стоячим воротником и потайной застежкой. Последние могли слегка отличаться по крою. В Петербурге, к примеру, куртки имели один или два прорезных нагрудных кармана. Воспитанники Севастопольского Константиновского реального училища носили куртки с открытой застежкой на шесть позолоченных пуговиц, напоминавшие военно-морские кителя, введенные в 1910 году.

Блузы и куртки подпоясывали лакированным черным кожаным ремнем с позолоченной пряжкой, на которой были выбиты аббревиатура и номер училища. Однако реалисты, в отличие от чуть более аккуратных и послушных гимназистов, позволяли себе дерзкое неповиновение уставу. Николай Лобанов, известный авиаконструктор, вспоминал: «В реальном училище не только не чувствовалась политическая дисциплина, но не чувствовалась и бытовая, школьная, несмотря на “воспитанность” детей состоятельных родителей. Мой свободный и любивый дух опять расцвел. В реальном училище я был авторитетом среди одноклассников не только по возрасту, но и по виду. Я носил сначала пиджак вместо их курточек – мне было уже двадцать лет вместо их пятнадцатилетних <...>. Но с какой радостью я надел опять купленную на свои деньги, не по сезону теплую, подбитую ватой шинель темно-зеленого сукна вместо серой шинели железнодорожного училища (в котором учился Лобанов до перехода в реальное училище. – О.Х.)»⁷.

Реалисты частенько носили «лысые» гладкие пряжки вместо положенных гравированных, а иногда и вовсе игнорировали ремни, даже когда позировали с преподавателями для фотографии. С куртками они носили черные суконные или шевиотовые брюки и черные кожаные ботинки.

Среди реалистов было крайне мало тех, кто имел парадный мундир черного сукна с позолоченными пуговицами и золотым галуном по воротнику. «Белоподкладочничество», бытовавшее среди гимназистов, у реалистов не приветствовалось.

⁵ ПСЗРИ 1864, 19 ноября, № 41472.

⁶ ПСЗРИ 1873, 27 февраля, № 51948.

⁷ Лобанов Н.П. Воспоминания. Рукопись. Архив О.А. Хорошиловой.

**Воспитанник
Вологодского
Александровского
реального
училища**

в мундирах образца
1881 г. с золотым
галуном по воротнику.

Вологда, 1890-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Петр Александров,
учащийся
Севастопольского
Константиновского
реального училища.**

Фотоателье «Я. Б. Хейфица»,
Одесса. 1916 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Учащийся
торговой школы**

в шинели
и фуражке.

Санкт-Петербург,

1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанник
Одесского реального
училища**

в форменной одежде.
Снимок сделан
в память о первом
причастии – рукав
куртки украшен белым
шелковым бантом,
в руке – свеча.

Одесса. 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанник
реального
училища**

**Александр
Рыков,**

в будущем –
известный
советский
театраль-
ный художник.

Фотоателье «П. Жуков»,

Санкт-Петербург. 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

На следующей полосе:

**Воспитанники
старшего класса
одного из реальных
училищ.**

Нельзя не отметить
их аккуратный
и слегка щегольской
внешний вид.

Фотоателье «Франц Опиц»,
Москва. 1890-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

На следующей полосе:

Константин Усов, сын известного петербургского купца-старовера, в повседневной форме учащегося Петровского коммерческого училища. Фотоателье «Везенберг», Санкт-Петербург. Нач. 1910-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

Пальто и фуражка также были черного цвета, но сохранили традиционные желто-оранжевые выпушки. В холодное время пальто дополнялось стеганой серой подкладкой, и носили его непременно с черным суконным горжетом в форме воротничка-стойки, застегивавшегося на крючок.

Это нехитрое обмундирование мальчишки носили с нескрываемым удовольствием. «Вот такие маленькие солдатики и шагали по городу. В детстве нам это нравилось. Не какие-нибудь обыкновенные ребята, а реалисты»⁸, — писал Вячеслав Юферев, бывший воспитанник Вятского реального училища.

⁸ Юферев В. И. Отрывки из воспоминаний / Герценка. Вятские записки. Вып. № 3. 2002. С. 149.

Воспитанник Харьковского коммерческого училища императора Александра III.

Запечатлен в полукафтани гимназического покроя с золотыми пуговицами и петлицами на воротнике и обшлагах.

Фотоателье «Макарт», Харьков. 1899 г. Архив О.А.Хорошиловой

Воспитанник коммерческого училища

в щегольской фуражке с высокой центральной частью тульи и маленьким козырьком. 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Среди реалистов тоже были свои иконы стиля и «тонняги», последовательно нарушавшие все уставные правила. Они франтили в фантастически маленьких фуражках с крохотными козырьками, носили шинель внакидку, короткие курточки с карманными клапанами, прогуливались с запрещенными уставом тростями и даже английскими стеками, ранцы непременно несли под мышкой, носили стеклянные, дребезжащие в солнечных лучах пенсне и презирали очки в оправе. Они частенько дрались с «синей говядиной» (гимназистами), которые, впрочем, не уступали «ржавой селедке» (реалистам) в силе и удали.

В училищах не было четко установленной гимнастической формы. Воспитанники

**Учащийся
коммерческого
училища**
в форменной
фуражке и шинели.
Фотоателье «К. Шапиро»,
Санкт-Петербург. 1909 г.
Архив О.А. Хорошиловой

надевали облегающие тельняшки, серые или белые блузы. Но чаще присутствовали на физических занятиях в своих черных гимнастерках и куртках. Если занимались на открытом воздухе в холод, надевали пальто с мерлушковым воротником.

Гулять в форме по городу в вечернее время было запрещено, но воспитанники находили способы нарушать предписание. Вячеслав Юферев так выходил из положения: «У меня с детских лет сохранилась привычка в 9 часов вечера выходить на полчаса, на час прогуляться по улицам. Этой привычки я придерживался и в Вятке. Но в обычном одеянии — в форме — таких прогулок совершать было, конечно, нельзя. И вот зимой я облачался в большую отцовскую доху, а на голову надевал меховую шапку с ушами. В таком виде я безбоязненно встречался на улице с инспектором. Я был спокоен, что он меня не узнает...»⁹

⁹ Юферев В. И. Отрывки из воспоминаний / Герценка. Вятские записки. Вып. № 3. 2002 г. С. 150.

В иерархии учебных заведений на одной ступени с гимназиями и реальными училищами находились коммерческие училища. В них учились амбициозные юнцы, мечтавшие связать свою судьбу с хитроумной коммерцией, но чаще банально потакавшие куда более амбициозным родителям-коммерсантам.

Весь XIX век училища открывались и функционировали на деньги частных предпринимателей или обществ, растивших себе достойную смену. К концу столетия училищ стало десять. Тогда же правительство, наконец, осознало, сколь большую пользу приносят они финансам и экономике. Было принято решение превратить их в общеобразовательные заведения, подчинив государственным учреждениям. В 1896 году восемь училищ перешли в ведомство Министерства финансов, а два старейших заведения, Санкт-Петербургское и Московское коммерческие училища (открытые в 1772 и 1804 годах соответственно), включили в состав Ведомства учреждений императрицы Марии.

В 1896 году коммерческие училища разделили на четыре типа. Собственно коммерческие училища являлись общеобразовательными семиклассными или специализированными трехклассными учебными заведениями. В первых давали неплохое среднее образование, а также обучали бухгалтерии, коммерческой арифметике, политической экономии, экономической географии, во вторых изучали только эти специальные дисциплины.

Трех- и одноклассные торговые школы, торговые классы и курсы коммерческих знаний оформили более низкую ступень коммерческого образования и готовили низших служащих для торговых и промышленных компаний.

После унификации Министерство финансов озадачилось разработкой единой формы для коммерческих училищ и торговых школ. Она появилась в 1899 году¹⁰ и не была лишена известной элегантности.

В гардеробе воспитанников самым изящным и торжественным был мундир — однобортный, черного сукна, с девятью позоло-

¹⁰ ПСЗРИ. 1899, 8 января, № 16347.

ченными пуговицами. Воротник-стоечка был украшен темно-зеленой выпушкой, такими же суконными петлицами с золоченым знаком (кадуцей и шлем Гермеса) и пуговицей. Борт мундира и обшлага оттеняла темно-зеленая выпушка. Помимо мундира, носили черную классную тужурку «австрийского образца» с темно-зеленой выпушкой по воротнику и обшлагам. Брюки шили из черного сукна. В холодное время года носили суконную двубортную шинель на шесть пуговиц с темно-зелеными петлицами. Черная фуражка имела темно-зеленую выпушку по верху тульи и такого же цвета околыш, в центре которого сверкал позолоченный кадуцей, увенчанный шлемом Гермеса. Если воспитанник получал образование в частном учебном заведении, тогда вместо кадуцея он носил на фуражке крестообразно наложенные одна на другую буквы «КУ».

Дабы «коммерсанты» не задирались, гимназисты и реалисты придумали им кличку – «яичница с луком», к которой иногда добавляли уничижительное «тухлая».

«Гвардейцами» среди «коммерсантов» были воспитанники Санкт-Петербургского и Московского коммерческих училищ, принадлежавших Ведомству учреждений императрицы Марии. Они красовались в специально разработанной для них форме¹¹. По праздникам и в отпуск надевали черный однобортный мундир на девять посеребренных пуговиц с изображением пеликана и воротником с толстыми серебряными петлицами. Такие же петлицы украшали обшлага мундира воспитанников специальных классов. Но главной гордостью учеников были черные наплечники с массивными серебряными вензелями: императрицы Екатерины II – в Санкт-Петербургском и императрицы Марии Федоровны – в Московском коммерческих училищах. Черные суконные пальто украшали наплечники и петлицы с бирюзовыми выпушками. Такая же выпушка огибала тулью и верхний борт околыша фуражки. Во время занятий ученики надевали куртку, похожую по крою на мундир, но без наплечников и петлиц.

Воспитанник старшего класса Петровского коммерческого училища.

На сюртуке у верхней пуговицы – выпускной жетон.

Фотоателье «С. Едмин»,
Санкт-Петербург.
Конец 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Воспитанник Санкт-Петербургского коммерческого училища Ведомства учреждений императрицы Марии.

Фотоателье «А. Lorens»,
Санкт-Петербург.
Конец 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Воспитанник Санкт-Петербургского коммерческого училища Ведомства учреждений императрицы Марии.

Отметим модный высокий воротник мундира.
Фотоателье «К. Булла»,
Санкт-Петербург.
Конец 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

¹¹ ПСЗРИ 1900, 2 мая, № 18535.

Надо сказать, что воспитанники этих заведений куда лучше романтиков-гимназистов разбирались в цене и качестве своей одежды. Они любили мундиры и не стеснялись их. Они заказывали их у хороших закройщиков, и родители не скупилась на качественное сукно. Они обожали высокие «офицерские» воротники, узкие талии и до блеска начищенные пуговицы и вензеля – символ своего щеголеватого превосходства. За это их нещадно били – и реалисты, и гимназисты.

Ученики торговых школ были настоящими скромнягами. Они носили одежду «по средствам» – то есть то, что могли себе позволить. В основном предпочитали косоворотки и двубортные черные тужурки, похожие на бушлаты. Принадлежность мальчишек к торговым школам выдавали лишь фуражки – такие же, как у счастливых «коммерсантов».

* * *

Прочие средние и низшие учебные заведения Российской империи не всегда могли похвастаться качественным образованием и тем более красивой формой. Если гимназии, реальные и коммерческие училища составляли некую «гвардию» средней образовательной системы, то «армией» являлись технические, промышленные, городские, духовные и прочие училища. Форма их воспитанников была гораздо более демократичной и функциональной, то есть как раз такой, в которой удобно работать и не всегда удобно являться на бал. Основные ее составляющие – куртка, брюки, тужурка, рабочая блуза, фуражка и пальто.

Воспитанники технических училищ и школ, будущие квалифицированные помощники инженеров и прочих технических специалистов, носили белые рубашки (или косоворотки) с двубортными тужурками на двенадцать гладких позолоченных пуговиц. Их округлый отложной воротник был украшен черными петлицами, технической арматурой и синей выпушкой. Во время классных чертежных занятий надевали черную суконную куртку со стоячим воротником, аналогичную тем,

которые носили реалисты. Когда «техники» занимались в мастерских, они надевали синие рабочие блузы и подпоясывались черными кожаными ремнями. Не изысканно, зато удобно.

На околыше черной фуражки с синими кантами помещался позолоченный технический знак, составленный из циркуля, разводного ключа, молотка и треугольника.

Воспитанники низших технических училищ, готовившиеся стать мастерами и рабочими, походили на серых городских воробьев. Они носили асфальтового цвета форму, лишенную каких бы то ни было украшений – петлиц, кантов и прочих элементов. Единственным ярким пятнышком в этом заурядном одноцветье была «техническая» арматура на околыше фуражки.

Ученикам железнодорожных школ полагались «военного образца полусолдатская шинель, окантованная синей выпушкой фуражка и куртка»¹².

Форма воспитанников средних сельскохозяйственных учебных заведений в целом повторяла «техническую». Главным отличием были светло-зеленые выпушки, а также золоченый знак на фуражке: в земледельческих училищах – грабли с косой, в училищах виноделия – лопата с виноградной лозой и аббревиатурой.

В городских училищах все было серо от обилия курток цвета пасмурного неба¹³. Их носили с кожаными ремнями и гладкой пряжкой из желтой меди. Фуражки шили из темно-синего сукна, а на околыше крепили медный знак с аббревиатурой «ГУ».

В систему начального и среднего образования входили духовные семинарии и училища. Несмотря на специфику этих заведений, вид и облик воспитанников был вполне мирским и не лишенным франтовства, а одежда в целом соответствовала ученической униформе того времени. Носили рубашки или блузы-косоворотки с черными двубортными суконными тужурками. Последние имели отложной воротник, обведенный светло-синим кантом,

¹² Лобанов Н.Р. Воспоминания. Рукопись. Архив О.А. Хорошиловой.

¹³ ПСЗРИ 1892 год, 29 февраля, № 8380.

Воспитанники среднего технического училища с преподавателями перед выпуском. В руках некоторых заметны дипломы об окончании учебного заведения. Конец 1900-х гг. Архив О.А. Хорошиловой

Преподаватели и учащиеся Вятского среднего сельскохозяйственно-технического училища в рабочей форме. Нач. 1901 г. Архив О.А. Хорошиловой

Виктор Иванович Рыков
среди учащихся
Вятского среднего
сельскохозяйственно-
технического
училища,
одетых в
повседневную форму.
Нач. 1901 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Коля Мазин
в форме
воспитанника
городского училища.**

Фотоателье

«В. М. Струтынский»,

Хотин. 1908 г.

Архив О.А.Хорошиловой

такого же цвета петлицы с гладкой посеребренной пуговицей на каждой. Брюки были черного сукна. Черные фуражки, скроенные наподобие университетских, имели синий околыш и семинарскую арматуру – два перекрещенных тройных подсвечника. Кроме того, воспитанники носили черное двубортное пальто с синими петлицами и серебряными пуговицами.

В семинарии обычно поступали те, кто окончил духовное училище, дававшее неплохое начальное образование с уклоном в религию. Воспитанники этих заведений практически ничем не отличались от реалистов. Носили такие же черные куртки «австрийского образца», черные брюки и фуражки с синими кантами по околышу и эмблемой: первая буква города и буквы «Д. У.» в лавровых ветвях. На воротниках черных пальто нашивались черные клапаны, обведенные синей выпушкой.

В эпоху мундиромана Николая II своя униформа была практически у каждого учебного заведения. Ею гордились и хвастались, за нее дрались, с ее помощью демонстрировали общественное положение и политические взгляды, ее высмеивали и трансформировали до карикатурности... Но она нравилась исключительно всем – выпендренным аристократам, обедневшим дворянам, амбициозным купчикам, истовым революционерам-разночинцам. Каждый умел носить эту обезличивающую униформу так, чтобы с ее помощью громко заявлять о себе, подчеркивать индивидуальность, интересы, положение.

Привилегированные учебные заведения

К привилегированным заведениям, дававшим одновременно среднее и высшее образование, относились лицеи и Императорское училище правоведения.

Императорский Александровский лицей (до 1843 года – Царскосельский) был alma mater государственных деятелей, военачальников, а также блистательных юристов и многих известных деятелей культуры – Александра Пушкина, Вильгельма Кюхельбекера, Ивана Пущина, Михаила Салтыкова-Щедрина, Якова Грота, светлейшего князя Александра Горчакова, Модеста Корфа, Дмитрия Толстого, Ивана Шипова..

В лицее, закрытом заведении, учились целых девять лет. В первые шесть воспитанники проходили полный гимназический курс, изучали древние языки, историю, литературу, музыку, Закон Божий. Три последних года (третий, второй и первые классы) были посвящены юридическим наукам, программа в целом соответствовала университетской. Алексей Литвинов вспоминал: «Лицей был создан “для важнейших частей службы государственной”. Гражданскому праву посвящалось в его программе меньше места, но зато государственно-му и международному – гораздо больше. Независимо от чисто юридических наук, в старших классах, как, впрочем, и в младших, усиленно изучались история, литература и языки, чего, конечно, не было в университете»¹⁴.

Привилегированность и консерватизм лицея отразились и на костюме воспитанников, который не менялся на протяжении целого века. Царскосельские лицеисты, современники Пушкина, носили темно-синие однобортные мундиры с малиновыми обшлагами и воротником, украшенным двумя петлицами с каждой стороны (серебряными – для младших классов, золотыми – для старших). Голову воспитанника украшала треуголка. Повседневным платьем служил однобортный сюртук на девять золоченых пуговиц, с которым носили фуражку.

¹⁴ Литвинов А. А. Воспоминания кирасира Ее Величества / История Петербурга, № 1 (17), 2004. С. 36.

Основные элементы формы лицеистов, включая петлицы на воротнике и треуголку, существовали и в царствование последнего русского императора. Воспитанники Александровского лицея очень любили свою старинную, элегантно-военную и неудобную форму.

Особенно гордились изящным однобортным мундиром темно-зеленого цвета, украшенным позолоченными гербовыми пуговицами, воротником с «гвардейским углом» и традиционными петлицами (серебряными – в младших классах, золотыми – в трех старших). Красные обшлаги и карманные клапаны мундиров старших воспитанников также были украшены позолоченными пуговицами.

Конечно, в лицее чтит традиции, но они отнюдь не мешали юнцам франтить и нарушать жесткие правила мундирной архитектуры. Старшие лицеисты недолго любили темно-зеленый цвет и заказывали у портных мундиры более светлых тонов. Потому на старых фотографиях нередко можно встретить воспитанников в одинаковой форме различных оттенков. По желанию юного заказчика мастера кроили мундиры немного тесными, коротковатыми, с непременно узкой талией, столь популярной среди военных в начале XX века. Грудь лицеиста должна была быть по-военному «колесом», потому закройщики за особую плату прокладывали изнанку передних полочек нетолстым слоем ваты. Эффектным и тонким лицейский мундир становился лишь при соблюдении всех негласных правил: воротник высокий или сверхвысокий, петлицы с тусклым блеском, пуговицы, наоборот, старательно вычищены, грудь колесом, талия и подол мундира заужены.

С мундиром носили белые замшевые перчатки, темно-зеленые брюки со штрипками и короткие кожаные полусапожки, за безупречной чистотой которых лицеисты ревностно следили. Гордостью каждого была черная фетровая треуголка, украшенная с правой стороны галуном и розеткой. В последнем классе, кроме того, полагалась короткая шпага, которую носили на левом боку в прорези мундира.

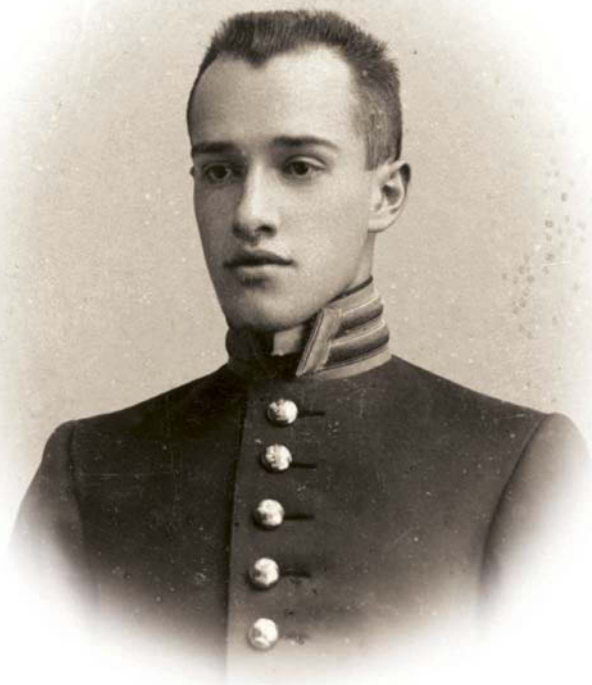

Когда молодые щеголи в безукоризненных тонных мундирах выходили на улицы неприветливого холодного Петербурга, они небрежно накидывали роскошные с пелериной «николаевские» шинели цвета хмурого столбчатого неба, непременно подбитые искрящимся мехом бобра. Такие заказывали на собственные средства у лучших портных. Более скромные молодые люди обходились обыкновенными уставными двубортными пальто черного цвета с нашитыми на воротниках красными клапанами с пуговицей.

Повседневная одежда лицеистов также была весьма элегантной. Носили короткие (до талии) черные однобортные курточки с девятью гербовыми пуговицами. Если их шили на заказ, то, соблюдая моду, кроили более тесными и порой с эдаким шнипом спереди для лучшей стройности фигуры. Воротники и обшлаги куртки были красными. С ней носили черные брюки с двумя боковыми карманами и со штрипками, короткие полусапожки или ботинки, а также черную фуражку с красным околышем и красной выпушкой по тулье.

Воспитанник младших классов Императорского Александровского лицея.

Молодой человек явно следит за модой – волосы расчесаны на английский пробор. Фотоателье «Е. Семенов», Петроград, 1914–1915 гг. Архив О.А.Хорошиловой

**Александр
Горяинов,
воспитанник
старшего класса
Императорского
училища
правоведения.**

Нач. 1910-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой.

Эта элегантная форма, а также головные уборы и шпаги хранились в шкафной под неусыпным взором «дядек»-служителей.

Лицейсты откровенно брезговали уставными «солдатскими» короткими стрижками, предпочитая носить аккуратные прически с педантичными и чрезвычайно модными в начале века английскими проборами. В выпускных классах носили усики, курили (хотя это было строжайше запрещено) и щеголяли в пенсне без оправы.

Это учебное заведение славилось своей спортивностью. Обозреватель журнала «Столица и усадьба» восторженно писал: «Ни одно наше высшее учебное заведение не может соперничать с Александровским лицеем в деле спорта; нет такого вида спорта, преданных сторонников которого не было бы среди воспитанников его. Особенной популярностью пользуется в лицее футбол. Начиная с младших классов, которые почти все поголовно играют в футбол, нет ни одного воспитанника, который бы безучастно относился к этой игре. Не меньшей популярностью пользуется лаун-теннис.

Три хороших вполне оборудованных площадки весной и осенью представляют самое оживленное место лицейского сада. Кроме обязательных уроков для младшего курса, два раза в неделю, по вечерам, происходят занятия гимнастикой для желающих воспитанников всех классов, под руководством инструктора Офицерской Гимнастическо-Фехтовальной школы капитана Ясковского, кроме того обучающего воспитанников лицея рубке и фехтованию»¹⁵.

Лицейсты занимались фехтованием в белых рубашках, черных брюках и защите. Гимнастические упражнения выполняли в рубашках или майках, заправленных в брюки. Специальной футбольной формы не было, потому на игру надевали белые рубашки, черные повседневные куртки и брюки, а также фуражки.

В Российской империи существовали другие лицеи, чья форма по своему изяществу составляла конкуренцию столичной, хотя и не являлась столь консервативной и роскошной. Костюм воспитанников лицея Цесаревича Николая (Катковского лицея) сочетал элементы лицейской и университетской форм. Мундиры были черными, однобортными на девять позолоченных пуговиц. Две золотые петлицы тускло поблескивали на красном скошенном воротнике и такие же, но меньшие размером, украшали обшлага. Катковских лицейстов от прочих можно было с легкостью отличить по белой выпушке, очерчивавшей обшлага и верхний край воротника. Повседневной одеждой служила темно-серая однобортная куртка, застегивавшаяся на крючки. Ее отложной воротник украшали красные петлицы с белыми выпушками.

Ученики Демидовского юридического лицея практически не отличались от своих университетских собратьев, так как носили двубортные сюртуки с синими стоячими воротниками, тужурки и шинели.

Когда же настало время прощаться с alma mater, лицейсты не без удовольствия скидывали мундиры, чтобы облачиться во фрак или пощеголять напоследок в фор-

¹⁵ Спорт в Императорском Александровском лицее / Столица и усадьба. 1914, № 6. С. 13

ме военного училища. «Наступил, наконец, и день акта последнего экзамена, состоявшегося 19 мая, – писал Алексей Литвинов. – Это давало нам старшинство по государственной службе с 19 мая. Акт состоялся около 25 мая. Мы все были во фраках, за исключением двоих, поступивших сразу же на военную службу – Деконского и Деларова – и бывших уже в форме вольноопределяющихся»¹⁶.

Перед выпуском лицеисты заказывали себе официально установленные нагрудные знаки об окончании заведения, которые часто можно было увидеть на элегантных сюртуках кавалергардов, ослепительных мундирах сановников, на черных фраках чиновников.

В вопросе привилегий Императорское училище правоведения ничуть не уступало Александровскому лицей. Это закрытое учебное заведение славилось прекрасным преподавательским составом и громкими дворянскими фамилиями своих воспитанников – Васильчиков, Розен, Щегловитов, Половцев, Толь, Бюнинг, Победоносцев... Училище дало Российской империи не только блистательных юристов, красноречивых адвокатов, но и композиторов, художников, писателей. Его окончили Петр Ильич Чайковский, Алексей Николаевич Апухтин, Иван Сергеевич Аксаков, Владимир Васильевич Стасов, Александр Николаевич Серов.

Программа заведения, так же как и лицейская, объединяла гимназические и университетские курсы. В младших классах изучали предметы общеобразовательного характера, в старших – основы юридических наук. Главной целью заведения по задумке принца Петра Ольденбургского было «образование благородного юношества на службу по судебной части». Впрочем, многие по окончании училища шли в министерства, становились государственными деятелями, сановниками, политиками.

«Перворазрядными» в училище были не только программа, профессора и происхождение воспитанников, но и форма, весьма

Александр Алексеевич Горяинов, корнет лейб-гвардии Кавалергардского полка,

в который вступил по окончании Императорского училища правоведения. Убит в бою 6 августа 1914 г. под Каушеном. Открытка. 1913–1914 гг. Архив О.А.Хорошиловой

напоминавшая лицейскую. Те же однобортные темно-зеленые мундиры и брюки, николаевские шинели и черные пальто, ловкие курточки и фуражки. Главным отличием был зеленый цвет воротника, обшлагов, выпушки и околыша тульи фуражки, а также клапанов на воротнике пальто. Кроме того, воротник мундира украшала одна широкая петлица на каждой его стороне. Существовала и еще одна особенность – воспитанников делили на ранги. На мундирных обшлагах нашивались обыкновенно по три позолоченные пуговицы. Но старшие и так называемые подстаршие помимо этого носили три и одну петлицу на обшлаге соответственно¹⁷.

Не меньше, чем лицеисты, правоведа гордились треугольной шляпой. Правда, носить ее было делом не легким, требовалась определенная сноровка.

¹⁶ Литвинов А.А. Воспоминания кирасира Ее Величества / История Петербурга, № 1 (17), 2004. С. 40.

¹⁷ Петлицы на обшлагах введены в 1855 г. См.: ПСЗРИ, 1855 год, 7 августа, № 29569.

**Воспитанники
Гатчинского
Николаевского
сиротского
института**
у крыльца учебного
заведения.
Гатчина. Нач. 1910-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Иван Тютчев вспоминал: «Выйдя из училища, я около директорского подъезда столкнулся с воспитателем Алексеем Симоновичем Андреевым. Желая оказать ему почтение, я снял совсем треуголку и тотчас же вместо ответа на мой поклон услышал: “Государь мой, да где же это видано, чтобы снимали треуголки на улице? Следует не снимать, а приложить к кокарде руку”. Чтобы доказать, что наставление не пропало даром, я надел треуголку, да, второпях, кокардой на левую сторону, и приложил к ней руку. Опять последовало новое замечание, и уже на этот раз Алексей Симонович помучил меня, заставив раз десять отдать честь»¹⁸.

¹⁸ Тютчев И.А. В Училище правоведения в 1847-1852 гг. Воспоминания по поводу 50-летнего юбилея Училища / Русская старина. 1885, Т. 48, № 11.

Несмотря на то, что эти воспоминания относятся к концу 1840-х – началу 1850-х годов, они не утратили своей актуальности в начале XX века, так как правила и этикет, принятые в училище, практически не изменились с тех времен.

Правоведы, как и лицеисты, любили нарушать устав и следовали моде. Они носили узкие и короткие мундиры с «грудью колесом», сравнительно узкие брюки на манер кавалерийских рейтуз, бравировали «выправкой». Над теми, кто имел мужество не соответствовать этим правилам, зло шутили и посмеивались. Предметом насмешек был, между прочим, и Александр Алехин, будущий знаменитый шахматист. Георгий Римский-Корсаков вспоминал: «Тогда же я услышал, как потешались правоведы над необыкновенной “профессорской” рассеянностью Алехина, над его “штгатской” душой, над отсутствием у него мундирной выправки и особенно над его неумением пить вино, что, по неписаному кодексу чести некоторых правоведов, считалось крайне предосудительным. Впрочем, позднее он, кажется, этому научился»¹⁹.

Среди многочисленных негласных правил было одно, которое никто и никогда не игнорировал. Во время перехода из четвертого класса в пятый (то есть в первый старший класс) воспитанники отмечали праздник «перелома» и заказывали у ювелиров особые «переломные» жетоны. Их аверс менялся из года в год. Единственной общей деталью оставался «столб Закона» (эмблема судебного ведомства). А реверс практически у всех выпусков был аналогичным – поле, разделенное на две части: серебряную и золотую. Выбор металлов неслучаен. Переходя в пятый класс, правоведы получали на воротники золотые петлицы (взамен серебряных) и весьма ими гордились.

Учеба подходила к концу. После выпускных экзаменов и традиционного похода в баню дипломированные правоведы устраивали прощальный вечер, на который являлись кто во фраках, а кто в мундирах. Проходили

¹⁹ Римский-Корсаков Г.А. Мой сосед по парте. <http://www.chesspro.ru>.

Оркестр воспитанников Гатчинского Николаевского сиротского института под управлением композитора Юрия Антоновича Лакса.

Гатчина. Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Урок строевой подготовки старшего класса Гатчинского Николаевского сиротского института.

Этот предмет здесь всегда преподавали очень хорошо.

Гатчина. Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

они в самых дорогих фешенебельных ресторанах Петербурга – «Деноне», «Кюба», «Медведе». О десяти годах, проведенных в стенах училища, напоминал золотой нагрудный знак в форме столба Закона.

К привилегированным учебным заведениям можно отнести и Николаевский Гатчинский сиротский институт, в котором учились дети обер-офицеров и гражданских чиновников до IX класса включительно. Первые четыре класса повторяли курс гимназий Министерства народного просвещения, старшие три имели программу старших классов военных гимназий. Форма воспитанников вполне соответствовала слегка военизированному духу института. Мальчишки носили темно-серые блузы с бирюзовой выпушкой на планке, с поперечными наплечными знаками и вензелями Николая I, серо-синие шаровары, шинели и фуражки. При парадной форме полагался одноротный казакин.

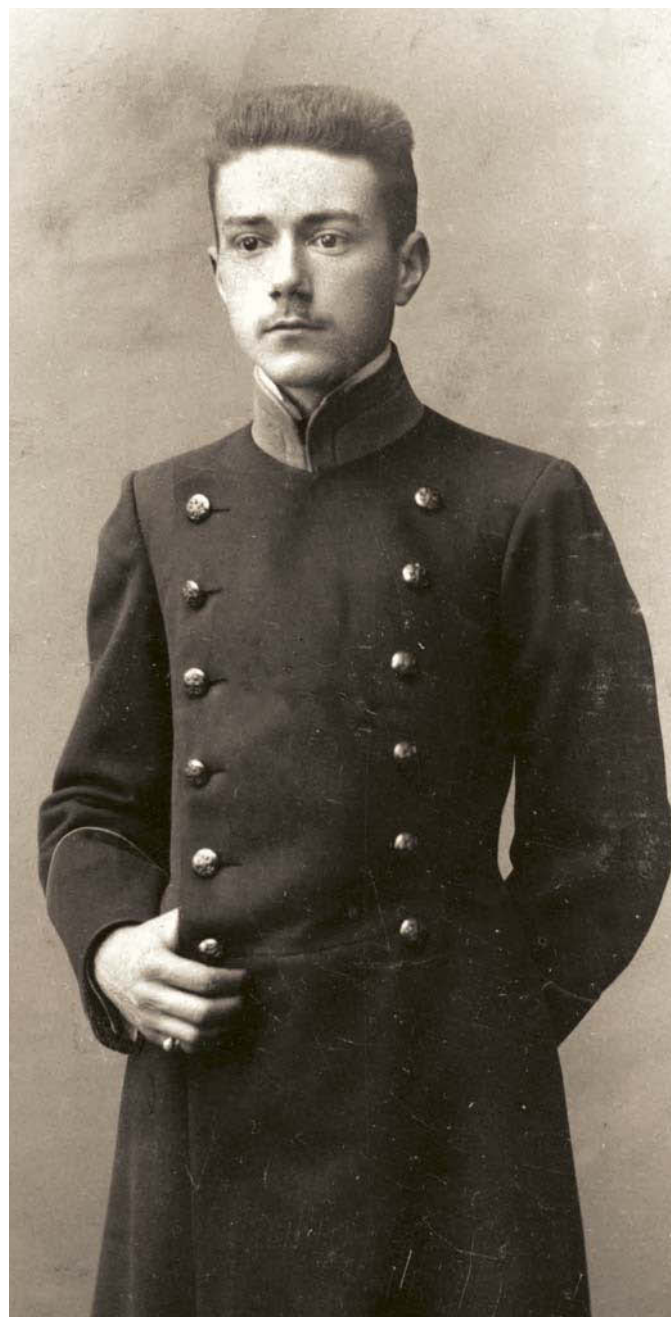

Форма воспитанников высших учебных заведений

В правление последнего российского императора высшее образование развивалось столь же стремительно, как и среднее. Открывались новые учебные заведения и факультеты. К началу XX века в России было около 40 000 студентов²⁰. Однако не только университетское образование считалось приоритетным. Император Николай II хотел во что бы то ни стало преодолеть техническую отсталость России, превратить ее в конкурентоспособную высокоразвитую страну с прекрасным научным потенциалом. Широко известно его высказывание от 1912 года: «Я считаю, что Россия нуждается в открытии высших специальных заведений, а еще больше в средних технических и сельскохозяйственных школах». Император поощрял развитие естественнонаучных, медицинских и прочих учебных заведений, стал даже покровителем и шефом некоторых из них.

В конце XIX века, когда начали совершенствоваться технологии и промышленность, в том числе тяжелая, появилась потребность в высококвалифицированных специалистах. Спрос рождал предложение. Молодые люди теперь смело поступали в технические, промышленные и сельскохозяйственные заведения, чтобы по их окончании устроиться на крупные предприятия и в государственные учреждения. Одновременно с промышленностью развивались экономика, торговля и предпринимательство, стали востребованы коммерческие и юридические специальности. За какие-то восемь-десять лет в университетах в два-три раза возросло количество обучающихся на юридических и физико-математических факультетах, а также в коммерческих институтах²¹.

В те годы в отечественной системе гражданского образования существовало несколько основных видов высших учебных заведений: университеты, технические институты, медицинские и ветеринарные институты, духовные академии, педагогические институты, юридические учебные заведения, сельскохозяйственные и лесные академии, коммерческие институты, театральные и художественные вузы.

**Студент
Императорского
Санкт-
Петербургского
университета
в форменном сюртуке.**
Фотоателье «Ю. Штейнберг».
1905 г.
Архив О.А.Хорошиловой

²⁰ Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. С. 39.

²¹ Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. С. 42 – 43.

Костюм универсантов

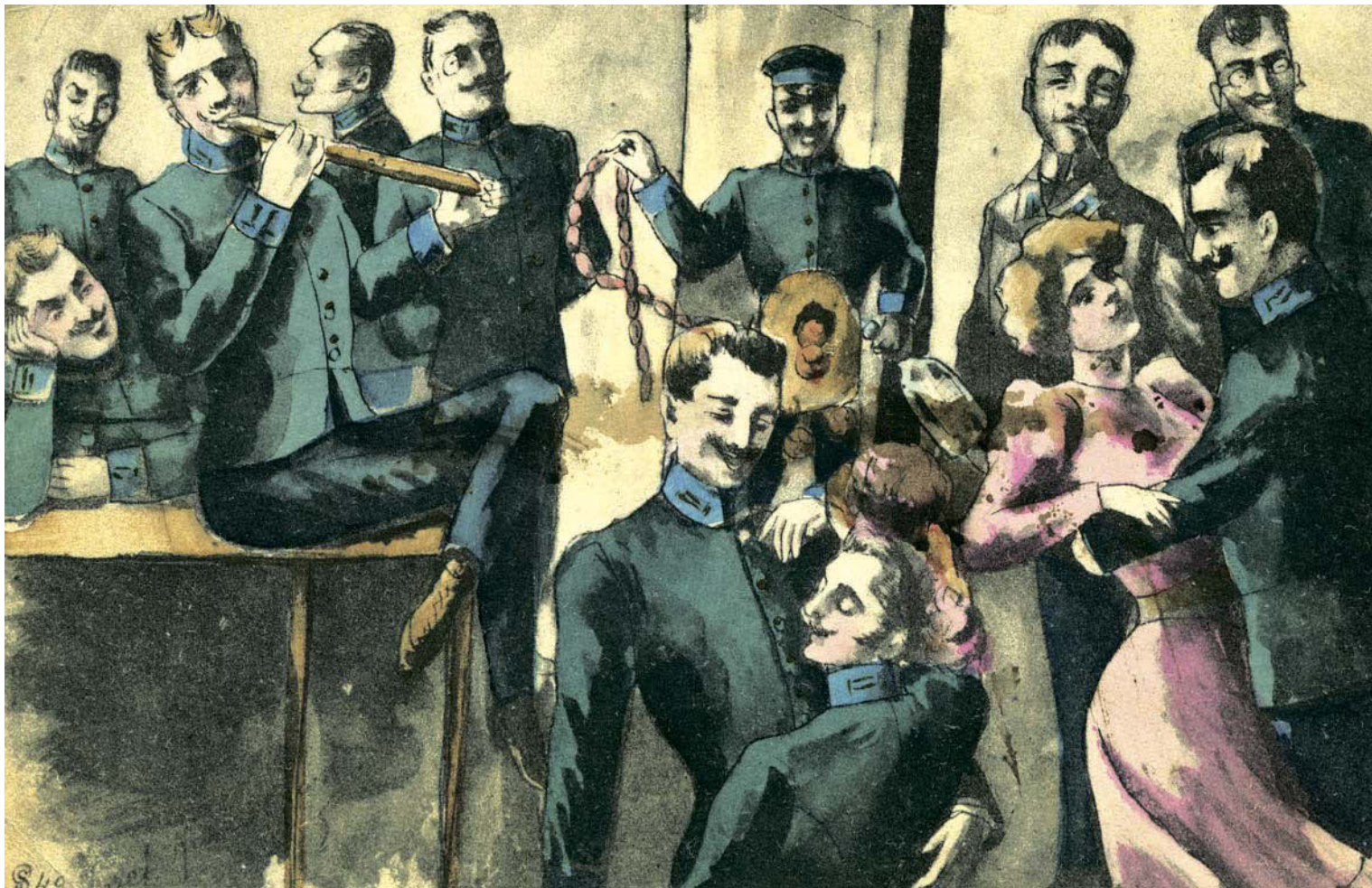
Столичные университеты традиционно славились своими профессорами, прекрасным образованием и вольнодумством. Случались волнения, даже столкновения студентов с властями за академические свободы и самоуправление. Были осторожные попытки реформировать университетское образование на бо-

лее либеральных основах. Но в общем никаких существенных изменений в методической и педагогической системах, а также в жизни этих заведений не происходило. И это сказало- лось на уставной студенческой форме, кото- рая со времени Александра III года практиче- ски не изменилась.

В 1885 году по распоряжению министра народного просвещения графа Ивана Давы- довича Делянова учащимся университетов

Студенты императорского университета (слева и справа) в семейном кругу. Нач. 1890-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

Пирушка студентов Императорского Варшавского университета. Молодые люди изображены в мундирах с золотыми петлицами на воротнике и обшлагах. Карикатура. 1900-е гг. Архив О.А.Хорошиловой

даровали новую форму²². Она должна была оказать дисциплинирующее воздействие на разболтавшихся, осмелевших студентов, попавших под влияние революционных и упадочных философских идей. Считалось, что тесный мундир, жесткий воротник и острый блеск форменных пуговиц образуют юных бунтарей-романтиков.

Однорортный мундир шили из сукна чиновничьего темно-зеленого цвета. На каждой из девяти позолоченных пуговиц красовался двуглавый орел. Синий суконный воротник кроился с «гвардейским углом» и был украшен двумя золотыми галунными петлицами. Они же присутствовали на синих обшлагах рукавов. Вместе с мундиром носили белые замшевые перчатки и темно-зеленую суконную фуражку с синим околышем и синей выпушкой

по верху тульи. Впрочем, на фотографиях эпохи Николая II иногда встречаются франты, позирующие в треугольных шляпах с галунными петлицами.

Чтобы студенты еще больше походили на послушных чиновников, в 1885 году им вернули изящные шпаги без темляков. Их носили на левой стороне мундира в специальном разрезе.

Мундиры положено было надевать по торжественным случаям, а также на балы. Но, как и все помпезно-консервативное, этот вид одежды среди учащихся популярностью не пользовался. В каждом университете существовала лишь небольшая группа юнцов из богатых семейств, которых презрительно называли «белоподкладочниками» за их мундиры и белую шелковую подкладку – «признак пустоголовья и презираемой монархической идеи»²³.

²² С 1861 по 1885 г. студенты форму не носили.

²³ Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 125.

Сергей Горный не без иронии отмечал: «На балы наши <...> “белоподкладочники” (положим, отдельные, редчайшие единицы, над которыми все посмеивались) приходили в парадном мундире с золотым шитьем и шпагой. Кстати, было пять-шесть студентов на весь институт, которые были подчеркнута изысканно одеты»²⁴.

Эти молодые люди обыкновенно пользовались расположением преподавателей и особенно университетской администрации, ценившей их за преданность и подобострастие. «Я иду по университетскому коридору. Здесь шум, суета, оживление, – вспоминал Михаил Зощенко. – По коридору медленно выступает попечитель учебного округа – Прутенко. Вокруг попечителя живая изгородь из студентов – это студенты академической корпорации, “белоподкладочники”. Взявшись за руки, они оцепили попечителя и охраняют его от возможных эксцессов. Командует и больше всех суетится какой-то длинновязый прыщеватый студент в мундире, со шпагой на боку»²⁵.

Об этом своеобразном закрытом клубе избранных вспоминали Дмитрий Засосов и Владимир Пызин: «Эти молодые люди, как правило, из зажиточных семей, держались обособленно, называли себя “академистами”, желая подчеркнуть, что они пришли в университет учиться, а не заниматься политикой. На самом деле это была реакционная группировка, которая твердо проводила свою политику»²⁶.

«Белоподкладочники» старались выбрать лучшего портного, специалиста модных деталей и «тонностей». «Конечно, не было никаких опасений, что я не буду принят в Университет (кончил я гимназию с золотой медалью), – вспоминал князь Сергей Трубецкой, – но все же мне доставило удовольствие получить через некоторое время после подачи прошения преискуранты от нескольких “форменных портных”, предлагавших мне заказать у них студенческую форму. Официальный ответ о приеме в Университет –

все это знали – приходил всегда очень поздно, но портные посылали свои предложения немедленно по установлении списков принятых, которые они себе раздобывали неофициальным путем, через канцелярских служащих. Так было и со мною, и предложения портных, помнится, на целый месяц опередили официальное уведомление Университета о зачислении меня на историко-филологический факультет»²⁷.

Несмотря на строгие правила устава, регламентировавшие цвет, крой, длину одежды, студенческие сюртуки имели индивидуальные отличия. Щеголи неизменно следили за модой и безжалостно перекраивали свой костюм ей в угоду. В начале века талии сделались тоньше (некоторые студенты в подражание гвардейским офицерам мужественно затягивались в корсеты), воротники сюртуков – «по-военному» выше, пуговицы заметно расходились от талии к плечам, как на гвардейских мундирах. Шик влиял даже на цвет. Синий воротник казался слишком скучным. И молодые франты смело меняли его тон на

Карикатура на франтов императорского университета.

Слева изображен студент в парадной форме. Чуть правее – студент в сюртуке с модной «плоской» фуражкой.

1914 г.

Архив О.А.Хорошиловой

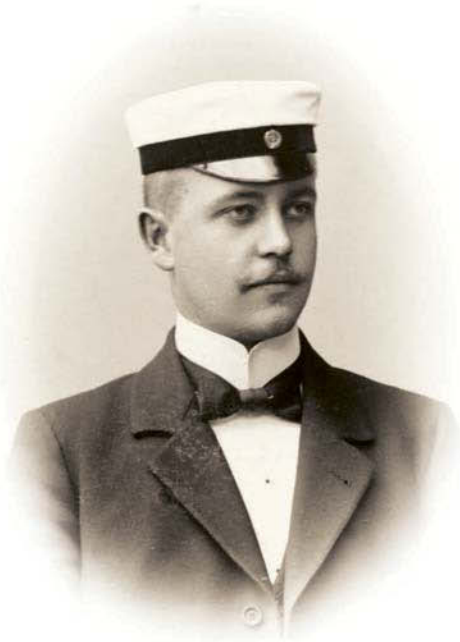
²⁴ Горный С. (И. Оцуп). *Gaudeamus Igitur* (рукопись). Бахметьевский архив (Колумбийский университет, США). Выдержки из новеллы предоставил К. И. Финкельштейн.

²⁵ Зощенко М.М. *Перед восходом солнца*. М.: Вагриус, 2004. С. 46.

²⁶ Засосов Д.А. Пызин В.И. *Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов*. Л.: Лениздат, 1991. С. 159–160.

²⁷ Трубецкой С. Е., князь. *Минувшее*. В кн.: Князь Трубецкие. Россия воспринет. М.: Военное издательство, 1996. С. 162.

светло-голубой, бирюзовый и даже на «цвет воронового крыла». Таким же трансформациям подвергся и околыш. Он мог быть истово-ярким или «почти черного цвета»²⁸.

Франты не только знали толк в крое и манере ношения сюртуков, но и умели соответственно себя держать. Они грассировали, растягивая фразы, говорили с гвардейским акцентом и немного в нос, держали осанку, двигались красиво и плавно. «Эти “снобы”, – пишет Сергей Горный, – ходили по коридорам с наигранной небрежностью и блестели лакированными сапогами. В столовую почти не заходили. Неприязни в массе против них, однако, не было. Надо, чтобы были и “такие”. Скорее чуть завидовали и касторовому сукну их дорогих брюк, и их фуражкам кавалерийского образца»²⁹.

Прекрасным дополнением этого почти рыцарского костюма являлась шпага – символ избранности и корпоративного снобизма университетов. Ее носили на левом боку, из разреза горделиво поблескивал эфес. «Помнится, что мне особенно тогда захотелось поступить в университет, но манила меня вовсе не наука, а все этот ребяческий соблазн гарцевать в мундире и *при image!*»³⁰ – признавался Александр Бенуа.

²⁸ Бенуа А.Н. Мои воспоминания, Т.1. М.: Изд-во Наука, 1990. С. 576.

²⁹ Горный С. (А. Оцуп). Gaudeamus Igitur (рукопись). Бахметьевский архив (Колумбийский университет, США). Выдержки из новеллы предоставил К. И. Финкельштейн.

³⁰ Бенуа А.Н. Мои воспоминания, Т.1-2. М.: Изд-во Наука, 1990. С. 579.

В холодное время студенты надевали темно-зеленое пальто с синими клапанами на воротнике или серо-синюю офицерского кроя шинель, а также кутались в верблюжий башлык. Щеголи, впрочем, башлыка не носили и утлому пальто предпочитали роскошную «николаевскую» шинель с широкой пелериной.

В 1896 году в студенческом гардеробе появился новый вид верхней одежды – тужурка³¹. Это было двубортное суконное полупальто светло-серого цвета с двенадцатью позолоченными гербовыми пуговицами в два ряда. Воротник, который требовалось застегивать наглухо на крючок, украшали темно-синие петлицы с пуговицами. Студенческие тужурки имели военное происхождение – в 1888 году их получили все генералы и офицеры русской армии.

Вскоре после своего появления они превратились в символ нового, либерального времени. Их носили студенты-вольнодумцы, дворяне, не желавшие подчиняться Табели о рангах и стремившиеся слиться с пестрой толпой разночинцев, ярые революционеры и аскеты-философы, имевшие смелость не думать ни о чем, кроме науки.

Впрочем, чтобы выглядеть модным либералом, нужно было правильно носить тужурку. Во-первых, никаких белых сорочек, пластронов и тугих военных галстуков. Ее на-

³¹ ПСЗРИ 8 апреля 1896, № 12734.

Студент Гельсингфорского университета в фуражке с арматурой на околыше в форме лиры Аполлона.

Фотоателье «С. Р. Dyrendahl», Гельсингфорс. 1-я пол. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Студент Санкт-Петербургского университета Модест Гофман, будущий известный пушкиновед, белоэмигрант. Позирует в форменной тужурке с петлицами и гербовыми пуговицами.

Нач. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

На предыдущей полосе:

Сергей Некрасов, студент Императорского Казанского университета,

будущий юрист. На нем – форменный сюртук, фуражка и богатая «николаевская» шинель, свидетельствующая о высоком финансовом достатке семьи студента.

Фотоателье «С. Фельзер», Казань. 1890-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Студенты
Императорского
Харьковского
университета.**

Под форменными
светло-серыми
тужурками –
неуслышанные
вышиванки,
популярные
в среде либеральной
молодежи
и малороссов-
националистов.

Фотоателье «А. Скасси и Ко»,
Харьков. 1899 г.

Архив О.А. Хорошиловой

девали, а вернее, небрежно накидывали, на блузу-косоворотку (из-под ворота которой иногда все же пробивались накрахмаленные воротнички). Цвет рубашки выражал политические убеждения. Толстовцы носили синие и черные блузы с характерной кокеткой, а эсдеки и эсеры предпочитали мятые и несвежие синего и красного цветов. Студент Петроградского университета Всеволод Рождественский мягко поддерживал демократов и выражал это в своем костюме так: «Я уже ходил в форменной тужурке с еще светлыми пуговицами, носил под ней синюю косоворотку – знак моей принадлежности к демократическому лагерю»³². И толстовцы, и демократы подпоясывались бечевкой или узкими ремешками. Убежденные народники, а также националисты (в особенности жители Украины) предпочитали рубашки-вышиванки и цветные кушаки с распущенными кистями.

Все эти либералы, демократы, революционеры и прочие никогда не чистили пуговиц на своих тужурках. Тусклые, с едва заметными сквозь мутный налет орлами, болтающиеся на полусгнивших нитках, они были символом неповиновения уставу, обывательской морали и существующему режиму.

Какого бы оттенка ни был студент-либерал, он ненавидел короткие аккуратные стрижки «белоподкладочников» с нафиксатуренными локонами. Свободомыслие презирало ножницы и давало возможность волосам расти и виться, как им вздумается. Засосов и Пызин вспоминали: «В противоположность “академистам” и другим франтам, которые очень следили за костюмом и прической, были студенты, умышленно небрежно одетые, отпустившие волосы до плеч, нечесаную кудлатую бороду и усы. Они носили большие очки с синими стеклами»³³. Эти студенты не оставляли равнодушными никого. Кто-то, как мать Александра Бенуа, их откровенно побаивался. Другие восхищались ими. «Товарищи Володи, –

³² Рождественский В. А. Страницы жизни. М.: Современник, 1974. С. 108.

³³ Засосов Д.А. Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Л.: Лениздат, 1991. С. 160.

вспоминала Екатерина Андреева-Бальмонт, – были совсем другие: небрежно одетые, в расстегнутых тужурках, из-под которых видны были их русские рубашки, белые и красные. Это среди зимы! У всех у них волосы были растрепаны, все непрерывно курили. Я с любопытством рассматривала их»³⁴.

Летом франты и «белоподкладочники» красовались в ослепительно-белых двубортных кителях, роднивших их с блистательным офицерством³⁵. В романе «Антигона» Иван Бунин с изяществом описывает такого универсанта: «Он похож был на молоденького офицера – только белый картуз с голубым околышем был у него студенческий, все прочее на военный образец: белый китель, зеленоватые рейтузы, сапоги с лакированными голенищами, портсигар с зажигательным оранжевым жгутом»³⁶.

Белые кителя покинули гардероб студенчества после 1907 года, но их место быстро заняли однобортные кителя цвета «драб», заимствованные студентами у русских офицеров. Они не были уставными. Впрочем, их ношение никто всерьез не запрещал. На многих сохранившихся групповых фотографиях студентов можно легко найти пару-тройку щеголей, позирующих в абсолютно офицерских кителях с перекинутой из кармана в карман цепочкой от часов.

³⁴ Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 186.

³⁵ Белые кителя в русской армии введены 9 мая 1886 года.

³⁶ Бунин И.А. Рассказы. Антигона. М.: Правда, 1983. С. 463.

Форма студентов институтов и академий

Одним из самых престижных и знаменитых среди заведений этого ранга был Восточный институт. Основанный в 1899 году во Владивостоке, он стал лучшей школой для будущих торгово-промышленных деятелей, военачальников и исследователей восточноазиатской территории России. В то время страна упорно продвигалась на восток, строила и совершенствовала КВЖД, налаживало инфраструктуру окружающих территорий. Поговаривали даже о возможном присоединении к России Южной Маньчжурии... Империя нуждалась в молодых специалистах – экономистах, юристах, географах, переводчиках, и Восточный институт готов был их поставлять.

Программа курсов была интересной и крайне разнообразной: политология, история, общая и экономическая география Востока, юридические науки, а также пять языков (китайский, японский, корейский, монгольский и маньчжурский). Число студентов курса не превышало обычно 60 человек. Вместе с ними образование получали четыре «сверхштатника» – офицеры, назначаемые в институт по особому распоряжению Амурского генерал-губернатора.

Форма, которую носили будущие востоковеды, военные переводчики и коммерсанты, была разработана на основе университетской³⁷. Темно-зеленый однобортный мундир имел синий воротник с «гвардейским углом» и такого же цвета обшлага, украшенные двойными золотыми галунными петлицами. Позолоченные пуговицы с выбитыми буквами «В. И.» украшали борт, обшлага, задние карманные клапаны и петлицы. Пожалуй, единственным видным отличием «восточного» мундира от университетского была желтая выпушка, красиво обводившая верхний край воротника. Она же присутствовала и на скошенном воротнике двубортного сюртука, идентичного университетскому.

С мундиром и сюртуком носили темно-зеленые брюки, шпагу и фуражку с синим околышем и желтой выпушкой.

В среде воспитанников, так же как и среди универсантов, существовало разделение на «белоподкладочников» и «демократов». Последние предпочитали носить черные тулжурки, имевшие порой несвежий вид, мятые фуражки и пенсне.

Схожую форму носили воспитанники Санкт-Петербургского и Нежинского историко-филологических институтов³⁸. Их отличала лишь суконная белая выпушка на воротнике и тулье фуражки.

Аналогичный костюм полагался учащимся Лазаревского института восточных языков³⁹. Их в шутку называли «артиллеристами» из-за черных бархатных воротников мундира, обведенных красной выпушкой, и золотых галунных петлиц, роднивших студентов с офицерством.

**Студент
Восточного
института (?)
в мундире.**

У ворота – выпускной жетон, говорящий о том, что молодой человек только что окончил гимназию и поступил в высшее учебное заведение. 1910-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

³⁷ Утверждена 12 августа 1899 г. См.: Постановления МНП, 1899, № 129.

³⁸ Введена 30 декабря 1885 г. См.: ПСЗРИ, 1885, № 3432.

³⁹ Введена 13 ноября 1887 г. См.: ПСЗРИ, 1887, № 4799.

Студент одного из институтов

в форменной тужурке и шинели с пелериной. В руке – модная шляпа-«хомбург». Черный художественный бант говорит о любви молодого человека к искусствам. 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

В царствование Николая II стремительно росла популярность технических высших учебных заведений. Можно даже сказать, что они стали модными благодаря развитию российской промышленности. Обещая интересные курсы и блестящее образование, каждый вуз предлагал абитуриентам и элегантную форму. Не секрет, что она подчас становилась ориентиром в выборе будущей alma mater. Ведь среди влюбленных в точную науку молодых людей было множество таких, для которых цвет сюр-

тука, выпушки и наплечные знаки имели перво-степенное значение. В России все хотя бы чуть-чуть были больны униформой.

Принципиальное отличие формы технических, сельскохозяйственных и прочих институтов от университетской заключалось в том, что мундиры (за исключением нескольких вузов) не полагались. Вместо них в качестве парадного (или так называемого необязательного) платья носили двубортные сюртуки с отложным воротником, схожие с теми, которые были присвоены чиновникам и морским офицерам. Их надевали с жилетами и галстуками, а некоторые даже щеголяли высокими, жестко накрахмаленными воротничками. Студентам приходилось мириться с тем, что ни роскошных треуголок, ни вдохновенных шпаг носить не дозволялось. Приятным утешением были наплечники – серебряные или позолоченные эмблемы училища, носившиеся на четырехугольных матерчатых знаках. Они украшали сюртуки, тужурки, пальто и выделяли студентов из уныло-безликой массы послушных канцелярских бюрократов. Повседневная форма состояла из сорочки (иногда вместо нее носили косоворотку), тужурки, брюк, пальто. Ее надевали во время учебы. Умные студенческие головы украшали фуражки.

Известно, что костюмы институтов разрабатывались на основе уже существовавших форм чиновников соответствующих ведомств. К примеру, форма учащихся Горного института Екатерины II весьма напоминала сюртуки и тужурки горных инженеров. Студентов Института гражданских инженеров можно было с легкостью принять за чиновников одноименного корпуса, если бы не наплечники с вензелями, отсутствие петлиц и кокард.

В стенах институтов студентов не только образовывали. Их готовили к вступлению в сложный, запутанный, бюрократический мир, в том числе и с помощью униформы, так напоминавшей чиновничье платье.

Нетрудные и немногочисленные правила ее ношения были одинаковыми для всех вузов. От студентов требовали соблюдать устав, но даже отличники часто оживляли свое пла-

тье какими-нибудь неуставными деталями. Когда учащиеся встречали государя, членов его семьи, вызолоченных сановников и министров, они должны были становиться во фронт и отдавать честь, «приложив правую руку к козырьку фуражки». Это правило смельчаки-студенты игнорировали даже во времена Николая I. В эпоху его мягкого правнука они умудрялись не замечать самого государя. Впрочем, при встрече с профессорами вуза, особенно любимыми и уважаемыми, учащиеся с удовольствием козыряли и по-военному прищелкивали каблуками.

Среди наиболее престижных и популярных технических вузов был Институт гражданских инженеров императора Николая I⁴⁰. В нем готовили специалистов в области гражданского и дорожного строительства, потому в программе курсов акцент делался на математике и механике в разнообразных ее видах. Кроме того, изучали физику, химию, минералогию, электричество, устройство железных дорог. Студенты этого заведения считались чуть ли не первыми модниками и в вопросах «тонного» ношения формы составляли конкуренцию зазнавшимся универсамтам. В торжественные и праздничные дни они носили черные двубортные сюртуки с восемью позолоченными пуговицами, на которых были выбиты изображения перекрещенных топора и лопаты. Такие же, но меньшие по размеру пуговицы нашивались на обшлага. Верхняя часть отложных воротников была бархатной. Малиновая выпушка окружала обшлага и воротник.

В связи с тем что сюртук был открытым, ношение черного жилета считалось обязательным. Впрочем, распространены были сине-серые – в цвет брюк, а также белые пикейные, которые их счастливые обладатели непременно продемонстрировали окружающим. Молодые франты дополняли этот ансамбль высоченными и жестко накрахмаленными воротничками, форма которых зависела от ежесекундной моды, черными или гриперлевыми шелковыми галстуками и твердыми белоснежными манжетами, на которых побле-

Иван Пластинин,
студент Горного
института
императрицы
Екатерины II.

На черном кителе
офицерского
покроя – плечевые
знаки с вензелем
императрицы.
На голове –
форменная фуражка
с черным бархатным
околышем, синими
выпушками и черной
суконной тульей.

Петроград, 1915 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Студент одного
из петербургских
институтов**

с любимым боксером.

Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

⁴⁰ Имя императора Николая I институт получил в 1892 г.

Студент Института гражданских инженеров

императора Николая I.

Позирует в форменном сюртуке с поперечными плечевыми знаками, украшенными вензелями «НИ». Фотоателье «Denier», Санкт-Петербург, 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

скивали изящные запонки. Все без исключения студенты гордились наплечниками – черными бархатными контрпогончиками, окруженными малиновой выпушкой. В центре помещался вычищенный и наполированный вензель императора Николая I – «НИ» под короной. По правилам форменной одежды студенты 3-го и 4-го курсов носили под обшлажной выпушкой один золотой шнурок, пятикурсникам полагались два шнурка. Однако их зачастую игнорировали – многие не желали подчиняться предсловутой Табели о рангах.

С сюртуками носили фуражки – черные с черным бархатным околышем и тремя малиновыми выпушками. На околыше крепилась институтская арматура – перекрещенные топор и лопата, - являвшийся одновременно эмблемой корпуса гражданских инженеров. Дополняли элегантный ансамбль белые или жемчужно-серые замшевые перчатки, а также неуставные, но негласно разрешенные аксессуары – пенсне с цветными стеклами, тросточки и сафьяновые портфели с серебряными вензелями или виньетками.

В будние дни «николаевцы» надевали черные двубортные тужурки с наплечными знаками и малиновой выпушкой, мягко обводившей воротник, обшлага и контрпогончики. Бархатные воротники украшала институтская арматура. Когда было тепло, тужурки распахивали, застегивая раскрытые борта на пуговицы – на манер баварских охотничьих курток.

Поверх сюртука или тужурки в холодное время надевали черное двубортное пальто с наплечниками и черными клапанами на воротнике с малиновой выпушкой и чеканной пуговицей на каждом.

До 1907–1908 годов в летнее время были распространены двубортные полотняники небеленого холста. Затем их сменили полуофицерские кителя оттенка «драб».

Старейшим среди технических высших учебных заведений был Санкт-Петербургский технологический институт императора Николая I. В его стенах получали достойное образование будущие техники и химики. Здесь преподавали Менделеев, Розинг, Вышнеградский. Здесь учились Зворыкин, Ландау, Капица... С 1896 года «технологи», так же как и студенты Института гражданских инженеров, носили на плечах вензеля императора Николая I. Их униформа в целом напоминала вышеописанную. Однако выпушки были синими. Арматура представляла собой скрещенные французский ключ и молот. Ее же носили инженеры-механики и техники. Набор одежды был традиционным – открытый двубортный сюртук с наплечными знаками и жилет, темно-оливкового цвета тужурка, серо-синие брюки, полотняник, серо-зеленая шинель с наплечниками и клапанами. Фуражку весьма точно описал Юрий Мордвинкин: «Черный бархатный околыш, а тулья серо-оливкового цвета с синими каемками и кокарда из перекрещенных молотка и французского ключа»⁴¹.

Студенты института, посещая заводы и работая в институтских лабораториях, надевали специальную форму – темно-синие или

⁴¹ Мордвинкин Ю. Б. Белогвардейцы (автобиографическая повесть). <http://www.cadet.ru/library>

**Студенты
Санкт-
Петербургского
технологического
института**
в форменных
полупальто
и шароварах образца
1885 г.

Фотоателье «В. Ясвин»,
Санкт-Петербург.
Начало 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Дама в форменной тужурке и фуражке Санкт-Петербургского технологического института императора Николая I. Хозяин этих вещей, вероятно, позирует справа. Конец 1900-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

серо-зеленые кителя с двумя нагрудными карманами и воротниками-стойками, либо рабочие блузы серого, синего или черного цветов, а также серо-синие брюки «второго срока».

Политехнические институты готовили техников-инженеров широкого профиля. Среди основных предметов – химия, механика, инженерное дело и сельское хозяйство. В 1898 году были основаны Киевский императора Александра II и Варшавский императора Николая II политехнические институты. Студентам были положены однобортные мундиры университетского образца на девять позолоченных пуговиц, со скошенным стоячим воротником, петлицами и заветной шпагой. Это мундирное великолепие дополняли наплечники с августейшими вензелями. Обыкновенная форма состояла из черной двубортной тужурки на десять пуговиц с темно-зелеными воротниковыми клапанами и наплечниками, черных брюк и черной фуражки с темно-зелеными околышем и выпушками.

В 1899 году по распоряжению Сергея Юльевича Витте в Санкт-Петербурге был открыт Политехнический институт, подчиненный Министерству финансов. Вскоре он стал одним

из наиболее престижных технических вузов, готовивших специалистов в области экономики, электромеханики, кораблестроения, металлургии. Студенты щеголяли в стройных, тесноватых черных тужурках. На концах их воротников виднелась институтская арматура, на бархатных наплечниках с темно-зеленой выпушкой – наложенные буквы «МФ» (Министерство финансов). Такая же эмблема украшала темно-зеленый околыш фуражки. В 1910 году, когда вузу даровали имя Петра Великого, произошли небольшие изменения. Студенты надели вензеля своего августейшего шефа и покровителя – скрещенные латинские буквы «Р» (Petrus Primus), и под ними – римская цифра «I». Воротник украшали темно-зеленые клапаны с перекрещенными позолоченными молотом и французским ключом. Впрочем, судя по фотографиям, некоторые студенты носили неуставные тужурки со сплошным темно-зеленым воротником без клапанов.

Элегантная, не лишенная щегольства форма была у студентов Горного института императрицы Екатерины II. Заведение выпускало квалифицированных специалистов, инженеров в области горного дела. Связь вуза с этим родом промышленности подчеркивали благородный черный бархат воротников, наплечников и околышей фуражек. Студенты носили традиционный набор форм – черные сюртуки и жилеты, черные суконные тужурки, «драбовые» или черные кителя, брюки, шинели и фуражки. В пестрой толпе студиозов-«горняков» можно было узнать по наплечникам, на которых виньеточный позолоченный вензель Екатерины Великой («ЕИ») пугался в сложной вязи дубово-лаврового венка. Институтская арматура – перекрещенные кирка и молот – поблескивала на концах бархатных воротников сюртуков и тужурок, на позолоченных пуговицах и бархатных околышах фуражек. Черный прикладной цвет униформы, цвет сложной и почетной горняцкой работы, на мундирах, тужурках, наплечниках и фуражках мягко сочетался с синими выпушками. В этот сдержанный колорит вносили разнообразие серо-синие брюки, носившиеся с тужурками и часто имевшие крой узких кавалерийских рейтуз.

Группа студентов-выпускников Киевского политехнического института императора Александра II. На наплечных знаках отчетливо видны вензеля августейшего шефа.

Фотоателье «В. Высоцкий», Киев. Середина 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

«Путейцы», студенты Института инженеров путей сообщения императора Александра I, тоже одевались с шиком. Они носили «чиновничьи» сюртуки черного сукна с бархатными черными ворониками, обведенными светло-зеленой выпушкой. На плечевых знаках помещены были серебряные вензеля императора Александра I («AI»). Под сюртуком носили белый пикейный жилет на шесть пуговиц, сорочку с туго накрахмаленным воротником и галстуком. Типовую черную тужурку отличали светло-зеленая выпушка, серебряная арматура на воротнике (перекрещенные топор и якорь). На черном драповом пальто также крепились наплечные знаки, воротник украшали бархатные клапаны с выпушками с пуговицей. Арматура присутствовала и на черном бархатном окольше.

Аналогичную форму носили студенты московского Инженерного училища ведомства путей сообщения.

«Научно-образованных специалистов» для почтово-телеграфного ведомства готовил Электротехнический институт императора Александра III, находившийся в Санкт-Петербурге. Под крылом его директора, изобретателя Александра Попова, студенты

Студент Политехнического института Министерства финансов в тужурке, ситцевой рубашке и зачехленной фуражке.

Санкт-Петербург.
Нач. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

На следующем развороте:

Выпускники Санкт-Петербургского политехнического института Министерства финансов.

Позируют в библиотеке. В центре – директор института, князь Андрей Григорьевич Гагарин.
Фотоателье «К. К. Булла», Санкт-Петербург. 1907 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Студент электротехнического факультета Санкт-Петербургского политехнического института.

На специализацию учащегося указывает арматура на воротнике его сюртука – топор и лопата в стрелах-молниях.

Фотоателье «Пушкинская фотография С. А. Мичника», Тифлис. 1913 г.

Архив О.А.Хорошиловой

постигали азы радиосвязи и радиотехники, электрохимии, электротехники и других весьма востребованных в начале XX века наук. В стенах заведения носили обыкновенную или так называемую обязательную форму. Ее главным элементом была черная двубортная туника с посеребренными пуговицами и желтой выпушкой по бархатному воротнику и борту. Арматура, помещавшаяся у концов воротника и на пуговицах, была заимствована у почтово-телеграфного ведомства – лопата и топор скрещивались в брызгах и стрелах богоподобного электричества. Коронованный вензель в бозе почившего императора серебрился на плечах. Вне стен alma mater по особым торжественным случаям студенты красовались в черных двубортных сюртуках с бархатным черным воротником, желтыми выпушками и плечевыми знаками. Головы покрывали черной фуражкой с бархатным околышем, арматурой и желтыми выпушками. В холодное время надевали черное пальто.

П. А. Дыдий, студент Санкт-Петербургского политехнического института Министерства финансов.

Фотоателье «Ю. Никонович», Санкт-Петербург. 1909 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Сельскохозяйственные вузы уступали техническим в популярности, но отнюдь не в красочности формы. Молодым людям, зубрившим биологию, ботанику, почвоведение, лесоводство, общую зоотехнию и десятки других мшистых наук, тоже хотелось пофорсить перед барышнями в сюртуках, вензелях и фуражках. Главными щеголями среди «земледельцев» были студенты Московского сельскохозяйственного института, одного из самых известных и уважаемых учебных заведений этого профиля. Их элегантно-лаконичная форма возникла путем скрещивания одежды студентов и реалистов. Праздничный костюм состоял из черного двубортного мундира (им могли похвастаться единичные институты), светло-зеленый воротник которого украшали золотые петлицы – по одной на каждой стороне. Обшлага и борт обводила светло-зеленая выпушка, а по верху воротника бежала черная. Двуглавый орел был отчеканен на каждой золоченной пуговице. Костюм дополняли чер-

**Вениамин Щегловитов, студент
Института инженеров путей сообщения
императора Александра I, в форменной тужурке
с арматурой и наплечниками.**

Фотоателье «Левицкий», Санкт-Петербург. 1898 г.

Архив О.А.Хорошиловой

ные суконные брюки и черная суконная фуражка с тремя выпушками. Позолоченная арматура околыша была сложна, но легко узнаваема: оптимистический венок из колосющихся ржи и пшеницы, скрепленный снопами, овивал аббревиатуру «М.С.И».

Занятия студенты посещали в черных куртках модного австрийского фасона с фигурными карманными клапанами на груди и по бокам, а также застежкой, спрятанной под планкой. Угрюмую черную гамму разбавлял светло-зеленый стоячий воротник, который частенько превышал установленную высоту в угоду вездесущей «тонности». В летнее время носили военного образца кителя с позолоченными пуговицами, а также косоворотки из небеленого полотна, подпоясанные черными ремнями. Студенческий гардероб дополняли черные суконные шаровары, черное пальто со светло-зелеными клапанами и пуговицей на каждом. Когда было холодно, воротник покрывали мерлушкой.

«Новоалександрийцы», учащиеся Института сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии, тоже носили зеленый прикладной цвет. Впрочем, их форма была проще и в целом соответствовала принятой институтской – черная тужурка, темно-сине-серые брюки, черная фуражка с выпушками и арматурой на околыше (вплетенные в дубовую ветвь коса, грабли и мерная вилка), пальто, башлык, перчатки. Главным отличием, как и в прочих институтах, были наплечники с нехитрой посеребренной аббревиатурой – соединенными буквами «И.Н.А.».

**Студент-модник
Санкт-Петербургского
лесного института.**

На молодом человеке безукоризненная тужурка по фигуре, шаровары со стрелками и тросточка, официально запрещенная уставом. Фуражка по-военному – чуть набекрень.

Фотоателье «П. Н. Алексеев»,
Санкт-Петербург.

Конец 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Студенты
Петербургского
электротехнического
института**

в шароварах
и тужурках с арматурой
и наплечными знаками.

Фотоателье

«Елиз. Шарлемань»,

Санкт-Петербург. 1901 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Любопытная форма была установлена для учащихся духовных учебных заведений. Она напоминала университетскую, с той только разницей, что не было главных светских щегольских элементов – мундира, шпаги и треуголки. Будущие служители церкви, богословы, церковные историки, литургисты смиренно постигали церковные науки в черных, весьма элегантных тужурках с двумя рядами посеребренных пуговиц, с воротником, украшенным черными бархатными петлицами с пуговицами и обведенным си-

ним кантом. Брюки носили традиционные серо-синие. В торжественные случаи надевали черные двубортные сюртуки университетского образца с серебряными пуговицами и бархатным темно-синим воротником, обшитым по краям синим суконным кантом. Часто на старых фотографиях эти воротники выглядят почти черными. Тулья фуражек шилась из черного сукна, околыш – из темно-синего бархата. Летом студенты академии носили полотновики и фуражки с белой тульей и темно-синим околышем.

*На предыдущей полосе,
справа:*

**Студент
Санкт-
Петербургского
Лесного института**
в фуражке и пальто
с петлицами
и плечевыми знаками.
Заметен стоячий
воротник кителя
офицерского образца,
который стал особенно
моден среди учащихся
в период Первой
мировой войны.
Фотоателье «В. П. Бантеева»,
Петроград, 1914 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанники
Курской духовной
семинарии**
в форменных
сюртуках и фуражках,
на околышах
которых помещена
посеребренная
арматура «КДС».
На правом
семинаристе –
маленькая щегольская
фуражка с узкой
тульей.
Это позволяет
датировать
фотографию началом
1900-х гг.
Фотоателье «Беликов», Курск.
Архив О.А.Хорошиловой

66

Девушки в униформе

Костюмы воспитанниц
женских средних и высших
учебных заведений

В эпоху Николая II к знаниям, наукам, искусствам с жадностью тянулись женщины, уставшие от роли тихих интерьерных украшений, послушных домохозяек и «конфетных» светских барышень в оборках и турнюрах. Они все чаще заглядывали в пыльные, испещренные тысячами мелких букв тома – не ради красивого эффекта, но влекомые искренним желанием узнать что-то новое из мира искусств и наук.

Все чаще на фарфоровых, тронутых парижской пудрой носицах дам, появлялись очки – когда-то символ печальной старой девы или опасной революционерки, а нынче – остроумный аксессуар, свидетельство усердной умственной работы и сотен покоренных томов. Образованные дамы становились главными претендентками на получение руки и сердца аристократа с безупречно звонкой фамилией, знатного дельца-миллионера, привередливого столичного офицера. Глупенькие миллашки меркли перед высоким интеллектом прекрасно образованных барышень, окончивших институт благородных девиц или гимназию.

Форма институток

Женские институты, закрытые привилегированные учебные заведения, славились блистательным по тем временам образованием. В них за «казенный кошт» учились представительницы российской элиты – великие княжны, светлейшие княгини, баронессы, дворянки, дочери уважаемых сановников, генералов, офицеров. Однако в институтах получали образование и те, кто не мог похвастаться генетической связью с Рюриковичами или высокими чинами отцов. За собственный счет здесь учились выходцы из семей купцов, почетных граждан, а также некоторых других сословий, которых имперская бюрократия наградила канцелярским званием «неподатное состояние». В зависимости от местоположения и статуса института плата за «своекоштных» воспитанниц составляла от 150 до 400 рублей в год.

Прекрасное и всестороннее образование было главным достоинством женских институтов. Еще императрица Екатерина II, мечтавшая воссоздать в России благороднейший Сен-Сир, повелела Ивану Бецкому разработать такую образовательную программу, чтобы в каждом ее пункте был отражен острый интеллект и гуманизм просвещенного классицизма осмнадцатого столетия. Бецкой с задачей справился вполне. В 1764 году по его инициативе и при непосредственном участии императрицы было основано первое женское образовательное заведение закрытого типа – Императорское воспитательное общество благородных девиц, будущий Смольный институт. Жизнь в нем была распланирована буквально по минутам в соответствии с Уставом, разработанным Иваном Бецким. Воспитанницы изучали Закон Божий, русский и иностранные языки, арифметику, географию, историю, литературу, основы физики, искусства, а также танец, рукоделие и даже токарное искусство. Всего же в стенах заведения девочка должна была провести двенадцать лет, поделенных на четыре «возраста». В неурочное время воспитанницы гуляли, играли, участвовали с театральными постановках, костюмы для которых они готовили сами. В условленные дни их навещали родители. Иногда воспитательное общество посещали августейшие особы.

Мария Федоровна, супруга императора Павла I, значительно сократила учебную программу, сочтя широкое и всестороннее образование вредным для девиц. В эпоху Александра I увеличилось количество воспитанниц, появилось отделение для «военных сирот», а также учрежден Пепиньерский класс, в котором обучались будущие классные дамы

На предыдущей полосе:

Воспитанница старших классов Смольного института благородных девиц

в повседневном зеленом платье с передником.

Фотоателье «А. Lorens», Санкт-Петербург, 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

воспитательного общества. В 1848 году при императоре Николае I был открыт Педагогический класс, выпускавший учительниц.

Пожалуй, самой яркой страницей в истории Смольного института были 1860-е годы, время инспекторства Константина Дмитриевича Ушинского. Он основательно переработал учебную программу в пользу более глубокого изучения русской литературы и естественных наук, а также внес известную долю демократизма, приравняв Смольный институт с его «мещанским» сводным братом – Александровским училищем.

В эпоху последнего российского императора в Смольном институте царствовала светлейшая княгиня Елена Александровна Ливен. Воспитанницы начали изучать педагогику, гигиену и основы медицины, законоведение. Большое внимание начальница уделяла искусствам, вернув в учебную программу, между прочим, обучение игре на арфе. Увеличили часы для рукоделия, которым воспитанницы занимались не без удовольствия. Среди прочих предметов были: Закон Божий, русский и европейские языки, отечественная и иностранная литература, математика, география, естествознание, история, гимнастика, танцы, подвижные игры, рукоделие.

Искусства и науки воспитанницы постигали семь лет, не включая один год, проведенный в подготовительном классе. Те же, кто мечтал или был вынужден по семейным обстоятельствам самостоятельно зарабатывать, поступали по окончании учебы в Пепиньерский класс, в котором углубленно изучали русскую и иностранную литературу, французский, немецкий, английский языки, а также естественные науки и педагогику. Пепиньерки присматривали за младшими воспитанницами, пресекали их шалости, имели право сообщать о проступках начальнице и за это большим уважением у смольянок не пользовались. В 1890 году Пепиньерский класс был преобразован в двухгодичные Педагогические классы с более широкой учебной программой, однако обучавшихся в них девушек продолжали называть с толикой пренебрежительности «пепиньерками».

Воспитательное общество благородных девиц стало первым в длинной череде женских институтов, основанных в XIX веке. В царствование императора Николая II их было уже около тридцати. В Петербурге существовали Патриотический, Павловский, Николаевский сиротский, Александровский, Елизаветинский, училище ордена Св. Екатерины, а также Маринский, Александринский и Кронштадтский сиротские дома. В Москве было четыре института – Александровский, Елизаветинский, Николаевский сиротский и училище Св. Екатерины. Помимо столичных существовали и губернские, среди наиболее привилегированных – Харьковский, Тифлисский, Киевский, Казанский, Иркутский, Саратовский.

Учебную программу, распорядок дня и форму эти учебные заведения унаследовали от воспитательного общества благородных девиц. Педагог Д. Д. Семенов справедливо отмечал: «По образцу Смольного устроились у нас все прочие институты, все так называемые образцовые пансионы для девиц, даже приюты, училища для девиц духовного звания, даже частные женские пансионы – все были не что иное, как миниатюрный снимок с того же Смольного»¹.

В Смольном, как и во всех прочих перворазрядных институтах благородных девиц, был строгий распорядок дня и несколько вариантов костюмов, соответствовавших определенным видам занятий. Вставали воспитанницы по звонку – ровно в семь утра – и мигом отправлялись в умывальную. Затем, надев легкие длинные белые платья и накидки, которые именовались воспитанницами «пудермантелями», покрыв голову чепцом, совершали молитву в классе и читали Евангелие. Наступало время легкой утренней гимнастики, которой занимались в специальном зале в тех же белых платьях и чепцах. Основательно проснувшись после активных упражнений и начиная уже испытывать неясное чувство голода, воспитанницы в сопровождении классной дамы шли в общую столовую. Завтрак не был роскошным и тяжелым.

¹ Памяти К. Д. Ушинского. СПб., 1896. С. 68.

**Воспитанница
одного из
петербургских
институтов
благородных девиц.**

1904 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанница
старших классов
одного из
петербургских
институтов
благородных девиц.**

Фотоателье
«De Vojno-Oransky»,
Санкт-Петербург.
Конец 1900-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

**Воспитанницы
(предположительно)
Санкт-
Петербургского
Мариинского
института.**

Фотоателье «A. Lorens»,
Санкт-Петербург.
Конец 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

**Воспитанница
одного из петербургских институтов
благородных девиц Лидия Лапчинская.**

Фотоателье «Reissert&Fliege», Санкт-Петербург.
Нач. 1910-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

**Дочь капитана 1-го ранга
Ивана Ивановича Подъяпольского
Мария, воспитанница
старших классов Смольного института
благородных девиц.**

Запечатлена в белом коленкором платье.
Фотоателье «А. Lorens», Санкт-Петербург. 1903 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**«Кофушка»,
воспитанница
Смольного института
благородных
девиц**

в пелерине, рукавчиках
и переднике.

Фотоателье «R. Charles»,
Санкт-Петербург.
Конец 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Обыкновенно подавали белый хлеб, масло, ветчину, сыр, а также горячий чай и молоко. Подкрепившись, девочки отправлялись в до-рутуар, где у каждой кровати на табуретке ле-жало форменное платье, передник, пелерина, составлявшие повседневный ансамбль инсти-туток, в которых они проводили практически весь день – с девяти утра до девяти вечера.

Этот костюм сформировался к началу XIX века, и первыми его надели смолянки. Он имел много общего с облачением католических

монахинь, ведь Смольный и прочие подоб-ные заведения возникли как бы в подражание европейским аналогам – закрытым пансионам для девочек, существовавшим при католических орденах. Частично заимствовав их учебную программу, распорядок дня, русские сановни-ки, занимавшиеся образованием, сочли пра-вильным перенять также и эти скромные, сдер-жанные, отчасти даже унылые полукатоличе-ские одеяния – символ невинности, высокой нравственности и беспримерного послушания.

Девочки носили платья одинаковые по крою и силуэту. Они имели небольшое декольте, короткие рукава и достаточно широкую, не доходившую до пола юбку. Однако прежде чем облачиться в него, следовало надеть рубашку-камисоль, затем корсет (его носили старшеклассницы), грубые нитяные чулки и нижнюю юбку, «сшитую из плотного материала, всю в сборках; юбка делала пышными, красиво спадающими сборки платья»². На ноги надевали мягкие «прунелки» – ботиночки с «ушками» спереди и сзади с прорезиненными вставками по бокам.

Верхние платья были двух видов – повседневные и визитные. Первые шились из английского камлота, были тяжелыми, малоизящными, грубыми. Бывшая смолянка Зинаида Константиновна Манакина наградила их эпитетом «уродливые»³. Парадные платья, сшитые из коленкора, выглядели более изысканно.

Надев платья, воспитанницы натягивали длинные белые рукавички («манжи») из грубого холста, привязывая их тесемками под короткими рукавами платья. Эта процедура нравилась не всем, так как завязки не слушались, распускались, приходилось начинать все сначала, но времени было мало. Затем наставал черед белого холщового передника с лифом, который следовало завязать сзади красивым, ровным бантом (на языке институток этот процесс назывался «сделать оттажки»). На помощь приходила проворная подруга. Обычно чем длиннее было платье, тем уже старались затянуть лиф передника, компенсируя угонченной талией грубоватую простоту тяжелого камлотового платья. Учитывая, как плотно передник облегал его, буквально с ним сливаясь, воспитанницы, вероятно, использовали булавки, как некогда их предшественницы. Декольте платья надежно пряталось под белой пелериной, ленты которой завязывали спереди на груди элегантным бантом.

К визитным платьям полагались такие же белые рукавички, передники и пелеринки, но из коленкора или батиста.

² Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: НЛО, 2008. С. 399.

³ Манакина З. К. Барышня-смолянка. Воспоминания. www.sakharov-center.ru

Платья различались не только по видам, но и по возрастным цветам. Эта особенность существовала в Воспитательном обществе благородных девиц уже в 1780-е годы. Тогда четыре возраста носили платья различных цветов: первый – кофейного, второй – голубого, третий – серого, четвертый – белого. Палитра впоследствии слегка корректировалась, но принцип выделять возраста с помощью цветов остался неизменным.

В Смольном институте младшие классы (с седьмого по пятый включительно) носили платья кофейного (темно-коричневого) цвета, отчего воспитанниц насмешливо и с толикой уничижения называли «кофушками». Девочек в коричневых платьях нередко задирали, мягко подтрунивали, старшие классы пытались ими командовать и читать нравоучения совсем как пепиньерки. Эти же платья носили и «приготовишки» – воспитанницы приготовительного класса, учрежденного в 1911 году с целью повысить образовательный уровень детей перед их поступлением в 7-й (начальный) класс. Но к ним относились как к детям, позволяли мило шалить, шумно играть и приносить на занятия любимых мишек, зайцев и прочих очаровательных плюшевых существ. В средних, то есть в 5-м и 4-м, классах Смольного института носили голубые платья, отчего этот возраст прозвали «голубым». Воспитанниц трех последних классов – 3-го, 2-го и выпускного 1-го – называли «белыми» потому, что они надевали на балы и торжественные мероприятия коленкоровые платья этого цвета. Их будничный костюм, однако, составляли зеленые платья, белые рукавички, передники и пелеринки.

В большинстве женских институтов существовала своя «возрастная» расцветка. В петербургском Елизаветинском младшие классы ходили в темно-красных платьях, старшие – в зеленых. В Патриотическом (Московском дворянском) институте расцветка полностью соответствовала громкому названию заведения. Его воспитанницы носили костюм-триколор: белые пикейные кофточка, перехваченные по талии красными кожаными кушаками, и васильковые юбки. В Харьковском институте

**Воспитанница
Санкт-Петербургского
Елизаветинского института.**

Фотоателье «Ю. Штейнберг»,
Санкт-Петербург. 1906 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Елена Вайман,
воспитанница
варшавского
Александро-
Мариинского института
благородных девиц.**

Фотоателье «В. Marjon»,
Варшава. Последняя четверть XIX в.
Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанница
Харьковского
института
благородных
девиц.**

Фотоателье «Де Ламитье»,
Харьков. 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанница
старших классов Московского
Александровского института.**

Фотоателье «П. Павлов»,
Москва. 1901 г.
Архив О.А.Хорошиловой

зеленые платья носили с 7-го по 3-й класс включительно, а 2-й и 1-й красовались в своих «взрослых» платьях цвета бордо. В Александровском женском институте младшие классы носили голубые платья, а старшие – темно-красные.

В платьях, рукавчиках, передниках и пелеринках воспитанницы проводили большую часть дня, учились в классах, рисовали, музицировали. Многим было неудобно постигать азы искусств и наук в малопригодной для этих занятий форме. Воспитанниц раздражали жесткие накрахмаленные пелеринки, в которых иногда было жарко. Рукавчики часто развязывались

и к концу дня становились грязными. Некоторые использовали их в качестве промокашек. Галина Васильевна Проскурякова, учившаяся в Елизаветинском институте, вспоминала: «Пелеринки, белые передники и рукавчики носились изо дня в день, и меня сразу возмутил обычай использовать белый правый рукавчик как промокашку. Почти у всех девочек он был весь в чернилах, а меняли всю эту белизну раз в неделю, в субботу, перед всенощной (церковной службой)»⁴.

⁴ Проскурякова Г. В. Вольтерская старина (воспоминания). <http://porchov.narod.ru/proskur.htm>

**Воспитанницы
Кушниковского
института
благородных девиц.**

Фотоателье «Беликов»,
Керчь. 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

В Смольном институте весьма популярными были занятия рукоделием, на которых учились кроить, шить, а также вышивали, вязали, плели. При светлейшей княгине Ливен этим занятиям стали уделять повышенное внимание. Начальница требовала развивать у воспитанниц соответствующие навыки и больше заниматься практикой. Младшие смолянки должны были самостоятельно шить комплект белья, которым затем они пользовались. Старшим предстояло скроить и сшить себе платья. Николай Черепнин указывает и другие работы, которые выполняли институтки: «Процветают теперь в Смольном и художественные работы по рукоделию. Ее императорскому величеству государыне императрице Марии Федоровне благоугодно было одобрить предположение светлейшей княжны Е. А. Ливен, чтобы церковные облачения и одежды для построенного в Петербурге храма в память трехсотлетия царствования Дома Романовых были сделаны руками воспитанниц учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии.

Эти церковные облачения, исполненные по старинным рисункам, шитые жемчужными бусами и золотом, могут служить образцом художественных вышивок смолянок»⁵.

Институтки по своей инициативе шили и вязали для прислуги. Еще во времена императрицы Марии Александровны появилась хорошая традиция готовить белье для раненых солдат. Первые комплекты были сшиты в разгар Крымской войны. В период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов из Смольного и прочих институтов на театр боевых действий отправлялись мешки с белоснежным нательным бельем и корпией, которую использовали для перевязки.

Одежду для раненых воспитанницы шили во время Русско-японской и Первой мировой войн. Зинаида Константиновна Манаскина оставила любопытное воспоминание:

«В годы войны (Первой мировой. – О. Х.) мы шили нательное белье для мужчин. При этом уделялось большое внимание обработке

⁵ Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц, Петроград, 1915, Т. 2, С. 482.

**Дочь
казачьего офицера
Мария Алентьева,
выпускница
Мариинского
Донского института.**

Фотоателье «Я. Д.
Масляников»,
Новочеркасск. 1905 г.
Архив О.А. Хорошиловой

застежки нижнего белья – ширинке. Это очень нежная часть тела, и нас учили выполнять эту застежку вручную скользящим швом. Иначе грубая стежка могла причинить мужчинам во время службы большой урон, особенно кавалеристам. У многих из нас братья были офицерами, и мы представляли, что такое провести восемь часов в седле. Поэтому относились к этой работе очень ответственно»⁶.

Два раза в неделю – в четверг и воскресенье – институтки получали новые, белоснежные рукавички, пелеринки и передники, в которых они представляли перед родителями во время приемных часов (с 5 до 6 вечера в четверг и с 1 до 3 в воскресенье).

⁶ Манакина З. К. Барышня-смолянка. Воспоминания. www.sakharov-center.ru

Телесные наказания в институтах не применялись, зато было распространено воздействие иного рода – с помощью предметов гардероба. За серьезные проступки с воспитанниц срывали передники и отправляли в столовую, что считалось верхом позора. Об этом пишут многие бывшие воспитанницы разных эпох, к примеру Лидия Чарская:

«Я замерла. Стоять в столовой без передника считалось в институте самым сильным наказанием <...>. И, стойко удержавшись от слез, я быстро сняла передник, сделала классной даме условный поклон и вышла из комнаты. Мое появление без передника в столовой произвело переполох. Младшие повскакали с мест, старшие поворачивали головы, с насмешкой и сожалением поглядывая на меня. Я храбро подошла к m-lle Арно и заявила ей, что я наказана инспектрисой. Но за что я наказана, я не объяснила. Затем я встала на середину столовой. Мне было невыразимо совестно и в то же время сладко. Лицо мое горело, как в огне. Я не поднимала глаз, боясь снова встретить насмешливые улыбки»⁷.

Реже классные дамы применяли другой старинный способ наказания – они прикрепляли на передники провинившимся карточки с надписями «negligente» (небрежная) или «paresseuse» (ленивая). Не понятно, влияли ли эти виды воздействия на поведение воспитанниц, но, безусловно, производили должный эффект на окружающих.

В течение всего дня институтки должны были своим внешним видом полностью соответствовать уставу. С милыми и весьма скромными платьями, подчеркивавшими непорочность и нежную наивность девочек, следовало носить не менее скромные прически. Новеньких стригли весьма коротко, почти как мальчиков, но уже на следующий год им позволялось отпускать волосы, которые после тщательного расчесывания, с помощью гребня убирались назад, туго стягивались и заплетались в косу. Галина Васильевна Проскуракова отмечала:

⁷ Чарская Л. А. Записки институтки: http://lib.ru/TALES/CHARSKAYA/zapins.txt_with-big-pictures.html

**Нина Алентьева,
выпускница
Мариинского Донского
института.**

Фотоателье «В. Пантелеев»,
Новочеркасск. 1905 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Выпускница
Мариинского
Донского института.**

Фотоателье «В. Дюнант»,
Новочеркасск. 1905 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Выпускница
Мариинского Донского
института.**

Фотоателье «Я. Д. Масляников»,
Новочеркасск. 1905 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанницы
Саратовского
Мариинского
института
благородных девиц.**

Отметим короткие стрижки двух девочек, только что поступивших в это заведение.

Фотоателье «И. М. Гольдфейн»,

Вольск. 1900-е гг.

Архив О.А. Хорошиловой

«Прически были одинаковые у всех в одном классе: при поступлении – стрижка наголо, потом – гребенка, потом – косы и в двух последних классах – высокие прически из кос. Ленты в косах только черные; но в день рождения или именин разрешались красные»⁸.

Существовало и весьма своеобразное наказание прической. Совершившую проступок заставляли заплетать не одну, а две косы – так называемые натки⁹.

С 1860-х годов стал моден спорт, а также подвижные игры, подразумевавшие участие женщин. Все чаще можно было наблюдать такую картину. Плотнотелые буржуа в легких коломанковых костюмах били по мячу в сторону своих муслиновых дам, мужественно отбивавших спортивную напористость супругов визжащими ракетками. Бадминтон и теннис пришли весьма по вкусу и аристократии, и горожанам. Играли также в лапту и петанг, ходили в горы и плавали.

⁸ Проскуракова Г. В. Вольшевская старина (воспоминания). <http://porchov.narod.ru/proskur.htm>

⁹ От французского слова «nattes» – косы.

Врачи и педагоги часто говорили о значении подвижных занятий для организма, особенно растущего и крепнущего. В программы американских и европейских пансионатов и учебных заведений постепенно проникала гимнастика. Это модное поветрие быстро достигло России. В 1868 году в женских институтах была введена лечебная гимнастика, разработанная доктором медицины Федором Федоровичем Клевезалем, а в следующем году появился его учебник¹⁰, вооружившись которым преподаватели институтов сочиняли физические упражнения для резвых воспитанниц. Тогда еще не было специальной формы для занятий, и на гимнастику девочки отправлялись в своих утренних балахонистых рубашках и накидках.

Лишь в 1911 году в Смольном институте появились костюмы для физических упражнений. Одна из пепиньерок писала: «Вернувшись в институт осенью 1911 года, мы узнали, что во всех классах введена гимнастика. До сих пор гимнастика была обязательна только в младших классах; теперь же каждый день не только III, II и I классы, но и пепиньерки идут в залу в новых, особого покроя, гимнастических костюмах и в течение двадцати минут делают всевозможные упражнения с гимнастическими приборами и без них. Два раза в неделю уроки гимнастики происходят под музыку, что развивает чувство ритма»¹¹. Преподавательница этого курса была выписана из Швеции, оттуда же привезли и необходимые снаряды.

Введенные гимнастические платья были удобными, функциональными и неожиданно смелыми, в сравнении с общим консервативным стилем одежды, традиционным для женских институтов. Они отлично подходили для энергичных и задорных упражнений: прямой и широкий силуэт, кушачок, акцентировавший линию талии, квадратное декольте, украшенное скромным белым воротничком, корот-

¹⁰ Клевезаль Ф. Ф. Гимнастика для девиц в применении к различным возрастам для общественного и домашнего воспитания: введена для руководства в Санкт-Петербургские институты Ведомства императрицы Марии. СПб, 1869.

¹¹ Цит. по: Черетин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Петроград, 1915. Т. 2. С. 473.

кие рукава со сборками на манжетах. Но главной особенностью платья, настоящей маленькой революцией, была сравнительно короткая (чуть ниже колена) юбка-брюки, напоминавшая японские хакама. Она позволяла широко шагать и делать растяжку, одно из любимых занятий воспитанниц.

Вероятно, эта форма, как и многое другое из области гигиены, имела немецкое происхождение. Проекты и фотографии аналогичных девичьих платьев для физических упражнений часто публиковались на страницах специализированных изданий по медицине, в дамских журналах и буклетах, посвященных платьям «реформ». Весьма похожие ансамбли приведены в известном альбоме Дорис Кизеветтер и Эрмин Штеффани «Немецкое женское платье» (1904 год). Возможно, они стали прототипом гимнастических платьев смолянок.

Институтки с нескрываемым удовольствием занимались гимнастикой в новых платьях. Татьяна Григорьевна Морозова вспоминала: «У нас, разумеется, были уроки гимнастики и танцев. Но они, если я не ошибаюсь, были раз в неделю поочередно. На уроках гимнастики мы снимали наши формы и надевали легкие серо-голубые платьица длиной до половины голени и с полукороткими рукавами. Резиночки отделяли юбку от верхней часть платья. Эти занятия слегка оживляли однообразное течение наших дней»¹².

На фотографиях начала XX века, запечатлевших жизнь Смольного института, воспитанницы позируют и в другой разновидности платьев – матросках. В начале 1910-х годов в них занимались легкими физическими упражнениями – ходили по бруску, прыгали и маршировали, играли в мяч и ходили с палками. Смольный, безусловно, повторял опыт европейских пансионов и гимназий, в которых к началу XX века матроска стала основным видом гимнастической одежды.

Помимо упражнений, воспитанницы выходили на прогулки. Теплой весной и летом

Соня Бакинская, воспитанница одного из институтов благородных девиц.

Фотоателье «А. Lorens»,
Петроград, 1915-1916 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

они выпархивали в нежно-зеленый сад Смольного института в повседневных камлотовых платьях, рукавчиках, пелеринках, не забыв покрыть головы очаровательными белыми чепцами, совсем такими, как на сентиментальном портрете Екатерины II кисти Боровиковского.

В зимнее время одевались тепло и основательно, жертвуя элегантностью. Зинаида Константиновна Манакина вспоминала: «Ходили в ужасных шубах, так называемые клеки. Если мы куда-то ехали, то на нас смотрели как на пугало. А на голове была плюшевая шапочка. Очень некрасивая была форма»¹³.

¹² Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. – М.: НЛО, 2008. С. 411.

¹³ Манакина З.К. Барышня-смолянка. Воспоминания. www.sakharov-center.ru

**Воспитанница
одного из институтов
благородных девиц
с траурным бантом
на плече.**

Последняя четверть XIX в.
Коллекция Р. В. Смирнова
(Москва)"

**Мария Подъяпольская,
воспитанница старших классов Смольного
института благородных девиц
в зимней одежде для прогулок.**

Фотоателье «А. Лоренс», Санкт-Петербург, 1903 г.
Архив О. А. Хорошиловой

**Воспитанницы
Смольного института
благородных девиц
занимаются
гимнастикой
в матросках.**

Фототипия, 1910-е гг.
Архив О. А. Хорошиловой

Манакина носила казенную, тяжелую и, вероятно, дурно скроенную «клеку», оставившую столь мрачные воспоминания. Однако юные модницы из богатых семейств заказывали себе шубки у хороших портных, которые, строго следуя уставу, все же учитывали физические данные и пожелания счастливицы. Такие «клеи» выгодно отличались от казенных двойников ладной посадкой, более узкой талией и коротким подолом, модным фасоном рукавов. В стужу поверх воротника повязывали полувоенный песочного цвета башлык из шерсти верблюда, не придававший зимнему наряду изящества. В такой одежде институтки гуляли, ходили на лыжах, катались с гор на Масленицу и совершали столь любимые и всегда ожидаемые выезды в город на институтских экипажах. Теплой осенью и весной вместо ненавистных «клеков» надевали «довольно сносные» пальто и полотняные косынки.

Обыкновенно после уроков или праздничных выездов у воспитанниц оставалось еще свободное время, которое они тратили на выполнение домашнего задания, после чего болтали, обменивались последними новостями и столичным сплетнями. В восемь часов вечера все классы дружно отправлялись пить чай с теплой булкой, затем шли в дортуары. Там они переодевались в легкие белые платья и «пудермантели», надевали милые чепцы и могли еще немного (до десяти вечера) погулять в зале.

Жизнь в закрытых женских институтах может показаться скучной и весьма однообразной – завтрак, уроки, прогулки, снова уроки... Но преподаватели и члены попечительских советов старались вносить оживление в этот жесткий казарменный распорядок. В течение года отмечали разнообразные праздники – религиозные и светские (связанные с историей института), – а также устраивали маскарады. В столичные заведения нередко навещались августейшие особы, и к этим посещениям готовились с особенной тщательностью и педагоги, и воспитанницы. Ежегодно проходили выпускные торжества.

По традиции в первые дни нового года (а иногда и в середине января) в институтах

проходили балы. Утром, надев праздничную форму – платье положенного цвета, коленкоры или батистовые рукавички, передники и пелерины, девочки шли в институтскую церковь, сопровождаемые классными дамами. Там в присутствии начальства и приглашенных попечителей проходила торжественная литургия. Затем звучали поздравления. Институтки обходили всех своих менторов в согласии с Табелью о рангах. Первой получала подарки и сердечные пожелания дражайшая начальница, принимавшая лучших воспитанниц в своем кабинете по очереди – сначала старшие, затем средние и в конце – стеснительные «кофушки». Тот же ритуал затем повторяли с инспектрисами, преподавателями, классными дамами. И лишь обойдя всех и всех поздравив, воспитанницы бросались друг другу на шею, дарили заранее приготовленные подарочки, хлопали в ладоши и хохотали. В час начинался прием родственников. Основательные папаши и раздушенные мамы спешили обнять свое чадо и вручить ему скромный (на этом настаивала начальница) подарок. Но девочки ждали даже не этих родительских часов. В тот день они жили мечтами о торжественном вечернем бале, на котором присутствовали все классы в особой форме – платьях и тонких батистовых передниках с изящной легкой бертой, украшенной неширокой шелковой лентой, соответствовавшей цвету возраста.

«С самого утра в этот день мы уже несколько волновались, – вспоминала одна из воспитанниц. – Были меж нами особые мастерицы, заменявшие парикмахеров, и тем всегда было много работы... В восемь часов вечера наши классные дамы вели нас чинно, попарно в ярко освещенную громадную залу, по обеим сторонам которой были белые колонны, а между ними невысокая балюстрада того же цвета, за которой, возвышаясь несколько амфитеатром, были прикреплены к полу лавки белого же цвета. На них помещались с одной стороны “голубой”, а с другой – “кофейный” классы, а «белые» были по середине залы. Они танцевали между собой за кавалера и за даму: кадрили, вальс, польку, приглашая на танцы не-

**Воспитанница
одного
из петербургских
институтов
благородных девиц
в «русском» платье
для маскарада.**

Кон. 1890-х гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Воспитанница варшавского Александро-Мариинского института благородных девиц в маскарадном костюме в русском вкусе.

Фотоателье «Karoli&Pusch», Варшава. Последняя четверть XIX в.

Архив О.А. Хорошиловой

которых “голубых” и очень редко “кофейных”, которые были только зрительницами. В конце зала поставлены были кресла для начальницы с некоторыми приглашенными ею гостями, большей частью дамами почтенного возраста. Тут же сидели инспектрисы, инспектор, а из учителей приглашаем был один Никитенко. Оркестр музыкантов у нас был свой, и в этот вечер он весь был в сборе. Нам давали оршад и что-то из лакомств. Потом служащие при дортуарах девушки приносили в корзинах бутерброды из черного хлеба с маслом и куском телятины сверху»¹⁴.

Описанные события относятся к 1840-м годам, однако за полвека в режиссуре традиционных институтских праздников ничего существенно не изменилось. Другими стали только

лица начальниц и учителей, крой платьев и передников, а также портрет августейшей покровительницы, которой с конца XIX века была императрица Александра Федоровна. Вот как описывала бал 1911 года воспитанница Смольного института: «В восемь часов мы все собрались в большой зале, и раздались первые звуки оркестра <...>. Воспитанницы стали приглашать друг друга, и скоро по зале закружились многочисленные пары. В десять часов младших увели, и вечер еще более оживился. В двенадцать часов все отправились ужинать. После ужина танцы возобновились. Веселье достигло своего апогея, когда стали разносить котильонные значки. Зала запестрела разноцветными флажками, шляпами, лентами, цветами; зазвенели бубенчики. Особенно заинтересовали всех маленькие медвежата, присланные воспитанницам почетным опекуном С. А. Де-

¹⁴ Удличанинова М. С. Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. – М., 1901. – С. 31-32.

Елена Пажинская,
воспитанница
варшавского
Александро-
Мариинского
института
благородных девиц
в маскарадном костюме.
Фотоателье «Brandel», Варшава.
Последняя четверть XIX в.
Архив О.А.Хорошиловой

Мария
Подъяпольская,
воспитанница
Смолянского института
благородных девиц,
в маскарадном костюме
в черноморском вкусе.
Фотоателье «И. Яковлев»,
Кронштадт. 1905 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Каррьер. Оживленные танцы продолжались до трех часов. Финальный марш прервал общее веселье, и, поблагодарив княжну и почетных опекунов, воспитанницы разошлись»¹⁵.

После бала жизнь в институтах вновь затихла, но ненадолго. Начинались масленичные гулянья, наступало время маскарадов. Первый, выпускной класс отправлялся в театр, остальные наслаждались видами застывшего в февральском снегу города, совершая прогулку в институтских экипажах. В последнее воскресенье перед постом проходили маскарады, к которым готовились с начала января. Воспитанницы сами выбирали персонажей, сочиняли костюмы и в течение месяца шили их, не прибегая к помощи классных дам. Советовались только с родителями во время визитов

¹⁵ Цит. по: Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Петроград, 1915. Т. 2. С. 504.

и выдавали им подробные списки всего того, что было нужно для будущего наряда. Николай Черепнин приводит ценное свидетельство – отрывки из рукописного дневника смолянки о приготовлениях к маскараду:

«Работа кипела. Многие костюмы изготовлялись собственноручно и выходили прекрасно <...>. Наконец пришло ожидаемое воскресенье... С утра была беготня и суeta, все торопились дошивать свои костюмы. На прием привезли родители последний транспорт материй, кружев, туфель и цветов. Каждый костюм был в секрете и тщательно скрывался от подруг. В шесть часов, по прибытии начальства, открывались двери из боковой залы в приемную, и под звуки полонеза потянулись вереницей нескончаемые пары. В первой паре был хорошенький, маленький малоросс с малороссиянкой. Каких только костюмов тут не было! Изыщные гейши мелькали

**Воспитанница
Смольного
института
благородных девиц
в выпускном
парадном платье.**

Фотоателье «Э. Вестли»,
Санкт-Петербург. 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

перед глазами, пестрея разноцветными халатами и веерами; были тут и маркизы, и цыгане, и домино в масках. Воспитанницы младших классов были одеты зверями. Один костюм представлял из себя банку с лекарством; не менее оригинален был сарт¹⁶ в чалме... До полуночи все веселились, и жаль было прекращать веселье; но... начинался великий пост!»¹⁷

Столичные институты благородных девиц активно участвовали в светской жизни Петербурга, воспитанницы бывали на разнообразных торжествах, к примеру, на юбилейных спектаклях и открытиях памятников, в стенах заведений устраивались памятные вечера, связанные с историей института, императорской семьей, а также юбилеями известных деятелей искусства и науки.

Иногда воспитанницы присутствовали на торжественных приемах в Зимнем дворце и пригородных императорских резиденциях. В таких случаях праздничный ансамбль (платья, белоснежные рукавички, передники и пелерины) дополняли белые перчатки.

¹⁶ Сарт – оседлый узбек или таджик.

¹⁷ Цит. по: Черетин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Петроград, 1915. Т. 2. С. 504-505.

В дни траура (кончина одного из августейших особ, начальницы института или почетного опекуна) воспитанницы прикалывали к пелеринкам черные репсовые или шелковые банты.

Самым знаменательным событием института был выпускной, проходивший в конце мая. Платье для него начинали шить с января. По конструкции и силуэту оно ничем не отличалось от белого парадного, но было сшито лучше, из качественного материала и выгодно подчеркивало изящество и тонкость выпускницы. К нему надевали батистовые передники и воротники-берты с прошивкой. Однако главными и заветными аксессуарами выпускного торжества были шифры и медали – драгоценные свидетельства прекрасной успеваемости. Количество этих наград зависело от числа выпускниц. Формула была простой – на каждые пятнадцать институток выдавали по одному шифру и одной золотой медали. Серебряную медаль получала одна из десяти. Прочие, проявившие старание во время учебы, получали книги с поздравительным автографом от начальницы и почетного опекуна. Шифры представляли собой позолоченный вензель императрицы Екатерины II под короной, наложенный на белую муаровую ленту с тремя золотыми полосками.

Лидия Чарская, учившаяся в Павловском институте благородных девиц, писала:

«Накануне лучшие ученицы из выпускных, окончивших институт, ездили во дворец получать высшие награды из державных рук Государыни. Мы, младшие, с волнением смотрели на ряд карет, подъехавших к зданию института, в которых наши выпускные в парадных платьях отправились во дворец, и с нетерпением ждали их возвращения. Они вернулись восхищенные, умиленные лаской августейших хозяев, и показывали покрытые бриллиантами шифры и золотые и серебряные медали, которые рельефно выделялись на голубом бархате футляров, увенчанных коронками»¹⁸.

¹⁸ Чарская Л. А. Записки институтки: http://lib.ru/TALES/CHARSKAYA/zapins.txt_with-big-pictures.html.

Впрочем, подобные шифры существовали только в Смольном институте благородных девиц. Во многих других учебных заведениях, относившихся к Ведомству императрицы Марии, шифры выглядели несколько иначе. Они представляли собой вензель императрицы Марии Федоровны под короной, наложенный на александровскую ленту. Такие награды получали лучшие ученицы Санкт-Петербургского и Московского Николаевских сиротских институтов, Санкт-Петербургского и Московского Александровских и Елизаветинских, а также Керченского и Оренбургского губернских институтов¹⁹.

Любопытно, что костюмы воспитанниц были отчасти взяты за основу при разработке форм воспитанниц епархиальных училищ, Императорского театрального училища и некоторых других женских учебных заведений.

¹⁹ Эти шифры были введены в 1894 г. См.: ПСЗ, Т. 14, № 10415 от 12 марта 1894 г. С. 105.

Помимо общих классов в институтах существовали так называемые специальные педагогические, в которых обучались пепиньрки, готовившиеся стать учителями и гувернантками. Программа была насыщенной. Пепиньрки достаточно основательно изучали русский язык и литературу, всеобщую и отечественную историю, иностранные языки, географию, физику, естествознание, математику, методику и педагогику, то есть то, что затем они сами должны будут вкладывать в головы своих подопечных.

Распорядок дня этих учениц отличался от общеинститутского. Николай Черепнин отмечал:

«Жизнь пепиньрок существенно отличается от общеинститутского режима и носит более домашний характер. Утром и вечером они пьют чай у себя в салоне, туда же подается им чай и в три часа дня, причем они могут привозить из дома печенье, лакомства и

Один из последних выпусков Санкт-Петербургского Николаевского сиротского института.

Петроград
1916-1917 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанницы
Пепиньерского
класса Смольного
института
благородных девиц.**

Снимок сделан
в 1860-е гг.
С того момента форма
пепиньерок почти
не изменилась.
Фотоателье «В. Лауфферт»,
Санкт-Петербург.
Архив О.А.Хорошиловой

Александра Подъяпольская, учащаяся педагогического класса одного из петербургских институтов благородных девиц. На ней традиционный костюм «пепиньерки», но дополненный траурной (?) пелериной.
Фотоателье «Д. Ф. Анерик», Санкт-Петербург: 1901 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Воспитанница педагогических классов Санкт-Петербургского Николаевского сиротского института.

К лифу платья прикреплен темляк с офицерской шашки – возможно, подарок брата или жениха.
Фотоателье «А. Lorens», Санкт-Петербург: Конец 1900-х гг.
Коллекция Р.В. Смирнова (Москва)

проч. Пепиньерки свободно располагают временем, не занятым лекциями и уроками с отстающими воспитанницами младших классов. Они имеют право на свободное время гулять в саду – не целым классом, а по две-три. Старшие пепиньерки ездят каждую субботу в отпуск; младшие – через субботу»²⁰.

Их одежда была более удобной и элегантной в сравнении с учащимися общих классов. Строгие и скромные серые платья, хоть и соответствовали институтским уставам, живо реагировали на моду, мягко изменяя силуэт, длину, отделку в соответствии с новыми веяниями. Крой в целом напоминал платья воспитанниц общих классов. В 1890-е годы вместо пелерины пепиньерки прикрывали шею и плечи изысканной кружевной косыночкой-фишко

с длинными концами, которые перекрещивали на груди и прищипливали у талии. Впрочем, уже в 1910-е годы, судя по сохранившимся фотографиям, платья стали закрытыми, с гофрированным лифом и длинными расширяющимися к низу рукавами, перехваченными тесными манжетами. Так называемые розовые пепиньерки (учащиеся старшего педагогического класса) украшали шею аккуратно повязанным нежно-розовым бантом. Костюм этих учениц дополнял шелковый черный передник с карманами.

Классные дамы тоже носили своего рода униформу – синие шерстяные платья с невысоким воротником-стоечкой, украшенным кружевной лентой. Этот достаточно унылый костюм едва соответствовал моде и этим подчеркивал удрученно незамужний статус своих великовозрастных владельцев.

²⁰ Черетин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Петроград, 1915. Т. 2. С. 488.

В. Никитина, воспитанница педагогических классов одного из московских институтов благородных девиц.

Фотоателье «К. Фишер»,
Москва. 1908 г.

Архив О.А. Хорошиловой

О. Муратова, воспитанница педагогических классов одного из московских институтов благородных девиц.

Фотоателье «М. Волков»,
Москва. 1909 г.

Архив О.А. Хорошиловой

Форма гимназисток

Российские женские гимназии ведут происхождение от петербургского Мариинского училища, открытого в 1858 году стараниями педагога Николая Алексеевича Вышнеградского и с благоволения просвещенного принца Петра Георгиевича Ольденбургского. В 1859 году деятельный Вышнеградский написал специально для этого заведения «Правила внутреннего порядка», которые легли в основу общего устава мариинских женских училищ, опубликованного в 1862 году. Вслед за Мариинскими стали открываться женские гимназии Министерства народного просвещения, и в 1870 году был утвержден их устав, доживший с небольшими изменениями до 1917 года.

К началу правления Николая II существовало несколько типов гимназий – Ведомства учреждений императрицы Марии, Министерства народного просвещения и частные. До 1890-х годов большинство гимназисток носили «вольную» одежду, которая, внутри каждого заведения была единой по цвету, силуэту и включала в себя скромные, приглушенных тонов платья и передники. Затем костюмы подвергли мягкой унификации. Воспитанницы гимназий Министерства народного просвещения и Мариинских надели форму, состоявшую из платья, передника, пелерины (не во всех гимназиях), шерстяных чулок, туфель или бот, а также верхней одежды – пальто и шапочки. Платья, непременно ниже колена, шили из шерсти серого, зеленого, коричневого и реже бордового цветов (что оговаривалось уставом заведения). Воротник-стоечка, не слишком узкий и не слишком широкий, был украшен кружевами. Елизавета Григорьевна Полонская, учившаяся в Лодзинской гимназии, приводит курьезный случай:

«Отметив отсутствующих, Александра Ивановна (учительница гимназии. – О. Х.) начинала кричать, обзывая неугодных ей учениц жидовками, польками и компанией, ставя нам на вид неаккуратность нашего внешнего вида. “Редькина, опять голая пришла! Что на

вас надето? Опять голая пришла!”. И Редькина смущенно закрывала воротничок своего форменного темно-красного платья, который оказывался на один сантиметр ниже положенной вышины наших стоячих воротничков»²¹.

В будни поверх платья надевали черные передники, а в косы вплетали черные шелковые ленты. По праздничным дням носили белые передники и ленты. Обувались в черные туфли или боты с непременно низкими каблуками или вовсе без них. Особое внимание уделялось прическам. Волосы следовало тщательно расчесать и затем заплести в тугую косу. Манирные челки и легкомысленные кудряшки запрещались. Если строгая учительница замечала что-то подобное на прелестной головке воспитанницы, она делала ей выговор перед всем классом и, в полной мере насладившись пунцовым позором, растекшимся по личику маленькой модницы, отправляла ее в туалетную комнату размачивать и распрямлять кудри.

Впрочем, воспитанницы старших классов нередко нарушали правила и даже пытались форсировать. К примеру, они прикалывали к лифам платья карманные часы, которые им дарили щедрые и деловитые родители. Анастасия Ивановна Цветаева вспоминала: «Папа осенью, к Марининому пятнадцатилетию, купил ей черные карманные часики, и она носила их, как все старшие гимназистки, на тонком черном шнурке через шею – за поясом платья»²².

Весной и летом на улице гимназистки щеголяли в шляпках типа канотье, украшенных шелковыми лентами: черными в будние дни и цветными в праздничные²³. В холодное время года носили пальто приглушенных оттенков (темно-синего, темно-зеленого, бордового и коричневого) на ватной подкладке. Головы покрывали круглыми мерлушковыми шапочками с гимназическими знаками, но часто атрибутику игнорировали – девочки не испытывали пиетета к униформе.

²¹ Полонская Е. Города и встречи / «Лехаим», 2008, № 6 (194). <http://www.lechaim.ru>.

²² Цветаева А. И. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1974. – С. 270.

²³ Циркуляр №22872 по Санкт-Петербургскому учебному округу от 25 июля 1914 г.

На следующей полосе:

Фотографический коллаж преподавателей и воспитанниц старшего класса Двинской женской гимназии.

Такого рода снимки были весьма популярны среди выпускников.

Фотоателье «Г. Кляцкин», Двинск. 1909 г.

Архив О.А. Хорошиловой

Воспитанницы Мариинской Донской женской гимназии с преподавателем.

Начало 1900-х гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Воспитанницы одной из московских женских гимназий в повседневной форме.

В центре – воспитательница и иерей, вероятно преподаватель Закона Божьего. Снимок подписан лично фотографом.

Фотоателье «Г. В. Трунов», Москва. 1893 г.

Архив О.А. Хорошиловой

ВЫПУСК ПЯТАЯ
ДВИНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ

Воспитанница одной из петербургских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии в праздничной форме с белым передником и батистовыми манжетами.

Фотоателье «Э. Брейер», Санкт-Петербург.

Конец 1900-х гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Воспитанница одной из петербургских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии.

Девушка позирует в повседневной форме.

На ее черном переднике виден выпускной жетон.

Фотоателье «Е. Семеновко», Петроград, 1914-1916 гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Воспитанница одной из петербургских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии.

На девушке парадная форма с белым передником, на котором заметен вышитый вензель «МГ» под короной.

Санкт-Петербург: Нач. 1900-х гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Гимназистки занимались гимнастикой в удобных матросках.

Орел, 1900-е гг.

Архив О.А. Хорошиловой

На следующей полосе, внизу:

Выпускной класс Новгородской Николаевской женской гимназии.

В центре – три преподавателя.

Новгород, 1908 г.

Архив О.А. Хорошиловой

Воспитанница одной из московских гимназий в повседневной форме.

Фотоателье «Г. В. Трунов», Москва. 1900-е гг.
 Архив О.А.Хорошиловой

Выпускница Двинской женской гимназии в повседневной форме.

Фотоателье «Г. Кляцкин», Двинск. 1909 г.
 Архив О.А.Хорошиловой

Воспитанница одной из московских гимназий с короткой стрижкой (вероятно, после перенесенной болезни).

Фотоателье «Г. В. Трунов», Москва. Нач. 1900-х гг.
 Архив О.А.Хорошиловой

**Урок рукоделия
в одной из
петроградских
женских гимназий.**

Петроград. 1914-1915 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Воспитанница
одной из московских
гимназий
с модными
дамскими
карманными
часиками на золотой
цепочке у шеи.**

Москва. Конец 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Наталья Рыкова,
воспитанница гимназии
Е. М. Гедда, в будущем – известный филолог,
близкая подруга Анны Ахматовой.

Фотоателье «А. Логенс», Санкт-Петербург. 1912 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Воспитанницы частных гимназий тоже зависели от устава и личного отношения директрисы к форме. Классическая женская гимназия фон-Дервиз славилась строгими правилами в отношении внешнего вида. Воспитанницы носили коричневые платья с черными или белыми передниками. Причесывались тоже по уставу – волосы гладко расчесаны и собраны в одну косу, крепко стянутую черной лентой.

Не менее суровыми были правила в петербургской гимназии Марии Петровны Спешневой. «Требовалось не только прилежание и хорошее поведение, но и строгость в ко-

стюме, – отмечала Мария Андреевна Бекетова. – Ученицы носили форму: коричневое платье с черным передником, но если девочка надевала, например, брошку, Мария Дмитриевна (инспектриса гимназии. – О. Х.) делала ей выговор в мягкой, но скучной форме, вроде следующего: “Ты хочешь показать, что у тебя есть брошка, Ляля? Аня Иванова, пойдй сюда”. Аня подходила. “Скажи, Аня, у тебя дома есть брошка?” – “Есть, Мария Дмитриевна”. – “Вот видишь, Ляля, у Ани тоже есть брошка, а вот она ее не надела. Никогда не носи в гимназии брошку, сними ее”. Таким путем преследовалось тщеславие»²⁴. В начале XX века жесткие требования к внешнему виду воспитанниц все еще существовали в этом заведении.

Мария Бекетова привела и другой случай нарушения гимназического устава. Воспитанница явилась с красными бантами в косицах, за что получила суровый разнос от преподавательницы и, оскорбленная, больше в гимназию не приходила. Этот эпизод уже позднее получил отражение в поэме «Возмездие» Александра Блока:

...Велит ей нрав живой и страстный
Дразнить в гимназии подруг
И *косоцветкой* ярко-красной
Вводить начальницу в испуг...

Платье и внешний вид гимназисток становились темой не только поэмам, но и бульварных заметок про современные, не слишком высокие нравы. К примеру, самарские жрицы любви подкарауливали клиентов на улицах в нарядах, весьма напоминавших гимназические, и потому не привлекали внимания стражей правопорядка. Обман раскрылся случайно, и получился грандиозный скандал. Вице-губернатор Самары предложил внимательнее следить за гимназистками и контролировать их жизнь вне стен учебных заведений²⁵.

²⁴ Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М.: Правда, 1990. С. 356.

²⁵ Бажанов Е. Вольный город пионеров дикого поля. Самара: СДП, 1995. С. 128-129.

**В гимназии
Е. М. Гедда**

не существовало единой формы, однако девушки носили однообразные темные платья и аккуратные белые воротнички, украшенные кружевами. Фотоателье «А. Lorens», Санкт-Петербург. 1912 г. Архив О.А.Хорошиловой

**Классная дама
Двинской женской
гимназии.**

Одежда воспитательниц была не менее строгой и скромной, чем форма учениц. Фотоателье «В. Штейнберг», Двинск. 1900-е гг. Архив О.А.Хорошиловой

Внешний вид классных дам гимназий был столь же унылым, как и в институтах благородных девиц, – закрытое шерстяное синее платье с узким белым воротничком и манжетами, шерстяные чулки и боты, взбитые в модерновый пух волосы, очки, анемичное, сухое лицо и преждевременно потухшие глаза.

Эти гимназические церберы, фанатично верные букве устава, зорко следили за опрятностью гимназических костюмов, длиной подолов, высотой воротничков и каблучков, пресекая любые попытки воспитанниц выделиться из черно-коричневого однообразия и одностумия. В стенах средних учебных заведений индивидуальность и чрезмерная образованность не приветствовались. Однако, покинув гимназию (и не забыв прикрепить к форменному фартуку заказанный по этому поводу выпускной жетон), девушка, желавшая продолжить образование, поступала на женские курсы, высшие учебные заведения для дам-интеллектуалок.

Костюмы курсисток

Еще в начале 1860-х годов просвещенные чиновники и свободолобивые мыслители обсуждали возможность развития высшего женского образования в России. Но так ни к чему не пришли – университеты воспротивились присутствию дам на лекциях. В 1868 году высокообразованные дамы завалили ректора Санкт-Петербургского университета прошениями об организации для них специальных лекций или даже курсов. Наконец, в 1870 году в здании Владимирского уездного училища открылись двухгодичные курсы для «обоих полов». Они просуществовали до 1873 года. Наиболее знаменательным событием в истории российского образования стало открытие в 1878 году петербургских Высших женских курсов с университетским типом преподавания и прекрасным профессорским составом. В связи с тем, что их заведующим стал профессор Константин Николаевич Бестужев-Рюмин, курсы получили неофициальное наименование «бестужевских», а их слушательницы не без гордости называли себя «бестужевками».

В конце XIX – начале XX века дам-специалистов готовили уже многие образовательные заведения: Высшие женские курсы в Москве, Казани, Киеве, Женские медицинские институты в Санкт-Петербурге и Москве, Женский педагогический институт в Санкт-Петербурге, Женские технические курсы в Москве, Женские политехнические курсы в Санкт-Петербурге, Стебутовские женские сельскохозяйственные курсы в Санкт-Петербурге.

Русское общество не сразу приняло и привыкло к новому типу просвещенной женщины-курсистки. О них смешливо шептались и мягко подтрунивали господа, их зло осуждали дамы, не отягощенные излишними «вредоносными» знаниями, их побаивались образованные мужчины за риск уступить в интеллектуальном споре, их комично корявые изображения пестрели на страницах газет и журналов. О курсистках многие судили именно по карикатурам, которыми весьма удачно пугали своих дочерей: «Смотри, поступишь на

**Слушательницы
Высших
Стебутовских
курсов Общества
содействия
женскому сельско-
хозяйственному
образованию.**

В центре – преподаватели курсов:
второй слева – надворный советник Александр Алексеевич Красев, пятый слева – статский советник Виктор Иванович Рыков. Санкт-Петербург. 1904 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Выпускницы
женских курсов
при Петербургском
обществе «Альянс
Франсез».**

В центре – председатель общества Юлий Юльевич Бальи-Конт. Курсы готовили педагогов по французскому языку и переводчиц.

Петроград. 1916 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Ивахъ Павловичъ Менделѣвъ.
 Петроградъ, Литейный пр., 55 (третій д. отъ Невскаго пр.). Телеф. 83-23.

Состоящіе въ вѣдѣніи Мин. Торг. и Пром.

КУРСЫ ОБУЧЕНІЯ ПИСЬМУ НА МАШИНАХЪ
 (СПЕЦІАЛЬНО ПО „СЛѢПОМУ“ МЕТОДУ)

И. П. МЕНДЕЛЪЕВА,
 Петроградъ, Литейный пр., № 55. — Тел. № 83-23.

БИЛЕТЪ № 301

Выданъ *Кругловой*
Маріи Викторовнѣ

БЕЗЪ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ.

Время занятій отъ *12* час. до *4* час. ЕЖЕДНЕВНО, начиная съ *20/III* 191*7* г., кромѣ дней указанныхъ въ Правилахъ.

Билетъ обязательно имѣть при себѣ и предъявлять для отмѣтки уроковъ и лекцій.

См. на оборотѣ.

Билет
Марии Кругловой,
 слушательницы
 Петроградских женских
 курсов обучению письму
 на машинах.
 Петроград, 1917 г.
 Архив О.А.Хорошиловой

4/128

№.....

СЛУШАТЕЛЬНИЦЫ
~~Петроградских~~
~~высших женских~~

ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСОВЪ
 ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАГО
 ФАКУЛЬТЕТА
 по 7 группѣ
 БІОЛОГІЯ.

Зеликсонъ
Ханы Викторовны

поступившей на факультетъ въ 191*6* году

Деканъ *Сави*

БИЛЕТЪ ДЛЯ ВХОДА
 на Петроградскіе Высшіе Женскіе Курсы
 на 1916—1917 учебный годъ.

Осень 1916 г.	Весна 1917 г.
---------------	---------------

Билет Ханы Зеликсон,
 слушательницы
 физико-математического
 факультета Высших
 женских курсов.
 Петроград, 1916-1917 гг.
 Архив О.А.Хорошиловой

**Слушательницы
Высших женских
медицинских курсов.**

Москва. 2-я пол. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

курсы, будешь такой, как дамочки господина Кадулина». Владимир Кадулин, наделенный недюжим талантом выпячивать, плющить и раздувать до бульварного гротеска разнообразнейшие людские типы, не прошел мимо вкусного остроумного образа курсистки. Его желто-журналистское воображение нарисовало баснословно уродливых, игривых и отвратительно соблазнительных, изломанных муками рождающегося интеллекта и им же истерзанных дам, широко и по-мужски ходящих или едва волочащих насекомоподобные лапки. На них было страшно и смешно смотреть. Такой судьбы своим дочерям не желал никто.

С этими открыточными «монстратисами» настоящие курсистки не имели ничего общего. Они были подчеркнуто аккуратными в одежде и внешнем облике. На Высших женских курсах царила относительная интеллектуальная свобода, которая отражалась и на costume. Девушки предпочитали скромные одежды потому, что в них было удобно, легко и так не хотелось напоминать сладкоулыбчивых «конфетных» дам в невообразимо выгнутых корсетах, затканых цветами и оборками платьях, с высоко взбитыми прическами и выпудренными до модной анемичности маскообразными лицами.

**Карикатура
«Типы курсисток:
лет 25 тому назад
и теперь».**

Художник верно подметил произошедшую за несколько десятилетий трансформацию. Курсистки начала XX века были гораздо элегантнее и моднее своих предшественниц. Фототипия. Нач. 1900-х гг.

**Курсистки в
форменных мужских
фуражках.**

Судя по многочисленным старинным фотографиям, дамы, учившиеся или окончившие курсы, нередко заказывали себе фуражки с арматурой той специальности, которую они получали. Однако в этих головных уборах они могли только сниматься в ателье. Никто не отваживался расхаживать в них по улицам. 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

На следующей полосе:

Вера Моисеева
(сидит первой слева)
**в группе
слушательниц
историко-
филологического
отделения Высших
женских курсов.
Курсистки одеты
скромно, но со
вкусом.**

Фотоателье «Reissert&Fliege»,
Санкт-Петербург.
Нач. 1910-х гг.
Семейный архив
К.И.Финкельштейна

Курсистки носили строгие костюмы и не любили красивых ювелирных безделушек. Их повседневной весенне-летней одеждой были шерстяные темных тонов юбки, белые блузы с отложным воротником, под который иногда повязывали косынку или галстук «нейви», завязанный широким и свободным морским узлом. В более холодное время предпочитали надевать тайеры и строгие закрытые шерстяные платья темных тонов, лишь очерком соответствовавшие модным силуэтам. Невысокий воротничок и манжеты иногда гарнировали кружевами. На лиф платья (обычно с левой стороны) крепили небольшие карманные часы на шелковой темной ленте – совсем так, как это делали учительницы в гимназиях. Среди курсисток была распространена простая гимназическая прическа – гладко расчесанные волосы, собранные в тугую косу и перехваченные темной лентой. Екатерина Алексеевна Андреева-Бальмонт в конце 1880-х годов посещала Высшие женские курсы Герье. Она вспоминала:

«Я шла неспешным деловым шагом, держа солидный портфель с лекциями под мышкой <...>. Приходила я чуть ли не за час до начала лекций и с любопытством рассматривала собирающихся студенток. Ни стриженных, ни курящих не было. Такая же публика, как на публичных лекциях, на концертах. Одеты, как я,

кто победнее, кто побогаче, но все в прическах. Некоторые сидели на лекциях в шляпах и перчатках. Были там и пожилые и молодые»²⁶.

Особую форму носили только слушательницы Женских медицинских институтов. На практических занятиях во врачебных кабинетах, операционных и анатомических театрах они присутствовали в белых медицинских балахонах, скрывавших достоинства молодой фигуры. Некоторые слушательницы, правда, пытались подчеркнуть хотя бы талию, затянувшись потуже белым кушаком или поясом. Халаты имели два широких кармана, и уже тогда, на курсах, девушки приобретали ту характерно медицинскую привычку держать в них руки при ходьбе.

Во время праздников, торжеств, приемов курсистки носили светлые шелковые закрытые платья и небольшое количество украшений. Но порой обходились и без них.

В теплое время поверх платья надевали рогонду или шаль, осенью и зимой – пальто или шубки, шарфы, круглые, похожие на гимназические, шляпки и муфты.

Курсисткам стремились подражать и скептические институтки, и восприимчивые к веяниям моды гимназистки. Самуил Яковлевич Маршак отмечал:

«Но, пожалуй, душой кружка молодежи был не он, а его белокурая сестра – семиклассница Лида Лебедева. Несмотря на то что она еще носила школьную форму – коричневое платье и черный передник, а под скромным плоским бантом ее круглой шляпки стыдливо прятался крошечный гимназический герб, Лида была больше похожа на столичную курсистку, чем на гимназистку из глухой провинции»²⁷.

Популярность стиля курсисток подметил и Александр Бенуа: «Под студентов и курсисток гримировалась и вообще вся передовая молодежь, а быть не передовым считалось позорным... Это была мода дня!»²⁸

²⁶ Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 229.

²⁷ Маршак С.Я. В начале жизни (страницы воспоминаний). М.: Сов. писатель, 1961. С. 74.

²⁸ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Т. 1. М.: Наука, 1990. С. 378.

7

A vintage photograph of two men in early 20th-century aviator uniforms. The man on the left is wearing a light-colored, high-collared jacket with two chest pockets, dark trousers, and tall, laced-up boots. He has a mustache and is wearing a dark cap with goggles resting on his forehead. The man on the right is wearing a dark, high-collared jacket, dark trousers, and tall, laced-up boots. He also has a mustache and is wearing a dark hood or cap with goggles resting on his forehead. The background is a mottled, studio-style backdrop. The text "Костюмы профессий" is overlaid in the center in a white, sans-serif font.

Костюмы профессий

До революции
в фотографических
ателье и книжных
лавках неизменным
спросом
пользовались
почтовые карточки
с «русскими типами».
Так с легкой руки
верткого
и вездесущего
фотографа Каррика
еще в середине
XIX столетия стали
именовать уличный
люди – мастеровых,
работников,
дворников,
лавочников,
ямщиков, ломовых...

Словом, всех тех, кто своим необычным внешним видом оживлял цивильно-военную строгую городскую гамму. Открытки эти, огромными тиражами издаваемые столичными и московскими фотостудиями (к примеру, «Шерер, Набгольц и Ко»), являются ныне прекрасным источником изучения русских «типовых» костюмов, то есть ранней профессиональной униформы. Она формировалась на протяжении первой половины XIX века, когда начался обильный приток крестьян на заработки в города и народно-сермяжный стиль в их одежде стал постепенно ослабевать под напористостью городского костюма и военной униформы. Вместо ермолок – фуражки, вместо кушаков – кожаные пояса, армяки переменили на пиджаки, лапти и онучи – на дешевые свиные сапоги. В костюме появились необходимые профессиональные элементы и аксессуары, по которым можно было легко определить вид деятельности каждого уличного «типа». Чем теснее его деятельность была связана с государственными структурами (к примеру, почтой, полицией), тем больше в его внешнем виде было форменных элементов (к примеру, почти военная форма городских, фуражки с арматурой и витые плечевые знаки у почтальонов, нагрудные бляхи с номерами у дворников). И наоборот – в костюмах профессий временного характера (таких как сезонные рабочие) доминировал крестьянский стиль.

Среди «русских типов» самыми, пожалуй, популярными и всеми узнаваемыми были извозчики, истинные короли улицы. Бедные и побогаче, обиженные несправедливой жизнью и довольные хорошим заработком, пре-

зренные всеми «ваньки», суровые ломовики и щеголи-«лихачи»... Какими бы ни были эти служители транспорта, какую бы степень ни занимали они в иерархии обслуживающего персонала, именно от извозчиков порой зависели известные и уважаемые деятели императорской России. Не успеет такой сановник на заседание, не приедет в условленное время на Высочайшую аудиенцию, и карьера его рухнет. Извозчики управляли временем, которое в начале XX века становилось дороже день ото дня. И чем проворнее и ловчее был возница, тем более щедрой становилась к нему судьба.

Впрочем, скорость и проворство, эти главные качества служителей лошадного транспорта, зависели от их статуса. Низшими по рангу считались «ваньки» или «желтоглазые». Они обслуживали в основном небогатых горожан – мещан, разночинцев, бедных студентов, а также всех тех, кто желал сэкономить в ущерб скорости передвижения.

«Ваньки» трудились день-деньской по 16–20 часов в сутки, получая по 2–3 рубля, если повезет. Ездили на своих лошадях, но чаще на «хозяйских», принадлежавших тому, кто их нанимал. Работали на пролетках, сидя на открытых козлах без спинки и козырька от непогоды, мокли под дождем, промерзали под снегом. В спине ломило от постоянного сидения и крепких ударов пассажирских бесцеремонных тростей. «Ваньки» были безлики и безымянные, их внешний вид вызывал у некоторых особо брезгливых мещан приступы тошноты. По корпоративному правилу (а правила всегда исключают человеческий фактор) извозчики этого ранга должны были носить рубаху, жилет и синий из плотного сукна «волан»

На предыдущей полосе:

**«Лихач»
в традиционном
армяке и цилиндре.**

Фототипия «Шерер,
Набгольц и Ко», Москва.
1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

с запахом на левую сторону, завышенной линией талии, широким кушаком и множеством складок сзади. Дополнял этот правильный образ головной убор – приземистый черный фетровый цилиндр с загнутыми по бокам полями, черной репсовой лентой и неизменной пряжкой по центру. Зимой его место занимала круглая шапка с околышем, обшитым мехом, бархатной или суконной ромбовидной тульей. Обувались они в высокие сапоги со множеством складок, а зимой – в валенки.

Но то был картинный «ванька», герой детских азбук, почтовых открыток и призрак сладчайших эмигрантских мемуаров. Те утрюмые и жизнью раздавленные существа, клевавшие красным носом на козлах или скрипевшие вдоль мостовых на потертых тоскливых пролетках, одевались куда беднее. «"Форменный" зипун не зипун, тулуп не тулуп, но и пальто это было невозможно назвать... Армяк, что ли. Синего сукна, туго подпоясанный и достигавший по ногам почти до щиколоток. Что под армяком – бог его знает, а на голове – устройство, которое я не могу живописать словом: возьмите

четвертый том Даля, откройте на слове шляпа и увидите там "шляпу кучерскую или прямую"; это оно и есть, типичная, как выражается Владимир Даль, "мужская головная покрывка из твердого припаса", – писал Лев Васильевич Успенский.

Извозчики победнее и работавшие на окраинах вообще не задумывались над тем, чем покрыть голову – цилиндром ли, драной ли фуражкой с расщепленным козырьком или бесформенной «нахлобучкой» с торчащей из нее ватой или паклей. В непогоду «ваньки» накидывали на залатанные армяки клеенку, оберегавшую «форменный» наряд от промокания. Никогда не следившие за собой, редко мывшиеся, эти извозчики производили отталкивающее впечатление. Николай Николаевич Живо-тов, журналист, преобразившийся на несколько дней в «ваньку», так описывал их внешность: «Все извозчики в Петербурге носят длинные, прядями висящие волосы с подбритым затылком. В жаркие дни эти пряди увеличивают только тягость извозчицье работы и разводят мириадами насекомых. Я не ошибусь, если скажу, что у каждого извозчика на голове столько

**«Ванька»
в пролетке
на открытых козлах.**

Одет в толстый армяк с подкладкой сзади и черный фетровый цилиндр.

Царское Село, 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Извозчики-«ваньки»
в армяках, валенках
и шапках.**

В руках – толстые овчинные варежки. Судя по опрятному внешнему виду, они неплохо зарабатывают.

Фотоателье

«Ф. Ф. Сенилова», Троицк.

1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

«Ваньки» в чайной.

Фототипия известного снимка
И. Монштейна. 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

же «обитателей», сколько волос, и если бы прямо приказано было остричь, то многие миллиарды «жизней» оказались бы загубленными»¹.

Вторым, более высоким рангом извозчиков были «лихачи». Не люди – звери. Александр Блок лаконично и точно описал их первобытную натуру: «Опять навстречу несется вскачь, // Летит, вопит, орет лихач».

На своих щегольских экипажах с мягкими бесшумными резиновыми шинами они рыскали по самым лучшим и дорогим столичным улицам и переулкам в поисках новой жертвы – размякшего от «Вдовы Клико» и потому особенно доверчивого господина в элегантном пальто или шубе, которого было так легко «перекатать», то есть долго-долго везти по указан-

¹ Животов Н. Н. На извозничьих козлах: <http://lj.rossia.org>

ному адресу, а потом предъявлять счет. «Лихачи» жили по своим, звериным, правилам, безразличные к церковным заповедям и морали. Прокатить осоловевшего отца семейства и незаметно подсадить к нему девушку легчайшего нрава – пожалуйста. Помочь вору мгновенно скрыться с места преступления – будьте любезны. Они были рады и готовы осуществить любое желание за хорошее и сверххорошее вознаграждение. «Драли они безбожно, но мчали действительно лихо. Нанимали их люди, сорившие деньгами, и те, которые хотели пустить пыль в глаза. Стоянок их было немного – на Невском, на углу Троицкой, около Городской думы, на Исаакиевской площади»², – свидетельствовали современники петербургской Belle Époque. В сочинениях Льва Толстого лихачи и того хуже: «С подбритыми затылками, сидевшие, развалясь, в своих пролетках, презрительно и развратно рассматривая проходящих»³.

Лихим был и наряд этих извозчиков. Синий из качественного сукна армяк имел широкий запах, борт оторочен бархатной или шелковой бейкой – благородных тканей на свою рабочую «форму» лихачи не жалели. Иногда, впрочем, армяки надевали двубортные с медными в два ряда пуговицами, они же украшали и спинку – исключительно «форсу ради». Складки на армяке – особая гордость «лихачей». Их не должно было быть слишком много, но и не слишком мало. Обыкновенно – от трех до пяти: добротные, плотные, полукруглые, словно литые. Подпоясывались «лихачи» суконными кушаками, красными, синими, коричневыми. Некоторые предпочитали кожаные ремни, а сугубые ценители «шика» дополняли их металлическими пластинками или бляхами. Многие современники указывают и другую примечательную деталь их формы – большие карманные часы в кожаном футляре, висевшие на спине у кушака. «Лихачи» подкупали скоростью, и клиентам предлагалось ее

² Засосов Д. А. Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Л.: Лениздат, 1991. С. 42.

³ Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 13. С. 242.

оценить. Иные особо щедрые приплачивали именно за то, что оказывались в нужном месте раньше серебристой стрелки на хитром извозчикьем циферблате.

Головной убор – визитная карточка «лихача». В теплое время – это веллоровый цилиндр, именно такой, как на картинках, – с щегольским «развалом», узкими, лихо загнутыми полями, широкой репсовой лентой и всегда начищенной пряжкой. Зимой – высокая (похожая на колпак) или низкая круглая меховая шапка на благородном меху или кучерская – с квадратным верхом. Сапоги «лихачи» надевали добротные, в модную мелкую складку, любили щегольнуть и в «гамбургских». В непогоду и холодное время они прикрывали ноги особым кожаным фартуком. Таким же пользовались и седоки.

Вид у таких извозчиков соответствовал их статусу – всегда обходительны, веселы, с озорными внимательными глазами, сытые и розовощекие. Одним словом, кустодиевские. Они стриглись «под горшок», носили прямой пробор, иногда подвивали волосы, бороды расчесывали и стригли. Некоторые, однако, подбородки брили и носили усы, тоже весьма щегольские.

Зимой лихача можно было узнать по синим пухлым армякам на меху и бекешам, украшенным по борту бейками с нехитрым орнаментом. Руки прятали в кожаные рукавицы – коричневые и желтоватые на овчинном меху. На ноги надевали теплые толстые валенки.

На улицах столичных и провинциальных городов можно было нередко увидеть и «ломовых» – извозчиков, управлявших тяжелыми, грузовыми телегами или санями. Что только они не перевозили – тяжелую резную мебель, песок, кирпич, воду и продукты, лед и даже «золотые обозы» (то есть городские нечистоты). Костюм соответствовал профессии – грубый, простой, удобный и не более. На рубаху и поддевку «ломовики» надевали видавшие виды армяк на вате или полушубок на меху, а сверху – либо холщовый рваный «рабочий» передник неопределенного цвета, либо наряд, напоминавший жилет, но длиннее и обязательно с карманами. В теплое время этот жилет исполь-

зовали как поддевку. Ломовые извозчики покрывали голову фуражкой, а зимой – круглой меховой шапкой, натягивая ее до самых ушей.

Эти былинные богатыри, грузные, угрюмые, дикие, из самой, кажется, земли вышедшие, пугали детей и впечатляли подростков. Лев Успенский запомнил их «с громадными “качками”, с колесами в рост невысокого мужчины, с дугами толщиной в мужскую ногу, с конями-битюгами, важно шествовавшими на мохнатых, обросших по “щеткам” длинной шерстью ногам»⁴. Мстислав Добужинский оставил такое описание: «Эти дикого вида “ломовики”, держа вожжи, медленно выступали рядом со своими такими же страшными и огромными битюгами, увешанными сбруей с бляхами, дуги же бывали необыкновенно затейливо и ярко расписаны. Всегда это были мрачные, бородатые мужики, которые носили или засаленный картуз, или треух и неизменно бывали наряжены поверх тулупа в красный жилет нараспашку – и любопытно, что это были всегда старые придворные жилеты с двуглавыми орлами на истрепанном позументе! Этот замечательный костюм еще дополнялся брезентовым фартуком, богатырскими кожаными рукавицами и какими-то веревками крючками, висевшими сбоку»⁵.

На Масленицу в Санкт-Петербург под звон бубенцов и раскатистый девичий смех съезжались «вейки» – выходцы из северных территорий России: финны, карелы, ингерманландцы. Впрочем, русский человек, мало понимавший в тонких национальных различиях, прозвал их «чухонцами». «Вейки»-«чухны» приезжали в столицу на собственных мохнатеньких, крепеньких лошаденках и «розвальнях» – легких и весьма удобных санях, в которых они с утра до ночи катали разгоряченную праздниками публику. Все – от хомута до хвоста лошади – было покрыто пестрыми ленточками и веселыми бубенцами. Сами извозчики, напротив, выглядели хмурыми, серьезными, с клиентами не заговаривали, тем паче что русский язык знали они скверно.

⁴ Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970. С. 42.

⁵ Добужинский М. В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 13.

**«Лихач»
в зимней одежде
на санях.**

Фототипия.
Конец 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Извозчик-«ломовик»
перевозит
семейство
на новую квартиру.**

Санкт-Петербург.
1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Одежда их тоже отличалась от местной. «Вейки» правили санями в толстенных бекешах или шубах мехом наружу, в рукавицах и валенках. На голове – неизменная «финская» ушастая шапка, в зубах – маленькая самодельная трубка. Катанье на «вейке» было верхом мечтаний многих петербургских детей, потому расчетливые родители в период масленичных гуляний нередко шантажировали своих отпрысков, заставляя лучше учиться или больше читать. Эти «праздничные» извозчики были столь популярны, что появились даже фальшивые «вейки». Сергей Минцлов свидетельствовал: «По городу звенят бубенцы, наехали обычные масленичные вейки на своих коньках. Конечно, среди них много переодетых русских, тем не менее работают на славу»⁶.

Самыми, однако, живописными и колоритными среди управляющих лошадным транспортом были кучера «собственных выездов». Дмитрий Засосов и Владимир Пызин указывали: «Экипажи у собственников были самые разнообразные: кареты, коляски одноконные и пароконные, фаэтоны в английской запряжке с грумом в цилиндре (вместо кучера), с высоким стоящим хлыстом, “эгоистки” на высоких колесах, мальпосты на двух высоких колесах, шарабаны на одного или двух седоков без кучера; большое разнообразие было и в санях — одноконные, пароконные с запряжкой с дугой и в дышле. На лошадях сетки, чтобы на седоков не летели комья снега с лошадиных копыт <...>. Собственники гордились своими выездами — это был показатель их богатства, значит, и положения в свете»⁷.

Кучера служили у барина, а также состояли при посольствах и августейшем дворе. Работа хоть и требовала физических усилий, внимания и сноровки, но была несравнимо легче утлого труда городских извозчиков. Кучер жил в отдельной, небольшой квартире, работал по достаточно четкому «барскому» расписанию. Уверенный в непоколебимости хозяйского финансового благополучия, он мог не-

плохо обставлять свои апартаменты, баловать жену подарками, давать неплохое образование детям. Наиболее расчетливые терпеливо и долго копили, а затем приобретали какой-нибудь надел земли с домом и сами становились хозяевами, нанимавшими крестьян для работы на участке. Словом, кучера были привилегированным классом, белой костью извозничьего племени. Одевались они и выглядели соответственно статусу хозяина. Екатерина Алексеевна Андреева-Бальмонт не раз становилась свидетельницей долгого процесса облачения семейного кучера:

«Красавец Ефим – кучер отца – стоял перед осколком зеркала, прикрепленным к двери сарая, и смотрел, как конюх напяливал на него поверх ватника, надевавшегося для толщины, светло-синий кафтан на лисьем меху, с трудом застегивал его на крючки, затягивал талию ремнем, поверх его обматывал пестрым шелковым кушаком, концы которого с бахромой висели у него на животе; на голову надевали ему бархатную голубую в цвет кафтана шапку с позументом, опущенную бобром. С трудом напялив себе на руки белые замшевые перчатки, пугаясь в длинных полах шубы, кучер делал несколько шагов, влезал на козлы с помощью конюха, который расправлял сзади толстые складки его кафтана, оправлял высунутую наружу правую ногу. Кучер натягивал вожжи на руки. Как только с крыльца раздавался голос лакея: “подавай”, тяжелые двери сарая распахивались, конюх, отвязав лошадь, отскакивал в сторону, и лошадь вылетала <...>. Нам никогда не надоедало смотреть из окон на это зрелище. Особенно восхищал кучер Ефим, восседавший неподвижно, как идол, на козлах с натянутыми на руки вожжами»⁸.

Костюм кучеров был в целом похож на одежду «лихачей» – те же «воланы» или кафтаны, шерстяные цветные кушаки, цилиндры и зимние шапки с ромбовидным верхом. Однако цвет армяка или кафтана мог быть каким угодно – от красного до темно-зеленого. По жела-

⁶ Минцлов С.Р. Петербург в 1903 – 1910 годах. Рига, 1931. С. 64.

⁷ Засосов Д.А. Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Л.: Лениздат, 1991. С. 44.

⁸ Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 27-28.

Кучер поручика Леонида Пунина, известного партизана Первой мировой войны. Офицерские кучера были из состава нижних чинов и, подобно денщикам, носили военную форму.

Павловск, 1915 г.

Архив О.А.Хорошиловой

нию себялюбивого хозяина кучер заказывал щегольской «волан» с золотыми или серебряными галунами или цветными бейками. Если кучер был из бывших унтеров и имел медали и ордена, он с удовольствием крепил к армяку наградную планку.

Зимой он мог править выездом в красивом толстом армяке или даже в шубе мехом наружу, отчего приобретал весьма дикий вид и привлекал внимание уличных подростков-шалунов, пытавшихся на спор отщипнуть меховой кусочек с этого монументального недвижимого великана. Захар, кучер семьи Набоковых, зимой надевал «нагольный овечий тулуп, с рукавицами, засунутыми за красный кушак»⁹.

В теплое время кучера носили рубахи – хлопковые, ситцевые, а некоторые и шелковые, поверх которых надевали бархатную или суконную поддевку-безрукавку или сюртук. На голове – цилиндр, ловкая фуражка с цветочком или ямщицкая шапка с перепелиными перышками. На ногах – широкие суконные шаровары и мягкие начищенные сапоги с небольшим щегольским развалом. «Станция

Лазарево. Блестящая пролетка с парой на отлете, кучер в синей рубашке и бархатной безрукавке, в круглой шапочке с павлиньими перьями. Мягкое покачивание, блеск солнечного утра, запах конского пота и дегтя», – вспоминал Викентий Вересаев.

Вне выездов кучера заменяли поддевку на менее дорогой суконный или бархатный жилет, на котором несколькими рядами поблескивали золотые цепочки от карманных часов. Такие, как правило, они получали в подарок от своих господ за хорошую и беспорочную службу.

Среди русских толстосумов существовала мода на каретных лакеев. Эти крепкие и молодцеватые парни сидели рядом с кучерами (или стояли на запятках) лишь для того, чтобы производить впечатление на публику и, ловко спрыгнув с козел, мигом открыть дверцу кареты своему чванливому господину. Их костюмы обычно совпадали по стилю и цвету с кучерскими. Однако некоторые «выездные», подчиняясь своеобразному вкусу хозяина, ставили столичных жителей в тупик своими полувоенными театральными одеяниями. Любопытная история произошла с одним кавказским офицером:

⁹ Набоков В.В. Другие берега. Л.: Политехкнига, 1991. С. 79.

Посольский выезд.

Фототипия снимка
К. К. Буллы из журнала
«Illustration», 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

«Приехал я в Москву с Кавказа и, в качестве провинциала, отправился бродить по Кузнецкому мосту. Там я видел много диковинок, в том числе и такую. Едет ко мне навстречу щегольская коляска, запряженная рысакими, а на козлах, рядом с кучером, вижу, сидит гвардейский казак-конвоец в красной черкеске и белом бешмете <...>. Не успел промчаться мимо меня этот загадочный выезд, как со мною поравнялась карета, на запятках которой стоял кавказский казачий офицер. Погон под башлыком не было видно, но для меня не подлежало сомнению, что это именно офицер, а не нижний чин, ибо на нем была черкеска тонкого сукна и богатое вооружение. Вечером того же дня я был в “Интернациональном” театре на венской оперетке. Новое удивление: в коридорах перед ложами бродят несколько кавказцев в щегольском обмундировании. Тут, судя по бешметам, были люди разных войск: терцы, кубанцы, дагестанцы. Тут же был и конвоец в красной черкеске, уже виденный мной на Кузнецком мосту. У многих на груди были медали. Все эти господа были без погон. “Вероятно, это какие-нибудь оставные офицеры”, – по-

думал я. Но тут же мне бросилось в глаза, что у каждого из них на руке или плед или *sortie-de-bal* или же дамская меховая ротонда. “Да это лакеи”, – догадался я наконец. На мое счастье, во втором антракте я встретился в коридоре с одним своим старым знакомым – москвичом, который и вывел меня из недоумения. По его словам, в Москве “мода такая пошла” – наряжать свою прислугу в форму, присвоенную кавказским войскам. И он назвал мне несколько фамилий – больше из числа сахарорафинадных и ситценабивных».

Свою историю возмущенный кавказский офицер заканчивал таким моралите: «Необходимо такой беззастенчивый маскарад тот час же прекратить мерами полиции и объяснить лицам соответствующих сословий, что военный мундир – не дворянская ливрея, не поддевка артельщика и не жидовский лапсердак. Моды переменчивы, а чванство известного сорта людей безгранично. Нельзя поручиться, что скоро мы не увидим на запятках купеческих карет преобразенцев и конногвардейцев или еще лейб-гусар»¹⁰.

¹⁰ Разведчик. 1901, № 549. С. 392.

**Личный шофер
одного из московских
богатых семейств.**

На молодом человеке двубортная суконная куртка, популярная среди этой специальности.

Фотоателье «Г. В. Трунов»,
Москва. 1900-е гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Настоящими «тузами» слыли посольские и придворные кучера. «Воланы» были непременно расшиты галунами, а если они принадлежали дворцовому ведомству, то сверх того – черными орлами. Грудь – в медалях. На цилиндре вместо репсовой ленты – золотой широкий галун. «Придворные кареты отличались золотыми коронами на фонарях, а кучер, одетый по-русскому, всегда был украшен медалью, и издали уже было видно, что мчится кто-то из царской фамилии. Городовые тогда подтягивались, и на перекрестках движение сразу останавливалось»¹¹, – писал Мстислав Добужинский.

Художник, с юности обладавший цепкой памятью, так описал внешний вид посольских кучеров: «Особенный был выезд у посланников: у кучера на спине армяка был всегда треугольник из золотого позумента, а верх шапки был голубой, бархатный и “рогатый”, как бы “двууголка”. Рядом с кучером сидел егерь с развевающимся плюмажем из петушиных перьев на треуголке и с широкой португеей через плечо (маленьким я думал, что это и есть сам посланник, такой нарядный)»¹².

¹¹ Добужинский М. В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 11-12.

¹² Добужинский М. В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 12.

Помимо русского существовал и английский тип выезда с характерной оглобельно-постромочной или шорной запряжкой. Правильными выездами эти лорды – убеленные сединами господа с аккуратно расчесанными, распушенными «английскими» бачками на презрительном и чуть вытянутом от собственного величия лице. Костюм их напоминал одежду придворных кучеров блистательных европейских монарших домов: длинная ливрейная шинель с одной или двумя пелеринами, щедро обшитая придворными галунами, двууголка или цилиндр, светлые перчатки, на ногах – белые, гриперлевые или бежевые бриджи, лакированные сапоги-«веллингтоны» со светло-коричневыми отворотами. Если кучера принадлежали придворному ведомству, то их ливрейные шинели были малинового цвета. Обычно вместе с кучерами на козлах восседали лакеи в аналогичных «английских» костюмах – рединготах или ливреях, цилиндрах, бриджах и сапогах. При особенно пышных выездах один или два лакея стояли на запятках карет. «У парадных саней и у карет сзади стоял, держась за особые петли, рослый лакей в ливрее и цилиндре с кокардой сбоку его. У иных был огромный медвежий воротник – пелерина. На запятках же саней царицы Марии Федоровны, часто проезжавшей по Невскому проспекту, всегда высился великолепный камер-казак в красном кафтане с откидными рукавами и в высокой папахе с кистями»¹³, – вспоминал Мстислав Добужинский.

Свой торжественный транспорт был и у покойных, отправлявшихся в последний путь. Если при жизни человек имел высокий чин, громкое имя или был наделен чрезмерным самолюбием, то, отходя в мир иной, не забывал заказать солидные красочные похороны. Надо сказать, что для таких столичных жителей проворные коммерсанты организовали еще в 1890-е годы целую индустрию. Открылись специализированные магазины траурных нарядов и лавки гробовщиков, привлекавшие городских обывателей помпезно-печальными

¹³ Там же.

изысками текстильно-орнитологического искусства: поверх черных шелковых драпировок печально возвышались гробы «первого класса» в венках и плаксивых плюмажах фантастических африканских птиц. Самыми театральными были витрины гробового мастера Шумилова, в которых «были выставлены гербы на овальных щитах, настоящие белые и черные страусовые перья и другие траурные украшения и длинные картинки, изображающие похоронную процессию с лошадьми в пополах и с факельщиками около колесниц»¹⁴.

Этими минорными процессиями руководили тамбурмажоры похоронного искусства – факельщики. Судя по воспоминаниям и объявлениям, сначала были только черные, а в 1890-е годы появились и постепенно вошли в моду белые факельщики. Такие, к примеру, провожали в последний путь Иоанна Кронштадтского.

На улицах Санкт-Петербурга и Москвы еще в конце XIX века появились громко ревущие, дребезжащие монстры на резиновых шинах – автомобили. Тогда их считали не более чем модной и, как все модное, никчемной забавой аристократии. Эти первые «рено», «мерседесы», «паккарды» и «пежо» не могли конкурировать с легкими и элегантными экипажами, запряженными красавцами-жеребцами баснословных пород. Но время шло, и к автомобилям привыкли. В 1900-е годы в столице и в Москве количество счастливых владельцев импортных авто увеличилось. Аристократы, промышленники и купцы первой гильдии считали своим светским долгом иметь в гараже хотя бы одного ревущего монстра. В семье Владимира Дмитриевича Набокова, известного петербургского модника и англофила, их было два. Сына Володю часто отвозили на одном из них в Тенишевское училище: «Прежде всего я смотрел, который из двух автомобилей, “Бенц” или “Уолзлей”, подан, чтобы мчать меня в школу. Первый из них состоял под управлением кроткого бледнолицего шофера Волкова; это был мышиноного цвета ландолет. (А. Ф. Керен-

ский просил его впоследствии для бегства из Зимнего дворца, но отец объяснил, что машина и слаба, и стара и едва ли годится для исторических поездок, – не то что дивный рыдван пращурки, одолженный Людовику для бегства в Варенн). По сравнению с бесшумной электрической каретой, ему предшествовавшей, очерк этого “Бенца” поражал своей динамичностью, но, в свою очередь, стал казаться старомодным и косо квадратным, как только новый длинный черный английский лимузин “роллс-ройсовых” кровей стал делить с ним гараж во дворе дома»¹⁵.

Личные шоферы-щеголи в форменных костюмах.

Отметим влияние военного шика – офицерский китель на одном из шоферов, очки и краги.

1910-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

¹⁴ Дубужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 9.

¹⁵ Набоков В.В. Другие берега. Л.: Политехника, 1991. С. 136-137.

Шоферы, водившие новый и остромодный вид транспорта, носили спортивные, английского типа костюмы и среди обслуживающего персонала считались первыми модниками. Поверх белоснежной сорочки со стоячим накрахмаленным воротником они надевали суконный жилет (иногда с шелковой спинкой) и куртки разнообразных цветов и фасонов, но непременно спортивного происхождения. Шоферы любили пофорсить в британских шерстяных в мелкую клеточку «норфолках» – однобортных куртках с вшитыми кокетками и поясом, защипами на спинке, накладными широкими карманами и кожаными тисненными пуговицами. Обычно эти куртки были темно-песочного, коричнево-зеленого, оливково-серого оттенков. С ними водители надевали шерстяные «кникербокеры» – широкие короткие шаровары, застегивавшиеся ниже колена, поверх которых полагалось носить краги из лакированной кожи с ремешками и ботинки. Дополняла этот англофильский облик широкая плоская кепка с козырьком и длинными ушами, застегнутыми наверху на пуговички или кнопки.

Помимо «норфолка» шоферы носили короткие двубортные черные или серые тужурки, «австрийские куртки», а также двубортные «кожанки», в которых было тепло, удобно, а главное, они были менее маркими. На ногах носили либо «кникербокеры», либо длинные и неширокие шаровары (или рейтузы), а незадолго до начала Великой войны стали предпочитать щегольские английские военные бриджи оливкового и песочного оттенков. Помимо кепок шоферы носили британские фуражки или французские кепи. И потому похожи они были на чистокровных иностранцев: «Шоферы частных такси выглядели людьми особого типа, одеты по-заграничному: каскетка, английское пальто, краги. Держались они с большим достоинством»¹⁶.

Неизменным атрибутом водителей являлись автомобильные очки, крепившиеся к око-

льшам головных уборов, а также кожаные перчатки с крагами. Спортивно-военный стиль одежды повлиял и на внешность шоферов. Они коротко стриглись, брили бороды, носили лихо закрученные «кайзеровские» усы и копировали выправку военных. Зимой надевали поверх своей формы бекешу, полувоенные шинели, но особым шиком считались огромные шубы мехом наружу. Владимир Набоков вспоминал облик семейного водителя: «Пирогов, второй шофер, был довольно независимый толстячок, покинувший царскую службу оттого, что не захотел быть ответственным за какой-то не нравившийся ему мотор. К рыжеватой комплекции пухлого Пирогова шла лисья шубка, надетая поверх его вельветиновой формы, и бутылообразные оранжевые краги»¹⁷.

Извозчики, кучера, шоферы были королями проспектов и улиц. Однако в городах можно было встретить и других любопытных персонажей, куда более скромных, но столь же смекалистых и деловых. С утра до вечера по центральным улицам бегали юркие звонкоголосые мальчишки-газетчики, выкрикивавшие заголовки последних новостей и бойко торговавшие желтоватыми горчичниками свежих выпусков. Солидные издания продавали солидные продавцы. Их можно было узнать по особой форме: полотняная или ситцевая темная рубаша (синяя, темно-зеленая, цвета маренго), кушак или кожаный широкий пояс, а в прохладное время – еще и двубортные тужурки, поверх которых газетчики надевали кожаную сумку на широкой перевязи, туго набитую газетами. На голову продавцы надевали суконные фуражки или кепки. Другой отличительной особенностью были бляхи, крепившиеся на фуражке, а также на перевязи сумки, с выбитыми на них названием газеты или с номером и словом «газетчик».

На улицах столичных и провинциальных городов можно было встретить и посыльных. Это был особый сорт людей. Угрюмые, медлительные, нерасторопные, они работали без явного желания и с клиентами особо не церемо-

¹⁶ Засосов Д. А. Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Л.: Лениздат, 1991. С. 43.

¹⁷ Набоков В. В. Другие берега. Л.: Политехника, 1991. С. 137.

На предыдущей полосе:

Санкт-петербургский газетчик в форменном костюме и фуражке.
У пояса – сумка-кошелек для сдачи.

Пресс-фото. 1920-е гг.

Архив О. А. Хорошиловой

Продавец-разносчик.

Фототипия по снимку
В. Каррика. 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

нились – труд все равно оплачивался скудно. Функции посыльных были разнообразны – занести визитную карточку какого-нибудь себялюбивого хлыща в дом, где маялась от любви и французских романов его будущая невеста, аккуратно доставить по указанному адресу покупки (в больших универмагах и шикарных бутиках на этот случай дежурили близ прилавков специально нанятые посыльные), отнести из одного учреждения пакет или конверт в другое. Внешне эти служащие выглядели малопривлекательно – сморщенные, подслеповатые старики со слезящимися глазами или бывшие солдаты с грубыми лицами и жесткими усами. В толпе их можно было отличить по специальным головным уборам – краповым или алым фуражкам с лакированным козырьком и мед-

ной бляхой на околыше: «Посыльный». Такие обычно стояли возле магазинов, гостиниц, рядом с почтамтом. В автобиографической книге «Виктор Вавич» Борис Житков описал встречу с одним из них:

«На углу в красной фуражке с медным номером стоял посыльный. Санька стал, и посыльный, выпростав из-за спины руки, снял и надел шапку. “Пожалуйста-с! Бумажки?” – И он полез за пазуху. Он подавал Саньке “секретку”, карандаш – вот тут в сторонке удобней, – и Санька без дыхания написал: “Танечка, черкните строчку, штрих, сейчас. Что-нибудь. А. Т.”. Заклеил. Татьяне Ржевской. Улицу, дом. “В собственные руки-с? – Посыльный опять вскинул шапкой. – Ответ будет?” – “Неприменно ответ, я буду.. в трактире «Россия», тут на углу”. Санька сунул полтинник. Посыльный вертко завернул за угол»¹⁸.

Этих служащих обожали повеселовеласы, а также романтически настроенные учащиеся, ведь с их помощью можно было тайно назначить место очередной пылкой встречи или передать возлюбленной цветы, шоколад, письмо с влажным стихом. Алексей Даниловский нередко пользовался их услугами: «Какой удобный аппарат для влюбленных представляли собой посыльные в красных фуражках, стоявшие в городе почти на каждом углу наиболее оживленных улиц! Подойдешь, бывало, в нему с пакетиком, дашь адрес, да заплатишь двойную против таксы в 20 копеек плату, а он уже понимает, в чем тут дело и как нужно вести себя при передаче пакетика. И все действующие лица всегда довольны: и поклонник, инкогнито посылающий барышне подношение, и барышня, получающая подарок “от неизвестного”, и посыльный в своей красной фуражке»¹⁹.

Некоторые из посыльных, работавшие при магазине или департаменте, выглядели солиднее, так как носили ливрейную шинель (серую, зеленую, черную) с двумя рядами пуговиц, фуражку в цвет шинели (не обязательно красную), кожаную сумку через плечо.

¹⁸ Житков Б. С. Виктор Вавич. <http://www.litmir.net>.

¹⁹ Даниловский А. Воспоминания из жизни в Царской России. Мюнхен, 1954. С. 36.

Гуляя по центральным, бойким улицам городов, нельзя было не заметить людей с прямоугольными щитами, на которых извивалась приторная современная вязь – названия синематографа или кафе. Это были «ходячие рекламы». Прекрасное их описание приводят Засосов и Пызин: «Рядом с тротуаром один за другим шли тихим шагом обычно пожилые люди в одинаковых коричневого цвета пальто с металлическими пуговицами и такими же фуражками. Они несли высокие рамы из бамбука, на которые были натянуты полотнища с рекламными объявлениями. Обычно это была реклама кинотеатров, цирка. Иногда каждый нес друг за другом только одну букву, а было их

человек 20, и прохожий мог, переводя взгляд от одного к другому, прочесть целую фразу: «Сегодня все идите в цирк!»²⁰.

Стремительный темп уличной жизни поддерживали и продавцы-разносчики. Официально торговля вне помещений была запрещена, но это строгое правило распространялось лишь на центральные улицы. На городских окраинах работали сотни разносчиков, предлагавших местным жителям нехитрые, но порой весьма нужные товары: продукты (в том числе копченую рыбу и неизменные «с пылу с жару» пирожки), квас и сбитень, деревянную

²⁰ Засосов, Д. А. Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Л.: Лениздат, 1991. С. 30.

Братья Шуваловы (мороженщик и фруктовец) предлагают юнкерам Николаевского инженерного училища свою продукцию. Фототипия, 1903 г. Архив О. А. Хорошиловой

**Мясники
одного из
московских рынков.**

На поясе
заметны сетки
с ножами для резки
мяса. 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

утварь, ложки, ножи, вязаные изделия, игрушки... Как бы ни был одет разносчик (в тулуп или дырявую шинель, пиджак или рубаху с жилетом), он всегда носил белый передник. Впрочем, его истинными цветами из-за редких стирок и уличной работы были серо-палевый, бежевый и даже землистый. На такие передники нашивались карманы – один на груди, по два – с боков. Лев Успенский в детстве особенно ждал появления мороженщика: «Моро-о-жин-но! Моро-о-жин-но! Сливошно-фисташково-лимонно морожино», – по мостовой двигалась закрытая тележка-ящик. Ее толкал перед собой дядя в кожаном картузе и белом фартуке. На локтях у него были черные, тоже кожаные нарукавники»²¹.

²¹ Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970. С. 37.

Узнаваемые аксессуары продавцов – деревянные лотки, закрепленные на ремень, перекинутый через шею или по диагонали через плечо, а также огромные корзины, которые торговцы мужественно несли на головах, подложив под них «бублики» – валики, набитые ватой или соломой. Олег Пантюхов вспоминал: «Сильное впечатление на меня произвел сам город и, так сказать, петербургская атмосфера. Местами – чиновный люд и военные, местами – ближе к окраинам – простоватые люди в чуйках, зипунах и кафтанах. Запомнились продавцы сочных и вкусных слив. Продавцы в белых фартуках носили свои лоты на голове»²².

На торговых площадях можно было заметить сапожников с длинными шестами. Засо-

²² Пантюхов О. И. О днях былых. Мэпшвуд: Дюранд хауз, 1969. С. 127.

сов и Пызин свидетельствовали: «Характерной фигурой на площадке были “холодные” сапожники. У каждого висела кожаная сумка через плечо, в сумке лежали инструмент и гвозди. На другом плече висел мешок с кожевненным товаром для починки обуви, а также старая обувь, которую он скупал, а мог и продать. Главной эмблемой его профессии была “ведьма” – палка с железной загнутой лапкой, на которую он надевал сапог для починки. Целый день, в мороз и жару, сапожники слонялись по толкучке, дожидаясь клиентов. Расчет их был прост – быстро, кое-как починить и скорее получить деньги с клиента, которого едва ли еще встретишь. Мастера они обычно были хорошие, но спившиеся либо больные, престарелые, выгнанные “хозяйчиком”»²³.

Мясники, работавшие в лавках, выделялись крепким телосложением, а также клеенчатым весьма несвежим фартуком с такими же рукавами. На голове они носили суконные фуражки темных цветов с черным кожаным козырьком. У пояса висела тяжелая фактурная сетка – для ножей.

Но все же главными местами торговли были дворы, скрывающие разносчиков от полиции. Здесь они выгодно представляли товар, не жалея для этого своих горловых связок и ушей обитателей многоэтажных доходных домов. Выглянув из окна, привлеченный цветастыми выкриками обыватель мог увидеть пеструю процессию «русских типов», шествовавшую из одного двора в другой. Кого в ней только не было. Вот кряжистый мужик с кустистыми бровями, мохнатой бородой и свалывшимися паклями волос. За плечами он несет мешок, а на груди лоснится вычищенная медная утварь – чайник, кастрюлька, ложки, вилки. Это лудильщик. Он останавливался посреди двора и начинал протяжное: «Пяять-и-лудииить-кому-у». И так, пока толстые горничные не выкатятся из квартир с мешком закопченной утвари.

Точильщики являлись подобно баснословным доисторическим царям. Важные,

молчаливые, осанистые, ни одного лишнего движения и слова. Они останавливались в центре двора и, выдержав театральную паузу, густым звучным голосом трубили: «Точить, ножи-ножницы, точить». Эти ремесленники, здоровенные и сильные мужики, летом носили ситцевые рубахи темных цветов, подпоясанные ремнем или бечевкой, а в холодное время – армяки и овчинные тулупы. На голове – фуражка или кожаный шнурок (чтобы волосы не лезли в глаза), зимой – суконная шапка, отороченная мехом. Профессиональным отличием был кожаный или клеенчатый передник, иногда с боковым карманом. Их главным аксессуаром, не оставлявшим равнодушным, кажется, никого, был точильный станок – инструмент заработка. Лев Успенский мальчишкой не мог на него наглядеться:

«Точильщик, придя, затыкал за всякие железки и жестянки, прибитые к раме станка, множество разных ножей, ножичков, ножищ, от огромных секачей и резаков из мясной лавки до всевозможных “мальчишеских” перочинных. В особом ящике у него лежали бритвы; не только электрических, но даже простых “безопасных” бритв “Жиллетт” в те годы еще не знали, так что эти бритвы были обычными, “опасными”, как сейчас у парикмахеров. На горизонтальной оси точила были насажены разные круги – для точки, для правки, не знаю, для чего еще: розоватого камня и серого, шероховатые и гладкие. Из-под приложенного к быстро вращаемому ножным приводом кругу ножа сыпались кометным хвостом синие, оранжевые, красные искры. Камень свистел, сталь шипела тонким, змеиным шипом... Вытаращив глаза, я следил за этим таинством...»²⁴

По дворам ходили и продавщицы – полнотелые, широкоскулые, наголоватые бабы с всегда приятным голосочком и сотней приговоров и прилепетываний, прибауток и сладких оханий. Тонкие психологи, они могли «раскрутить» любого, даже самого скупого хозяина на всякую вкусную всячину – пирожки «горячия,

²³ Засосов, Д. А. Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Л.: Лениздат, 1991. С. 89.

²⁴ Успенский, Л. В. Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970. С. 38.

с пылу с жару», «мылако коровье, дитям здоровье», «сельди галанския», «брусничку-ягодку», «огурчики маласольныя». Предлагали торговки и банные веники, швабры, «чулки-носки-туфле-е-е» и кучу разных других нужных или пустячных вещей. Одевались просто, но не без изыска – платок, пылающий цветами, а под ним – повойник, ситцевая пестрая блуза, юбка «всегда в мелких полосках лилового, красного и оранжевого цвета»²⁵, на ногах – аккуратные сапожки. Зимой кутались в шубки или кацавейки, обувались в валенки.

Одними из самых колоритных торговцев были «князья» или «халат-халат» – татары, покупавшие тряпки – от поношенных шинелей до наволочек. Их легко узнавали по характерному «восточному» костюму: остроконечная тубетейка, выдавший виды халат на вате, подпоясанный кушаком, шальвары и низенькие мягкие сапожки. Дополнял облик огромный мешок, перекинутый через плечо и заставлявший его владельца сгибаться чуть ли не пополам. Приходил «князь» во двор, сбрасывал мешок, утирал потное лицо, очерченное скудной бороденкой, хитро обводил прищуренными глазами окна домов и начинал свою заунывную монотонную песню: «Халят-хааалят-куплю-хааалят-щюрюм-бурюм». И тут же из окон выглядывали пухлые лица горничных или кухарок. «Князь» направлялся в указанную квартиру.

Лев Успенский живописал колоритные сценки торгового обмена между кухаркой и татаринком: «Татарин опорожнял прямо на пол свой мешок, если в нем уже что-то было. Продавщицы вытаскивали из потайных скрын своих какой-нибудь ношенный-переношенный плюшевый жакет, древнюю юбку, ветхую шаль времен очаковских. Одна высокая сторона называла цену – скажем, рупь двадцать. Другая – “Ай, шайтан-баба, совсем ум терял!” – давала четвертак. Татарин сердито собирал в мешок свое барахло, показывая намерение уйти и никогда не приближаться к дому, где живут такие “акылсыз” – сумасшедшие женщины. Няня гневно кидала свои тряпки в “саквоаж”, звенела

замком сундука. Но “князь” не уходил. Мешок снова развязывался, сундук отпирался. И он давал уже сорок копеек, а Альвина требовала восемь гривен. И летели на каком-то славяно-тюркском “воляпюке” самые яростные приговора и приговорки – из-за них-то старшие и возражали против моих посещений кухни. Няне в это время было за восемьдесят. Полутурчанка, в молодости она была писаной красавицей, прожила достаточно бурную жизнь и на язык была островата. Татарин всплескивал руками и то бил себя в грудь, то швырял на пол тубетейку, очень довольный, что попал на настоящих продавщиц, с которыми поторговаться – удовольствие. Так или иначе, торг заканчивался. “Князь” уходил, посмеиваясь в усы, покачивая головой: “Совсем шайтан – старуха!”»²⁶.

Столь же колоритными, но гораздо менее шумливыми были продавцы-китайцы. Появились они на улицах больших и малых российских городов еще во время строительства Китайско-Восточной железной дороги. После Китайского похода русской армии и Русско-японской войны число их увеличилось. Вместе с ними в Россию прибывали разнообразные экзотические товары – шелка, цветастые национальные одежды с пламенеющими драконами – «чипао» и «магуа», веера и фарфор, декоративно-прикладное искусство всех сортов и рангов. Китайцы, в отличие от «князей», одеты были всегда чисто и опрятно, акцентируя в костюме национальный колорит. Носили короткие широкие курточки «магуа» темных цветов (в основном синего или черного) с характерными петлями и шнурованными пуговицами по центру, широкие шелковые шаровары – навывпуск или заправленные в гамаши. Лев Успенский отмечал: «У китайцев были за спинами огромные – но все-таки конечных измерений, – необыкновенно плотно и аккуратно упакованные, точно машиной увязанные, тюки с товаром»²⁷. Зайдя в квартиру с черного входа, китайцы безмолвно ставили ме-

²⁵ Добужинский М. В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 13.

²⁶ Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970. С. 35.

²⁷ Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970. С. 35.

Нищий странник.

Фототипия. 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Нищий
с коробочкой для
сбора милостыни.**

Фототипия. 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

шок на пол, и прихожая наполнялась экзотическими переливчатыми цветами и влажными вздохами прислуги. И горничной, и кухарке, и няньке – всем хотелось купить себе хоть кусочек дивной восточной сказки и соблазнить ею расточительных хозяек.. Юная Катя Андреева с интересом рассматривала этих необычных гостей дома: «Иногда мы видели у отца настоящих живых китайцев с длинными косами, в шелковых кофтах, расшитых птицами, цветами, драконами, в мягкой обуви на белых войлочных подошвах. Они пили и угощали отца своим чаем из крошечных, тончайшего фарфора чашечек. Здороваясь с нами, они шурили свои узенькие глазки, оскаливали желтые зубы, что, верно, изображало улыбку, прикасались своими сухенькими ручками с длиннейшими ногтями к нашим ладоням. Я их страшно боялась, и страх перед желтолицыми сохранила до старости»²⁸.

²⁸ Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 38.

Уходили китайцы из квартир довольные – шелковые мифы и выписанные проворными иголками узорчатые легенды преображали русских дам и обогащали торговцев.

В пестром соцветье разносчиков и продавцов существовали и свои изгои – люди, нет, существа непонятного возраста и пола, скитавшиеся по улицам и дворам с целью продать тот хлам, который они собирали в помойках, на задворках магазинов, вытаскивали из мусорных баков специальными стальными щупами. Это были тряпичники или, как их чаще называли, «купить-продать».

Лев Успенский иногда видел таких торговцев во дворе своего дома: «Сколько раз случилось мне видеть полубродягу этого, когда он, войдя во двор с ухватками пуганого зверя, сначала, как и все, осматривал вопросительно этаж за этажом, потом, воровато оглянувшись, проскальзывал за садик, к помойкам.. Как киплинговская крыса Чучундра, не смеющая выбежать на середину комнаты, он быстро

В реальной жизни дворники нередко нарушали установленную форму.

Дворник и его супруга позируют в зимней одежде – без соответствующих медных номеров на головных уборах и фартуках.

Фотоателье «В. Лифантьев», Санкт-Петербург. Нач. 1900-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Дворник в форменном костюме.

На фуражке – медная бляха с надписью «Дворник».

Фототипия

«Шерер, Набоглыц и Ко», 1900-е гг.

Архив О.А. Хорошиловой

приоткрывал уравновешенные грубыми противовесами скрипучие крышки.. Кошки прыскали от него в сторону – похож на кошатника! А он либо мгновенно выхватывал железным прутком из ямы что-то невнятное и молниеносным движением отправлял в мешок, либо так же торопливо захлопывал крышку и стушевывался без добычи.. Было что-то лемурье, что-то особенно жуткое, скользкое в этих серых фигурах»²⁹.

Тряпичники особенно боялись дворников, которые завидев изгоев-торгашей, бросались на них с метлой и железным совком, а поймав, сдавали в ближайший полицейский участок. Дворники были настоящими надзирателями дворов и улиц. Служили они исправно. Если дом был большой, то они собирались в артель, главой которой становился самый опытный и «внушающий» дядька с опытом беспримечной работы в области дворового хозяйства. Засосов и Пызин, к примеру, отмечали, что их доходный многоквартирный дом обслуживали два старших и тридцать младших дворников, поддерживавших идеальный порядок.

²⁹ Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. – Л.: Лениздат, 1970. – С. 34.

Летом они мели и очищали от конского навоза улицы, поливали их из медных леек, следили за порядком. Зимой они убрали снег, складывали его аккуратными пирамидками и отвозили к специальным снеготаялкам, посыпали улицы и дворы песком. За определенное денежное вознаграждение дворник колот дрова и разносил их в квартиры щедрых жильцов. Все обитатели домов знали и другую обязанность этих служащих – они работали осведомителями в полиции и добросовестно, самозабвенно следили за всем, что происходило на подведомственной им территории. Хорошую службу сослужили они полиции в революционных 1905 и 1917 годах, выдав «подозрительных субъектов» в руки закона.

Многие дворники были грамотны, знали арифметику и другие науки, необходимые им в профессии и жизни. Не так давно моя коллекция пополнилась крайне любопытным письмом-прошением о зачислении на должность дворника. Этот маленький эпистолярный шедевр привожу без купюр:

«Прошение Ея Превосходительству Ольге Николаевне о зачислении меня в дворники при гимназии на летние месяцы. Узнав, что Вы име-

ете нужду в дворнике, я решил предложить вам свои услуги. В дворниках я еще не служил, но думаю, что обладаю для этого достаточными познаниями. Умею изъясняться по-французски с лучшим парижским произношением, по-английски и по-немецки читаю на этих языках и умею писать, хотя и с ошибками. Знаю рассказывать по-французски про “Gargntua”. Имею понятие в столярном деле, знаю малярное искусство, думаю к тому времени изучить переплетное мастерство. Умею стричь, брить, купать детей и собак. Знаю все сельские работы. Могу быть пастухом. Умею обращаться с лошадью и знаю уход за ней. Могу доить коров. Могу быть пастухом. Могу ухаживать за птичником, помогать в садовых работах, чистить башмаки, колоть дрова, разметать дорожки, качать воду. При устройстве грядок могу применять геометрию и алгебру. Умею пришивать пуговицы и вдевать нитку в иголку. Могу даже возить навоз и пробовать его на зуб. Могу быть ночным сторожем. По слухам учение кончится 24 марта, с этого времени (если это подтвердится) я могу вступить в исполнение своих обязанностей. Служить могу только летние месяцы. В награду за мои труды мне желательно было бы получить харч на квартиру. Харчеваться за господским столом. Жалованья 6 коп. в день (N.B. Аппетит у меня очень хороший). Не пью, не курю, обращение имею самое тонкое. О согласии прошу сообщить мне по адресу: Голицыно, гимназия, Нилу Ремезову, сыну Петрову. Остаюсь с глубочайшим уважением. Нил Ремезов. PS По утрам и вечерам буду подходить к ручке».

У дворников была своя униформа, главными атрибутами которой являлись белый холщовый фартук с одним или двумя карманами, нитевые перчатки летом и овчинные рукавицы зимой, темно-синяя, темно-зеленая или черная суконная фуражка с кожаным или клеенчатым верхом и черным козырьком. К ее тулье или к специальной шейной цепочке крепилась медная бляха с выбитой надписью «Дворник» и названием улицы по обводу. Иногда ее привинчивали к левой стороне передника. Другим аксессуаром был свисток – с его помощью верные служители дворов и

улиц призывали на подмогу полицейских, отпугивали воров и хулиганов. В России существовала мода на дворников-татар, гораздо более хитрых, пронырливых и услужливых. Их можно было узнать по черной тюбетейке или небольшой круглой шапке из бархата черного или зеленого цветов. Они носили маленькие бородки с жидкими усиками, весьма отличаясь этим от русских замшелых, густобородых дворовых стражей. Если дворник служил при каком-либо гражданском или военном ведомстве, он носил особую форму – двубортную тужурку или полупальто, фуражку с выпущками и кокардой (если служил при военном заведении), а также традиционный передник.

Если дворники следили за чистотой и порядком улиц и дворов, то швейцары делали ту же работу, но внутри здания. Любопытно, что многие набирались из числа состарившихся дворников. Другим источником пополнения штата была армия. Богатые домовладельцы и хозяева столичных особняков нанимали швейцаров из бывших унтер-офицеров, да таких, чтобы медалей с орденами побольше было. Весь свой заслуженный в боях или мирным усердием иконостас швейцары-унтера вешали на форму, чем прежде всего льстили самолюбию тех, кто их нанял.

Их обязанности были разнообразными: «Жили они в каморке под лестницей, убирали парадную лестницу (черную убирали дворники), натирали мозаичные площадки для блеска постным маслом, чистили медные ручки дверей, в общем работа была не тяжелая, но беспокойная — ночью по звонку запоздавшего жильца надо было отпирать дверь, особенно в праздники, когда ходили в гости <...>. Они старались как можно лучше обслужить своих жильцов, оказывать им разные услуги. Если приходил незнакомый человек, они спрашивали, к кому он идет, и следили за ним; если кто-нибудь незнакомый выносил вещи, они справлялись, спрашивали хозяев и тогда только выпускали»³⁰.

³⁰ Засосов Д. А. Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Л.: Лениздат, 1991. С. 51.

Швейцар в форменной шинели, шароварах и фуражке.

У борта шинели заметна цепочка со свистком.

Москва, 1890-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Швейцар в форменном сюртуке с медалями и шароварах.

Фотоателье «П. Барбашов», Москва. Конец 1890-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Швейцары чистили и мыли прихожую, красили, когда это было нужно, двери и косяки, наблюдали за исправностью и чистотой лифта. Впрочем, главной их функцией являлись встреча и проводы жильцов дома или хозяев особняка. Заслышав шаги и по голосу определив, кто именно идет, швейцар вставал во фронт, брал под козырек и кланялся (если чин человека был высок, то весьма низко – почти до земли). При этом он успевал лихо отставить ногу и незаметно отвести назад руку для того, чтобы, как только жилец подойдет к двери, мгновенно ее открыть. Та же процедура сопровождала и приход высокородного жителя дома или знатнейшего хозяина особняка.

Швейцары обыкновенно надевали то, что им выдавал хозяин. Их костюм состоял из двубортного сюртука или тужурки с металлическими пуговицами, широким галуном по воротнику и рукавам, шаровар, носившихся на выпуск, ливреи или шинели с галунами, а также фуражки, околыш которой также был украшен галунной тесьмой. Иногда по особому распоряжению хозяев, швейцары получали форму,

обшитую государственным галуном – с черными орлами. Это противоречило букве закона, но желание хозяев пустить пыль в глаза побеждало.

Швейцары обычно следили за собой, регулярно мылись, меняли нательное белье, а некоторые даже душились, чтобы не оскорблять хозяев «пейзанскими» запахами. Как правило, они носили бороды, а бывшие унтер-офицеры по старинке брились, тщательно следя за красотой и пышностью своих «военных» усов.

Служившие в государственных учреждениях носили ту форму, которую им предписывал устав. К примеру, состоявшим при Министерстве народного просвещения полагались темно-зеленый двубортный сюртук военного покроя со светлыми пуговицами и ливрейная шинель, обшитая гладким золотым галуном. Однако швейцары из бывших унтер-офицеров надевали ту форму, в которой они вышли в отставку. Тем, кто состоял при Ведомстве учреждений императрицы Марии, предписывалось носить красную ливрею Высочайшего двора с государственным галуном.

В определенной степени швейцары были привратниками не только дома, но и целого мира домашней прислуги. В особняках, как правило, трудилось несколько лакеев и камердинеров. Их парадные костюмы весьма напоминали придворные – такого же кроя синие жилеты, бриджи и ливрейные фраки с широкими лентами золотых галунов. Малиновому цвету служащих императорского двора предпочитали менее «контекстные» синий, темно-фиолетовый и даже бутылочный. Если хозяева отличались скромностью, их лакеи носили подчеркнуто лаконичные и элегантные костюмы – белый пластрон или манишку, черный фрак и брюки, белые перчатки. Завтраки обычно подавали в плотняных белых куртках.

Повседневная одежда лакеев и камердинеров включала в себя белоснежные сорочки с накрахмаленными воротничками и небольшими шелковыми черными галстуками, жилеты (полосатые, темно-серые или в цвет фрака), темных цветов фартук и брюки с ботинками. Выходя из дому, они надевали ливрейные шинели, схожие с теми, в которые облачались служащие императорского двора, или двубортные пальто с металлическими или обыкновенными пуговицами. Во внеслужебное время камердинера можно было узнать лишь по его специфической внешности – гладковыбритому «аристократическому» лицу, короткой аккуратной стрижке (иногда с английским пробором) и небольшим, ухоженным бакенбардам.

Второе по значению место в доме занимала горничная, убиравшая комнаты, помогавшая хозяйке и детям одеваться, накрывавшая на стол, выполнявшая всякую мелкую работу по дому и вне его. Ее костюм был строг и элегантен. Она носила шерстяное или хлопковое платье, чаще всего коричневого цвета, с невысоким стоячим воротничком, украшенным узкой лентой шитого кружева или английской вышивкой. Поверх надевала белый полотняный фартук с нагрудничком и достаточно широкими бретельками с рюшами из того же материала. Аккуратную прическу украшал круглый чепчик или белые кружевные ленты. На ногах – чулочки и туфельки на невысо-

Старый камердинер дворянской семьи.

Санкт-Петербург.
Последняя четверть XIX в.
Архив О.А.Хорошиловой

ком каблучке, впрочем, их порой не было видно под длинным, практически в пол, подолом. Выходя на улицу, горничная надевала жакет или пальто, которые дарил ей хозяйка.

В домах и богатых квартирах обитали и другие представители частного обслуживающего персонала. На кухне управляла кухарка – баба средних лет, крепкая, бойкая, деловая. Носила она, как правило, то, что не мешало ее сложному труду и в чем не было жарко, – серые платья из

Швейцары, служащие в Николаевском инженерном училище.

На некоторых – шейные медали «За усердие». На швейцаре справа – боевые награды, полученные, вероятно, в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг.
Фототипия, 1903 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Дети на прогулке
в районе Царского Села.**
Слева – няня с малолетней
девочкой.
Справа (в шляпе) – гувернантка.
1-я пол. 1900-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Горничные
в типичных костюмах –
скромных ситцевых платьях
и белых фартуках.
Фотоателье «П. Витковский».
Конец 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Няня с девочкой.
 Санкт-Петербург.
 Кон. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Кормилица
тетя Тася
с младенцем
Вовочкой Батыревым.**

Фотоателье «Новая фотография»,
Санкт-Петербург. 1907 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Кормилица
с малолетним
Димочкой Усовым,
сыном известного
петербургского купца-
старовера.**

Фотоателье «А. Семенов»,
Санкт-Петербург. Кон. 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Няня с очаровательным малышом.

Фотоателье «Везенберг»,
Санкт-Петербург. Кон. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

небеленого полотна, блузки и юбки с огромным и длинным передником, белый чепец, подчеркивавший ее чистоплотность. Если семья имела хороший финансовый достаток, она нанимала еще и судомойку, одежда которой напоминала кухарскую. Няни, возившиеся с подрастающими детьми, носили произвольные наряды, руководствуясь прежде всего советами хозяйки. Анастасия Цветаева писала: «Другие девочки, с няней, старой, уютной, в светлом фартуке, в темной, в сборку, юбке, в широкой, навывпуск, кофте, в темном платке с цветочками, идут за руку с няней, и мне жаль, что нет у меня такой няни, что моя уже в прошлом»³¹. Вот и другое описание «типичной няни»: «Старушка в уютной шубейке, из-под которой выглядывает фартук. Летом она одета, конечно, в широченную, в сборках, юбку, в кофту поверх нее, в платочек – мысиком сзади – с цветочной каймой»³².

³¹ Цветаева А.И. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1974. С. 18.

³² Там же. С. 271.

Ответственными за образование детей были гувернанты, жившие в семье, и приходящие преподаватели. Они представляли собой весьма пеструю публику: веселые, вечно взъерошенные студенты, учителя гимназий и сельских школ, старые девы строгих правил, либеральные институтки, а также специально выписываемые из-за границы иностранцы (французы, англичане, немцы), учившие отпрысков основам европейских языков. Они одевались разнообразно и сообразно своим вкусам. Студенты являлись на занятия в несвежих ситцевых рубашках и помятых форменных тужурках с петлицами. Учителя приходили в форменных сюртуках или в штатском. К примеру, Василий Мартынович, преподаватель Владимира Набокова, носил «черный галстук, повязанный либеральным бантом, и люстриновый пиджак»³³. Гувернантки отличались темными платьями с воротничком-стойкой и этим весьма напоминали учительниц гимназий. Мужчины-иностранцы предпочитали недорогие и неброские костюмы.

Весьма необычно одевались кормилицы, нанимавшиеся для того, чтобы вскармливать молоком новорожденных. Мстислав Добужинский часто встречал их, прогуливаясь по центральным улицам Петербурга: «Самым нарядным уличным персонажем была кормилица у “господ”. У них была как бы “парадная форма”, квазикрестьянский костюм весьма театрального вида (костюм сохранился и позже, вплоть до самой войны 14-го года!). И постоянно можно было встретить чинно выступавшую рядом со своей по моде одетой барыней толстую, краснощекую мамку в парчовой кофте с пелеринкой, увешанную бусами и в кокошнике – розовом, если она кормила девочку, и голубом, если мальчика. А летом ее наряжали в цветной сарафан со множеством мелких золотых или стеклянных пуговиц на подоле и с кисейными пузырями рукавов. На набережной и в Летнем саду среди корректной петербургской толпы такая расфуфыренная кукла была обычна, и глаз к ней был привычен»³⁴.

³³ Набоков В. В. Другие берега. Л.: Политехника, 1991. С. 32.

³⁴ Добужинский М. В. Воспоминания. – М.: Наука, 1987. С. 13 – 14.

**Строгая няня
с двумя подопечными.**

Варшава. 1909 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Официант ресторана первой категории с сыном.

Фотоателье «И. Н. Зубков»,
Санкт-Петербург.

Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Приказчики одного из петербургских рынков

в общепринятой в их среде одежде – теплом пальто, «австрийской» куртке, пиджаке, жилете и ситцевых рубашках. На голове – традиционные суконные фуражки.

Санкт-Петербург.

Кон. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Городской обслуживающий персонал

В Российской империи существовало неисчислимое множество заведений общественного питания, имевших свою специфику и, так сказать, «лицо». Рестораны были нескольких рангов. Фешенебельные – то есть лучшие, статусные заведения. Здесь предлагали прекрасный сервис, изысканные блюда, отменные вина и ждали от посетителей богатых заказов и щедрых чаевых. Засосов и Пызин вспоминали: «Здесь тяжелую дубовую дверь открывал швейцар, который с почтением раскланивался. На его лице было написано, что именно вас он и ожидал увидеть. Далее вас встречал на пороге зала величественный метрдотель. С видом серьезнейшим он сопровождал вас по залу. “Где вам будет угодно? Поближе к сцене, или вам будет мешать шум?” Словно из-под земли явились два официанта. Они не смеют вступать в разговоры, а только ожидают распоряжения метрдотеля, а тот воркующим голосом, употребляя французские названия вин и закусок, выясняет, что вы будете есть и пить.

Цены здесь были очень высоки, обед без закуски и вин стоил 2 рубля 50 копеек. Особенно наживались владельцы ресторанов на винах, которые подавались в 4-5 раз дороже магазинных цен, и на фруктах. В конце обеда или ужина метрдотель незаметно клал на кончик стола на подносе счет и исчезал»³⁵.

Более низкую ступень в общепитовской табели о рангах занимали рестораны 1-го разряда, отличавшиеся от фешенебельных более демократичными ценами и публикой. Далее шли рестораны 2-го разряда: «Они были скромнее: и помещение, и кухня, и обслуживание. Но и цены были ниже. Оркестрик маленький. Водка подавалась не в графинах, а в запечатанной посуде, чтобы посетитель не сомневался»³⁶. Заведения общественного питания низшего ранга именовались трактирами. Журналист Николай Животов, изучивший их жизнь и специфику, выделял два основных типа: «“Серый” трактир, предназначенный для публики средней – между чернорабо-

³⁵ Засосов Д. А. Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. – Л.: Лениздат, 1991. С. 101–102.

³⁶ Там же. С. 102.

чими и достаточными людьми, каковы мелкие служащие, торговцы, разносчики, приказчики, писцы, канцеляристы, артельщики и тому подобный люд. К трактирам “грязным” относятся трактиры: чернорабочие, извозчицы, постоянные дворы, чайные, закусовые, народные столовые и прямо кабаки»³⁷.

Жизнь официанта была несладкой. Если он не умел льстить, вертеться, терпеть издевательства клиентов, а главное, обманывать и воровать, он получал мизерную зарплату. Рано или поздно его вышвыривал хозяин заведения, недовольный низкой прибылью. В жизни и карьере «шестерок», обычных официантов, рестораны являли собой вид чистилища: невинные и упрямые души, не желавшие или боявшиеся грешить на пользу себе и нанимателю, отправлялись обратно на улицу. В заведении, таким образом, оставались лишь проверенные, те, кто прошел все дьявольские испытания, кто готов был обсчитывать, подставлять лишние пустые бутылки на стол, вписывать в счет незаказанные блюда, кто стойчески и непременно со сладчайшей улыбкой переносил все издевательства посетителей (пощечины, щипки, помазанье горчицей и отборный, разухабистый, купеческий мат). И лишь после этих испытаний «шестерка» могла надеяться на то, что она помчится ввысь по сатанинской карьерной лестнице, наберет вес и станет хитрым ресторатором-толстосумом, истинным воплощением дьявола на земле.

Пока же официанты послушно выполняли свои обязанности. Обратимся вновь к Николаю Животову: «Шестерка является полным хозяином отведенных ему столов зала или кабинетов; на первый раз ему даются столы, имеющие меньше посетителей, например в углах зала, у печей и т. п. Он обязан утром привести столы в порядок, переменить (вернее, перевернуть) белье, запастись спичками, солью, горчицей, посудой и сервировкой... Он следит за гостями и отвечает за них, т. е. если гость поест,

попьет и уйдет — за него платит буфетчику шестерка!.. Зато он может обсчитывать и обманывать гостя как хочет, с условием не доводить дело до жалоб и скандала»³⁸.

Официанты престижных ресторанов одевались строго по форме. Обычно она состояла из черного тонкой шерсти фрака и брюк, белых жилета, накрахмаленного воротничка, шелкового галстука и нитевых перчаток. Стрижки короткие, часто с английским пробором по центру, затылок слегка подбрит. Официанты любили носить аккуратные, напояженные усики, а порой, для важности, отпускали бакенбарды. В некоторых ресторанах 1-го и практически во всех ресторанах 2-го разряда «шестерки» одевались чуть беднее. К их традиционному фрачному костюму прибавлялся полотняный белый передник, заправленный под жилет. За опрятностью они следили мало: «Особенно неприятно поражала их нечистоплотность. Сморкаются в руку, вытираются той же салфеткою, которою протирают гостям посуду. Нюхают табак, и теми же пальцами сейчас ломают хлеб»³⁹.

Помимо официантов в ресторанах работали половые (в основном мальчишки лет 14–17), носившие аналогичные костюмы, но менее опрятные. Фрак мог быть засален, передник испачкан, да и работы у половых было больше, времени прихорашиваться они не имели. Трактирные половые одевались иначе — согласно обстановке. Вместо фраков — подпоясанные ситцевые рубахи-косоворотки разных цветов (белые, голландского полотна, носили в основном в трактирах уровня чуть выше среднего), шаровары, заправленные в сапоги, белый передник, заправленный за пояс. Иногда поверх рубах носили потертые пиджаки.

За прилавками магазинов и лавок встречали покупателя ласковой кошачьей улыбкой приказчики, столь же вертлявые, услужливые и нечистые на руку, как и официанты. Их внешний вид зависел от статуса места. Если магазин был известный, дорогой, с прекрасным реноме,

³⁷ Животов Н. Н. Среди «шестерок». Шесть дней в роли официанта: <http://22sobaki.livejournal.com/38963.html>

³⁸ Животов Н. Н. Среди «шестерок». Шесть дней в роли официанта: <http://22sobaki.livejournal.com/38963.html>

³⁹ Там же.

Мальчик-«половой»,
работающий в одном
из трактиров в районе
Большой Охты.

Фотоателье «Юпитер»,
Санкт-Петербург.
Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Приказчики

одного из петербургских магазинов.
Свой финансовый статус они демонстрируют
золотыми цепочками для карманных часов.

Фотоателье «А. Нарвайш», Санкт-Петербург. 1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

то продавцы своим изяществом, лакированностью и ароматами составляли прекрасную конкуренцию безупречным городским модникам. Засосов и Пызин сообщали: «Приказчик придавал большое значение наружности – одевался по моде, был чисто выбрит, надушен, что часто заменяло телесную опрятность <...>. Приказчики “высшего класса” щеголяли французскими словами, у прилавка слышалось: “merci, madame”, “je vous en prie”, одеты они были по последней моде, прическа а’Ia Carouf (по имени знаменитого французского артиста), с начесом на лоб, манеры “галантерейные” и т. д.»⁴⁰.

Одевались они соответственно роскошной обстановке. Продавцы баснословных тканей, ювелирных украшений, дорогих аксессуаров и одежды носили черные пиджаки и брюки, черный или «штучный» жилет, белый крахмальным воротничок с черной бабочкой

⁴⁰ Засосов Д.А. Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Л.: Лениздат, 1991. С. 63, 97.

или цветным шелковым галстуком. В продуктовых магазинах продавцы обслуживали покупателей в австрийских куртках с воротником-стойкой и белых длинных фартуках. Мясники одевались еще проще – полотняные рубахи с засученными рукавами, кепка или картуз и передник с широким нагрудником.

Приказчики, торговавшие на рынках, о чистоплотности и внешнем лоске не беспокоились. Надевали они то, что придется, – пиджаки на засаленные рубахи, шаровары, сапоги, картузы или фуражки, а также затасканные, рваные фартуки.

Банщики тоже носили униформу. Люди это были крепкие телом и крепкие на слово, проворные, услужливые и умевшие держать язык за зубами, ведь приходилось слышать и видеть такое, о чем даже шепотом говорить нельзя. Работников набирали в бани, словно рекрутов в гвардейские полки. Смотрели не только на комплекцию и внешность,

но и учитывали географическое происхождение. Владимир Гиляровский отмечал: «Банщиков давали три губернии, но в каждой – по одному-двум уездам, и не подряд, а гнездами. На Москву немного гнезд давал Коломенский уезд – коломенцы больше работают в Петербурге. Испокон века Москву насыщали банщиками уезды: Зарайский, Рязанский, Тульский, Каширский и Веневский»⁴¹.

Служащие бань выполняли разнообразную работу. Мальчишки-«шестерки» шмыгали в ближайшие трактиры за едой и дополнительной посудой, носили воду, учились разливать квас и пиво, мыли стаканы, развязывали веники, приносили свежие полотенца, усваивали азы цирюльного мастерства. Одеты они были просто – холщовые белые рубахи с ремнем и шаровары, на ногах – опорки. Самой сложной была работа парильщиков. Им приходилось ублажать раздобревшие рыхлые тела господ с полудня до позднего вечера, повязав вокруг бедер холщовый фартук до колен или неширокую драпировку.

Если банщику везло с хозяином («кусочником») и рабочим местом, он неплохо зарабатывал, соблюдая определенные условия обслуживания с клиентами. Возвращался он на побывку в родное село настоящим баринком – шелковая рубаха с кушачком, широкие шаровары, заправленные в гамбургские сапоги, фуражка с лаковым козырьком, жилет с обязательной толстой цепочкой и часами в кармане. Среди банщиков существовала мода и на особые сапоги. Владимир Гиляровский указывал: «Высший шик – опойковые сапоги с высокими кожаными калошами. Заказать такие сапоги было событием: они стоили тринадцать рублей. Носили их подолгу, а потом делали к ним головки, а опорки чинились и донашивались в бане»⁴².

Самыми вертлявыми, кокетливыми и жеманными были, конечно, парикмахеры. Они принимали красивые позы, ежесекундно кланялись, выставляя вперед тонкую прыгучую ножку. Истинные модники и создатели моды, парикмахеры верно ей служили и своим искусством, и своей внешностью. Безупречно выбритые, подвитые и напомаженные, с тонкой ниточкой кокетливых усиков, они порхали вокруг молчаливых клиентов, щелкая ножничками, поблескивая бритвами, прыская парижской водой и французскими галантерейными словечками. Особенной формы у них не было. В фешенебельных парикмахерских мастера работали в ловких, отлично сшитых жилетах и пиджаках, покрытых белоснежными фартуками. Иногда, впрочем, пиджаков не надевали. В заведениях победнее цирюльники выглядели проще – рубашка с отложным воротником или косоворотка, помятый пиджак и брюки, кое-как завязанный галстук, а иногда и вовсе без него.

Из пестрого ряда городского обслуживающего персонала выбивалась своими белосерыми костюмами больничная прислуга. Крепкие парни, выполнявшие роль медбратьев, носили серые холщовые рубахи-косоворотки с длинными передниками на бретелях. Женская форма была похожа на костюм сестер милосердия – холщовые платья, белый фартук, белый чепец, закрывавший большую часть головы. Иногда этот наряд дополняли белой пелериной.

Петербургский приказчик
в двубортном хорошо сшитом пальто, фуражке, при тросточке.
Фотоателье «Д. И. Быстров», Санкт-Петербург.
Кон. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

⁴¹ Гиляровский В.А. Москва и москвичи. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 364.

⁴² Там же. С. 366.

Ловкий парикмахер
в щегольском
«штучном» жилете
и со стрижкой
а-ля Капуль.

1-я пол. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Костюм рабочих профессий

В правление Николая II стремительными темпами развивалось промышленное производство. Страна покрывалась сетью железных дорог, увеличивалась добыча железной руды, каменного угля, древесины. Государство и частники вкладывали крупные капиталы в машиностроение, металлообработку, добычу нефти и газа. Росло количество заводов, фабрик, электростанций, а вместе с ними увеличивался и креп класс рабочих, бессменно, день и ночь трудившихся в сумрачных, душных помещениях – за станками, у печей, в масле и копоти. В 1890 году на промышленных предприятиях работало около полторы тысячи человек, через десять лет – уже более двух тысяч.

Если бы Россия встала на жесткие промышленные рельсы уже в первой половине XIX века, то к началу следующего столетия, возможно, сформировалась бы и униформа рабочих. Однако страна пыталась гигантскими темпами наверстывать упущенное, вчерашние крестьяне стремительно превращались в мускулистых тружеников без необходимой базы, подготовки, профессионального образования, традиций. Не успел сложиться специфический жизненный уклад, не развилось еще чувство корпоративности, а законодательство (в особенности охрана труда) находилось в зачаточном состоянии. По этим причинам у рабочих начала XX века не было и не могло быть своей униформы. То, что они носили, представляло собой сочетание крестьянской и городской одежды с элементами (аксессуарами) профессиональной специализации. Как правило, чем более низкооплачиваемым был труд, тем больше рабочий своим внешним видом напоминал крестьянина. И наоборот. Хорошая заработная плата, а также полученное в свое время начальное профессиональное образование сказывались на костюме, в котором уже доминировал городской стиль. Потому невозможно было отличить ремесленника, родившегося в городе, от заводского мастера, мальчишкой приехавшего в столицу и добившегося определенного успеха в работе.

В среде рабочих существовала своеобразная «аристократия», одевавшаяся лучше и дороже. Это были высококвалифицированные рабочие, настоящие профессионалы своего дела, чья специализация предполагала не только полученное образование, но и приобретенный ценнейший рабочий навык и секреты мастерства. Такие специалисты были на вес золота, ведь они не только прекрасно трудились, но и обучали хитрому ремеслу молодежь. Быстро становясь мастерами и бригадирами, эти трудяги пользовались на фабриках и заводах почетом и получали высокую зарплату – примерно от 45 до 70 рублей в месяц. Их рабочий костюм выглядел лучше и опрятнее тех, которые носили простые работяги: рубашка из добротного полотна, брюки обязательно навывпуск, жилет или пиджак – помятый, видавший виды, но все-таки вполне годный для «рабочего-аристократа», на голове – фуражка с лакированным козырьком или суконный картуз, на носу поблескивают стальные очки. Как правило, мастера носили аккуратные, постриженные, «инженерские» бородки и небольшие усы. Выходной одеждой служила классическая городская тройка: жилет поверх белоснежной рубашки, брюки и пиджак (однобортный или двубортный в узкую полоску). Иногда вместо него надевали кожаные двубортные куртки.

Столичные мастера и бригадиры, всем своим видом стремившиеся соответствовать образованному и уважаемому городскому обществу, носили брюки исключительно на выпуск с мягкими кожаными полусапожками или ботинками. По воскресным дням щеголяли в красивых фуражках-капитанках с черным (репсовым или бархатным) околышем, темносиней тульей, которую в теплое время года покрывали белым полотняным чехлом. Некоторые мастера не брезговали котелками или фетровыми шляпами, преображаясь в эдаких заместителей фабричных начальников. Рабочие, ценившие время, обожали карманные часы. На многих фотографиях они позируют в лучших костюмах с непременно расстегнутым пиджаком для того, чтобы продемонстрировать цепочку с брелоками, ведущую в карманчик

Мастеровой с супругой.

Он позирует в своем лучшем костюме – шерстяном двубортном пиджаке и брюках. Супруга – в более традиционном для крестьянки платье с элементами народного стиля. Фотоателье «И. Кадыш», Омск. 1900-е гг. Архив О.А.Хорошиловой

жилета, где покоятся заветные «трехкрышечники». Зимой мастера облачались в толстые суконные пальто на вате с воротником, покрытым черным бараньим мехом, на голове – мерлушковая или барашковая шапка-ток, реже – фуражка.

Наиболее высокую заработную плату получали рабочие столичных металлургических, сталелитейных, артиллерийских, судостроительных заводов, в особенности токари и слесари. Они трудились в ситцевых темно-синих или черных рубахах-косоворотках, подпо-

ясанных ремешком или бейкой, шароварах навывпуск. Любопытно, что даже фабричная одежда не была лишена красоты – рубахи, к примеру, носили вышитые. Тамара Карсавина вспоминала: «Василий (друг горничной Дуныши, обслуживавшей Карсавиных. – О.Х.) был аккуратно и довольно красиво одет в косоворотку и высокие сапоги. Дуныша проводила много времени за шитьем этих косовороток, вышивая на обшлагах узор крестиком. Василий работал на фабрике»⁴³.

В горячих цехах вместо ботинок использовали опорки. Если приходилось работать со смазкой и машинным маслом, поверх блузы надевали длинные клеенчатые фартуки, а иногда еще и нарукавники. Токари крупных заводов стояли перед станками в специальных длинных полотняных робах серого цвета с характерной кокеткой на передке и спинке.

В более холодное время поверх рубах надевали тужурки или однобортные куртки типа «австрийских» с прорезными боковыми карманами. Особым шиком считался широкий спортивный ремень с двумя пряжками, который носили даже во время работы в цехах. Практически все трудились в головных уборах – кепках с ушами, застегнутыми на тулье, мятых суконных шляпах (передняя часть полей отгибалась) или фуражках.

Особенность каждой профессии отражалась в костюме, его деталях. К примеру, полиграфисты, работавшие зачастую в границах города, одевались практически как буржуа – белая рубашка, жилет, однобортный пиджак, брюки навывпуск (иногда даже со стрелками), мягкие ботинки. Наборщики, придя в типографию, пиджак снимали и надевали фартук или блузу с кокеткой. Ткачи тоже выглядели весьма опрятно. Они стояли за жужжащими станками в полотняных рубашках, однобортных темно-синих или черных куртках, брюках и кепках. Хлебопеки выделялись своими длинными белыми халатами с завязками на спине и колпаками, похожими

⁴³ Карсавина Т. П. Театральная улица: http://www.belousenko.com/books/memoirs/karsavina_teatr.htm

Рабочие центральной электрической станции Обуховского сталелитейного завода.

В центре – начальник завода полковник Александр Петрович Меллер.

Санкт-Петербург, 1909 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Сотрудники и рабочие пивоваренного завода И. Е. Липского в Вильне.

В центре – директор-распорядитель завода Илья Ефимович Липский.

Фотоателье «Ф. Германович», Вильна. Нач. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Рабочие патронно-гильзового завода у станков.

Середина 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

на пухлые, обсыпанные мукой ватрушки. Кузнецы работали в толстых кожаных передниках и перчатках. Персонал разливного цеха колдовал над живительной влагой в темных ситцевых рубахах и белых передниках. Шахтеры рубили угольные пещеры, обнаженные по пояс, в изорванных шароварах, перепоясанных бечевкой или куском кожи, неверно ощущая свой путь в пугающе черные недра Земли с помощью тусклого масляного фонарика.

Наиболее крестьянский вид имели рабочие-сезонники, приезжавшие на заработки из деревень. Они обычно занимались стройкой – возводили каменные или кирпичные

дома, деревянные амбары и хранилища, укладывали щебенку, принимали участие в строительстве дорог. Сезонники носили ситцевые или полотняные шаровары, заправленные в сапоги, рубашки, двубортные тужурки или армяки, картузы, шапки-ушанки или кепки.

Выходные костюмы были всегда богаче. Рабочие с хорошим заработком надевали свежие белые сорочки или блузы с отложным воротником, черный жилет с непременною цепочкой и брелоками, галстук (иногда носили даже цветные шелковые), черный пиджак, брюки черные или темно-серые в тонкую полоску, фуражки с лакированным козырьком или котелки. Сугубые любители форса носили с собой также тонкие тросточки. Кузьма Петров-Водкин вспоминал работников механических мастерских: «Ремонтчики одеты начисто: в косоворотках и штаны навывпуск.

У которых поверх рубах жилетки, а на них цепочки часовые подвешены, хотя бы и без часов в кармане. Волосы намаслены и с пробором»⁴⁴.

На внешний вид оказывали влияние не только условия труда и зарплата, но и культурный уровень рабочего. Те, кто в редкие свободные минутки упорно занимался самообразованием, стремился выглядеть опрятнее, аккуратнее и чище. Эту особенность отметил в своих воспоминаниях Константин Михайлович Тахтарев, в начале 1900-х годов вовлеченный в революционную агитацию рабочих:

«Во время этих разговоров я имел возможность присмотреться к присутствующим. Все они, кроме Бабушкина (Ивана Васильевича Бабушкина. – О. Х.), были, по-видимому, одеты в свое обычное платье, в пиджаки и косоворотки. Высокие сапоги дополняли их рабочий костюм. Только один Бабушкин вносил некоторую дисгармонию своей внешностью. Он был одет по-праздничному. На нем было что-то вроде сюртука с жилетом, крахмаленный воротничок и манишка, манжеты,

⁴⁴ Петров-Водкин К. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. Л.: Искусство, 1970. С. 261.

брюки навывпуск. Волосы на голове были заботливо причесаны, и руки его, по сравнению с руками товарищей, были безукоризненно чисты.

Помню, что эта внешность его произвела на меня первоначально не совсем благоприятное впечатление, которое было совершенно неправильным. Правда, по своей внешности он был в этот день скорее похож на принарядившегося приказчика, чем на рабочего, которого я представлял себе почему-то непременно в том виде, какой имели остальные собравшиеся. Я тогда еще не понимал вполне естественного и понятного стремления рабочего к поднятию не только умственного, но

и вообще культурного уровня своей жизни, вполне законного желания, хоть в праздничный день, забыть о серой обстановке своей обычной рабочей жизни и одеться как можно лучше»⁴⁵.

Во время Первой мировой войны выходной гардероб рабочих пополнился модными новинками – бриджами-галифе, кожаными крагами, кожаными кепками и шведскими куртками, весьма дорогими, потому позволить их могли лишь высококвалифицированные рабочие с хорошим заработком.

⁴⁵ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге 1893-1901 гг.: <http://www.agitclub.ru/hist/narod/tah/tachtarev01.htm>

Рабочие горячего цеха одного из петроградских заводов.

Петроград, 1916-1917 гг.
Платок на женщине повязан по-заводскому – узлом назад.
Такая манера станет популярной в советскую эпоху.
Архив О.А.Хорошиловой

Юные швеи.

Отметим их опрятный вид и белые фартуки.

Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Особой гордостью столичных заводских мастеров были сапоги. Знатоки шика носили непременно «русские» или «гамбургские», у которых голенища были длинные, со многими складками, из черной лакированной кожи, а головки – из матовой. Рабочие их любили не только за красоту, но и за «носкость». Николай Родионович Лобанов вспоминал: «Я спешу обновить обувь – сапоги, шутка ли сказать, “гамбургские”, да еще собственноручно сделанные отцом. До этого я носили “девчоночьи” башмаки из толстой яловочной кожи на прямую колодку и с резиновыми боками. А надев “гамбургские”, я сразу вырос в собственных глазах, так как становился “большим мужчиной”. Я ходил в них, все время смотря на мою новую обувь, ежеминутно любуясь отблесками ее голенища и проверяя ее на прочность. Наступая в самые глубокие лужи (Чудесно! Вода не протекает!) или на оставшиеся льдинки, ломая их с треском. “Во всяком случае, – думал я, теперь.- Васке Ястребову не очень-то придется важничать, что только он своим каблуком с подковкой на сапожках сможет вывертывать в твердой земле лунки. Я теперь тоже это смогу в моих новых сапогах”»⁴⁶.

⁴⁶ Лобанов Н.П. Воспоминания. Рукопись. Архив О. А. Хорошиловой.

От модных сапог требовалось также отлично и красиво «звучать». Отец Кузьмы Петрова-Водкина знал в этом толк: «Форс или скрип, образующийся в сапоге от трения стелек о подметки и возникающий случайно, конечно, ничего особенного не представляет, иногда это просто несчастье, от которого невозможно вылечить сапоги. Отец подошел к производству форса как к звуковой выразительности, его сапоги звучали как по камертону. “Эх, поют сапожки-то – сердце радуют.. Девки от форсу млеют”, – говорили знатоки. Скоро весь город был охвачен этой модой»⁴⁷.

Секрет свой отец будущего художника тщательно скрывал. Однако один способ, как заставить обувь «петь», был весьма широко известен в то время: «Между стелькой и подметкой закладывали сухую бересту, и сапоги начинали скрипеть»⁴⁸.

У работников Ижевского, Тульского, Сестрорецкого оружейных заводов, а также металлических, горных и шлифовальных заводов, подведомственных Кабинету Его Императорского Величества, существовал и особый парадный вид платья – наградной «мастерской» халат. Жаловали им отличнейших мастеров «за усердие и искусство» начиная с 1819 года. Его крой и отделка были унифицированы лишь в 1852 году, и в дальнейшем эта награда не претерпела больших изменений. В самые торжественные дни мастера облачались в свои нарядные темно-зеленые халаты, столь напоминавшие стрелецкие кафтаны времен царя Алексея Михайловича. По вороту, борту, подолу и спинке шел широкий, в полтора дюйма галун, а также нетолстый золотой шнур, кольцами овивавший ворот и обшлага рукавов. Пять золотых бранденбургов украшали грудь. Халат имел запах налево, то есть на «русскую сторону». С наградой мастера надевали «гамбургские» сапоги, а голову покрывали цилиндром с галунной лентой по тулье. «Кафтанщиков», а именно так величали награжденных, уважали и гордились. Во

⁴⁷ Петров-Водкин К. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. Л.: Искусство, 1970. С. 55.

⁴⁸ Засосов, Д.А. Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Л.: Лениздат, 1991. С. 105.

Работницы
разливочного цеха
пивоваренного
завода
И. Е. Липского
в Вильне.

Отметим их опрятный
вид – платья, блузы,
черные передники
и белые чепчики.

Фотоателье «Ф. Германович»,
Вильна. Нач. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Сезонные
работчие на отдыхе.
Оба одеты в рубахи-
косоворотки.

1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой.

Сезонные рабочие-строители.

В центре – глава строительной артели. На некоторых заметны цепочки от часов.

1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

время торжественных заводских мероприятий их сажали рядом с директорами. Встречая раззолоченную царскую особу, хозяева предприятий не забывали выставить перед унылой массой одноликих рабочих свою «гвардию» – бородатых и ухоженных «кафтанщиков». Семьи этих почтенных мастеров долгие годы хранили милые студийные снимки деда в галунном халате, окруженного испуганно застывшими в ожидании обещанной «птички» родственниками. И тыча скрюченным черным пальцем в фотографическую картонку, какой-нибудь нескладный работяга торжественно хрипел: «Смотри, сын, какой дед-то у нас был».

В этот период на заводах и фабриках трудились не только мужчины, но и женщины. Они стояли у прядильных станков и машин для скрутки нитей, наклеивали этикетки на винных и водочных бутылках, месили тесто, резали тряпье на писчебумажных фабриках, занимались рукоделием... Женский рабочий костюм тоже был неодинаков. Те, кто работал на стройках вместе с мужьями-сезонниками, одевались по-крестьянски – ситцевая или хлопковая блузка, длинная юбка в мелкий набивной рисунок, передник, на голове – платок, повязанный традиционно – под подбородком. Работницы текстильных фабрик носили платья-халаты, практически такие же, в каких потом будут фотогра-

фироваться для советских журналов монументальные ударницы. Халаты завязывались и застегивались на спине, перевязывались пояском по талии и имели по бокам настрочные карманы. Любопытно, что эти работницы повязывали косынку на затылке, потому не правильно утверждать, что такая манера появились лишь в ранний советский период. Она существовала еще в начале 1900-х годов. Тогда же некоторые женщины придумали себе и более смелый вариант костюма – блуза на пуговицах с закатанными по локоть рукавами и короткая по тем временам юбка (линия подола – чуть ниже колена). И он также будет широко распропагандирован уже в 1920-е годы.

Чем ближе профессия женщины была связана с модой и светской жизнью, тем консервативнее и женственнее был ее костюм. Так, работницы швейных и рукодельных мастерских напоминали горничных сравнительно богатых семейств – темное шерстяное платье с рукавами, скроенными по моде, и небольшой скромной отделкой, или ансамбль из блузки и юбки. Поверх них надевали полотняный белый или серого цвета фартук с высокой грудкой, двумя карманами, иногда лямки украшались неширокими воланами. Волосы были тщательно расчесаны и прибраны, косынок не носили.

На следующей полосе:

Студент-путеец с коллегами-рабочими.

На сидящем в центре рабочем – выходной костюм: ситцевая рубашка-косоворотка, сюртук и шаровары, заправленные в сапоги.

1910-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

00

От мира к войне

Светская мода
1890-х – 1917 гг.

1890-е годы

Их называли —
«сиреневой эпохой».
Женщины были
цветами — нежными
фиалками,
робкими незабудками,
благоуханными
орхидеями,
невинными
анютиными глазками.
Они были тонки,
элегантны
и благородно
беззвучны.

За них говорила одежда – мягко шуршали по глянцево-паркетному гербарии шелковые трены с хрусткими тафтяными оборками, округло перекатывались, спотыкаясь друг о друга, жемчужины дивных молочно-белых ожерелий, тяжело дышал старинный кружевной веер и серебристо тенькали трехкрышечные часики, приколотые к лифу прогулочного платья.

У этой немой и элегантной эпохи были свои безмолвные иконы стиля. Во второй половине 1890-х начала свое головокружительное турне по миру себялюбивая и образованная девушка – творение в меру талантливого и в меру остроумного американского художника Гибсона, щедро одарившего ее своим именем. Девушка Гибсона проникла и на страницы русских светских журналов («Новый русский базар», «Вестник моды»), мгновенно покорила дам своими «штучками» – непомерным кокетством и озорством, тонкой иронией и салонной чувственностью, независимостью и в общем-то крутым характером, заставлявшим всегда наивных и безнадежно влюбленных мужчин скручиваться в бараний рог.

Она демонстрировала все стороны нового женского образа. Ей с легкостью удавалось «строить дурочку», красиво надувать губки и обижаться по пустякам, беспричинно хохотать и веселиться. Но та же девушка Гибсона на страницах все тех же журналов ловко обыгрывала мужчин в сложной шахматной партии, легко обгоняла их на своем стальном полуночном и самозабвенно читала Бокля и Ренана сквозь изящную лорнетку. Графическая модница демонстрировала великолепные вечерние туалеты от Ворта и Редферна, но не брезговала и одеждой нового реформи-

рованного образца, появляясь на страницах прессы в удобных английских троттерах, американских блузах с высоким воротничком и черным галстучком, в гимнастических и купальных костюмах. Олицетворяя пастельную «сиреневую эпоху», она одновременно принадлежала уже новому времени – стальному и спортивному XX веку.

Вместе с девушкой Гибсона популярными стали и те, кто позировал американскому художнику для его графических опусов, – Эвлин Несбит и Камилла Клиффорд, счастливые обладательницы тонкой талии и фарфорового личика.

Пастельную гамму 1890-х дополнял викторианский стиль, сдержанный, скромный, подтянутый, опиравшийся на здравый смысл и Священное Писание. Главным выразителем викторианства в России стала императрица Александра Федоровна, любившая сдержанные цвета и превыше всего ценившая скромность и элегантную простоту в одежде, хоть она обходилась двору весьма недешево. Ее туалеты, прически, духи, а также список поставщиков тщательно копировали столичные аристократки. Они заказывали вечерние туалеты непременно у Редферна в Лондоне, а текстиль у Денье в Виндзоре. Российская императрица повинна и в том, что с середины 1890-х годов в России началась англomanия, приобретшая форму модной эпидемии в конце 1900-х.

Те, кто не мог отправлять заказы в Лондон, шили туалеты у столичных портных. Восхитительные вечерние туалеты предлагала Ольга Николаевна Бульбенкова, участвовавшая в создании коронационного костюма Александры Федоровны. Александр Дмитриев, чье ателье

На предыдущей полосе:

**Актриса
Эвлин Несбит,
икона стиля
«сиреневой эпохи».**
Фототипия.
Конец 1890-х –
начало 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

«Девушки Гибсона» в прогулочных платьях.

Фототипия. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

располагалось на улице Гороховой в доме 55, предлагал пальто, ротонды, жакеты и английские костюмы. В Москве одной из наиболее известных была мастерская дамского платья Надежды Петровны Ламановой-Каютовой, располагавшаяся на Большой Дмитровке, в доме Адельгейм. Визитные и вечерние наряды заказывали также в модном ателье Прасковьи Тимофеевны Семашко на Чистых прудах.

Недорогое, но качественное готовое платье в столице предлагали в торговом доме «М. и И. Мандль» на Невском проспекте, 16. Среди москвичей популярностью пользовался торговый дом «Мюр и Мерилиз». Анастасия Цветаева вспоминала: «Вторая новинка, осиявшая Москву светом и блеском, был многоэтажный магазин Мюр и Мерилиз на Театральной площади. Сколько рассказов, сколько восхищений, споров, сборов, прогулок и поездок туда!.. Думаю, долгое время до его открытия москвичи обходили стройку, все выше подымавшуюся в небо, увенчавшуюся наконец остротой башенок, засверкавшую стеклами... Как долго еще ждать — ходили — смотрели, — покуда стекла стали аквариумами света, налившимися волшебством предметов, плававших в этой световой воде. И все же это было ничто рядом

«Девушка Гибсона»,
прославленное творение американского художника Чарльза Дана Гибсона.
Фототипия. 1890-е гг. Архив О.А.Хорошиловой

с тем, что охватило нас, когда мы вошли туда в первый раз! Этажи! Сверканья! Бредовая множественность вещей! Невиданный взмах лестниц! Блеск стекла и посуды! Картины! Чучела медведей! Украшения! Игрушки!»¹.

Периодически магазин устраивал распродажи, которые запомнились и Александре Толстой, дочери писателя: «Иногда мама брала меня на дешевые распродажи, которые она очень любила. Мы ездили в пассаж, к Мюру и Мерилизу, покупали остатки материй и кружев»².

Мода середины 1890-х годов – это борьба двух основных тенденций – вычурной неестественности, унаследованной от третьего рококо, и движения за реформирование женского костюма, оказавшего влияние, в частности, на упрощение кроя многих видов одежды.

Дамы продолжали затягиваться в корсеты, создавая восхитительно узкую талию в противовес расширяющимся в верхней части рукавам. Многим эти «испанские доспехи» не нравились. Александра Толстая их открыто ненавидела: «Помню, какое было для меня мученье, когда мама заставляла меня но-

¹ Цветаева А.И. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1974. С. 21.

² Толстая А.Л. Дочь. М.: Вагриус, 2001. С. 33.

сидеть корсет, “чтобы была хорошая фигура, а не такой обрубок, как у тебя”, – говорила она. Когда только можно было, я стаскивала корсет и прятала подальше в шкаф, но гувернантка снова вытаскивала его и заставляла надевать. Планшетки и кости ломались и впивались в тело, причиняя страшные мученья»³.

Вместе с корсетами носили нижние юбки, которые к середине 1890-х годов заметно расширились, и потому возникла необходимость в дополнительной поддержке – появились кринолины с 4–5 обручами в нижней части подола. Помимо классического комплекта, состоявшего из нижней дневной сорочки и нижней юбки, существовала и модная альтернатива – комбинация, включавшая в себя сорочку и разъемные панталоны, отделанные вышитыми воланами. Весь же спектр нижнего белья был весьма велик. Дамы носили утренние и ночные рубашки, украшенные стежками, прошивками и шелковыми лентами, утренние платья с кружевами, платья для утреннего чая и «неглиже», шелковые пеньюары с воротничком-стойкой (во время укладывания волос), утренние и ночные чепцы, плотные фланелевые «юбки приличия» в холодные сезоны. Новинкой середины 1890-х годов стали каркасные рукава, а также толстые «подмышники» с саше, поддерживавшие широкие, шарообразные «жиги» (верхние рукава платьев), достигавшие в 1895–1896 годах 40–50 сантиметров в диаметре. Александре Толстой, унаследовавшей от отца любовь к простой и удобной одежде, приходилось следовать моде, которую ей изпод палки навязывала ее мама: «Потом появилась новая пытка – мама сказала, что нужно носить подмышники. Подмышники толстые, в проймах тесно, кроме того, они всегда рвались, скручивались и растирали кожу»⁴.

Движение за реформирование женской одежды начало постепенно проникать в русскую моду, но оказывало пока лишь мягкое, опосредованное воздействие. Появилась

осторожная реклама так называемого гигиенического нижнего белья, в том числе и корсетов, мягко облежавших стан и не травмировавших тело женщины. Характерными деталями этих новинок были широкие плечевые ляжки (заимствованные из детских корсетов) и матерчатые грудодержатели в виде мешочков, поддерживавших бюст и не сдавливавших его. Некоторые дамы, особо продвинутые в вопросах здоровья и прав женщин, заказывали себе в Париже безусловный писк моды конца 1890-х – эластичный корсет, разработанный доктором Инессой Гаш-Саррот. Тогда же в Санкт-Петербурге появилось «Общество охранения здоровья женщины» во главе с женщиной-врачом Марией Михайловной Волковой, призванное информировать

Известная американская актриса Камилла Клиффорд воплощала образ «девушки Гибсона» на сцене и в жизни. Позирует в меховом манто и горностаевой шляпе в русском вкусе. Фототипия. Конец 1890-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же.

Элегантная москвичка в шелковом визитном платье

с широкими рукавами и узкой талией, акцентированной широким поясом. Рядом – друг в сюртуке, лацкан которого украшает френчский знак об окончании высшего учебного заведения.

Фотоателье «Бродовский», Москва. 1896-1897 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Петербургская семья.

Дамы в визитных платьях.

На молодом человеке справа – мундир слушателя Императорской Военно-медицинской академии.

Санкт-Петербург. Ок. 1896 г. Архив О.А.Хорошиловой

столичных дам о новинках реформированной одежды и проводить соответствующие выставки. Чуть позже Волкова основала при Обществе специальные гигиенические курсы.

«Сиреневая эпоха» получила такое название благодаря чрезвычайно многообразию пастельных оттенков – бледно-фисташковый, мальвовый, шафрановый, светло-голубой, нежно-розовый, масляно-желтый, гриперлевый... Иногда пастельные тона оттеняли лентами, воротниками или аппликациями более глубоких, насыщенных цветов. К примеру, рекомендовалось: «Носить воротники, отвороты и кушаки из темного бархата, образующего явственный контраст со светлым цветом платья. Зеленый бархат будет красиво выделяться на нежно-сером платье, павлиносиний очень темный на белом сукне, каштановый – на светло-желтом и фиолетовый или пансэ на различных серых, мастиковых и других оттенках экрю»⁵.

⁵ Известия о модах / Модный свет, 1896, № 30. С. 298.

Пожалуй, самой вычурной и необычной деталью были уже упомянутые «жиго», заимствованные из эпохи 1820 – 1830-х годов. В них дамы так напоминали воспарявших в романтическое поднебесье гоголевских модниц с рукавами, похожими на два воздушных шара. Однако им было суждено украшать платья и блузы лишь несколько лет. В 1897 году их объемы заметно уменьшились, и к 1900 году о баснословных «шарах» напоминали лишь скромные припухлости в районе оката рукавов.

Женский силуэт этого времени был похож на песочные часы – широкие части («жиго» и расширенный подол платья) уравновешивала тонкая талия, акцентированная нешироким кушачком. Модными фасонами платьев этого периода были «принцесс», а также «тайер», лиф которого по крою напоминал жакет городского костюма. В 1896 году популярным стало платье «soleil», описание которого приводит «Модный свет»: «При шелковых кофте-болеро и широком кушаке лиф и рукава

**Петербургская
артистка**

Маргарита Николаевна Воронцова-Ленни
в шелковой жакетке с широкими лацканами
и рукавами «жиго».

Отметим изысканную шляпу с искусственными
пестрыми цветами.

Фотоателье «М. Белявский», Санкт-Петербург. Середина 1890-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Дама в шерстяном
дневном платье
с малюткой-сыном.**

Москва. Ок. 1896 г.

Архив О.А.Хорошиловой

покрыты прозрачной плоеной материей. Она же покрывает юбку, сложенная на боках тесно складками, книзу вполне распускными»⁶.

Летом модницы предпочитали легкие платья из кисеи, линона, пике, крепона непременно бледных оттенков, а также наряды белого цвета, весьма популярного во второй половине 1890-х годов.

Простоту кроя и силуэта с излишком компенсировала щедрая гарнировка. Чем только не украшали свои дневные и визитные платья столичные модницы: «Светлые, высокие и открытые блузы покрывают тюлем белым, черным и цветным, на котором производят красивые эффекты узорами из кружевной ленты или блесок. Талию охватывают кушаком из шелковой ленты, а рукава и юбку гарнируют тюлевыми розетками, если не предпочитают букетов из роз, фиалок, златоцветов и т. д. Рюши из материи, ленты, последние в виде бантов или отдельных петель или концов шарфов, со сквозными бордюрами, вышитыми или с бисером»⁷. К концу 1890-х годов популярной становится отделка из кружева, шитья и сутажа.

**Прабабушка
автора,
Евгения Петровна
Никольская,**

супруга
художника-баталиста,
с дочкой Олей на коленях.

Запечатлена в дневном
прогулочном платье
с пышными рукавами «жиго»,
модными в 1894-1896 гг.

Фотоателье «Эм. Плетцер», Елисаветград.

Середина 1890-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

⁶ Там же.

⁷ Известия о модах / Модный свет, 1896, № 10. С. 100.

**Элегантная дама
в прогулочном пальто с рукавами-«жиго».**
Голову украшает шляпа-ток.

Санкт-Петербург. Середина 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Петербургская аристократка
в красивом визитном платье,
украшенном бусинами-грело.**
Ширина рукавов-«жиго» свидетельствует о том,
что снимок сделан в середине 1890-х гг.

Фотоателье «Э. Вестли», Санкт-Петербург.
Архив О.А.Хорошиловой

Модница
в бархатном визитном
платье,
украшенном черным
машинным кружевом.
Обращает внимание белый
кружевной крахмальным
воротник во вкусе
Марии Медичи.

Фотоателье «А.в.Вилinski&Co».
1-я половина 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Провинциальная модница

в зимнем прогулочном пальто с рукавами-«жигго».
Воротник оторочен недорогой мерлушкой.
На голове – шляпа-ток с вуалеткой.

Фотоателье «М. Молчанов», Каменец-Подольск. Середина 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Семейство
на отдыхе в деревне.
На дамах – прогулочные
наряды и соломенные
шляпы, традиционные
атрибуты беспечной
дачной жизни.

Конец 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Зинаида

Подъяпольская,
супруга адмирала,
в прогулочном платье,
шляпке с вуалеткой и
зонтом-тростью в руке.

Фотоателье «J. Jametasa»,
Нагасаки (Япония).
1898–1899 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Купеческая семья
в зимних одеждах.**

На даме – теплая,
бархатная шуба,
подбитая мехом.
На господине –
роскошная шуба
с шалевым
воротником.
В столице шубы
мехом наружу
носил в основном
обслуживающий
персонал богатых
семейств – к примеру,
шоферы. Однако
в провинции такие
одежды пользовались
спросом среди
зажиточных слоев
общества.

Так демонстрировали
финансовый достаток
и спасались от
русского мороза.

Фотоателье «В. Метенков»,

Екатеринбург.
Середина 1890-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Афанасий
Федорович Бычков,**

академик, член
Государственного
совета, директор
Императорской
Публичной
библиотеки.
Запечатлен
в гражданском сюртуке
без орденов.

Фотоателье «Е. Мрозовская»,
Санкт-Петербург.
2-я пол. 1890-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Чулки с платьями носили не только черные, но и других, иногда более «смелых» цветов под стать доминирующему в костюме оттенку: «Относительно чулок заметим, кстати, что их всего чаще носят черные. Дамы, надевающие черные шелковые чулки, в исключительных случаях остаются верными тонким бумажным или нитяным. Носящие же шелковые чулки, не стесняясь расходами, берут их под цвет туалета: серые, аметистовые, зеленые, каштановые и т. д. Мода эта прелестна. Мы указываем на нее тем дамам, которым надоедает однообразие черных чулок»⁸.

На прогулку дамы отправлялись в изящных коротких накидках-пелеринках, в более прохладное время надевали шерстяные рондэ с капюшоном и полудлинные накидки.

⁸ Известия о модах / Модный свет, 1896, № 28. С. 279.

Художник-баталист**Василий Васильевич Верещагин**

в сюртуке со знаком ордена Св. Георгия IV степени в петлице. Этот орден полагалось носить при любых видах одежды, в том числе гражданской.

Фотоателье «Шерер, Набоглиц и Ко», Москва. 2-я пол. 1890-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Дожливой осенью предпочитали двубортные «ватерпруффы» из толстого неваляного сукна с модным тарелкообразным воротничком. Зимой спасались от безжалостных русских морозов в бархатных пальто-жакетах на ватной или меховой подкладке, дамы побогаче кутались в роскошные рогонды с подкладкой из благородного песца или куницы...

В сравнении с живописным женским образом мужской образ был чересчур рациональным, буржуазным, простым и тусклым. В одежде преобладали темные тона – серый, маренго, черный с зеленым отливом, темно-синий, темно-коричневый. Исключением был весенне-летний сезон, в который носили легкие светлые костюмы из полотна, коломянки, льна. В гардеробах доминировали сюртуки, визитки и вестоны, но можно было отыскать и несколько

Богатые московские промышленники в элегантных визитках.

Фотоателье «Дьяговченко», Москва. 2-я пол. 1890-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

черных фраков для парадных случаев. Сюртуки шили из черного кастора или крепа и кроили непременно двубортными. Лацканы часто украшались шелковыми вставками. Карманы располагались сзади по линии разреза фалд. С сюртуками носили воротнички стоечкой, жилеты (белые пикейные, черные кастровые или креповые, а также «штучные»⁹), брюки из того же материала, что и сюртук, а иногда и в полосу.

Менее официальной одеждой были односторонние и двубортные пиджаки из тонкого сукна, английского твида, крепа, бостона, шевита. Предпочитали в основном темные цвета. С пиджаками носили отложные воротнички, черные, темно-серые и цветные галстуки, жилет и брюки из того же материала.

⁹ «Штучные» жилеты покупались отдельно от костюма. Их шили из бархата или пестрого шелка.

Юные московские франты в удобных демисезонных пальто.

На молодом человеке слева – котелок, на господине справа – модная фетровая шляпа-«федора». Фотоателье «А. Эйхенвальд», Москва. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Композитор Петр Ильич Чайковский в модном английском костюме-тройке в мелкую клетку.

Фотоателье «Везенберг», Санкт-Петербург. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Прадед автора, художник-баталист Николай Семенович Никольский, в светлом коломянковом вестоне. В руках – журнал «Нива», на страницах которого публиковались репродукции его полотен.

Санкт-Петербург. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Мещанин
в суконном,
подбитым ватой
пальто
и мерлушковом токе.**

Фотоателье «А. Фохт»,
Санкт-Петербург. Середина
1890-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Молодой щеголь в двубортном вестоне
и красивой «николаевской» шинели.**

Отметим также тесные лайковые перчатки, сигарету
и меховой ток с бархатным верхом.

Фотоателье «М. Овчинников», Харьков. 1890-е гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

**Богатый господин в элегантном сером сюртуке,
лайковых перчатках и светло-сером шапокляке.**

Фотоателье «А. Struniewicz», Вильна. Середина 1890-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Молодой столичный
купец в сюртуке.**

Он, безусловно, следит
за модой – волосы
уложены в популярном
тогда стиле а-ля Капюль.
Санкт-Петербург. 1890-е гг.

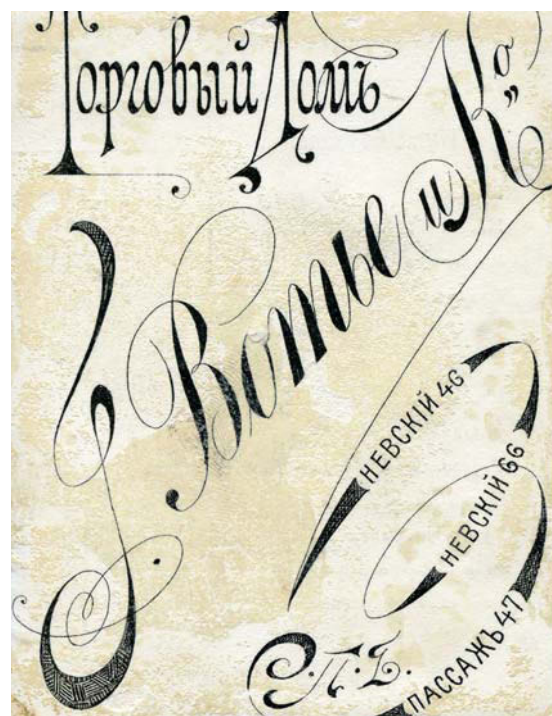
Архив О.А.Хорошиловой

ПРЕЙСЪ				
Мужскія шляпы:	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
	отъ		до	
Котелки	6	—	10	—
Мягкія	4	—	10	—
Велюровыя	7	—	12	—
Цилиндры шелковыя	8	—	20	—
„ касторовыя	8	—	—	—
„ дамскія	6	—	—	—
Шапоклякъ	8	—	12	—
Фоклякъ	5	—	—	—
Треуголки на заказъ	12	—	300	—
Цилиндры выѣздныя	8	—	25	—
Кучерскія шляпы	8	—	12	—
Шляпы соломенныя	2	—	25	—
Кардонки дорожныя	3	50	—	—

**Прейскурант
ателье «Г. Вотье».**
Конец 1890-х – начало
1900-х гг.
*Семейный архив
К.И. Финкельштейна*

**Реклама известного
шляпного ателье
«Г. Вотье».**
Конец 1890-х –
начало 1900-х гг.
*Семейный архив
К.И. Финкельштейна*

Выходным видом одежды служили визитки с характерными скошенными фалдами. На торжествах присутствовали в черных касторовых или креповых фраках и брюках из такого же материала. С ними надевали сорочку и белый пикейный жилет (черный и цветные жилеты носили редко). Господа в чинах украшали фраки орденскими звездами и знаками отличия. Молодые люди, превыше всего ценившие собственный гений, ограничивались белой шелковой раздушенной бутоньеркой в петлице левого лацкана. Конкурентом старика фрака был смокинг – черный, двубортный с шелковым шалевым воротником. К нему полагались черные брюки с шелковыми лампасами, черный шелковый пояс и галстук-бабочка. В холодное время носили однобортные пальто, отороченные мехом, реже шубы. Богатые ретроманы красовались в величественных

«николаевских» шинелях с искристым бобровым воротником. Костюмы заказывали у портных (к примеру, в петербургских мастерских «Альфред» и «П. А. Иванов») или приобретали готовое платье в таких известных торговых домах, как «М. и И. Мандль» в Петербурге или «В. и И. Чистяковы» в Москве.

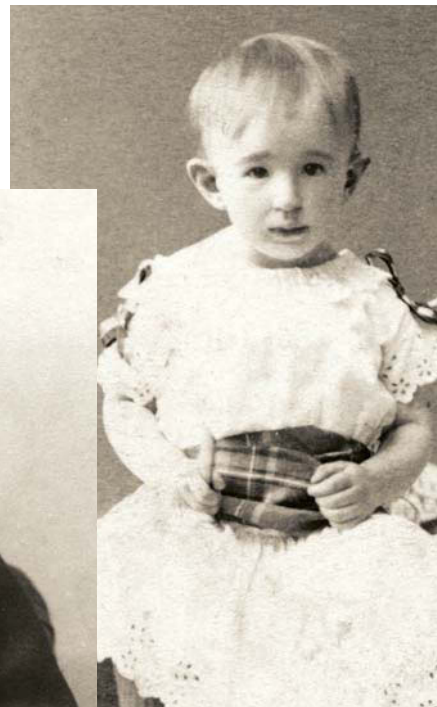
Весьма разнообразны были головные уборы – цилиндры, шапокляки и фокляки, котелки с короткими полями, мягкие и велюровые шляпы, эстетские «хомбурги» и полушутливые «канотье». Весь спектр шляп, котелков, цилиндров предлагали в Петербурге магазины «Бажо» и «Г. В. Вотье», в Москве – торговые дома «В. Е. Александров», «Вандраг», «П. М. Лобанов».

Детская одежда была столь же разнообразна, как и в предшествующий период. До трех лет малышшей одевали в коротенькие белые платьица с кушачками. С четырех лет мальчики носили рубашечки в русском стиле, а девочки продолжали наряжаться в муслиновые, кисейные, батистовые платья – белые, цветные, клетчатые и в тонкую полоску, с непременно заниженной линией талии, акцентированной кушаком. В моду постепенно входили и матроски, ставшие главным элементом детского гардероба в следующее десятилетие.

**Младенец
в батистовой рубашечке.**

Санкт-Петербург. 1890-е гг.
Архив О. А. Хорошиловой

**Дитя в хлопковом
платьице,
украшенном английским
шитьем, с кушачком
и лентами в стиле
«балморал».**
Фотоателье «В. Н. Цаплин»,
Моршанск. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Мальчик
в красивом
костюмчике
с лошадкой в руках.**

Фотоателье «Fr. De Mezer», Киев.
1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Очаровательный
ребенок в белом
платьице.**

Фотоателье «И. Дягловченко»,
Москва. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Мальчик
в «русской» рубашечке,
бархатных шароварах
и мягких сапожках.**

В руке – игрушечная винтовка.
Фотоателье «М. Конарский», Москва. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

1900-е годы

Приблизился 1900 год, и русские модники незаметно для себя самих стали «людьми XX века». Впрочем, кроме округлившихся цифр, ничто пока не напоминало о новом столетии. С плакатов, охваченных тягучей истомчивой вязью в стиле модерн, публике все еще улыбались фарфоровые красавицы прошлого десятилетия, в которых можно было угадать черты Эвлин Несбит, Сары Бернар, Элеоноры Дузе... С ними гармонично соседствовали милые личики новых законодательниц красоты. К их пестрому числу принадлежала несравненная Лина Кавальери, оперное сопрано которой заставляло учащенно биться сердца меломанов по всему миру. Она часто бывала в России, фотографии певицы украшали альбомы многих столичных модниц. «Ее голос не отличался широким диапазоном, – вспоминала княгиня Мария Барятинская, – но так восхитительно звучал, ее игра была столь совершенной, а личность – такой привлекательной, что устоять перед ее очарованием было невозможно. К тому же ее драгоценности, платья и все в ней скорее притягивало взор, чем трогало сердце. Было модно встретиться с Линой Кавальери»¹⁰. Столичная публика рукоплескала французской танцовщице Клео де Мерод, восхищаясь ее грацией, ее тончайшим античным профилем, сводившим с ума русских аристократок во второй половине 1900-х годов.

Нежнейшие цветочные оттенки платьев и матовая густота ароматов, их окружавшая, все еще рождали привычные образы Belle Époque – дам-незабудок, дам-роз, дам траурных лилий. Жесткие корсеты, как и прежде, создавали бонтонную форму, заставляя податливое женское тело принимать несвойственную ему S-образную форму. И если в конце XIX века загибы были едва ощутимы, то к середине 1900-х они превратились в два пикантно тяжелых холма Венеры, едва уравновешивавших друг друга. Тем, кто не обладал рубенсовскими форма-

Итальянская актриса Элеонора Дузе, идеал красоты Прекрасной эпохи. Фотография. Архив О.А.Хорошиловой

ми, предлагалось создавать надлежащие объемы искусственным способом. В русских светских журналах первой половины 1900-х можно было встретить рекламу такого характера: «Заказывайте пневматический бюст «Юнона». Он имеет цвет и упругость настоящих грудей, сделан из шелковой резины и употребляется женщинами для придания полноты бюсту. Он может быть увеличен постепенно, не обращая таким образом внимания окружающих: бюст как бы сам растет и увеличивается в объеме».

Для придания пышности бедрам следовало надевать специальные подушечки или подкладки, крепившиеся пояском к корсету.

Новинки появлялись в моде с холодной неспешностью аристократки. Пожалуй, главное, что выгодно отличало 1900-е от предшествующей декады, – неожиданно пылкая страсть к национальным костюмам – будь то роскошное маньчжурское «чипао» или домотканый простенький сарафан. Восток, рассветные лучи которого лишь бегло озаряли моду ушедшего десятилетия, начал мягко, но весь-

¹⁰ Барятинская М. С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. М., 2006. Электронная библиотека <http://statehistory.ru>.

ма настойчиво проникать в дамский гардероб. Появились утренние накидки и халаты в стиле кимоно, кофточки с запахом налево во вкусе маньчжурских «магуа», зонтики-парасоли, затянутые тонким китайским шелком, укладка волос, эмитирующая прически гейш. Впрочем, заимствовав экзотические формы, мода не спешила менять цветовую гамму. В дневных и вечерних нарядах доминировали пастельные оттенки, сочные экзотические краски Востока были оставлены для маскарадов.

Увлечшись экзотикой, русские модники не забывали о национальных корнях. В 1900-е годы продолжал расти интерес к отечественной истории, культуре, быту. Возникли общества любителей старины, проходили тематические вечера, концерты, выставки. В начале декады в Петербурге возникло Общество любителей русской одежды, призванное не только изучать, но и пропагандировать красоту и удобство национального костюма. В 1901 году начало работать Русское собрание, основанное князем Дмитрием Петровичем Голицыным.

Итальянская оперная дива Лина Кавальери, икона стиля 1900-х гг.
Фототипия. 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

„PILULES MARBOR“
(ПИЛЮЛИ МАРБОРЪ)

Эти пилюли благотворно отражаются на здоровьѣ, онѣ не имѣютъ себѣ соперниковъ для развитія, укрѣпленія, придавая соразмѣрность, граціозную полноту, въ то же время не утолщая талии. Флаконъ съ наставлен. 3 р. 50 қ. фран. „PILULES MARBOR“ 5, Passage Verdeau, 5, Paris.

Депю въ С.-Петербургѣ, Аптека В. Бюлеръ, 49, Невскій пр., въ Москвѣ — аптека Брунсъ, Маросейка; въ Кіевѣ, аптека Юротатъ. Тифлисъ. — Парфюм. магаз. І. Б. Соголъ въ Вильнѣ и Одессѣ, Гаванная, 9.

В моде 1900-х были пышные формы. Тем, кто их не имел, предлагалось употреблять пилюли, увеличивавшие грудь и бедра. Реклама пилюль «Марбор». 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Реклама духов «Вера-Виолетта», производившихся на фабрике Генриха Брокера. Цветочные запахи продолжали оставаться популярными и в 1900-е гг.
1900-е гг. Архив О.А.Хорошиловой

**Екатерина
Ивановна Васильева**
позирует
в элегантном платье
и модной прическе
«a'la Nipon».

Фотоателье «Rentz&Schrader»,
Санкт-Петербург.

1-я пол. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

На предыдущей полосе:

**Госпожа Струцкая,
обладательница
рубенсовских форм,**
позирует в шелковом
визитном платье рядом
с мужем.

Фотоателье «Г.А.Шифрин»,
Ростов. 1-я пол. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Модная столичная дама в дневном платье с батистовым рюшем и узким шелковым кушачком.
Фотоателье «Войно-Оранский и Ко», Санкт-Петербург.
1-я пол. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Столичная модная пара.
Она – в роскошном вечернем платье.
Он – во фрачном костюме.
Фотоателье «Rentz&Schrader»,
Санкт-Петербург. 2-я пол. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Аристократка
в искристом бальном платье.
Шею украшает жемчужный сотуар. Лицо выбелено, брови насурьмлены во вкусе XVIII века, весьма модного в тот период.
Фотоателье «Boissonnas et Eggler»,
Санкт-Петербург. 2-я пол. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Елена Андреевна Оглоблинская,
урожденная Низовцева, дочь богатого
столичного купца. Позирует в вечернем
визитном платье из бархата.

Фотоателье «Boissonnas et Egger», Санкт-Петербург:

2-я пол. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Елена Андреевна
Оглоблинская**
в шелковом визитном платье,
гарнированном сутажом.

Фотоателье «Е. Мрозовская»,
Санкт-Петербург: 1902-1904 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Мария Петровна Усова
в шелковом дневном платье.
Рядом – супруг Михаил Дмитриевич Усов,
богатый столичный купец-старовер,
и сын Костя.

Фотоателье «Везенберг», Санкт-Петербург:

1-я пол. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Провинциальная
красавица**

в элегантном шерстяном
прогулочном платье.

Фотоателье «С. Ф. Николяи», Ташкент.

Конец 1890-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Нина Александровна
Сергиевская**

в элегантно-скромном платье.

Фотоателье «М. Фердман», Самара. 1904–1905 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Девушка
в прогулочном наряде
с зонтом-тростью.**

Фотоателье «А. Wisandowski», Дорпат (Тарту).

1908 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Элегантная столичная дама
в нарядном дневном платье из лионского шелка.
Фотоателье «Rentz&Schrader»,
Санкт-Петербург: 1904-1906 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Дама в наряде, стилизованном
под русский народный костюм.
Фотоателье «Везенберг», Санкт-Петербург: 1902–1904 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Певец, актер Николай
Васильевич Андреев
в концертном костюме
в русском стиле. Он неоднократно
выступал в подобных нарядах на
сцене Русского собрания.
Фототипия, 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Модная пара
в весенних нарядах для танца.
Отметим богатый собольи палантин на даме.
Санкт-Петербург: 1908 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Модница
в роскошном одеянии
в русском вкусе.
Санкт-Петербург: 2-я пол. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Реклама

крема «Пат Ниппон».

Япония оказывала в те годы большое влияние на моду.

Русские дамы хотели быть похожими на японок цветом кожи и густыми аккуратно уложенными волосами. Образ гейши был весьма популярен.

1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

На его торжественные заседания принято было являться в русских народных костюмах или стилизованных под него одеждах. Их авторами были, к примеру, известные любители старины – художники Николай Николаевич Каразин и Сергей Сергеевич Соломко. Эти костюмы, а также некоторые сценические наряды актеров, выступавших в Русском собрании, отшивались в петербургской мастерской Анастасии Андреевны Нилендер (улица Гагаринская, 14). Их вместе с предметами русского декоративно-прикладного искусства неоднократно демонстрировали в Европе, в том числе в берлинском Доме прикладного искусства Гогенцоллернов.

К счастью, сохранились некоторые описания и фотографии костюмов, созданных Каразиным и Соломко, вероятно, под влиянием искристого шумного бала 1903 года¹¹: «Изящный наряд боярыни. Он нарисован художником Н. Н. Каразиным для члена Русского собрания госпожи М. Н. Беляевой и сделан из светло-серого шелкового фая и темно-синего сукна, отороченного соболями. Серый шелковый сарафан (летник) отделан спереди и на подоле серебряным сугажом и застегнут серебряными пуговицами. Кафтани из темно-синего сукна подбит голубым атласом и оторочен соболями. Из-под открытых рукавов кафтана видны пышные рукава сарафана. Головной убор в виде платка рас-

положен на каркасовой диадеме. Сделан он из старинной шелковой материи, сплошь вышитой серебром. Жемчуг с бриллиантовым фермуаром вокруг шеи дополняет этот изящный наряд.

Остальные три костюма исполнены по рисункам художника С. С. Соломко. Эффектный костюм для молодой девушки сделан из шелковой материи палевого цвета и отделан вышивкой, украшенной жемчугом. Вырез полуприлегающего сарафана сзади с бантовой складкой (Ватто) оторочен вышивкой и украшен спереди красивыми пуговицами. Ворот и рукава сборчатой муслиновой рубашечки гарнированы вышивкой жемчугом.

Роскошный костюм, который нам также удалось видеть на госпоже М. Н. Беляевой, сделан из тонкого дамского сукна цвета шодрон и богато отделан вышивкой, которая исполнена шелками, частью гладью, частью тамбурным швом. Оригинальный покрой короткой спинки украшен вышивкой, заканчивающейся кистями. Спереди расположены большие серебряные пуговицы с чернью. Головной убор (кичка) сделан из старинной шелковой, затканной золотом материи и украшен спереди золотым кружевом¹².

Любопытно, что автор статьи, помимо скрупулезного описания костюмов, предлагал читательницам и менее дорогостоящие варианты, прекрасно понимая, что их захотят скопировать патриотично настроенные модницы. Предлагалось, в частности, сделать рубашечку из шелковой ткани, верхние платья типа сарафана шить из бархата, а также тонкого сукна, «так как шерстяная ткань более практична для ежедневного употребления»¹³.

Безудержные патриотические чувства привели к тому, что молодые дамы после рождения первенца стали охотнее надевать русские сарафаны и кокошники, чем приводили в замешательство посторонних, путавших их с кормилицами-крестьянками.

¹¹ Об этом событии читайте в главе 1.

¹² М.А. Русский национальный наряд / Вестник моды, 1904, № 15. С. 181.

¹³ Там же.

ЗАЧѢМЪ ОСТАВАТЬСЯ ТОЛСТЫМЪ?
Знаменитые порошки
Д-ра МАРКОНИ
 изготовляются Хим. Фарм. Общ. „ФАКИРЪ“
 въ Берлинѣ W¹⁵.
 теперь можно получить почти во всѣхъ Аптекахъ
 и Аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
 Ежедневно уменьшаетъ вѣсъ отъ 2—4 фунт.
 Это единственное, разумное, вѣрно дѣй-
 ствующее и при томъ вполне безвред-
 ное для здоровья средство.

„Медицинскій совѣтъ журнальнымъ постановленіемъ отъ 12 декабря
 1906 г. за № 846 призналъ возможнымъ разрѣшить ввозъ въ Россію озна-
 ченнаго средства, въ качествѣ врачебнаго средства, для продажи изъ
 аптекъ безъ рецептовъ врачей, и изъ аптекарскихъ магазиновъ.“

Цѣна за коробку, хватающую на 1 мѣсяць, 3 рубля, тройная кор.бка 7 рублей безъ
 пересылки.

Главный складъ въ Москвѣ у Е. Беверъ, Покровна, д. Арбатскихъ.
 Имѣется въ С.-Петербургѣ у: Русск. О-ва Торгов. Аптек. Товар., Цен. Аптек.
 Делю Б. Шаскольскій, В. Бюдлеръ, Невскій просп., 49, Кузнечн. пер., 1-2, Тов. Р. Кел-
 леръ и К^о, Ковтора Готинъ и К^о. Больш. просп., 1. № 29908 20—1

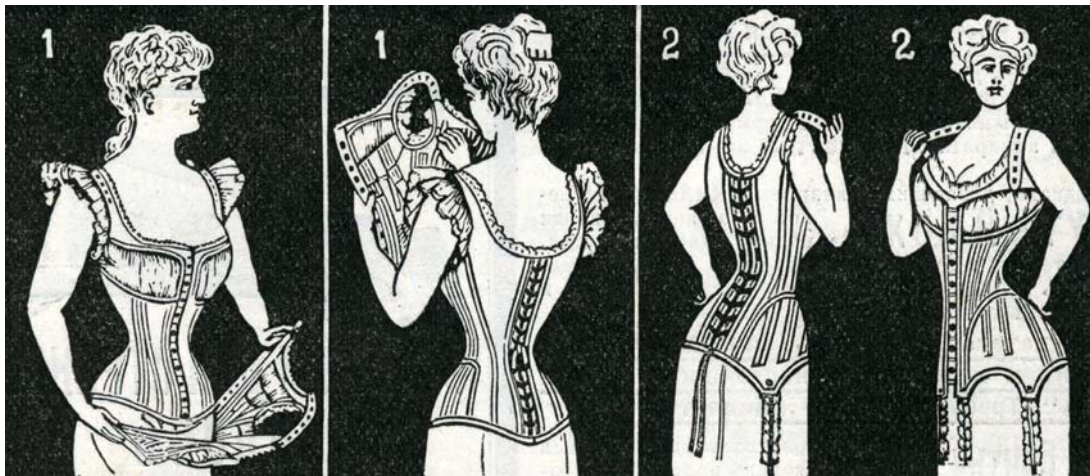
САМЫЕ — МОДНЫЕ
КОРСЕТЫ

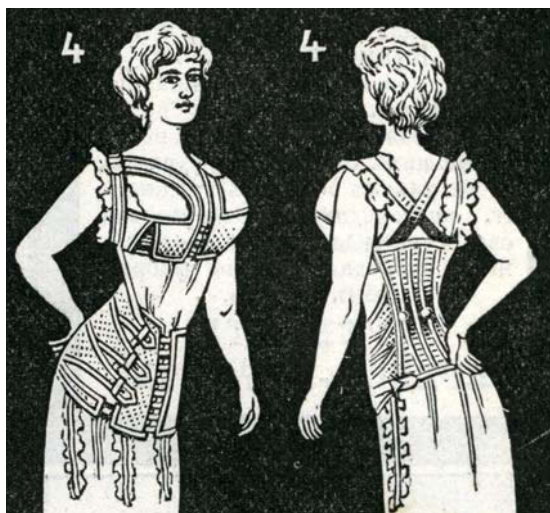
очень длинные, необхо-
 димые для послѣд-
 нихъ прилегающихъ
 туалетовъ. Высыла-
 ются по мѣркѣ налож.
 платежомъ
— по 9 руб. —
 съ пересылк. въ Европ.
 Россіи. Мѣрку снимать въ
 сантиметр. слѣдующимъ
 образомъ: объемъ талии,
 груди и бедеръ.
 Корсетное производство
А. СКРЫПТЪ.
 С.-Петербургъ, Казанская, № 5—Н.

Спорт постепенно оказывал влияние на внешний вид женщин. «Пышечки» и «булочки» вышли из моды, уступив место стройным и подтянутым античным «нимфам». Реклама средства для похудения доктора Маркони.

2-я пол. 1900-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

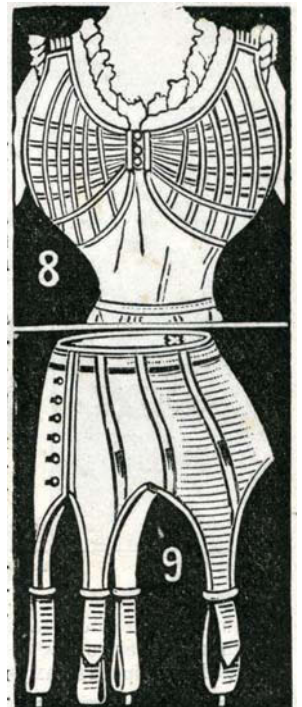

Реклама корсетного производства «А. Скрыпт». Новый тип фигуры потребовал новых, более длинных корсетов. Кон. 1900-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Варианты реформированных гигиенических корсетов.

Фототипия.
 2-я пол. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Лариса Громцева
в шерстяном
городском костюме,
гарнированном
сутажом.**

Обращает внимание
изысканная шляпа
с искусственными
розами из нежного
шелка. Рядом – ее
дочери, Тамара
(младшая) и Мария,
ставшая впоследствии

известным
французским
модельером
и художником
по костюмам.

Фотоателье «Х. И. Эйруша»,

Петровск Порт.

Кон. 1900-х гг.

*Архив А. и В. Гофманов
(Париж)*

Девушки в летнем реформированном костюме – удобных блузах и шерстяных юбках.

1909 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Однако не только Восток и русский стиль правили в моде 1900-х. К середине десятилетия стал набирать популярность классицизм, а вместе с ним – рационалистичная англomania и здравомыслящий «реформ», дитя немецких физиологов и британских суфражисток. Создатели нижнего белья извлекли из пыльных недр истории, казалось, забытые всеми строфии, милые пояски, которыми античные красавицы стягивали грудь. Сконструировав аналогичные античным пояса, разработчики стали осторожно предлагать их в качестве гигиенических «грудодержателей». Но диктатор парижской моды Поль Пуаре мгновенно сделал их популярными, предложив в 1906 году дамам антикизирующие платья «Лола Монтес», не предполагавшие ношения корсетов. Тем самым у модниц было всего два выхода – использовать «бюстенгальгер» либо вовсе его не носить, если натура наградила даму изящными формами. Одновременно журналы наполнились рекламой так называемых реформированных корсетов, гораздо менее революционных, чем «грудодержатели», но более удобных в сравнении с S-образными «испанскими доспехами». «Практичный удобный корсет снабжен костя-

ми только в боках и сзади. Спереди и на боках вставлены кулиссированные резинкой вставки из легкой киперной ткани. Спереди механическая застежка, а сзади шнуровка», – сообщал петербургский журнал моды.

Много в тот период писалось и об одежде «реформ», удобной, просторной, не стеснявшей движений: «Платье не должно лежать своей тяжестью на бедрах, а вся тяжесть должна лежать на плечах. Одежда должна быть настолько просторной, чтобы не стеснять дыхания, чтобы руки можно было поднимать вверх. Корсеты и тесные пояса должны быть совершенно изгнаны из употребления. Для лета полотно является лучшим материалом. Зимой же следует носить шерсть»¹⁴. Большинство модниц поддерживали эти идеи, но не спешили применять их. Максимум, что они себе тогда позволили, – это изысканно-простые платья «реформ», ниспадавшие от плеча, достаточно просторные, с едва намеченной завышенной линией талии и незамысловатой отделкой. Такие носили дома и принимали в них лишь близких друзей и родственников.

¹⁴ Платье и одежда вообще / Модный курьер, 1908, № 2. С. 16.

**Дама
в стиле реформ.**

Воротничок американской блузы украшает небольшой галстук-регата.

Санкт-Петербург. 2-я пол.
1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Другим примером реформированного стиля и англомании был невзыскательный дневной туалет, состоявший из белой «американской» блузки с воротничком-стоечкой и шерстяной юбки, достаточно узкой в верхней части и расклешенной книзу. Блузки обычно украшали галстучком и часиками. Одновременно с этой своеобразной «женской двойкой» вошла в моду и «тройка» – городской костюм или троттер, состоявший из жакета, надетого поверх блузки, и юбки. В прорезной карман жакета помещали часы или пенсне, а цепочка овивала воротник. Тамара Карсавина вспоминала свой первый английский троттер: «Женщина приятной наружности, по имени Минна, пригласила нас подняться по лестнице в опрятную мансарду. Одно за другим снимала она с вешалок платья и показывала нам. Мама выбрала темно-синий костюм английского покроя. Мне он показался совершенно новым; на этикетке, пришитой изнутри, стояло имя Редферн»¹⁵.

Привычным дополнением троттеров были зонты-трости, с которым особо эмансипированные дамы практически не расставались. Эти костюмы носили обыкновенно весной или осенью. В более холодное время дамы надевали пальто-сэки из плотной шерсти, манто, ротонды, отороченные и подбитые мехом, роскошные шубы.

¹⁵ Карсавина Т. П. Театральная улица: <http://www.litmir.net>.

Как и раньше, аксессуары служили важным дополнением модного облика – броши и кулоны, жемчужные сотуары и «колье де шьян», шелковые и лайковые перчатки, меховые муфты... Десятки, сотни элементов и деталей, призванных скрыть ненужное и выгодно представить красивое. Но среди них, пожалуй, самыми яркими, удивительными, полными сюрпризов были шляпы. Что только не придумывали ловкие мастера и во что только они не превращали эти фетровые холмы. Их окутывали пастельной дымкой газа и наполняли утренними росинками пайеток. Их украшали аппетитными шелковыми «вафлями» в кулинарных бархатных розочках и виньетках. На шляпах, словно на царских блюдах баснословного семнадцатого века, покоились пестрые фазаны, декадентские вороны, ястребы и куропатки. И кажется, не было в столице ни одной богатой дамы, которая не носила бы шляпу со страусовыми перьями, траурный призраок которых так мучил Александра Блока. Его Незнакомка, созданная в 1906 году, – легкий, акварельный, но точный портрет дамы Belle Époque, времени, цветочных духов, серебристых туманов и поэтической недосказанности.

В мужской моде, напротив, все было прозаично, слишком обыденно и рационально. Все также носили сюртуки, пиджаки, визитки, пальто и шинели, подчеркивая свое отличие цепочками карманных часов, искристыми брелоками и «фрачниками», уменьшенными копиями наград и знаков, носившимися на лацканах. Любители дешевого ярмарочного эффекта (обычно из среды купцов или разбогатевших мещан) тешили свое самолюбие пестрыми «штучными» жилетами, которые надевали под сюртуки (непреренно расстегнув их). Ближе к концу 1900-х декаденты стали носить чрезвычайно высокие крахмальные воротнички, до крови растиравшие шею, и украшать петлицы вестонов и фраков пестрыми бугоньерками.

Детей, как и предшествующую декаду, любили наряжать в русские рубашечки, белые костюмчики, матроски, капоры и шубки из лебяжьего пуха или пряжи.

Дамы демонстрируют разнообразие фетровых шляп.

На мужчине – форменная фуражка чиновника Министерства юстиции.

Фотоателье «С. Грун»,
Рига. 1-я пол. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Горожанка в английском костюме-троттер с зонтом-тростью.

Фотоателье «Е. Семеновко»,
Санкт-Петербург.
Кон. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Элегантная супружеская пара на отдыхе в Австрии.

Дама позирует в сером троттере, господин – в визитке, жилете и брюках в тонкую полоску.

Фотоателье «S. Bing»,
Вена. 1907 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Супружеская пара
в прогулочных
нарядах.**

Он – в сюртучной
тройке.

Она – в шелковом
платье, гарнированном
сутажом, бейками
и бранденбургками,
и шляпе со
страусовыми перьями.

Санкт-Петербург.

Кон. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Петербургская модница
в роскошной шляпе,**
страусовые перья которой имитируют
каскады версальских фонтанов.

Санкт-Петербург. 2-я пол. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Малоросска
в визитном платье
и шляпе с перьями фазана.**

Фотоателье «N. Ouzemsky»,
Киев. 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Александра Усова
в прогулочной жакетке и юбке.**

Голову украшает
изящная шляпа а-ля Рубенс.
Фотоателье «Е. Семененко»,
Санкт-Петербург. 1902-1904 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Дама
из высшего общества**
в городском костюме
и шляпе.

Фотоателье «Ю. Мебиус»,
Москва. Кон. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Дама
в прогулочном
пальто-накидке**
светло-серого цвета.

Фотоателье «Э. Вестли»,
Санкт-Петербург.
Середина 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Реклама фирмы
«J. Achard».**
Некоторые магазины
и мастерские
предлагали и шляпы,
и необходимые
шиньоны.
1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

ПЕРВАЯ ПАРИЖСКАЯ ФИРМА ВЪ РОССИИ
Téléphones 233-60, 148-91.

ДАМСКІЯ ШЛЯПЫ И ПРИЧЕСКИ
J. ACHARD.

МОСКВА,
Бол. Дмитровка, 7.
лучшій складъ
ВОЛОСЪ
ВСЕЙ РОССИИ.
ИМЬЮТСЯ
САМЫЯ ЭЛЕГАНТНЫЯ
ДАМСКІЯ
ШЛЯПЫ
и
ПРИЧЕСКИ.

Требуйте иллюстрирован-
ный каталогъ 1909/10 г.
По воскресеніямъ и празд-
никамъ ЗАКРЫТО.
№ 31595

A black and white illustration of a woman's head and shoulders in profile, facing right. She has a very elaborate, voluminous hairstyle with many curls and a large flower or bow on top. She is wearing a dark, high-collared garment.

Реклама средства для волос «Креско».
Громоздкие шляпы вошли
в моду одновременно с пышными прическами.
Появилась необходимость в пастах и кремах,
способствующих росту и густоте волос.
1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

КРЕСКО
ДЛЯ РАЩЕНІЯ ВОЛОСЪ

A black and white illustration of a woman with long, flowing hair. She is wearing a strapless, draped garment. She is holding a comb to her hair, and her hair is being styled. The illustration is framed by a decorative, Art Nouveau-style border.

ТОВАРИЩЕСТВ
ГИГИЕНА
ВЪ С ПЕТЕРБУРГЪ

Девушка-провинциалка

в суконном пальто, подбитом мехом и меховой «боярской» шапке.

Фотоателье «Г. А. Соловей», Клинцы. Нач. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Супружеская пара в зимних нарядах.

На даме – ротонда, отороченная соболем, и соболя шапка в боярском вкусе. На господине – зимнее двубортное пальто с каракульчовым воротником и шапочка-ток.

Фотоателье «С. Н. Никитин», Симбирск 1-я пол. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Семейство петербургского адвоката.

На мужчинах традиционные городские вестоны и сюртуки.

Дамы позируют в дневных туалетах. Фотоателье «Д. Здобнов», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Русский актер
Владимир
Николаевич Давыдов**
в двубортном вестоне
и брюках в тонкую
полоску.
Фотоателье «A. Lorens»,
Санкт-Петербург.
Середина 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Статский советник,
лейб-медик Игорь Игоревич Вокач**
в пиджаке. Отметим сорочку
с удобным отложным воротником.

Москва. Конец 1900-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

**Элегантный
молодой человек
в сюртуке.**

Волосы тщательно уложены,
усы закручены
на военный манер.
Фотоателье «Войно-Оранский»,
Санкт-Петербург. 1906 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**В южных губерниях
России с пиджаками часто
носили рубахи-вышиванки.**

Середина 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Солидный господин в светло-сером городском костюме – брюках, жилете и визитке. Обращают внимание аксессуары – гриперлевые перчатки, трость и шляпа-«хомбург», недавно вошедшая в моду. Фотоателье «Ренессанс», Санкт-Петербург. Кон. 1900-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Паля Парфенов в костюме-тройке. Шелковый «художественный» бант и лихо заломленная панама выдают в нем любителя легких водевилей и мимолетных романов. Фотоателье «С. Дембинского», Санкт-Петербург. 1909 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

Провинциальный щеголь Николай Данилов в светлом шерстяном костюме.
В руке – зачехленная фуражка.
1901 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Молодой человек в зимнем двубортном честерфильде, кашне, котелке и перчатках.

Фотоателье «В. де-Жерве», Санкт-Петербург. Кон. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

На предыдущей полосе:

Элегантная пара.

Молодой человек позирует в «николаевской» шинели, отороченной мехом.

Отметим высокий пристяжной воротник его сорочки, стремительно входивший в моду в те годы. На даме – зимнее бархатное пальто с каракульчовым воротником. Кокетка богато украшена вышивкой из сутажа.

Фотоателье «Рембрандт», Житомир.

Конец 1900-х – начало 1910-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

Столичный франт в стильном однобортном честерфильде.

Отметим элегантный котелок с модными отогнутыми полями и высокой тульей.

Фотоателье «Войно-Оранский»,

Санкт-Петербург. 1906 г. Архив О.А.Хорошиловой

Реклама магазина

мужских шляп

«English Hat Magazine».

1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Мальчик в шерстяном
платице.**

Фотоателье «Е. Мрозовская»,
Санкт-Петербург. 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Мальчик
в полотняной курточке
и штанишках.**

Отметим популярный
в то время в детском
костюме широкий
воротник

во вкусе XVII века.

Фотоателье «Е. Семенов»,
Санкт-Петербург.
Кон. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Реклама московского ателье-магазина
детской одежды «Русанов, Попов»,
в котором, между прочим, продавались детские
рубашки в русском вкусе.**

1900-е гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

**Мальш в белой
распашонке.**

Фотоателье «А. Балабан»,
Одесса. Середина 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Лева Пунин в
матроске и берете.**

Ему только
что подарили
игрушечную лошадку,
и он совершенно
счастлив.

Царское Село. 1-я пол.
1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Маленький Леня Зыркевич с кошкой.

До 5-6 лет мальчики могли носить длинные волосы, потому отличить их от девочек было весьма затруднительно.

Фотоателье «L. Varanouskiego», Кельце. 1900 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Княгиня Ирочка Голицына в шелковом платьице с кушачком.

Фотоателье «Rentz&Schrader», Санкт-Петербург.

2-я пол. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Князь Володя Голицын в белой шерстяной матроске и кепи.

Фотоателье «Rentz&Schrader», Санкт-Петербург.

2-я пол. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Дѣтская обувь

В. Евстифѣева

въ С.-Петербургѣ.

Съ 1-го іюня 1909 года магазинъ переведенъ съ Вознесенскаго просп., 12—на улицу Гоголя, 12.

Спеціальное производство **дѣтской обуви** въ собственныхъ мастерскихъ, **ручной работы**, существуетъ съ 1877 г.

За изысканную обувь удостоенъ десяти наградъ въ Россіи и за границею.

Громадный выборъ заграничныхъ дѣтскихъ чулокъ и носковъ высокаго качества и разныхъ рисунковъ; галоши черныя и коричневыя дѣтскія; перчатки лайковые и флидесовыя дѣтскія разныхъ цвѣтовъ. № 31149

Имеется въ большомъ выборѣ изъ Парижа **кукольная обувь**, перчатки и носки.

Прейсъ-куранты по требов. высылаются немедленно.

Телефонъ № 204-60.

Реклама петербургского магазина детской обуви В. Евстифеева.

1900-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

1910-е годы

Анемичные 1900-е уступили место историческим, сексуальным и пряно-классическим 1910-м. Это были незабываемые годы. Шумные и пестрые «Русские сезоны» покорили избалованный, давно разучившийся удивляться Париж красотой и восточной порнографией. На подмостках «Гранд-опера» и Шатле выплеснулась кричащая, «дикая» палитра необузданных бакстовских цветов. Изумрудный

легко сочетался с канареечным, бледно-розовый прекрасно гармонировал с фиолетовым, алый, лазоревый, пурпурный, гранатовый кружились по сцене, бились в экстазе, взрывались тысячами аплодисментов, возбуждали и сводили с ума. Вслед за Парижем жертвой быстроедействующего дягилевского яда стал Петербург. Покорные французским модельерам столичные дамы в мгновение ока преобразились в гаремных наложниц, искушенных в любви и разврате. Холодные чопорные петербургские интерьеры, укутанные в пестрые драпировки и азиатские ковры, окутанные сладкими «аромами» Поля Пуаре, превратились в покои сказочного Шахрияра. Ориентализм стал главной тенденцией начавшейся декады.

Впрочем, с ним успешно конкурировал хрисоэлефантинный ампир, дитя расчетливого монарха-функционалиста, амбициозного и себялюбивого Наполеона Бонапарта, любившего минимализм и древнеримскую роскошь, войну и помпезный триумф. Ампир, который столь активно рекламировал Поль Пуаре уже во второй половине 1900-х годов, быстро нашел отклик в сердцах русских любительниц античного дорогого изящества. «Да, модерн и декаденщина быстро всем надоели, — отмечал журналист “Столицы и усадьба”. — Прихожу сегодня к баронессе, не узнаю комнаты: вместо зелено-бурого модерна с желтыми цветами — будуар красного дерева, чистый александровский ампир... Люстра, ковер, даже рамы — все новое...»¹⁶. Обновились и наряды. Теперь дамы, верные поклонницы античности, являлись на балы в туникообразных вечерних платьях белых или мягких пастельных тонов с декольте, милым тюником и шелковым кушачком, акцентирующим завышенную на ампирный образец талию. Интерес к античности пробудил любовь к спорту и спортивным играм. Дамы и господа, облаченные в белые (цвет античности) костюмы, беззаботно играли в лаун-теннис, катались на велосипедах, дозированно принимали солнечные ванны, а некоторые молодые особы даже записывались в

¹⁶ Из разговоров / Столица и усадьба, № 4 1914. С. 18.

студии пластического танца и разучивали несложные па примадонны классифицирующего танца – незабвенной Айседоры Дункан. Стали больше печется о здоровье и задумываться над функцией одежды. Стиль «реформ», о котором в России начали говорить еще в 1890-е годы, теперь прочно вошел в моду. Дамы всех возрастов с большим удовольствием носили реформированные корсеты, бюстодержатели и комбинации, а порой обходились и без них. Корсеты никто не отменял – они просто выходили из моды.

Близкородственной реформ и спортивному стилю была англomanия, к началу нового десятилетия ставшая остромодной. Юлия Александровна Ден отмечала: «Средством общения в петроградском обществе был английский язык – на немецком неизменно говорили

при дворе. Некогда было модно заводить немецких нянь; в 1907 году вошло в моду нанимать англичанок, и многие русские, не знавшие английского языка, говорили по-французски с английским акцентом!»¹⁷

Владимир Набоков, англоман и сын англомана, вспоминал свои детские годы: «Мы с братом читаем и пишем по-английски отлично, но русской азбуки не знаем <...>. В обиходе таких семей, как наша, была давняя склонность ко всему английскому: это слово, кстати сказать, произносилось у нас с классическим ударением (на первом слоге), а бабушка М. Ф. Набокова говорила уже совсем по старинке: аглицки. Дегтярное лондонское мыло, черное как смоль в сухом виде, а в мокром – янтарное на свет, было скользким участником ежеутренних обливаний, для которых служили раскладные резиновые ванны – тоже из Англии <...>. За брекфастом привозимый из Лондона яркий паточный сироп, golden syrup, наматывался блестящими кольцами на вращаемую ложку, а оттуда сползал на деревенским маслом намазанный хлеб. Бесконечная череда удобных, добротных изделий стекла к нам из Английского Магазина на Невском: кексы, и нюхательные соли, и покерные карты, и вырезные картинки, и в полоску спортивные фланелевые пиджаки, и белые как тальк теннисные мячи»¹⁸.

Увлекались всем английским, в том числе и художниками. В начале 1910-х годов в Россию проникла мода «black&white»¹⁹, появление которой спровоцировала сладко-эротичная, декадентская, черно-белая графика Обри Бердслея. Ему подражали многие русские мастера. В любви к Бердслею признавались Бенуа и Сомов. Его обожали, копировали, подделывали. Ему посвящали дорогие издания и роскошные балы.

Русские художники тоже внесли свою лепту в развитие моды этого периода. Наталья Гончарова расхаживала в платьях-рубашках с примитивными, народными вышивками, а лицо покрывала лучистым макияжем,

На предыдущей полосе:

В самом начале 1910-х гг. S-образная линия модерна все еще не потеряла своей актуальности.

Платье для приемов от модного дома Rondeau.

Фототипия. 1911 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Но ампир постепенно приходил на смену модерну, S-образные формы уходили в прошлое.

В этом вечернем платье от Doeuillet осязательно влияние классицизма.

Фототипия. 1911 г.

Архив О.А.Хорошиловой

¹⁷ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. СПб., «Нева», 2003. С. 26.

¹⁸ Набоков В.В. Другие берега. –Л.: Политехника, 1991. С. 32, 65-66.

¹⁹ В переводе с английского – черно-белый.

Американская актриса Мэри Пикфорд.

Фототипия. Ок. 1914 г.

Архив О.А.Хорошиловой

геометрические фигуры которого заимствовала из собственной живописи. Мирискусники яростно и самозабвенно пропагандировали век «осмнадцатый», скрупулезно изучая жизнь и быт версальских Бурбонов и петербургских проказниц-императриц. Столетие пудры и мушек нашло отражение в маскарадных костюмах. На старых фотографиях, запечатлевших лучшие минуты столичных балов, вместе с античными весталками и персидскими одалисками позируют маркизы и гризетки XVIII столетия в платьях на панье и цветных париках-пуфах.

Арбитр моды Николай Брянчанинов отметил эту несдержанную эклектичность мод 1910-х годов: «Появились Фокинские балеты, и волосы спрятались под тюрбанами “Шехеразады” и “Исламея”, и вместо юбок начали носить шаровары <...>. Некоторые однако, были увлечены классической белизной и простотой нарядов Айседоры Дункан и начали ей подражать. То была эпоха увлечения контурами и абрисами. Параллельно началась другая реак-

ция против ярких тонов восточных балетов, и зародилась мода на “черное и белое” <...>. Дамские кофточка исчезают под широкими мантиями или прячутся под тяжелыми складками разбойничьих плащей а’la Ринальдо Ринальдини. Некоторые из них точно взяты с картин Пьетро Лонги, иллюстрировавшего для нас Венецианский карнавал XVIII столетия»²⁰.

В этой элегантной битве тенденций и направлений верх одержало функциональное «милитари», стиль Великой войны. Оно заставило женщин одеваться скромнее и строже, оно облачило их в однотипные униформы сестер милосердия и превратило вчерашних конфетных маркиз и шоколадных наложниц в бледнолицых, осунувшихся дам, потерявших сыновей, братьев и мужей на фронтах войны, но приобретших независимость и своенравие – черты, определившие развитие образа женщины в эпоху холодного ар-деко.

В 1910-е модницы тщательно копировали облик иностранных и русских театральных див, экстравагантных танцовщиц, звезд немого кино. Одной из любимейших икон стиля была «ангелоподобная» Лина Кавальери, покорившая русских дам еще в 1900-е годы. Когда же дива посетила Петербург в 1911 году, столица бессовестно пала к ее ногам – успех перерос в манию. Щедрые на цветочные эпитеты журналисты сравнивали примадонну с «чудной незабудкой» и «нежной благоухающей орхидеей», и сотни первых петербургских красавиц подвивали и укладывали волосы, подводили глаза и закатывали их, как это делала Кавальери на фотографиях, открытках, на страницах журналов. Они изучали ее эссе о красоте и следовали всему, что она рекомендовала. Чтобы сохранить молодость, певица советовала избегать сильных волнений – гнева и ненависти, охранять себя от зависти и мелочности, избегать пищи с обильным содержанием извести, хлеба есть как можно меньше. Она рекомендовала пить апельсиновый сок, есть курицу, рыбу и яйца, а также крепко, но мало спать.

²⁰ Брянчанинов Н. Размышления о дамской моде / Столица и усадьба. № 10, 1914. С. 14.

Айседора Дункан также нашла своих верных почитательниц в России. Когда она в 1913 году в очередной раз посетила с гастрольями Петербург, многие пленились ее изяществом, тонкостью и гибкостью. Под влиянием дивы в столице открылись танцевальные студии, в которых дамы разучивали танцы Дункан, облачившись в белые балахоны.

Русские модницы подвивали волосы, наддували губки и по-детски раскрывали глазки, как это делала с экрана кинематографа Мэри Пикфорд. Среди русских икон стиля наиболее влиятельными были актриса Вера Холодная и прима-балерина Вера Каралли.

Об иконах стиля и последних новинках моды узнавали со страниц специализированных журналов. Среди самых популярных в 1910-е годы были: «Дамский мир», «Столица и усадьба», «Модный вестник», «Журнал для домохозяйек». На журнальных столиках столичных дам можно было увидеть и европейские издания, такие как «Gasette du Bon Ton», «Vogue», «Femina», «L'illustration», «Art et Decoration»...

То, что активно пропагандировали средства массовой информации, мгновенно попадало в витрины модных магазинов и ателье. Сколько их было в предвоенных Москве и Санкт-Петербурге! Среди богатых столичных дам (отнюдь не только аристократок) популярностью пользовались модный дом «Бризак», торговый дом «Гигия» (принадлежавший Анне Григорьевне Гиндус), салон «Мадам Ольга», мастерская известного дамского портного, поставщика Его Императорского Величества Павла Ивановича Китаева. Конкуренцию петербургским домам моды составляли некоторые московские ателье и мастерские. Непрерываемым авторитетом пользовалась, к примеру, Надежда Петровна Ламанова-Каютова.

Те, кто не мог позволить себе сказочные наряды по баснословным ценам, пользовались услугами портных, таких как «М-Ше Аннет» и «Александрин» в Петербурге. Более экономичное, готовое платье предлагали в столице торговый дом «Мандль М. и И.», магазин Степана Семеновича Дерябкина, в Москве – акционерное общество «Жак», торговый дом

«О Бон-Марше». Корсеты заказывали в мастерских Маркуса Закса на Литейном проспекте, 45, и Оскара Федоровича Буркгардта на Морской улице в доме 25. Лучшие шляпки покупали в ателье «Antoinette», «Бонне Старший», «Бонне-младший», «Зеест и К-о». Элегантную и качественную обувь в Петербурге можно было купить в магазинах «Устинов Н. Ф.», «Маркевич Ф. И.», «Вольк-Овер». За искристыми меховыми горжетками и царственными шубами отправлялись в дом «Ф. Л. Мертенс» и «К. Лемякова».

Косметику предпочитали приобретать в Петербурге, в таких салонах, как «Institute de beaute», «Товарищество Ренессанс», «Товарищество Ниппон». С помощью ловких угодливых

Русская актриса, икона стиля Вера Холодная.

Санкт-Петербург.

Середина 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Дневные платья от модного дома Redfern с «хромающими юбками».

Фототипия.

Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

мастеров парикмахерских «Арсений» и «Жозеф» дамы обретали вид очаровательных куколок, томных шахских наложниц и жительниц олимпийского поднебесья.

Жажда экзотики, желание соответствовать античным канонам красоты и облик икон стиля сформировали образ красоты 1910-х годов. Полнота, столь популярная в предшествующее десятилетие, постепенно выходила из моды вместе с S-образной линией стиля модерна. Журналы мод утверждали: «Тучность – большое бедствие. Тучный человек тяжелеет и дряхлеет преждевременно. Все женщины борются против тучности, стараются всеми силами от нее избавиться».

На смену неестественно изогнутым, полногрудым и широкобедрым красавицам пришли стройные, молодые, острые, спортивные девушки, одинаково талантливо соблазняя-

ющие разомлевших мужчин и составляющие им прекрасную партию в лаун-теннисе. В моду вошла стройная подтянутая фигура, сформированная античностью и англоманией. Пахнущим сиренью и ладаном будуарам стали предпочитать гимнастические залы, танцевальные классы, корты и открытый воздух. В модных журналах все чаще можно было встретить рецепты «частичного похудения» (исхудавшие и плоскогрудые девы-мальчишки войдут в моду лишь в эпоху ар-деко). Для этого следовало избегать жирной пищи, отказаться от первого завтрака, ходить минимум два часа в день, спать не более восьми часов и усиленно заниматься гимнастикой и спортом. «В настоящем сезоне фигура женщины играет большую роль, чем когда-либо, – утверждал журнал “Модный свет”, – мы говорим про особенную, новую, модную фигуру. По требованиям нынешней моды фигура должна быть мягкая, гибкая, не стесненная корсажем, так сказать а-ля nature. Самое хорошенькое личико ничего не значит, если при этом нет гибкой фигуры, настолько гибкой и непринужденной, что при взгляде на нее меньше всего думаешь о корсете»²¹. Тем же, кто обладал старомодной полной фигурой в стиле модерна, но хотел соответствовать новому идеалу красоты, рекомендовалось, в частности, носить «черные, плотно облегающие тело платья, так как черный цвет скрадывает полноту»²².

Женский образ и фигура постепенно приближались к канонам античной красоты. Дамы более не желали заковывать себя в «средневековые доспехи» и «кирасирские латы» – такие прозвища они давали жестким и беспощадным корсетам, заставлявшим изнеженные рыхлые женские тела принимать неестественный S-образный изгиб. Впрочем, сразу отказаться от мучительных модных остовов они были не в силах. Русские красавицы, гораздо более консервативные, чем их парижские и американские современницы, Великой модной французской революции предпочли медленную эволюцию. Корсеты-реформ, освобождавшие грудь и мяг-

²¹ Модный корсет / Модный свет, 1914, № 9. С. 6.

²² Элегантная женщина / Модный свет, 1916, № 1. С. 11

ко стягивавшие бедра, заняли место S-образных «лат». Журнал «Модный свет» приводит их подробное описание: «Корсет играет в наше время большую роль. Только теперь корсет начинается там, где он раньше заканчивался, то есть у бедер. Силуэт состоит из прямой фигуры с узкими бедрами, широкой талией и с маленьким бюстом. Корсеты от талии вниз делаются очень длинными, стягивают возможно больше бедра и поддерживают живот. Непринужденность фигуры достигается тем, что бюст оставляют совершенно свободным, талию вовсе не стягивают и для частей корсета, прилегающих к бедрам, берут мягкие ткани, почти без костей. Поэтому корсет принимает естественные изгибы фигуры, а в некоторых корсетах для этой цели даже слегка изогнута передняя планшетка. Для того, чтобы достигнуть большей гибкости фигуры, модные корсеты делаются из корсетной ткани от бедер вниз, а те несколько сантиметров (от 2 до 5), которые заходят за бедра, делаются из резиновой ткани, растягивающейся при каждом движении и вдыхании»²⁵.

Дорогие варианты реформированных корсетов делались из трико, резиновой ткани и покрывались шелковыми или хлопковыми вышивками, более дешевые – из батиста, материала не столь гибкого и податливого. Они помогали создавать новую модную фигуру, названную «à la nature», – спортивную, подтянутую, с небольшой грудью, средней по ширине талией и неширокими бедрами. Тем самым именно она, а отнюдь не Великая война, дала толчок к возникновению образа «garçonne», столь популярного в 1920-е годы. Первая мировая лишь отшлифовала ее до идеальной, безупречно холодной и геометрической формулы.

Те, кто не желал носить даже такие корсеты, имели альтернативу – комбинированное белое или цветное белье, состоявшее из батистовых или крепдешиновых лифчика и широких панталон, украшенных прошивками «тру-тру» и кружевами. Помимо этого комплекта женщины носили дневные и ночные сорочки, капоты, матинэ, юбки и чепчики.

**Супруги Батыревы
в красивых визитных
нарядах.**

Фотоателье «Ф. Белинский»,
Санкт-Петербург,
1909-1910 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Элегантная
супружеская пара.**

Дама позирует в визитном шелковом платье с модной завышенной линией талии и собольей горжеткой. Ее супруг в сюртуке нараспашку, чтобы продемонстрировать белый пикежный жилет и толстую золотую цепочку карманных часов.

Санкт-Петербург,
Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

²⁵ Модный корсет / Модный свет, 1914, № 9. С. 6 – 7.

Более независимые девушки и дамы, внимательно следившие за последними парижскими новинками, с 1914 года предпочитали остросовременные пижамы, включавшие в себя жакетик и брючки. Изначально мужской вид одежды он перешел в женский гардероб благодаря стараниям Поля Пуаре, представившего дамские утренние и вечерние пижамы в 1911 году. Из-за того что костюм этот имел французское происхождение и ассоциировался с мужским стилем, в России его название произносили по-французски – с ударением на последний слог, и причисляли к грамматическому мужскому роду: «Дамский пижама». Русские журналы мод рекомендовали носить «пижама» утром и совершать в нем «все необходимые мелочи утреннего туалета, как массаж лица, маникюр и тому подобное». Обычно их шили из полосатой фланели или шелка, украшая настрочными карманчиками, бантиками и аппликациями из сутажа.

Другим интересным нововведением первой половины 1910-х годов стали экзотические домашние платья. Предлагались два варианта: «Платье, напоминающее римские классическитоги. Оно кроится из двух кусков-целиков и застегивается на плече и боку. Второе платье фасона кимоно, кроится целое или с отрезным станом»²⁴. Они напоминали творения прославленного Фортуни и, возможно, были скопированы с его восточновизантийских туник.

В начале 1910-х модницы-франкоманки привезли в Петербург новинку – «хромающую» юбку от Поля Пуаре. Столичные журналы наперебой сообщали о появлении «узкой моды»: «Блестящий успех выпал на долю узкой юбки, завоевавшей, несмотря на протест пуритан, общие симпатии. И мы должны сознаться, что мы лично тоже находим какую-то особую прелесть в этих узких модных юбках; конечно, мы исключаем безобразные утрировки, при которых юбка мерила всего 1,5 аршина в подоле, и несчастные модницы не могли без постоянной помощи сесть в экипаж»²⁵.

²⁴ Домашние туалеты / Модный свет, 1916, № 7. С. 6-7.

²⁵ Хроника моды / Модный свет, 1912, № 1. С. 9.

Модная дама в осеннем светло-сером пальто со стильными черными пуговицами.

Санкт-Петербург:

Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Дневные платья осенне-зимнего периода шились из шерсти, сукна, саржи и отделывались лентами, пуговицами, кружевными жабо. С 1912 года все большую популярность приобретали шелковые кушачки, выгодно акцентировавшие ампирную талию и позволявшие модницам избавиться от неудобного корсета. «Не только платья делаются с кушаками, но даже костюмы-гальер. Кушаки делаются из шелка, атласа, тюля, шифона, нинона, крепдешина. Не правда ли, красивым кушаком является кушак-тюник, спереди собирается двумя рядами сборок. Кушак может быть пришит к платью или же пристегивается отдельно»²⁶.

²⁶ Что будут носить / Модный свет, 1914, № 11. С. 10.

На предыдущей полосе:

София Николаевна Оглоблинская (урожденная Биппен) в визитном бархатном платье с тюником. Рядом – ее дети: Татьяна и Николай. Фотоателье «М. Мазур», Севастополь. Нач. 1910-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

**Провинциальная модница
в тайере
и широкополой шляпе.**

Нач. 1910-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

**Дама в каракулевой шубе,
муфте и изящной шляпке.**

1910-1911 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Реклама
тайера модного дома J. Duke.**

Фототипия. 1911 г.

Архив О.А.Хорошиловой

В 1912 году все обсуждали неожиданную новинку сезона – «юбку-панье», как бы воскресившую вычурные силуэты XVIII столетия. Они представляли собой короткие (до колен) юбочки, аккуратно задрапированные и собранные на внутреннюю вздешку или пришитые к неширокой ленте. Эти юбки еще не один раз будут появляться на страницах модных журналов довоенного периода.

Существовала и англо-американская альтернатива дневным платьям – простой и вполне соответствующий новым временам комплект из строгой «американской» блузки и юбки. Блузки кроились из фланели, фланеле-та, кашемира, шелка или атласа с длинными рукавами, стоячим или отложным воротником. Обыкновенно они украшались черным бантом или даже галстуком на манер мужского. Этот костюм предпочитали работающие дамы, а также курсистки.

В самые холодные месяцы года дамы красовались в меховых манто из каракуля и котика. Те, кто был победнее, обходились плюшем, имитировавшим мех или сукно.

Головы украшали широкополые шляпы с манерно отогнутыми полями и непременно аксессуарами – гигантскими страусовыми перьями или небольшими эспри, широкими атласными лентами, милыми розочками, выложенными из шелка, и крыльями баснословных райских птиц. От холода оберегали широкие муфты и длинные этоли, шарфы из драгоценного меха, овивавшие шею и стан дамы, подобно змию-искусителю.

Осенью и весной продолжали носить тайеры, однако жакеты теперь кроились длиннее, а юбки – уже. Стали популярны и юбки, сложенные по всей длине складками. Весенне-летние тайеры носили вместе с новинками 1912 года – шляпами-«соувестер» из непромокаемого шелка, пике или полотна с широкими отогнутыми спереди полями.

Летом – время простых нарядов, но весьма элегантных нарядов из хлопка, атласа, фюляра, пике, батиста, сатина. Модны были тонкие и нежные «акварельные тона» и мелкие цветочные рисунки, а также горошек и поло-

ска. При малейшем дуновении ветерка на свои покатые плечи дамы накидывали манто из дивного нежнейшего муара пастельных оттенков. Любительницы спортивного досуга задорно играли в теннис, надев хлопковую блузку, полотно белую юбку и обувшись в «тенниски» – легкие шнурованные тапочки из парусины. Те, кто предпочитал отдыхать на берегу реки или морском побережье, запасались купальными костюмами из шелка, саржи или «нелинющих бумажных материй». «Модный свет» сообщал: «Даже купальные костюмы следуют изменениям моды, и в новейших моделях мы встречаем детали, встречающиеся на новейших платьях. Мы видим широкую настроенную пройму, косую застежку и слегка приподнятую талию»²⁷. Отличительной деталью многих купальных костюмов был и гюйс – отложной морской воротник с двумя-тремя полосками по отлету.

В вечерних нарядах продолжал доминировать амбир с его завышенной линией талии, широкими кушачками, юбочками-тюник и легкой отделкой из бисера, стекляруса, вышивки и бахромы. Никита Камелов с чувством описал один из таких нарядов: «Она была очаровательна в своем вечернем платье цвета tilleul (липы. – О. Х.), в форме греческой туники, с длинной эшарп (шалью. – О. Х.), спускающейся через плечо до самого пола. Небольшое декольте позволяло видеть красивую грудь; руки ее были тонки и нежны. Маленькая голова была заключена в желтовато-пепельный тюрбан с длинным тонким султаном, придерживаемым громадным изумрудом»²⁸.

Стиль «black&white» тоже нашел своих поклонниц, надевавших на вечера и балы белые амбирные платья с черными или темно-серыми полупрозрачными туниками из газа или же черными кушаками и украшениями у декольте. Одним из самых известных балов в этом стиле прошел в петербургском особняке графини Елены Владимировны Шуваловой в 1914 году.

²⁷ Модный свет, 1912, № 5. С. 8.

²⁸ Камелов Н. Ревность / Столица и усадьба. 1914, № 16-17. С. 21.

Мария Александровна Фридман

в роскошной фетровой шляпе, украшенной страусовыми перьями.

Фотоателье «В. Г. Коркин», Санкт-Петербург.

1909-1910 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Дама

в легком весеннем платье с тюником.

Фотоателье «J. Tyraspolski», Варшава. 1911 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Щеголеватые молодые люди в весенних туалетах.

На головах двух из них – остромодные в тот период шляпы-«соувестер».

Рига. 1910 г. Архив О.А.Хорошиловой

Бабушка автора, Ольга Николаевна Никольская, в летнем льняном платье.

Фотоателье «И. Недешев», Санкт-Петербург.

Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Графика Обри Бердслея оказала влияние и на гарнировку дамских платьев.

На отворотах лифа – апплицированные черно-белые розы, словно бы скопированные с рисунков английского гения.

Фотоателье «Ф. Фельбингер», Санкт-Петербург. 1908-1910 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Петербургские аристократы на Рождественском балу в Вене.

1914 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Модница в изысканном бальном платье в стиле ампир.

Фотоателье «К. А. Фишер»,

Санкт-Петербург. 1911-1912 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Ольга Евграфовна Юрьева,
супруга церемониймейстера императорского
двора, в бальном платье в античном вкусе.
Фотоателье «Э. Вестли», Санкт-Петербург. 1910-1911 гг.
Архив О.А. Хорошиловой

**Дневное платье в популярном
стиле «black&white».**

Фототипия. 1911 г.
Архив О.А. Хорошиловой

**Любительница
и пропагандист стиля
«black&white»,
Жанна Ланвен**
часто радовала
поклонниц черно-
белыми туалетами.
Дневное платье
и шляпа.

1911 г.
Архив О.А.Хорошиловой

C^lasse B. de Clermont-Tonnerre.

M. Francis de Croisset.

Mlle de Lévis-Mirepoix.

Участники бала, организованного герцогиней Клермон-Тоннер, в восточных костюмах.
Фототипия. 1912 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Экзотические бальные платья в стиле Бакста оттаивались надевать лишь на маскарады, темой которых был избран Восток и чарующие персидские сказки. В 1912 году модники Европы и России с жаром обсуждали роскошный бал, устроенный в Париже герцогиней Клермон-Тоннер. В декабре 1913 года русский вице-консул в Хайфонге (Индокитай) организовал маскарад «Персидский праздник», о котором сообщалось: «Маскарад организован в честь тезоименитства государя императора. Группа участников “Персидского праздника” – живая картина из “Тысячи и одной ночи”. Костюмы по рисункам самого господина Рока»²⁹. Но маскарад в особняке графини Марии Эдуардовны Клейнмихель, прошедший в 1914 году, затмил все прочие торжества и богатством своим, и помпезностью. Графиня вспоминала: «1914 год моя невестка, графиня Клейнмихель, провела в Петербурге, чтобы ввести в свет своих дочерей. В честь моих племянниц я устроила у себя костюмированный вечер, который стал происшествием в петербургском большом

свете. Была устроена кадрили <...>. Затем ими был исполнен классический менуэт под прелестную музыку Моцарта. Наконец, великая княгиня Виктория Федоровна, супруга великого князя Кирилла Владимировича, вместе с великим князем Борисом Владимировичем стала во главе восточной кадрили. Всех красивейших, изящнейших женщин Петербурга великая княгиня просила принять участие в этом танце. Среди них назову княжну Ольгу Орлову, графиню Марию Кутузову, мисс Муриель Бюкенен, княгиню Наталию Горчакову, мистрисс Джаспер Ридлей (дочь нашего посла в Париже, графа Бенкендорфа) и многих других»³⁰.

Известно, что некоторые костюмы для этого бала были созданы по проектам Леона Бакста. Фонтанирующая фантазия художника одарила светлейшую княгиню Наталью Павловну Горчакову сказочным нарядом³¹ – серебристой туникой и «хромающей» юбкой, затканной баснословными индо-арабскими узорами.

²⁹ Как веселятся в Индокитае / Столица и усадьба, 1914, № 8. С. 20.

³⁰ Клейнмихель М. Э., графиня. Из потонувшего мира, 1923: <http://az.lib.ru>.

³¹ Эскиз наряда светлейшей княгини Н. П. Горчаковой, выполненный Л. Н. Бакстом, хранится в Третьяковской галерее.

Маскарадные костюмы той эпохи наиболее ярко отражали все основные тенденции экзотической моды. Помимо восточных нарядов, молодежь с удовольствием надевала русские одежды – кафтаны с козырями, поярковые шапки и сафьяновые сапожки, вышитые бисером сарафаны и кокошники. Образы дальнего Востока не оставляли равнодушными даже холодных петербургских красавиц, преобразавшихся во время маскарада в китайских принцесс и японских гейш. Пестрый, провокативный и пышный век «осьмнадцатый», вновь ворвавшийся в моду в 1910-е годы, обогатил маскарадные костюмы вычурными платьями на панье, шелковыми камзолами в брызгах золотых виньеток, ловкими треуголками а-ля колумбина, манто-домино и нескромными декольте бесстыдниц-маркиз. Все было можно, и все было клицу. Эkleктичность и многообразие столичных маскарадов той эпохи прекрасно переданы Анной Ахматовой в «Поэме без героя»:

*«Вы ошиблись: Венеция дождей –
 Это рядом... Но маски в прихожей
 И плащи, и жезлы, и венцы
 Вам сегодня придется оставить,
 Вас я вздумала нынче прославить,
 Новогодние сорванцы.
 Этот Фаустом, тот Донжуаном,
 Да пертутто, Ионаканом,
 Самый скромный – северным Гланом,
 Иль убийцею Дорианом,
 И все шепчут своим дианам
 Твердо выученный урок».*

Подвенечные платья, наиболее традиционные и потому консервативные, тоже не смогли избежать влияния новой моды, в особенности ампира. Главным цветом торжественного и священного события был, как и прежде, белый. Однако силуэт и отделку портные и вышивальщицы корректировали по законам новой классицизирующей моды – линия талии завышена, слегка акцентирована линия груди, два рукавчика (верхний короткий, нижний – до запястья), узкая длинная юбка с традиционным трендом, нежные вышивки шелком и отделка бисером.

Столичные красавицы в ориентальных маскарадных костюмах,

весьма модных в тот период.

Фотоателье «Художественная фотография», Санкт-Петербург. 1913-1914 гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Дама в маскарадном костюме в восточном вкусе.

Санкт-Петербург. 1913-1914 гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Юная прелестница в маскарадном костюме маркизы XVIII века.

Нач. 1910-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

**Задорная модница
в маскарадном
наряде
в стиле костюма
Жар-птицы
Леона Бакста.**

Сер. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

*Фотостудия
Хорошилова*

**Молодой человек
в маскарадном
костюме
малоросса.**

Тегеран.
Нач. 1910-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

«Элегантный подвенечный туалет, – сообщал “Модный свет”, – делается из атласа или креп-дешина и отделяется вставочкой из заложенного в складки шифона или нинона. Вставочка и нижние рукава делаются из кружевного тюля. Спереди блуза отделяется красивым жемчужным мотивом»³².

Мужской костюм до Великой войны не претерпел больших изменений. Он был все так же логичен, лаконичен, слегка консервативен и подвластен английской моде. Кумиры этого периода – звезды театра и кинематографа: актеры Николай Монахов, Николай Ходотов, оперный певец Леонид Собинов, кумиры киноэкранов Иван Мозжухин и Владимир Максимов. Русский дендизм и декадентство тоже имели английские корни. Оскару Уайльду и Обри Бердслею подражала «золотая молодежь»

³² Модный свет, 1913, № 1. С. 6.

Девушка в образе Моцарта.

Нач. 1910-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Петербурга и Москвы. Утонченные знатоки прекрасного порока, опьяненные опиумом и себялюбием, зачарованно внимали грассирующему мурлыканью и аплодировали манерным арлекинеткам Александра Вертинского, наслаждались вертлявыми и приторными строфами Игоря Северянина, отправлялись в баснословную страну Африку вместе с раскосым декадентом Николаем Гумилевым. Впрочем, главными столичными денди были не артисты и кафешантанские арлекины. Этот громкий титул петербургский высший свет даровал Владимиру Дмитриевичу Набокову, всем известному богачу и англоману, яркому политическому деятелю и ловкому культуртрегеру. «Кто-то рассказывал, что у Набокова, владельца “Речи”, 52 новых пиджака. Заказывает сразу по дюжине!» – сплетничал журнал «Столица и усадьба».

Некоторые из своих новых пиджаков Набоков шил непосредственно в Лондоне, на чопорно респектабельной Сэвил Роу, где с утра до вечера мерили, резали и кроили благородные материи осанистые портные. Впрочем, и он, и другие поклонники аутентичного английского стиля пользовались услугами петербургских мастеров, создававших брючные пары и тройки не хуже лондонских. Такие, к примеру, можно было заказать у поставщика Его Императорского Величества Артура Абрамовича Каплуна, чье ателье находилось на Невском проспекте, № 57, у Якова Ивановича Каддыка на 1-й линии Васильевского острова, в мастерской «И. П. Лидваль» на Большой Морской, № 27.

Расчетливые господа, ценившие время и деньги, а моду по-мужски игнорировавшие, предпочитали покупать качественное готовое платье. Им не брезговали даже высокопоставленные особы. К примеру, действительный статский советник Виктор Иванович Рыков покупал костюмы и пальто только в магазинах готового платья. Мелким бисерным почерком бережливого и аккуратного человека он заносил в свою записную книжку все те места, где приобретал одежду: «Зашел к Мори (Эмилия Карловна Мори, владелица торгового дома готового мужского платья “Альфред”. – О. Х.). Купил костюм за 50 рублей. У Эсдерс (торговый дом “Эсдерси Схефальс” на Гороховой, 15. – О. Х.) приобрел пальто. Обошлось в 32 рубля»³³. В торговых домах, подобных «Эсдерс», «Э. Басс», «М. Закгейм», можно было приобрести и все необходимые мелочи гардероба. Виктор Иванович Рыков зафиксировал: «Обувь моя – сапоги и галоши – обошлись в 15 рублей, перчатки – 2 рубля, галстук – 1 рубль, белье и платки носовые – 15,70, ремень, пуговицы и мелочи – 2 рубля, канотье – 3 рубля. Галстуки и запонки – 65 рублей. Ботинки купил в СПбМПО (“Товарищество Санкт-Петербургского механического производства обуви «Скорород»”. – О. Х.) за 10 рублей»³⁴.

³³ Записная книжка действительного статского советника В. И. Рыкова. 1909-1910 гг. Архив О. А. Хорошиловой.

³⁴ Там же.

Актёр Николай Федорович Монахов

в стильной сорочке в мелкий горох, клетчатой тройке и канотье. Обращает внимание модная манера носить тросточку, заложив рукоять в карман жилета.

Фотоателье «Е. Семененко», Санкт-Петербург. Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Актёр Николай Николаевич Ходотов

в драповом пальто с шалевым воротником на меху и токе из котика.

Фотоателье «Д. Быстров», Петроград, 1917 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Господин в светлом костюме-тройке.

Санкт-Петербург.
1-я пол. 1910-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Статский советник Виктор Иванович Рыков

позирует в сюртуке, вероятно купленном в торговом доме «Эсдерс и Схефальс». Фотоателье «П. Жуков», Санкт-Петербург. 1-я пол. 1910-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

Помимо привычных сорочки и кальсон, некоторые столичные денди носили и менее традиционный вид нижнего белья – корсеты. Они представляли собой весьма широкие пояса с прошивками и вставками из китового уса, а также двумя ляжками, соединявшими переднюю и заднюю полочки. Корсеты помогали поддерживать осанку и превращали их носителей в записных и остромодных «тонняг».

Даже те, кто имел права на мундир и работал в министерствах, расшитым и малоудобным чиновничьим костюмам предпочитали демократичные сюртуки, лишённые знаков величия и отличия. Популярными продолжали оставаться и пиджаки, которые в подражание английскому королю Эдуарду VII носили с «подвернутыми» брюками – то есть с манжетами.

Самой популярной городской верхней одеждой было пальто-честерфильд, утепленное ватой или мехом. В особенно холодное время надевали шубы (в провинциях – мехом наружу).

Среди аксессуаров, вошедших в мужскую моду в 1910-е годы, было пенсне без оправы, монокль, или, как его тогда называли, «стеклышко», кепки-«авиатор».

Истые декаденты свой облик копировали с королей эпатажа, громких и скандальных футуристов. Давид Бурлюк и Владимир Маяковский ввели моду на желтый цвет, огромные монокли, едва помещавшиеся в глаз. Наталья Гончарова и Михаил Ларионов прирастили «золотую молодежь» Серебряного века к яркому лучистому гриму. «Иногда случались вещи совсем дикие, – отмечал Георгий Иванов. – Так, однажды, некто Петр Ларионов, на сорок пятом году соблазненный футуризмом, знимавший странную должность заведующего царскосельским птичником, ушел от Игнатьева с половиной выбритой головой (он носил поэтическую шевелюру), с лицом, раскрашенным, как у индейца, и с бубновым тузом на спине»³⁵.

Те, кто мягко увлекался новым искусством и не спешил подобострастно копировать внешность его творцов, предпочитали пестрые штучные жилеты с геометрическим орнаментом в стиле кубофутуризма и пестрые, большие художественные банты. Георгий Иванов вспоминал: «Но ходить на чай

³⁵ Иванов Г. Петербургские зимы. СПб., Азбука, 2000. С. 54.

Молодой фронт в весеннем прогулочном вестоне, белых брюках и канотье с широкими полями.

Петроград. 1914 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Провинциальный щеголь в шерстяном визитном костюме и шляпе-«соувестер».

Фотоателье «Кондратьев»,
Акмолинск.
Сер. 1910-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Князь Феликс Феликсович Юсупов с супругой Ириной Александровной, дочерью великого князя Александра Михайловича.

Сняты на фоне железнодорожного вокзала в Иерусалиме во время своего свадебного путешествия. На князе – костюм из светлой шерсти, модное английское пальто-макинтош и канотье. На Ирине Юсуповой – троттер, шляпка и пальто с модными широкими отворотами.

1914 г.
*Семейный архив
А.П.Григорьева (Париж)*

Молодой купец во фраке, петлицу которого украшают две фрачные медали «За усердие».

Фотоателье «A. Lorens», Санкт-Петербург. 1913 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Кумир русских щеголей Сергей Павлович Дягилев

в пикежном жилете, черном фраке и цилиндре.

Санкт-Петербург. Нач. 1910-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Столичный деловой человек в сюртучной тройке.

Фотоателье «К. К. Булла», Санкт-Петербург. 1914 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Актер Юрий Михайлович Юрьев

в шерстяном костюме-тройке.

Фотоателье «К. А. Фишер», Санкт-Петербург. 1913-1914 гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Столичная зажиточная семья.

Господин в смокинге, дама – в нарядном визитном платье, мальчик – в куртке-«норфолк» с кружевным воротником.

Фотоателье «Везенберг», Санкт-Петербург. Нач. 1910-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Лейб-медик в элегантном, сшитом на заказ сюртуке.

Фотоателье «П. Павлов», Москва. 1916 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Купец
Афанасий Романович Соловьев**
в шерстяном сюртуке и «штучном»
бархатном жилете.

Фотоателье «Р. Шарль», Санкт-Петербург.

Нач. 1910-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

**Юный денди в сюртуке
с широкими лацканами.**

Отметим своеобразную прическу
с зачесанным на лоб локоном.

Петроград. Сер. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

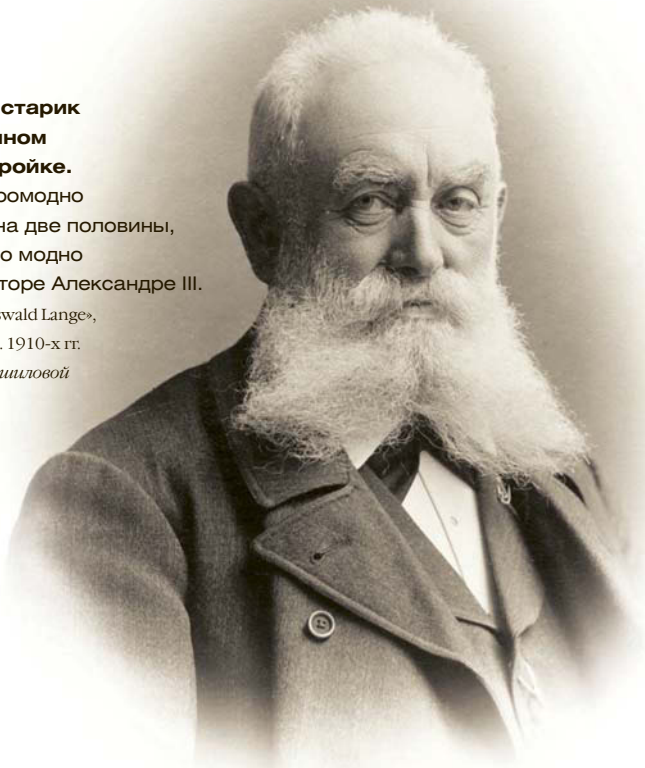
**Красивый старик
в прогулочном
костюме-тройке.**

Борода старомодно
расчесана на две половины,
как это было модно
при императоре Александре III.

Фотоателье «Oswald Lange»,

Митава. 1-я пол. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Молодой человек в костюме-тройке.

Волосы расчесаны на английский пробор.

Фотоателье «К. Е. фон Ган и Ко», Царское Село. Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Эрвин Давидович
Гримм, историк,
ректор
Императорского
Санкт-
Петербургского
университета.
Позирует**

в сюртучной тройке
и модном пенсне без
оправы.

Фотоателье «Reissert&Fliege»,

Санкт-Петербург.

1-я пол. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Господин

**в двубортном
пальто-**

«честерфильд»

с шалевым воротником

и в каракульчовом

токе.

Фотоателье «А. И. Готлиб»,

Петроград. 1914–1915 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

к Кузмину <...> было совсем не то, что ежедневно ездить по “Венам”, “Черепениковым” и “Давидкам”, участвовать в поэзо-вечерах в Лигове или на Выборгской стороне, с красным бантом вместо галстука на шее. Этот бант я завел по внушению Игоря (Северянина. – О.Х.) и, не смея, конечно, надевать его дома, перевязывал на Подъяческой»³⁶.

Мужчины следили за собой не меньше женщин. Регулярно посещали вертких парикмахеров, готовых по первому же требованию преобразить клиента в нафиксатуренного Капуля, сдержанно элегантного короля Эдуарда или громоподобного германского императора. Были в моде небольшие аккуратные бородки (такую носил, к примеру, князь Сергей Волконский), лихо взвитые усы а-ля кайзер, короткие глянцевидные стрижки с английским пробором, а также строгие щетиноподобные «бобрики». Мужчины старшего возраста, в особенности ярые славянофилы и купцы-традиционалисты, предпочитали «пейзанские» бороды, какие вошли в моду еще при императоре Александре III. Молодежь растительность не любила и тщательно брила подбородки, умащая их одеколонами фирмы «Товарищества Брокер и К^о» или «А. Ралле и К^о».

Дети в те годы обожали матроски, огромный выбор которых предлагали многочисленные магазины: «Modes d'enfants», «Мерсио», «Мадам Зина», «Эсдерс и Схефальс». По воспоминаниям Татьяны Александровны Аксаковой-Сиверс, ее десятилетний брат с большим удовольствием носил матроску, в которой был запечатлен виртуозом фотографии Фредериком Буассонна. Снимки получились настолько хорошими, что один из них был даже выставлен в витрине этого фотосалона.

Из костюмов взрослых в детский мир проникли некоторые модные новинки. Мальчики носили клетчатые «норфолки», бриджи-«кникербокеры» и кепки. Девочки копировали стиль «black&white» своими белыми в тонкую черную полосу платьями, украшали

нежные белые туники шелковыми кушаками кричащих восточных цветов и покрывали головы шляпами-«соувестер». Зимой детишек все еще рядили в милые пуховые пальтишки и капоры из пряжи, а подростки носили практически взрослую одежду: девочки – пелеринны, жакетки, сэки, мальчики – двубортные пальто на манер матросских бушлатов и «честерфильды».

Юный любитель французских поэтов в элегантном костюме.

Фотоателье «Л. Городецкий», Царское Село. Нач. 1910-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

³⁶ Там же. С. 53.

Мальчик в белом матросском костюме, шерстяных колготках и ботах.
 Фотоателье «Рембрандт», Москва.
 1-я пол. 1910-х гг.
Архив
 О.А.Хорошиловой

Задумчивый мальчик в куртке-«норфолк» и бриджах.
 Петроград. Середина 1910-х гг.
Архив
 О.А.Хорошиловой

Поэт, литературовед Модест Людвигович Гофман с детьми – Натальей (слева) и Ростиславом, будущим французским музыковедом.
 Петроград.
 2-я пол. 1910-х гг.
Архив
 О.А.Хорошиловой

Девочка в матросском костюме и широкополой панаме.
 Фотоателье «Я. И. Чернов», Стародуб.
 1-я пол. 1910-х гг.
Архив
 О.А.Хорошиловой

Мальчик в бархатном костюмчике с белым воротничком и белым шелковым бантом.
 Фотоателье «М. О. Коган», Зарайск. 1911 г.
Архив
 О.А.Хорошиловой

Девочки в хлопчатобумажных летних платьицах с английским шитьем.
 Санкт-Петербург.
 Нач. 1910-х гг.
Архив
 О.А.Хорошиловой

Маленький франт в модном английском пиджаке, бриджах и кепи. В руках – щегольская тросточка.
 Санкт-Петербург.
 Середина 1910-х гг.
Архив
 О.А.Хорошиловой

Очаровательный денди в двубортном пальто с бутоньеркой, кепи и моноклем.
 1910-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Спортивные костюмы

Дама в амазонке для прогулок верхом.

Нач. 1910-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

До и во время Великой войны продолжали существовать и успешно развиваться спортивные виды одежды. Их популярность связана с пришедшей в Россию в конце XIX века модой на активные виды досуга. Аккуратно копируя стиль жизни острых и сухопарых англичан, принаравливая грузные и мягкие свои телеса к жестким, почти армейским правилам новомодных спортивных игр, русские дамы и господа привыкали и к новым видам одежды, разработанным в строгом соответствии с ев-

ропейской логикой, гигиеной и здравым английским «common sense». Николай фон Штиглиц отмечал: «Нельзя сказать, чтобы спорт в России прививался легко. Затруднения и препятствия встречались на каждом шагу. Лиц, ратовавших за спорт во всех его видах, считавших в нем залог оздоровления нации, недавно было очень и очень немного <...>. Развитие спорта в России в течение последних пяти лет быстро идет вперед»³⁷.

Самым красивым и аристократичным видом активного досуга продолжала оставаться верховая езда, которой все с большой охотой занимались. И если в конце XIX века ее считали просто красивым времяпрепровождением, то в конце 1900-х годов этот вид спорта стал модным и чрезвычайно распространенным среди англomanов-аристократов. В Москве «Общество любителей верховой езды» радовало горожан забавными костюмированными каруселями. В 1912 году в Петербурге был организован «Кружок любителей верховой езды» со звучным списком сложносоставленных породистых фамилий, выделявавших невообразимые па на благороднейших скакунах.

Мужчины занимались верховой ездой в удобных суконных куртках или полуспортивных пиджаках, английских бриджах-«галифе» или «кникербокерах», в высоких мягкой кожи сапогах, фетровых шляпах, котелках или барашковых шапках в русском стиле.

Дамский наряд был гораздо сложнее, строже, консервативнее. Как отмечал русский арбитр моды: «Ни одна женщина не сядет на лошадь, не убедившись, что она одета безупречно». Каждая модница запасалась несколькими однотипными амазонками – по-английски чопорными и весьма элегантными костюмами, в которых она восхитительно смотрелась на крупнотелых гнедых гессенцах и вертких орловских рысаках. Амазонка состояла из неширокой юбки и лифа с высокой застежкой, узкими лацканами и баской. Ее дополняла шмизетка с английским стоячим воротником и репсовым галстуком.

³⁷ Штиглиц Н., фон. Спорт в России / Столица и усадьба, № 2, 1914. С. 18.

В 1890-е годы амазонка выглядела так: «Короткая и узкая юбка, сделанная по фигуре, остается такую же, какую была и прежде, тогда как те маленькие изменения, которые произошли в лифе, ничем особенным не выделяются и остаются вследствие этого почти незаметными. Последней новостью считается в настоящее время юбка и лиф с длинной баской с отворотами и бархатным воротником. Амазонку, сделанную в таком вкусе, дополняют маленькой шмизеткой с английским воротником и галстуком. Чрезвычайно модны также лифы, сделанные с короткой баской, одинаковой длины кругом. Такой фасон лифа чрезвычайно удобен для полных особ»³⁸. В 1910-е годы стиль слегка изменился. Помимо классических закрытых юбок в моду вошли юбки-передники с широким вырезом под правым коленом, закамуфлированным баской жакета. Модными цветами амазонок продолжали оставаться черный, темно-серый и синий. Однако летом на даче советовали надевать не темное, а коломьянковое платье-жакет, напоминавшее мужской вестон. С ним носили шмизетку с высоким жестким воротником-пластроном из полотна или пике, канотье или панаму, бриджи. На ногах модных наездниц все чаще можно было заметить гетры «из мягкой кожи, застегивающиеся большими незаметными аграфами в один миг (гетры на пуговицах больше не носят)».

Этот ансамбль дополнял невысокий цилиндр, отделанный тюлем и кружевом. Однако в самом начале XX столетия он уступил в популярности английскому «баулеру» (котелку) с традиционной атласной или репсовой лентой по тулье. Аристократки прятали нежные руки под фильдекосовыми перчатками. Непременным атрибутом конных прогулок оставался стек с роскошной ручкой ювелирной работы, которую в 1890-е было модно украшать драгоценными камнями. Во второй половине 1900-х и особенно в начале 1910-х популярны стали тростниковый кнут и кожаный хлыст, которые дамы сжимали в руках, обтянутых элегантными перчатками из собачьей кожи.

Молодой человек в охотничьем костюме и фетровой шляпе.

Фотоателье

«W. Urbanowitsch», Рига.

Нач. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Любопытно, что для амазонки требовался определенный тип нижнего белья: «Шерстяные трикотажные панталоны, сделанные заодно с чулками, которые можно носить без подвязок. Черные чулки, сделанные на белой подошве, они не горячат ноги и очень удобны для теплого времени. Кроме того, появились в настоящее время фуфайки, связанные из верблюжьих волос или из гагачьего пуха. Эти фуфайки “Cosyspencer” отличаются необыкновенной легкостью и прекрасно спускают испарину»³⁹. В 1910-е появились новые предписания, касающиеся нижнего белья для амазонок: «Рубашка должна быть коротка. Корсет короче и ниже обыкновенного и, конечно, легче. Иногда необходимо дополнить его бюстенгальгером. Под шаровары делают батистовую подкладку, чтобы избежать неприятного соприкосновения шерстяной материи с кожей»⁴⁰.

³⁹ О костюмах для спорта / Модный курьер, 1899, № 31. С. 249.

⁴⁰ Костюм амазонки / Вестник моды, 1911, № 25. С. 249.

³⁸ О костюмах для спорта / Модный курьер, 1899, № 31. С. 249.

Заядлый охотник в тулупе и «токе» из котика.

Фотоателье

«With. Staden», Юрьев.

1-я пол. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Маленький охотник в тулупе, шапке и амуниции.

На плече – добыча.

1910-е гг.

Архив А.П.Клюкина

Карикатура на охотников. Журнал «Шут».

Фототипия. 1906 г.

Архив О.А.Хорошиловой

В пестром ряду спортивно-светских «форм» одно из главных мест занимала одежда для охоты, которую столь любили и знали в России. Мужчины отправлялись на поиски благородного оленя, зайцев и куропадок в костюмах из добротной английской шерсти «природных» оттенков – темно-зеленого, оливково-серого, коричневого, зелено-бурого... В них старательные охотники были почти невидимы. Осенью и весной мужчины выходили на поиски зверя в остроумных британских куртках-«ноρφолк» с отложным воротником, пристроенной кокеткой, двумя защипами на спинке, хлястиком и целым набором удобных карманов. С ними обычно носили короткие (до колена или чуть ниже) бриджи-«кникербокеры» с гетрами или сапогами. Голову защищала кепка с широкими лопастями, застегнутыми на тулье, барашковая шапка, похожая на ту, которую тогда носили лесники, или же мягкая тирольская шляпа с «эспри» из пестрых птичьих перышек. Впрочем, истые англоманы, количество которых неминуемо росло в России в начале нового века, украшали свои благородные головы клетчатым шлемом с двумя козырьками, которому в Британии придумали даже особое прозвище – «охотник за оленями». У нас ее называли просто – «каскетка». Дополняли этот спортивно-военный облик кожаные патронташи, сумки, ножик у пояса и конечно же ружье.

Зимой надевали овчинные полушубки, плотные суконные шаровары, башлыки, барашковые шапки и овчинные рукавицы. Все эти виды одежды и аксессуары можно было приобрести в популярном петербургском магазине И. И. Чижова, находившемся на Литейном проспекте, 64.

Иногда на охоту отправлялись вместе с дамами. Пока проворные отцы семейств выслеживали изысканного оленя и безжалостно расправлялись с глухарями и куропатками, дамы весело щебетали о погоде и природе в добротных охотничьих костюмах из шевиота, гомеспуна или лодена. В 1890-е годы были популярны костюмы с кофточками и закругленной спереди баской, который дополняли «толстыми кожаными сапогами, гамашами и простой

Русские дамы «блумерсам» и американским блузам предпочитали полотняные или хлопковые платья с кушаком.

Нач. 1910-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Спортивная пара на велосипедах.

1910-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Счастливый молодой человек спешит на свидание в куртке-«норфолк» и бриджах.

1910-е гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Дамы лихо едут на велосипедах в блузах и бриджах-«блумерсах».

Фототипия. 1909 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

Молодой человек в костюме для лодочной прогулки. К широкому спортивному поясу пристегнута сумочка для карманных часов. Фотоателье «Эм. Плетцер», Елисаветград, 1910-е гг. Коллекция С. Е. Володарского (Харьков)

фетровой шляпой»⁴¹. В непогоду дамы кутались в «ампермеабли» – непромокаемые плащи на шерстяной подкладке.

На велосипедах русские модницы катались не хуже англичанок. Для этого занятия существовал особый вид костюма, состоявший из блузки со стоячим воротничком и галстучком, короткой кофточки-болеро, слегка расклешенной книзу, и недлинной юбки, надеваемой поверх панталон аналогичного цвета. Некоторые вместо юбки носили широкие бриджи-«блумерсы», однако это американское изобретение женщин-феминисток не находило отклика в консервативной среде русских модниц. «Так называемые blommers носят очень редко», – сообщал столичный светский журнал. К этому костюму дамы надевали сапожки, низкие ботинки или полуботинки из мягкой кожи.

⁴¹ О костюмах для спорта / Модный курьер, 1899, № 31. С. 249.

Актёр Степан Николаевич Надеждин в костюме для игры в лаун-теннис. Фотоателье «Регина», 1910-е гг. Архив О. А. Хорошиловой

Некоторые скупые экономные особы шили себе велосипедные костюмы из старых офицерских шинелей мужей и отцов. На этот счет журналы мод публиковали даже развернутые инструкции: «Из большой круглой пелерины (имеется в виду пелерина николаевской шинели. – О. Х.) сделана юбка, которая спереди зашита келлеровским швом. Низ украшается строчками. Кроятся красивая удобная кофточка и шапочка. При желании из пелерины сделать более длинную юбку, ее можно надставить и расширить полосами из клетчатого сукна или бархата. В случае если из пелерины неудобно сделать юбки, то ее можно употребить на короткое пальто. Из остальных частей (шинели. – О. Х.) можно сделать пальто для мальчика»⁴². Такие руководства сопровождались подробными рисунками.

⁴² Практические советы из области домашнего шитья / Модный курьер, 1907, № 40. С. 318.

В России в самом начале 1900-х стал популярен лаун-теннис, еще один традиционно английский вид спорта. «Лаун-теннис мы ставим на второе место в отношении распространения. Этот спорт всецело покорила наш высший свет. Будучи дорогим видом спорта, лаун-теннис стал достоянием более или менее имущего класса»⁴³, – комментировал Николай фон Штиглиц. К 1914 году в России существовало около 50 клубов, ежегодно участвовавших в соревнованиях, проводимых Всероссийским союзом лаун-тенниса. Кажется, эту игру любили тогда все – и страдавшие одышкой крупнотельные сановники, и высокомерные их жены, тонкие напомаженные лицеисты, невыразительные генеральские дочери, графья, светлейшие князья и конечно же царская семья вместе с тысячей верных и юрких слуг. Играли в лаун-теннис в специальных костюмах. Военные надевали уставную спортивную форму, «гражданские» – английские сорочки с длинными рукавами (они обыкновенно подворачивались) и отложным воротником, белые фланелевые или суконные брюки с ремнем, туфли или низкие сапоги. Модные журналы наперебой рекомендовали дамам наиболее подходящие для тенниса костюмы – непременно светлые фланелевые платья с блузочками или кофточками, неизменные в дачных играх канотье, панамы или ловкие матросские шляпки с игривым помпоном, белые или бледно-коричневые на кожаной подошве туфли.

В семье Набоковых, истых англоманов, теннис был любимой игрой: «Вижу мать, отдающую мяч в сетку и топающую ножкой в плоской белой туфле <...>. Воздушная блуза и узкая пикейная юбка матери (она играет со мной в паре против отца и брата, и я сержусь на ее промахи) принадлежит к той же эпохе, как фланелевые рубашки и штаны мужчин»⁴⁴.

Отправляясь в маленькое приятное путешествие на лодке, дамы надевали белые плотные хлопчатобумажные или саржевые юбки (обыкновенно гладкие с боковыми застежка-

ми), блузы с небольшим V-образным вырезом, из под которого скромно выглядывали белая шмизетка и воротничок. Наряд дополнял синий «галстук» и соломенная шляпка в матросском вкусе, украшенная сине-белыми лентами. Лодочная «униформа» существовала и у мужчин. Классический ее вариант – синие или белые саржевые брюки, пояс или кушак, белая блуза, похожая на флотскую «голландку», гюйс с белыми полосками (или галстук), а также неизбежное в этом случае канотье. Правда, многие предпочитали менее сложную и более комфортную одежду – брюки и английские рубашки с засученными рукавами.

КЪ ПРЕДСТОЯЩЕМУ КУПАЛЬНОМУ СЕЗОНУ!!!

Холодная растирания, массаж и купанье признаны всеми лучшими профессорами и докторами наиболее целесообразным способом для поддержания здоровья и продолжения жизни; наши же махровые полотенца ценою от 4 р. 50 к. до 18 руб. за дожину, простыни в цѣнѣ отъ 2 руб. до 5 р. 75 к. шт., и въ особенности халаты **СЪ КАПЮШОНАМИ** на 8 руб., 8 р. 50 к. и 9 руб. штука, по своей мягкости, изъжности и дешевизнѣ не имѣють конкуренціи – потому советуемъ каждому выписать таковыя изъ главнаго склада перемокаемой одежды издѣлій

Торговаго Дома № 30812

И. ФЕЛЬТЕНШТЕЙНЪ и Ко,

Москва, Лубянская площадь, домъ Человѣколюбиваго О-ва. № 2.

Высылаемъ почтою и налож. платежомъ.

В начале XX века купальные процедуры были немислимы без сине-белых или белокрасных плавательных костюмов с короткими рукавчиками и недлинным (по колено) тюником. Шили их из бумажной ткани для купания в речках и жесткой шерстяной материи для морских курортов. Приличие соблюдалось строго и фанатично. Никаких «случайных» обнаженных мест и неосторожных разоблачений. Купальный костюм – это дамский доспех. Так, по крайней мере, понимали его предназначение нежно-лиловые дамы из обморочного века сирени. Барышни посмелее, верткие гордочки, смеялись над этими правилами. К их небольшому кругу принадлежала Анна Ахматова, в 1900-е годы – дерзкий угластый неоклассический подросток: «Вы и представить себе не можете, каким чудовищем я была в те годы...

Реклама мужских купальных халатов московского торгового дома «И. Фельтенштейн и Ко».

1909 г.

Архив О.А.Хорошиловой

⁴³ Штиглиц Н. фон. Спорт в России / Столица и усадьба, № 2, 1914. С. 19.

⁴⁴ Набоков В. В. Другие берега. Л.: Политехкнига, 1991. С. 42.

Пикантная дама в полосатом трикотажном купальном костюме.

1913 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Вы знаете, в каком виде барышни ездили в то время на пляж? Корсет, сверху лиф, две юбки, одна из них крахмальная, – и шелковое платье. Разоблачится в купальне, наденет такой же нелепый и плотный купальный костюм, резиновые туфельки, особую шапочку, войдет в воду, плеснет на себя – и назад. И тут появлялось чудовище – я, в платье на голом теле, босая. Я прыгала в море и уплывала часа на два»⁴⁵.

Силуэты купальных костюмов были столь же подвластны моде, как и верхняя одежда. В 1910-е годы «Модный свет» неустанно рапортовал о новых тенденциях: «В моделях мы встречаем детали, встречающиеся в новейших

⁴⁵ Чуковский К.И. Анна Ахматова: <http://www.gramma.ru/BIB/?id=3.103>

Дама с двумя очаровательными детьми в купальных костюмах.

1-я пол. 1910-х гг. Архив А.П.Клюкина

Так выглядели купальные комнаты, в которых стеснительные русские дамы совершали водные процедуры.

Пригород Санкт-Петербурга. Нач. 1910-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

платьях. Так, видим широкую настрочную пройму, косую застежку и слегка приподнятую талию (соответствовавшую распространенной тогда ампирной моде. – О.Х.). Юбка имеет сбоку застроченную складку, чтобы придать большую ширину в подоле. Костюм отделяется бие из узорчатой материи или обшивается тесьмой. Костюм делается из саржи, могоер, нелинющих бумажных тканей или из шелковых материй – бриллиантина и поде-суа (peau de soie), которая хорошо выглядит и после купанья»⁴⁶.

Одной из наиболее распространенных спортивных «форм» было платье для гимнастики. Его описание находим в «Модном курьере»: «Гимнастические костюмы делают большей частью из серого или синего полотна с изящной вышивкой, свободный фасон “блуза” идет больше всего к таким туалетам. Корсет заменяют нередко лифчиком, который должен быть

⁴⁶ Элегантные костюмы для купанья / Модный свет, 1912, № 5. С. 8.

пришит к закрытым сзади панталонам. Весь костюм держится на таком лифчике как нельзя лучше»⁴⁷. Гимнастическое платье нередко дополнял матросский воротник с двумя-тремя полосками, ставший отличительной деталью многих типов спортивной «униформы». Любопытно, что эти спортивные костюмы были распространены не только среди светских почитательниц спорта, но и в женских гимназиях и институтах благородных девиц.

Дамы играли в теннис, катались на лодках, занимались гимнастикой и плаванием. Наконец, они начали укрощать строптивые и резвые авто. В холодное время садились за руль в тайерах, вязаных шлемах, плащах-дождевиках и замшевых перчатках. Весной и летом они мчали по неровным в серо-желтой пудре дорогам, надев светлые хлопчатые блузки, юбки и пыльники, плотно укутав голову газовой накидкой (остряки называли ее «мумия», распространя метафору и на тех, кто ее носил).

Любопытной разновидностью спортивной «формы» были туристические костюмы для горных экскурсий – шмизетка, жакетка, гладкая юбка и дорожная шапочка с вуалью. Иногда вместо обыкновенной юбки надевали остросовременный трансформер, который с легкостью можно было превратить в шаровары с помощью вшитых кнопок. Важной частью туристического костюма была также толстая пелерина с капюшоном.

В России, где большую часть времени года идет снег и дождь, были весьма популярны зимние виды спорта. Все обожали коньки. Озорно пересекали по едва замерзшим речкам и озерам, а также посещали платные скейтинг-ринки, высекая сложные арабески на податливом глянце льда под звуки простывшего оркестра. К концу XX века в России уже существовали профессиональные спортивные общества конькобежцев, проводились соревнования, отечественным спортсменам рукоплескали на зарубежных чемпионатах, и конечно же этот вид популярного досуга в зимние месяцы выходил на первые полосы светской прессы.

«Целое поколение, получившее нарицательное имя “юсуповцев”, сумело воспитать Общество любителей бега на коньках, поколение, любящее и развивающее один из лучших, чисто русских видов спорта – конькобежный, – сообщал журнал “Столица и усадьба”, – 16 февраля Общество справило в Юсуповском саду свой традиционный праздник. Разыгрывался ряд состязаний в фигурном катании <...>. В изящном парном катании кавалера с дамой на переходящий кубок Н. И. Кривинга и Ю. М. Кетница конкуренция была между петербургскими парами г-жей Поповой и г. Фишер и баронессой Каульбарс и г. Лаугенгаун. Судьи нашли небольшое преимущество у

Дама в костюме для езды в авто.

1-я пол. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

⁴⁷ О костюмах для спорта / Модный курьер, 1899, № 31. С. 249.

Дама в костюме для горных прогулок и кепи.

Нач. 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

первой пары, которой и присужден кубок. В состязании младших конькобежцев удивил искусным исполнением всех заданий прошлогодний победитель г. Александров. Изящен был конкурс вальса: г-жа Х. Сундгрэн и ротм. П. П. Родзянко танцевали точно на паркете. Шумные аплодисменты и первый приз были вполне заслуженной наградой»⁴⁸.

При таком серьезном отношении к конькобежному спорту в России появилась и специальная одежда для этого приятного зимнего досуга, удобная, простая и не подчинявшаяся строгому регламенту. Поджарые, тонконогие спортсмены, стремительные демоны столичных скейтинг-ринков, со свистом раскали лед сталью норвежских лезвий в черных трико и ловких вязаных шапочках. Увальни-любители лишь причмокивали от восторга и обывательской зависти. Они аккуратно и сосредоточенно скользили по внешнему кольцу катка в теплых, толстой вязки свитерах (предпочтение отдавалось белому, серому, синему и черному цветам). Из-под аккуратно вывернутой горловины по-зимнему остро белел крахмальный воротничок сорочки. Иногда, впрочем, надевали британский «норфолк» теплых лесных оттенков и «кникербокеры». Непри-

язательные в плане внешнего вида господа довольствовались шерстяными плотными брюками, щеголеватые поклонники военного стиля предпочитали бриджи. Аккуратные бобрики осанистых отцов семейств скрывали каракульчовые «токи». Зализанные стрижки с английским пробором были заботливо припрятаны под вязаные спортивные шапочки с помпонами. Сугубые модники носили пушистые меховые «токи» фовистских цитрусовых оттенков и непременно чуть набок. И все без исключения были вооружены парой стальных вертких не всегда послушных коньков, отличавшихся не только именами производителей, но и самой формой. «Кстати, кто из читателей помнит название коньков того времени? – риторически вопрошал знаток светских тонкостей, кирасир Юрий Мейер. – С загнутым носком, как на знаменитом портрете в Национальной Галерее в Вашингтоне, они назывались «снегурочками», и отношение к ним было презрительное – коньки для девчонок! Наиболее распространенными были «Нурмис», потом появились «хоккейные», и верхом достижения были «гоночные» с длинным лезвием»⁴⁹.

Дамы робко ступали на лед скейтинг-ринка в шерстяных костюмах, состоявших из жакетки и юбки, или платьях, отороченных мехом. Когда было особенно морозно, на плечи они накидывали короткие пелеринки или надевали шубки из соболя, лисицы или каракульчи. Тщательно убранные прически она покрывали «токами» или аккуратными шляпами с вуалетками. Дети, любившие резвиться на льду не меньше взрослых, также имели костюмы для катания на коньках. Мальчики обычно надевали саржевые курточки с кокетками и кушачками, а также бриджи и толстые шерстяные чулочки. На голове – мерлушковая или вязаная шапочка. Девочек рядили в бархатные шубки или плюшевые жакетки. Анастасия Цветаева, мечтавшая о черной бархатной курточке, получила от отца большую плюшевую шубу. Она вспоминала: «И вот я стою в отчаянии

⁴⁸ Штиглиц Н., фон. В Юсуповом саду / Столица и Усадьба, 1914, № 6. С. 27-28.

⁴⁹ Мейер Ю. К. Записки последнего кирасира/ Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. С. 577.

перед зеркалом Лериной мамы в гостиной: тяжелое сооружение из “мещанского”, как я считаю, мягого плюша мне ниже колен, у плеч – буфы, ненавистные. Но я ведь должна ходить в этом на каток, раз сшили? И меня озаряет мысль: папа забудет длину, если не станет видеть пальго ежедневно, и тогда... Я ухожу на каток. Я катаюсь с трудом, но не выйти на лед в папиной, мне так трогательно подаренной вещи было бы бессовестно. И только эта мука дает мне право через короткое время изнемочь и приступить к операции: дверь на крючке, пальго разложено на ковре; и я с большим трудом, с бьющимся сердцем режу сперва плюш, потом – ватную подкладку. От туго сжатых ножниц боль и следы на руке, слушаю, не идут ли, шью. Много дней удалось мне всякими усилиями уходить на каток так, чтобы папа меня не увидел»⁵⁰.

Аналогичные костюмы надевали, когда играли в хоккей и катались на лыжах. Во время соревнований команды дополняли свой облик непременными атрибутами – свитерами с символикой команды. По ним определяли принадлежность игрока к тому или иному клубу.

⁵⁰ Цветаева А. И. Воспоминания. – М.: Советский писатель, 1974. – С. 272-273.

Маленькие любители конькобежного спорта.

В руках – пристяжные коньки.

Конец 1900-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Русский спортсмен-конькобежец.

1-я пол. 1910-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Среди молодежи и офицеров был распространен один трюк. Для того чтобы икры ног казались натренированными и по-спортивному выпуклыми, хитрецы обматывали их тряпками и надевали поверх рейтузы или бриджи. Иногда, впрочем, кусочек белой обмотки предательски вылезал из-под брюк, и трюк не удавался. По свидетельству Юрия Мейера, таких ловкачей презрительно называли «тряпичными гонщиками».

**Элегантные
лыжники.**

Фототипия. Кон. 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**«Милитэр»
и военный шик**

В России, где обожали военных и блестящие мундиры, форма была первой скрипкой в сложном и многозвучном оркестре ее величества моды. Практически все светские виды костюмов несли на себе благородный отпечаток военного или морского стилей. Мода, традиционно ветреная и переменчивая, не могла не подчиниться уставной простоте и неизъяснимой элегантности форменного костюма, который щедро одаривал ее матросскими гюйсами, пухлыми накладными карманами, гетрами и бриджами-«галифе», каскетками и пальто-«милитэр». На костюм оказывали влияние и войны, столь частые в беспокойной имперской России. Они приносили не только стройность и изысканную лаконичность, но и одаривали восточной экзотикой, привезенной заботливыми мужьями из далеких и не всегда, впрочем, победных походов.

**Лева Пунин
в матроске,
шапочке-«баярке»
и с ружьем.**

Царское Село.
Ок. 1906 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Наиболее отзывчивым к военному стилю был детский костюм. И это вполне естественно. Шаловливым, балованным цветом жизни зачастую позволяли то, что никогда не простили бы почтенной даме и солидному господину. Им позволяли быть немного вне контекста консервативного и чопорного светского мира. Им позволяли повседневный маскарад. С его помощью фарфоровые круглощечные ангелочки превращались в солдатиков, матросиков и даже орденосных генералов. Карликовые армии пехоты и кавалерии никого не смущали. Наоборот, желание мальчишки надеть военную курточку и ловкую гвардейскую шапочку приветствовалось родителями, особенно отцами-офицерами, считавшими, что эти костюмчики воспитывают военный дух, закладывают в дитя похвальную любовь к Отечеству. Какие только фасоны не придумывали.

мывали закройщики дореволюционной России, чтобы удовлетворить привередливость маленьких бонапартов, – гусарские доломаны с золотыми бранденбургами и краповые чикчиры, казачьи чекмени с широченными кушаками и невообразимых размеров шаровары, кирасирские колеты и стилизованные мундиры гвардейских стрелков. Если же отец служил в каком-нибудь славном полку с легендарным прошлым, то он (за хорошее поведение и прекрасную учебу) мог заказать сынишке полный гардероб – точную копию собственного.

Бывало, что форма эта волшебным образом преображала ее капризного и плаксивого носителя. Борис Никитич Моисеев лично испытал ее магическую силу: «В детстве я перенес корь и воспаление надкостницы из-за большого зуба, извлечение которого сделала хирург царскосельского Придворного госпиталя княжна Гедройц. Хитро со мной поступили – мама повела меня в госпиталь на операцию в костюме офицера Уланского полка (тогда продавались формы любого полка для малого возраста мальчиков). Княжна, усадив меня в кресло, сказала: “Уверена, что Вы не уроните честь офицера, будете сидеть спокойно и не плакать”. Было очень больно, но офицерское слово...»⁵¹

Семьи с более скромным достатком предпочитали не обогащать военных портных и ювелиров, а придумывали фантастический костюм из того, что было под рукой или что не стоило слишком дорого. К примеру, мой дед, Лев Пунин, в детстве заболел военной историей и униформистикой. Он грезил лейб-гусарами, кирасирами и преображенцами. По сему случаю были куплены игрушечное ружье, сабелька с португесей и шапочка «боярка» гвардейского образца, с которыми мальчишка расставался, кажется, только вечером – когда следовало идти спать. Современник деда, Лев Васильевич Успенский, носил костюм иного рода, с покушением на высокий чин: «Она поглядела на меня – смешного, в блузе из мамою же заготовленного до-

Вариант русского маскарадного костюма для мальчика в стиле XVIII века.

Архив О.А.Хорошиловой

Пример маскарадного костюма для мальчика в стиле русской императорской гвардии.

Архив О.А.Хорошиловой

⁵¹ *Моисеев Б.Н.* Воспоминания. Рукопись. Предоставил К. И. Финкельштейн.

Дети офицера флота в матросских костюмах.

Фотоателье «Boissonnas et Eggle», Санкт-Петербург. 1909–1910 гг. Архив А. и В. Гофманов (Париж)

мотканого сукна и в купленных у “спекулянта” генеральских, синей диагонали, брюках с алым лампасом»⁵².

Военные нотки в мальчишеских костюмах усилились во время празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года. Маленькие любители красочных экзерциций и помпезных баталий просили родителей о гусарских курточках, о казачьих шапках со шлыком, о заветных смолянистых кирасах лавровенчаных победителей Фершампенуаза. И в таком вот обмундировании они устраивали военные игры, участником которых был царскосел Борис Никитич Моисеев: «Организовались

⁵² Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970. С. 18.

Мальчик в темно-синем матросском костюме с красивым полосатым воротником.

Фотоателье «Г. Перль», Санкт-Петербург. Нач. 1910-х гг. Архив О. А. Хорошиловой

две армии: Наполеона I, которой командовал я, и Александра I – гимназист. Армии имели примерно одинаковый количественный состав из мальчиков нашего района и даже сестер милосердия – девочек младших классов гимназий. Солдатам выплачивалось жалованье в виде фруктов (яблок, слив, ягод) и в виде поощрения шоколадные конфеты (“Потешные” в фантиках различных полков – 2 на грош, т. е. 4 на копейку). “Армии” не занимались мародерством, т. е. набегами на сады, огороды и т. д.; вне сражений вели милые знакомства друг с другом»⁵³.

Более свободными от предписаний и озорными были «военные» костюмы,

⁵³ Моисеев Б. Н. Воспоминания. Рукопись. Предоставил К. И. Финкельштейн.

**Малыш
в элегантном
матросском костюме.**

Фотоателье «Wahlstrom J. Hart»,
Гельсингфорс.
Нач. 1910-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

приготовлявшиеся к маскарадам. Здесь руководствовались только одним правилом – чересчур никогда не бывает. Турецкие фески прекрасно сочетались с хвостатыми фраками и мочалоподобными бахромистыми эполетами. Старые отцовские полотнянники выполняли роль длиннополых шинелей баснословных наполеоновских «ворчунов»-гренадер. Вырезанный из бабушкиного теплого капота круг преобразался в черную двуголку, в которую еще спешили вставить несколько куцых петушиных перьев как бы в память о кичливом плюмаже лукавого пухлощекого императора, победившего серого сира.

Костюм девочек навевал скуку – сплошь белые линонбатиновые платяица, милая невинность, охваченная шелковыми лентами послушания и хорошенько припрятанная под широкими полями добродетели. В безмолвном и бесцветном девичьем гардеробе присутствовал вид одежды, предполагавший толику романтической свободы и маскарадной травести, – матроска. Ее с одинаковым удовольствием носили и мальчики, и девочки. Этот костюм, впервые надетый пятилетним британским принцем Альбертом Эдвардом в 1846 году во время путешествия на королевской яхте, к 1870-м годам стал привычной детской одеждой в Европе и России. Отличительными деталями матросок были синий воротник с полосками (от одной до трех), такого же цвета манжеты, синий, белый или черный галстук, синяя или белая юбочка (для девочек и мальчиков, не достигших 4-5 лет), белые или синие брючки для мальчиков. Иногда к этой привычной флотской гамме неожиданно примешивались яркие оттенки в угоду моде. К примеру, в начале 1910-х годов блузы для девичьих матросок предлагали шить из красного (!) текстиля. В целом же этот вид одежды оставался практически неизменным. В холодное время поверх матроски надевали двубортный жакет из синего шевита с синим сатиновым воротником или же отложным воротником, но с обязательными клапанами и якорями.

**Мальчик
в темно-синей
матроске.**

Фотоателье «П. Павлов»,
Москва. 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

**Людмила
и Григорий
Оглоблинские.**

Фотоателье
«Boissonnas et Egger»,
Санкт-Петербург. 1903–1904 гг.
*Архив А. и В. Гофманов
(Париж)*

**Девушки
в матросских
платьях.**

Петроград.

1915–1916 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Дети разбирались в моде и шике не хуже родителей. К примеру, в их среде носить матросские воротники с нашитыми полосками считалось дурным тоном. Владислав Фелицианович Ходасевич вспоминал: «Главное же – я сам стал настоящий франт. Помню дикий скандал, учиненный мною из-за того, что на матросский воротничок нашили мне какой-то мешанский золото-красный сутажиж, тогда как хороший тон требовал широкой белой или черной тесьмы»⁵⁴.

Дополняли матросский облик берет с помпоном или стилизованная бескозырка с шелковой ленточкой, несшей горделивое имя какого-нибудь славного крейсера.

Военное обмундирование до Первой мировой войны лишь отчасти коснулось светского костюма и моды взрослых. Так, к примеру, в среде спортивных молодых людей еще в конце XIX века появилась мода на «австрийки» – изящно скроенные и прекрасно сидящие куртки с фигурными карманными клапанами и прорезными карманами по бокам. Они едва доходили до бедер и крепко охватывали фигуру, так что некоторым приходилось надевать корсет. Записные франты, в подражание утонченным офицерам Габсбургов, заказывали куртки с жестким стоячим воротником. Их часто носил, к примеру, великий князь Сергей Александрович: «Когда я однажды пришел в отпуск к Сергею Александровичу и Елизавете Федоровне, помню, мы пили дневной чай втроем, в будуаре тети. Дядя был в голубой австрийской курточке и высоких мягких сапогах без шпор»⁵⁵.

Многие бывшие офицеры, закончившие карьеру или перешедшие в гражданские ведомства, носили цивильные костюмы. Однако их военное происхождение выдавали характерные внешние черты – к примеру, кавалерийские усы (длинные, идеально прямые, горизонтальные, с кончиками-ниточками), стрижка «бобрик», а также великолепная картинная осанка, которой мучительно учились

в кадетских корпусах и холили в военных училищах, которой гордились в полку и по которой много лет спустя бывшего русского офицера узнавали приметливые пассажиры парижских таксомоторов.

Военная атрибутика незаметно проникала и в более консервативный дамский гардероб. Так, среди офицеров существовала симпатичная традиция заказывать женам и дочерям броши и кулоны с миниатюрными погонами, количество просветов и звездочек которых соответствовало реальному положению супруга в Табели о рангах. Такие подарки они обыкновенно заказывали перед производством в очередной чин. Гвардейские офицеры баловали жен кулонами и брелоками, украшенными точными копиями головных уборов родного полка. В целом, из таких украшений можно было с легкостью составить послужной список заботливого мужа-офицера.

Была и другая тенденция. Девушки нередко украшали лифы платьев, в том числе и форменных гимназических, миниатюрными копиями темляков, полученных в подарок от офицеров – братьев или женихов.

Светская мода не оставалась безучастной и к военным конфликтам. Китайский поход русской армии 1900-1901 годов открыл новые пути экспорта экзотических восточных костюмов и аксессуаров в Россию. По только что построенной Китайско-Восточной железной дороге мчались в города империи вагоны, наполненные дивными шелками, фантастическими кимоно, пестрыми «чипао», изысканными и удобными «магуа» и тысячами сказочных предметов из баснословного Китая. Дамы стали с большим удовольствием покупать маньчжурские костюмы у китайских продавцов, количество которых в России после похода 1900-1901 годов увеличилось. Те же мужчины, которым посчастливилось принять участие в этой маленькой и победоносной кампании, любили подчеркнуть это своим не менее экзотическим внешним видом. Лев Успенский был свидетелем всеохватывающей мании: «А в другие дни бесшумно вползал китаец (торговец, – О.Х.). И призывали нас с братом.

⁵⁴ Ходасевич В. Ф. Воспоминания: http://azlib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1000.shtml.

⁵⁵ Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Мемуары. СПб: Голубой всадник, 1993. С. 36.

Зинаида Подъяпольская в прогулочном туалете.

У воротника видна брошь в виде офицерского флотского погона с тремя звездочками, соответствовавшими чину капитана 2-го ранга. Вероятно, она была подарена ее супругом Иваном Подъяпольским в память о своем производстве. Фотоателье «Bernard Lais», Ревель. Нач. 1890-х гг. Архив О.А.Хорошиловой

И мои пальцы невольно цеплялись ногтями за неприятную, какую-то оскоминную, поверхность чесучи. С тех годов не могу выносить этого ощущения – ногтями по шелку! Считалось, что это нам покупают на рубашки для лета. Но каждый раз в доме после этого оставался еще кусок какого-то золотистого шелка, маме на капот-кимоно, а на кухне – малкоячеистые, из аляповато раскрашенной папиросной бумаги, веера, а у меня в руке – резанная из дешевого жировика, но очень милая обезьянка, а у бабушки – какой-то пряно пахнущий лакированный челночок для кружев из светло-желтого незнакомого дерева⁵⁶.

Во время и сразу после Русско-японской войны восточные ноты в светской моде усилились. Обозреватель светского журнала сообщал: «Наша нынешняя мода характеризуется японским жанром, и насколько велико в этой области влияние Восточной Азии, доказывается

⁵⁶ Успенский Л.В. Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970. С. 36.

Федор Алексеевич Синельников

в «австрийской» куртке.

Фотоателье «П. Павлов», Москва. 1893 г.

Архив О.А.Хорошиловой

тем обстоятельством, что даже парижанки, которые долго не решались расставаться с высокими плечами, наконец признали низкие длинные плечи. Блузы, платья, верхние вещи – все это имеет характер японского: это впечатление иностранного усиливается еще металлической или пестрой шелковой вышивкой. Японские фасоны, составляющие отличительную черту нынешней моды, обильно украшаются кружевом, что, в общем, очень красиво и грациозно⁵⁷.

В те годы стали популярны «японские», «китайские» платья, как бы эмитировавшие кимоно и «чипао». Появились рукава «а-ля гейша», широкие в пройме, лежавшие на специальных буфчатых подкладках. Дамам пришлось по вкусу и «японские» накидки с лопастями, перекрещивавшимися на груди. Их шили из мягкого сукна, крепдешина и отделявали тафтой, велюр-шифоном, атласом. Японский стиль

⁵⁷ Новое веяние моды / Вестник моды, 1907, № 25. С. 1.

**Княгиня
Ольга Петровна
Волконская
(урожденная
Клейнмихель)**
в летнем пикейном
платье и с зонтиком-
«парасоль».
1900-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Дама в прогулочном туалете
с зонтиком из китайского шелка.
Сер. 1900-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Молодой человек
в полном
маньчжурском
облачении
мандарина.
Санкт-Петербург.
Середина 1900-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

проник и в область аксессуаров. Так, стали весьма популярны зонтики «японского образца с пестрой вышивкой и резной деревянной ручкой».

Шапки-сибирки, спасавшие от холода солдат и офицеров на Маньчжурском фронте, перекечевали в гардеробы сочувствующих нашим военным усилиям патриотов. Иногда их носили и дети. Моду на высокие пухлые прически, а также необычайную популярность

**Семья Пуниных
в 1915 г.**

Именно так в военное время одевались жители Российской империи.

Военные – в кителях, юнкера – в солдатских рубахах, служащие – в костюмах-тройках, дамы – в простых хлопковых и шерстяных платьях.

Царское Село. 1915 г.

Архив О.А.Хорошиловой

солнечных зонтов из тонкого шелка можно тоже объяснить воздействием Страны восходящего солнца. Восточный колорит расцвел и столичные маскарады: «На Рождестве Маргарита Кирилловна устроила для своих детей костюмированный бал. Я была одета китаянкой и имела забавный вид в расшитом золотом и яркими цветами кимоно. На высоко зачесанных волосах дребезжали приделанные к пружинкам серебряные украшения (все эти аксессуары были привезены Васей Оболенским, мужем маминой двоюродной сестры Наты, из Китая, и одолжены мне по случаю маскарада)»⁵⁸.

Впрочем, не стоит забывать о том, что Россия, лишь изредка, украдкой поглядывая на Восток, зорко наблюдала за тем, что происходило на Западе. Восточная экзотика, в том числе и японский стиль, стала волновать воображение французских модельеров в начале 1900-х годов. Во второй же половине этого десятилетия своим жестким диктатом король моды Поль Пуаре прочно и надолго закрепил присутствие «китайщины» и «японщины» в пестром каталоге европейских тенденций.

⁵⁸ Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. Кн. 1, Париж, 1988. С. 94.

Мода Великой войны

Пока светские львицы и модники-декаденты наслаждались головокружительной воздушной жизнью, а кутюрье демонстрировали последние творения богатейшей своей фантазии на подиумах европейской ярмарки тщеславия, черно-белые франко-английские министры и раззолоченные русские генералы мерились политическими силами с австро-прусскими милитаристами. Постановления, резолюции, письма кружились бумажными вихрями в кабинетах вершителей мира, чтобы составить партитуру нового европейского «концерта». Но в Сараеве прозвучал выстрел, и пуля оказалась меткой. Политики стихли. Они уже были бессильны. Прогремели первые раскатыстые улыгиматумы. Начищенные сапоги серых немецких солдат ступили на податливую бельгийскую почву. Началась Великая война, а вместе с ней пришли новый стиль и новая мода.

Нация и война – вот два главных образа этого драматического времени. Русская бело-сине-красная гамма становится главной в оформлении интерьеров и отделке ко-

стюмов столичных модниц: «Патриотический подъем, воодушевляющий всех нас, отразился даже на таком мирном занятии, как рукоделие, и в большой моде теперь предметы, вышитые национальными цветами или украшенные национальными флажками»⁵⁹. Дамы облачаются в простые «народные» платья-рубашки с вышивкой в крестьянском стиле или носят ансамбли из белого хлопка с набивными синими и красными полосками. Патриотический подъем столь высок, что в 1914–1916 годах в

⁵⁹ Модный свет, 1914, № 17. – С. 10.

Маскарадные патриотические костюмы на тему Великой войны.

Фотооткрытки. 1915 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Девушка в национальном костюме,
созданном в начале Великой войны.

1914 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Петрограде и Москве устраивают выставки-конкурсы одежды в русском стиле. Одну из таких организовал весной 1916 года «Союз русских женщин». Были представлены домашние ансамбли из рубашки с кустарной вышивкой и сатиновых блузки и юбки, а также наряды, практически скопированные с традиционных сарафанных комплектов. Жюри, между прочим, отметило второй премией кафтаноподобные тайеры с национальной вышивкой, а также зимние пальто-бекешы из тонкого драпа, отороченные мерлушкой.

Благодаря Надежде Торби, в Европе стали вновь актуальны подвенечные платья в русском стиле. Петербургская красавица сочеталась весной 1917 года законным браком с принцем Георгом Баттенбергским. Ее платье было сшито из серебряной парчи, традиционного материала подвенечных и коронационных нарядов русских императриц. Подневестницы Надежды Торби шествовали за ней в облачениях, созданных мадам Хендли-Сеймур, прославленной британской портнихой королевских особ. «Вестник моды» комментировал: «Все туалеты подневестниц в русском стиле. На атлас цвета аквамарина накинуты пышные, плиссированные юбки из бледно-голубоватого, тоном темнее атласа тюля, окаймленные соболем и русским шитьем с примесью красных тонов. Головные уборы в казачьем стиле из голубого бархата, окаймленные соболем с ниспадающей на спину фатой из голубого тюля в цвет платья. На боках клинообразные нашивки, окаймленные соболем и вышивкой»⁶⁰. Патриотичными стали и маскарадные костюмы, имитировавшие русский стиль, а также античный облик богини победы и французской святой Марианны.

Показательно, что русский стиль проник в те годы и в европейский костюм. К примеру, уже осенью - зимой 1914 во французской моде появилось понятие «*manteau russe*» – пальто, «русскость» которого выражалась прежде всего наличием меховой опушки на воротнике, манжетах, по борту и подолу, а также перенесенной на левую сторону застежкой, как на косоворотках.

Зинаида Судакова в «русском» пальто.

Фотоателье «И. Смирнов»,
Петроград, 1915 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Война расковала женщин. Все чаще их можно было заметить с модной сигаретой во рту.

Павловск, 1915 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Народный стиль, однако, был менее популярным военного с его униформичностью, функциональностью, рационализмом и скупым колоритом. Дамы бредили цветом «хаки». Они заказывали строгие дневные платья, городские костюмы и пальто непременно в оливково-серой, коричнево-зеленой, серо-синей гаммах русских и союзнических войск. «Как вы уже знаете, все резкие цвета не в моде, ибо свидетельствуют о легкомыслии, совершенно не подходящем к теперешнему настроению, – сообщила светская обозревательница Domino Rose. –

На предыдущей полосе:

Надежда Михайловна де Торби.

Фотооткрытка, 1910-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

⁶⁰ Русско-английский «союз» / Вестник моды, 1917, № 6. С. 82.

**Элегантная
столичная пара
в дневных нарядах
эпохи Первой
мировой войны.**

На даме – жакет, имитирующий мужской смокинг.

Волосы аккуратно уложены и убраны, что создает ощущение короткой стрижки.

Фотоателье «A. Lorens»,

Петроград. 1915 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Модными оттенками являются – темно-синий, темно-серый (taupe), “слоновий” серый, песочный и коричневато-зеленый, известный под названием “letard”. Есть еще новый оттенок синего – синевато-черный, который получил название “bleu loffre”⁶¹.

Пользуясь военным моментом и отсутствием любимых мужчин, дамы стали экспериментировать с их гардеробом, выбирая самое интересное и элегантное. На улицах и в парках все чаще видели модниц, одетых в стиле «милитэр». Они носили фланелевые серо-зеленые блузки с воротником-стойкой и большими накладными карманами, будто споротыми с офицерского кителя. Платья украшались скрещенными на груди перевезями, как бы имитирующими пулеметные ленты и ремни военного снаряжения. К широким кушакам пришивали карманы, по ширине сравнимые с офицерскими планшетами. «Военные пелерины отделаны золотой тесьмой и золотыми пуговицами, – сообщал ‘Модный свет’. – Длинные пальто, у которых углы передков застегиваются назад, как у шинелей наших солдат, высокие воротники военного фасона, обшитые золотой тесьмой – все это отзвуки настоящей войны»⁶². Дамы носили пальто, похожие на шинели, к примеру, «а-ля Наполеон» – колоколообразное пальто с

высоким стояче-отложным воротником эпохи французской Директории, пристроенным кушаком с одной или двумя пуговицами и двумя большими накладными карманами по бокам.

На плечах дам появились погончики и даже эполеты, талию охватывал широкий кушак-триколор с маскарадными кистями и вился по лифу, рукавам и подолу, сплетаясь в сложные венгерские узлы, гусарский шнур.

В 1915–1916 годах стало модным отделять застёжки на платьях, жакетах и пальто так называемыми патами, похожими на бранденбургки, но без кистей. С них ведут свое начало красноармейские «разговоры».

Военный стиль и униформа в ловких ручках столичных модисток преобразились в каскетки минерв, шлемы готических божьих дев, в черные двуголки призрачного романтикасира и очаровательные «боннэ де полис» неврастеничек-жирондисток.

Другим качествами военной моды были простота и удобство, ведь приходилось экономить, да и одеваться с шиком и блеском в то время, как отцы и мужья сражались на фронте, считалось аморальным. На страницах журналов мод все чаще публиковали лаконичные определения современного стиля – «простой облик», «скромное изящество», «функциональная одежда», «дешево и удобно». «Трудность условий современной жизни на каждом шагу отражается во всех отраслях нашего существования, – с грустью отмечала обозревательница Виолетта. – Страдает от нее и мода. В фасонах господствует по-прежнему простота»⁶³. Светские журналы наперебой сообщали о новых прямых силуэтах и элегантно-скромной отделке дневных и вечерних нарядов из хлопка, саржи, бумажного бархата и «всяких мягких шерстяных тканей».

Русским дамам эпохи Великой войны, подобно их европейским современникам, приходилось больше и быстрее работать. Узкие юбки начала 1910-х, салонные, игриво-хромающие, стали банальны, глупы, неуместны. Женщины возомнили себя труженицами тыла, и следовало держать военный шаг.

⁶¹ Письмо из Парижа / Модный свет, 1915, № 8. С. 6.

⁶² Парижская мода / Модный свет, 1915, № 1. С. 6.

⁶³ Хроника моды / Модный свет, 1916, № 6. С. 1.

Петербургская дама
в шелковой блузе с модным высоким воротником а-ля Бонапарт и шляпе с пером.
1916-1917 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Девушки в простых белых летних платьях эпохи Великой войны.
1915-1916 гг. Рига.
Архив О.А.Хорошиловой

Пришло время широких и недлинных (по щиколотку) юбок и «военных кринолинов», мягко поддерживавших эти плиссированные колокола новых тыловых амазонок. «Главной особенностью этой модной юбки, – сообщила Domino Rose, – является то, что она короткая, даже очень короткая, и прилегающая у бедер. Поэтому очень многие модные юбки делаются с гладкой широкой бедренной кокеткой, к которой уже пришивается юбка, расширяющаяся книзу. Благодаря этим юбкам-клевш получается совершенно новый женский силуэт»⁶⁴. На их основе в 1917 году возникли бочкообразные юбки-«тонно», визуально расширившиеся в коленях и немного сужавшиеся книзу.

«Военные кринолины» представляли собой нижние тюлевые юбки со вшитыми на уровне бедер и колен обручами-«стальками». Прошло 30 лет, и молодой стеснительный романтик и ретроман Кристиан Диор возродил эти юбки и кринолины, а лаконичная Кармель Сноу нарекла их «new look». К 1947 году старое было уже действительно хорошо забыто.

⁶⁴ Письмо из Парижа / Модный свет, 1915, № 6. С. 6.

Простота и скромность в одежде – один из главных признаков военного времени.
Дамы в демисезонных пальто позируют с родственником-офицером, приехавшим с фронта в отпуск.
1916 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Артистка балета
Фелицата
Леонтьевна
Дубровская**
демонстрирует
модную укладку
с греческой лентой.
Фотоателье «Д. Быстров»,
Петроград. 1914–1915 гг.
Архив О.А. Хорошиловой

**Танцовщица
Лидия Михайловна
Тюнтина**
в шерстяном дневном
платье, гарнированном
сутажом. Волосы
убраны назад.
Фотоателье «Д. Быстров»,
Петроград. 1914–1915 гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Вместе с короткими юбками пришла мода на высокие сапоги, шнурованные ботинки и гетры: «Уже теперь мы видим прелестную обувь, настолько же элегантную, насколько и удобную, благодаря круглым носкам. Очень красивы сапоги с черными лакированными носками и белыми голенищами. Из-под широкой модной юбки ножка в элегантном башмачке и нарядном чулке будет выглядеть еще меньше и изящнее»⁶⁵.

Дамам некогда заниматься собой и часами щебетать у парикмахерской о милых банальностях светской жизни. Длинные волосы мешают и не соответствуют моде на высокие «военные воротники», они требуют тщательного ухода, умащиваний, укладок, горячих щипцов. Решить вопрос кардинально, с по-

мощью ножниц, не могли и не хотели. На короткие стрижки отваживались в России только женщины ударных батальонов, странные существа странного 1917 года. Остальные, желавшие иметь короткие волосы и сохранить блистательную женственность, нашли своеобразный способ – укладывать волосы с помощью греческой ленты. Парикмахеры 1920-х годов ничего не придумывали – они создавали то же, но быстрее и посредством ножниц. Знаменитая «buby korf», короткая мальчишеская стрижка ар-деко – тоже дитя Великой войны.

Первая мировая заставила русских дам облачиться в печальные черные, траурные костюмы жертв вооруженных конфликтов. Пожилым особам рекомендовали надевать следующее: «Прямой черный шерстяной жакет с отрезным тюником спереди вырезан уступом, а сзади доходит до талии. Фасон этот тем более удобен,

⁶⁵ Письмо из Парижа / Модный свет, 1915, № 6. С. 8.

говору все оставшееся время заседания: «А какая будет форма?» – слышится из угла комнаты. Несмотря на скромный тон вопроса, он все же сразу овладевает всеобщим вниманием. «Я думаю, что самое лучшее – черкеска... Это и удобно, и красиво, и...» – «А на голове – папаха... Да-да, папаха! Не нужно будет шпилек, и волосы великолепно держатся»...»⁶⁷

Но все же тех, кто отважился отправиться на линию фронта, суровых женщин-добровольцев, были единицы – хотя их воспевала военная пропаганда и прославляла верноподданническая пресса. Только в диком, пестром, маскарадном 1917 году (френчи и заткнутая за борт бонапартистская рука Керенского, черепа и кости ударных частей, кожанки и красные банты социал-демократов) появились женские батальоны смерти, целые отряды, составленные из бритых андрогинов, выглядевших такими обреченными, ненужными, комичными в грубой солдатской форме. Очередной театральный фарс – в духе неуравновешенного психопатического времени.

что скрадывает излишнюю полноту и придает стройность пожилой фигуре. Согласно последним требованиям моды, вуаль делается не из крепа, а из газа шифона и лишь обшивается крепом»⁶⁶. Барышни наряжались в черные шелковые юбки и блузы, отделанные лентами из крепа, а также черные шерстяные или суконные платья без блеска, также с креповыми вставками.

Во время Великой войны русские дамы примерили униформу. Эмансипированные особы, охваченные патриотическим чувством, уверенные, что могут сражаться не хуже мужчин, отправились на фронт в неладных защитных рубашках, мятых фуражках, шароварах и сапогах. Любопытно, что с началом боевых действий в среде русских женщин заметно вырос интерес к униформе, и появилось желание ее носить или хотя бы в ней позировать для фотоснимков. Весьма показательную в этом контексте историю рассказал на страницах «Всемирной панорамы» Г.Л. Кучинский. В 1914 году в Петрограде курсистка С. П. Юрьева решила организовать отряд русских амазонок для участия в военных действиях. На заседании собрались около двадцати девушек-добровольцев. После нескольких минут конструктивного обсуждения проекта отряда новоиспеченные амазонки с пылкостью светских модниц принялись рассуждать о своем будущем обмундировании и посвятили этому важнейшему раз-

«Война и дамы». Карикатура на дам-таможенниц.

1915 г.

Архив О.А.Хорошиловой

«Война и дамы». Карикатура на военные моды эпохи Великой войны.

1915 г.

Архив О.А.Хорошиловой

⁶⁶ Модный свет, 1916, № 2. С. 4.

Екатерина Михайловна Бакунина,

сестра милосердия Крестовоздвиженской общины, участница обороны Севастополя. 1890-1891 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Сестра милосердия Российского общества Красного Креста
в осенне-зимней форме.

Фотоателье «А. Новиков»,

Череповец, 1914-1916 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Гораздо более распространенной среди русских дам была форма сестер милосердия. Как только прогремели первые орудия и газеты опубликовали в скорбно-торжественных рамках списки и фотографии первых павших, раздался призыв: «Русские женщины, вступайте в ряды РОКК». Тогда всем была знакома эта музыкально-раскатистая аббревиатура: «Российское общество Красного Креста». На страницах журналов моды публиковались очерки о сестрах милосердия, участницах громких сражений, свидетельницах великих побед русского оружия. Можно было встретить, между прочим, статьи и фототипии самой, пожалуй, известной сестры – Екатерины Михайловны Бакуниной, которая в составе Крестовоздвиженской общины приняла участие в обороне Севастополя в 1855 году..

РОКК было самой масштабной и сложной по структуре организацией, принявшей активное участие в Великой войне. В его состав входили разнообразные милосердные общины: Крестовоздвиженская, Георгиевская, Свято-Троицкая, Евгеньевская, Кауфманская, Александровская, Елизаветинская, Архангельская и др. С целью окончательной унификации

костюмов общин Главное управление РОКК в марте 1915 года издало специальные «Правила ношения формы». Отныне каждая «крестовая» сестра, то есть прошедшая соответствующие испытания и имевшая официальное звание сестры милосердия, зимой носила шерстяное коричневое платье длиной до щиколотки с белыми широкими манжетами. Поверх надевался полотняный передник с двумя лямками (или без них) и широким нагрудником, в центре которого алел крест. Голову и плечи сестры покрывали белым платком. В теплое время носили серое полотняное платье с теми же атрибутами и аксессуарами... Строгому, сухому, канцелярскому описанию поэт Сергей Михеев подыскал изящно-поэтическую альтернативу: «У нее коричневое платье, / Белый фартук с символом Христа, / Ее вера радостно проста; / Все вокруг – ее родные братья...»

Те, кто не имел звания сестры милосердия РОКК и входил в состав женского санитарного персонала, носили такую же форму, но без креста на груди. И те и другие при исполнении служебных обязанностей надевали на левый рукав платья (или верхней одежды) широкую белую повязку с красным крестом. Некоторые

«На подвиг».

Н. Горюшкин-Сорокопудов.

Фототипия. 1916 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Сестра милосердия РОКК в весенне-летней форме.

1914-1916 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Сотрудники Российского общества Красного Креста.

Москва. 1916–1917 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

сестры милосердия и санитарки участвовали в сражениях, получали раны, но самоотверженно выносили раненых с поля боя. За это их награждали Георгиевскими медалями и крестами, которые дамы не без удовольствия и гордости носили на своей форме.

Распространенной верхней одеждой женщин, служащих в РОКК, были драповые или суконные пальто, не лишённые светского шика. Однако со второй половины 1916-го и особенно в 1917 году сестры милосердия стали предпочитать остроумные черные кожаные куртки, называвшиеся «шведскими».

Однако дамы не только служили сестрами милосердия. Некоторые работали на заводах в скучных серых халатах, в которых, впрочем, они выглядели весьма элегантно.

Мужской костюм эпохи Великой войны не претерпел серьезных изменений, оставаясь таким же удобным, рациональным и лаконичным, каким был до 1914 года. К тусклой городской гамме добавились «полевые» оттенки – оливково-серый, коричнево-зеленый, болотный, хаки, а также появились отдельные

Пара в костюмах военного времени.

Дама в суконном пальто, ее спутник – во фронтовом тулупе и бриджах-галифе.

1917 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Сестры милосердия, служащие и администрация одного из лазаретов Российского общества Красного Креста.

1916–1917 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Молодой человек
в модной кожаной куртке летчика.**

Петроград. 1916–1917 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Модный господин
в суконном френче и наручных часах
с защитной стальной сеткой.**

1917 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Катя Ольдекоп,
дочь известного
русского банкира,
демонстрирует модный
военный аксессуар –
карманные часы
в наручном футляре.**

Вятка, 1915 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Два брата
в русских рубашечках
и белых папах,
возможно привезенных
отцом с Кавказского
фронта. Петроград.**

Кон. 1914 г.

Архив О.А.Хорошиловой

**Дети позируют
с модными
наручными часами.**

Фотоателье «К. Шарль»,
Петроград. 1915–1916 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

**Отец и сын
позируют
в военной форме.**

1915 г.

Архив О.А.Хорошиловой

виды одежды и аксессуары, заимствованные из военного обмундирования. Ширилась и росла мода на английские «норфолки», с которыми носили широкие «кникербокеры», бриджи с застежкой под коленом, или галифе, а также кожаные военного образца краги с ботинками. Помимо кепок и мягких полуспортивных шляп-«трилби», на головах мужчин появились оливково-серые английские фуражки, какие носили шоферы в нашей и союзнических армиях. Во второй половине 1916 года с фронта пришла мода на английские френчи с пухлыми нагрудными и боковыми карманами. Они были более темных, осенних расцветок – зелено-коричневые, кирпично-коричневые, бурые, темно-серые. Одновременно столичные франты обзавелись и английскими рубашками с отложным воротником, накладными карманами, нарукавными хлястиками и кожаными пуговицами. Тогда же стали популярны и высокие узкие сапоги с застежкой на два ремешка под коленом. Модные мужские аксессуары военного времени – большие шо-

ферские очки, планшеты (вместо портфелей), часы, переделанные из карманных в наручные и покоившиеся в массивных кожаных футлярах на ремне (их иногда дополняли стальными противоударными сетками, также весьма популярными в то время). Наручные часы во время войны появились и на хрупких дамских запястьях, и счастливые их владелицы, позируя фотографу, не забывали продемонстрировать любимые аксессуары.

В те годы мальчишек одевали в солдатские косоворотки и оливково-серые штанишки. Иногда отцы, приехав в отпуск с линии фронта, привозили пару маленьких, заказанных у полкового мастера, полевых погон, аналогичных тем, какие носили сами. Девочки одевались в белые платица с довоенной заниженной линией талии и украшенные по моде того времени патриотичной народной вышивкой. В целом же наряды детей практически не изменились в эти сложные, драматичные годы Великой войны.

Революционный стиль

Пока наши войска самоотверженно мерзли и мокли в опостылевших глинисто-серых окопах, в Петрограде решалась судьба отечества. На склизких февральских, плохо убранных улицах чавкал сапогами, бродил и бредил бунташный семнадцатый год. Буржуазная, как ее впоследствии поименуют историки, революция предрешила кончину империи и ускорила приход столь опасного в России двоевластия – неизвестности, вседозволенности и тотального страха. В период политической неразберихи светский костюм стал до отвращения боязливым. Опасно демонстрировать финансовый достаток, опасно быть «с иголки» и элегантным, опасно не иметь революционной атрибутики. Дамы, а также их спутники, судьбой или врачебной справкой убежденные от гнили передовых окопов, одевались как можно скромнее и непритязательнее. Мужчины предпочитали пальто-честерфильды

или грубого, кислого сукна шинели (пообтертые, как бы фронтовые), фуражки служащих или шапочки-«пирожки», шерстяные костюмы, ботинки с галошами. Продолжал оставаться актуальным и военный стиль. Его поклонниками стали в 1917 году не только «бывшие» офицеры и генералы, но и великие князья, вынужденные снять погоны и выйти в отставку. «Дяденька тоже вышел в отставку, но продолжал носить форму с отставными погонами, – вспоминал князь императорской крови Гавриил Константинович. – Когда же погоны больше нельзя было носить и за их ношение жестоко преследовали, дяденька надел штатское платье. Обыкновенного платья он, однако, носить не хотел, потому что терпеть его не мог, и придумал себе костюм вроде того, как носят шоферы, то есть однобортную тужурку со стояче-отложным воротником, штаны вроде бриджей и обмотки. Он велел отрезать голенища от своих высоких сапог и сделал из них штиблеты. Тужурка, штаны и фуражка с козырьком были коричневого цвета. Получилось оригинально и прилично. Он мог так ходить, не привлекая к себе ничего внимания»⁶⁸.

Дамы донашивали то, что предписала им мода начала Великой войны, – только меха поменьше, чтобы не привлекать ненужного внимания. И конечно же в те революционные дни никто не мог обойтись без «пасса», спасительного оберега от разъяренных гнуснейших толп – крикливого кумачового банта. Его крепили к лацканам пиджаков и жакеток, к пальто, шинелям и шубам. Его даже пришпиливали к военным кителям и Георгиевским крестам, наивно веря в спасительную силу шелковой тряпицы.

В октябре 1917 года, когда вседозволенность и злость достигли высшей точки и толпы озверели, светский костюм, в его первоизданном, безупречном, глянцево-журнальном виде, перестал существовать. Вызывающе качественные вещи запрятаны вглубь чуланов, туда же отправлены бальные платья, бижутерия, парфюмерия, парадные мундиры, звонкие доспехи, ордена и прочие подлинные ше-

девры бутафорного имперского счастья. Начался период отвратительного социального камуфляжа. Люди с достатком вынуждены прикидываться униженными и оскорбленными (кислые шинели, кирзовые сапоги, пообтертые дамские пальто со стыдливими бабскими неуместными сизыми платками). Униженные и оскорбленные прекрасно справлялись с ролью палачей. К стенке могли поставить за деталь, за чепуху, за элегантную фетровую шляпу, трость с костяным набалдашником, за «кавалерийские» усы или бородку «душегубца чиновника». Но и в такие моменты находились среди поникшей аристократии дерзкие хвататы, не желавшие понуро шуршать лохмотьями в такт разухабистому маршу пролетариата. Владимир Набоков был из числа этого бестрепетного десятка: «Я был, смешно вспомнить, в котелке, в белых гетрах, и в руке держал трость из прадедовской коллекции, – трость светлого, прелестного, веснушчатого дерева, с круглым коралловым набалдашником в золотой коронообразной оправе. Признаюсь, что, будь я на месте одного из тех трагических бродяг в солдатской шинели, я бы не удержался от соблазна схватить франта, прогуливавшегося по платформе, и уничтожить его»⁶⁹.

В этой народной революции победил народный стиль. Простые сермяжные одежды – кособокие «польты» и «пинжаки», рубахи-косоворотки, брюки-галифе, кожанки и фронтовые френчи, худо скроенные из бедных материалов платья и женские костюмы – надолго поселились в платяных искусной резки шкафах, экспроприированных на законных основаниях во время планового городского уплотнения. Лишь в начале 1920-х уныло однообразный гардероб нового революционного человека стал медленно преобразовываться в ломких лучиках забрезжившего ар-деко. Впрочем, НЭП был задушен во младенчестве, и мода советской России не успела избавиться от военщины и терпкого запаха кирзачины.

⁶⁸ Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Мемуары. СПб.: Голубой всадник, 1993. С. 223.

⁶⁹ Набоков В. В. Другие берега. – Л.: Политехника, 1991. – С. 168.

Заключение

1917 год – рубеж, который в исторических книгах обыкновенно выделяется драматичным алым цветом. 1917-й – революционный, кровавый, страшный, антигуманный, большевистский... Все так. Но только не в отношении костюма и мило близорукой моды, которая не раз и запросто пересекала линии фронтов Гражданской войны. Для истории русского форменного и гражданского костюма рубежом был вовсе не 1917-й, а 1914 год – начало мировой битвы народов. Именно в это сумрачное серое время формировался новый стиль и новая мода эпохи, рождение которой ознаменовал холостой выстрел русского крейсера.

Фронтные вещи – кителя, френчи, фуражки, галифе, сапоги, планшеты, пенсне без оправы и автомобильные очки – продолжали оставаться актуальными после полной и сокрушительной победы советской России. Дамы, узнавшие всю прелесть и удобство полувоенной одежды, не спешили расставаться с ней. «Шведские» куртки, бриджи, жакеты-френчи, блузы и галстучки, толстые суконные пальто, перешитые из шинели мужа, – весь этот неженственный, отвечавший духу времени гардероб на долгое время определил облик советской женщины.

Военный шик и форменный костюм обожали в царской России, но и в советские времена они оставались популярными.

Вспомним щегольские тренчоуты и кожанки Троцкого, френчи Ульянова-Ленина, серые сталинские тужурки с петлицами, будто сорванными с царских шинелей.

Рабоче-крестьянская Красная армия остервенело сражалась с белогвардейцами в солдатских гимнастерках, введенных в русской армии еще до начала Первой мировой, в оливково-серых кителях, во френчах и галифе. Суконные шлемы, прозванные позже «буденновками», имели близкородственную связь с «шеломами» и другими проектными головными уборами в национальном стиле, которые предлагали русские офицеры в начале 1900-х годов. И даже знаменитые «разговоры» – цветные «язычки» на красноармейских рубахах, кителях, шинелях – произошли от бранденбургов, украшавших царские кафтаны XVII века. Впрочем, есть и более близкие их родственники – «паты», фигурные бортовые петли, модные в начале XX века.

Флот тоже был верен традициям. После Октябрьской революции матросы продолжали носить «фланки», «форменки», тельняшки и бескозырки, тужурки-бушлаты. Синий китель, введенный в 1910 году, оставался в гардеробе советских морских офицеров до 1997 года и почти не менялся по крою.

В 1943 году вернули из небытия один из главных атрибутов царской армии – погоны.

При этом, как и до революции, звания определяли солдатские лычки или офицерские звездочки. Показательно, что в 1943 году ввели специальные узкие погоны для врачей, похожие на те, которые носили до революции. Одновременно отложные воротники на рубашках и кителях были заменены стоячими, отчего эти элементы обмундирования стали весьма напоминать царские.

В 1945 году на Параде Победы советские войска предстали в особой форме, вдохновленной дореволюционным обмундированием. И даже цвет двубортных мундиров выбрали оттенка морской волны, до 1917 года именовавшийся «царским».

В августе 1943 года были учреждены суворовские училища, а уже в сентябре вышел приказ, вводивший форму воспитанников, во многом повторяющую дореволюционную кадетскую. Черный парадный мундир на восемь пуговиц имел алый воротник-стоечку с одной петлицей на каждой стороне. С ним носили черные брюки навыпуск и фуражку с черной тульей, алым околышем и белыми выпушками. В центре околыша крепилась кокарда. Помимо мундира были введены черные зимние и белые летние рубашки-гимнастерки, шинели и зимние шапки. Обмундирование суворовцев много раз изменялось. Но до сегодняшнего момента сохранилась кадетская расцветка – черный мундир и шинель, алые погоны, петлицы, лампасы брюк.

В советское время любопытные трансформации происходили и с формой воспитанников средних учебных заведений. Школьники начала 1920-х годов носили удобные черные блузы, куртки и фуражки, доставшиеся им от старших братьев и отцов. Избавились лишь от «царских» признаков – пряжек, пуговиц, арматуры, а также «офицерских» шинелей.

С середины 1920-х годов, когда еще не было единой формы, школьники присутствовали на занятиях в том, что было им по карману. «Нэпманские элементы» форсировали во френчах типа «норфолк», бриджах и крагах. Сыновья мастеровых предпочитали шерстяные пиджаки и черные или темно-серые гимнастерки с брюками навыпуск. Аналогичный костюм надевали дети рабочих, с той только разницей, что брюки они заправляли в сапоги, как это было принято в рабочей среде.

В 1930-е годы школьники предпочитали военного образца защитные блузы (иногда их перешивали из отцовских гимнастерок), что в целом соответствовало общему милитаристскому настрою советского государства.

Во время Великой Отечественной войны произошел неожиданный поворот к царскому прошлому. В сонм военных богов возвращены имена Суворова, Кутузова, Нахимова, Скобелева. Заметно усилился интерес к царской униформе. В 1944 году эвакуированный в Новосибирск ленинградский Музей артиллерии начал издавать продолжение знаменитого труда Александра Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск» (с 20-го по 34-й том включительно). О русской военной униформе можно было писать и говорить без риска оказаться в лагерях. Потому неудивительно, что в 1948 году было принято решение о введении новой школьной формы, разработанной на основе гимназического платья царского времени. Советские мальчишки не без удовольствия надели серо-синие гимнастерки с воротником-стоечкой и нагрудными карманными клапанами. Их подпоясывали черным лакированным кожаным ремнем с пряжкой (правда, чаще использовали обычные ремни). С гимнастерками носили такого же цвета брюки и фуражки с желтыми выпушками и кожаным ремешком. На тулье крепилась

арматура: лучи солнца с буквой «Ш», окруженные лавровыми ветвями. Этот костюм просуществовал до 1962 года. В условиях хрущевской оттепели, когда заговорили о свободном и демократичном образовании, «режимная» военная униформа была уже неуместна. С глубоким вздохом облегчения ее сдали в дейстауз истории.

В конце 1940-х годов начала формироваться и школьная форма для девочек. Она состояла из коричневого платья и черного фартука, как это было во многих дореволюционных гимназиях. В праздничные дни надевали белый фартук. Эта форма без кардинальных изменений просуществовала до начала 1990-х годов.

Не забыли в советское время и о студенческой форме. Учащиеся некоторых специализированных высших учебных заведений, в основном технического направления, носили тужурки с воротниковыми петлицами и поперечные плечевые знаки. Такой форменной одеждой сла-

вились, к примеру, студенты Московского геологоразведочного института. С 1940 по 1948 год учащиеся ремесленных и железнодорожных училищ носили одежду, во многом схожую с дореволюционной формой подобных заведений.

Кителя, тужурки, мундиры, шинели с отличиями в виде петлиц на воротниках, а также особого шитья стали принадлежностью формы советских чиновников. При этом продолжала широко использоваться дореволюционная ведомственная арматура, став неотъемлемой частью советского форменного костюма служащих.

Практически не изменились и одежды священнослужителей. В ноябре 1917 года было восстановлено патриаршество, что привело к появлению новых элементов облачения – белого патриаршего куколя с вышитыми изображениями серафимов, патриаршего парамана. Во время богослужений патриархи стали надевать наперсный крест и две панагии.

Полковник Лев Пунин,
преподаватель Ленинградского
института инженеров
железнодорожного транспорта,
в парадном мундире образца 1943 г.
Ленинград. 1948 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

Лейтенант кавалерии
в парадном мундире
образца 1945 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Щеголеватый инженер-путеец
во френче английского образца
и фуражке с арматурой.
Москва. 1922 г.
Архив О.А.Хорошиловой

**Учащийся начальных
классов советской школы**
в форме образца 1954 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Библиография:

Архивы

- РГИА.Ф. 525. Оп. 2 (217/2715). Д. 1. Л. 5, И, 22, 42, 57, 87
ГАРФ. Ф. Николая II. Оп. 1. Д. 254. С.156
РГВИА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 6632. Л. 121
Бельский В. Я. О родном корпусе. Машинопись. Архив О. А. Хорошиловой
Горный С. (И. Оцуп). Gaudeamus Igitur (рукопись). Бахметьевский архив (Колумбийский университет, США). Выдержки из новеллы предоставил К. И. Финкельштейн
Моисеев Б. Н. Воспоминания. Рукопись. Архив К. И. Финкельштейна (США)
Пунин Лев. Кадетский дневник, 1908-1915 годы. Рукопись. Архив О. А. Хорошиловой
Терентьев Н. Кадеты и юнкера. Машинопись. 1939 г. Архив О. А. Хорошиловой

Опубликованные документы:

- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), Собрание третье. ТТ 1-33. – СПб, 1881 – 1913
Правила о форме одежды. – СПб, 1894
Придворный календарь. – СПб, 1911
Приказы по Военному ведомству. – СПб-Петроград, 1896-1917
Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИ-ТЭ: Рос. Архив, 2005. — [Т. XIV]
Циркуляр №22872 по Санкт-Петербургскому учебному округу от 25 июля 1914 г.

Периодические издания эпохи:

- Вестник моды, Санкт-Петербург-Петроград, 1894-1917
Военная быль, Париж, 1952-1974
Дамский мир, Санкт-Петербург-Петроград, 1907-1917
Модный Свет (Модный Курьер), Санкт-Петербург-Петроград, 1894-1917
Морские записки, Париж, 1958-1962
Морской журнал, Прага, 1928-1942
Нива, Санкт-Петербург-Петроград, 1894-1918
Новое время, Санкт-Петербург-Петроград, 1894-1917
Разведчик, Санкт-Петербург-Петроград, 1889-1917
Столица и усадьба, Санкт-Петербург-Петроград, 1913-1915

Воспоминания:

- Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. – Москва: Современник, 1991.
Аксакова-Сиверс Т. А. Семейная хроника. – Кн. 1, Париж, 1988
Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. – М.: Правда, 1990

- Белли В. А. В Российском Императорском флоте. СПб: Петербургский институт печати, 2005.
Бенуа А. Н. Мои воспоминания, Т.1-2. – М.: Изд-во Наука, 1990,
Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. – Л., 1990
Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Мемуары. – СПб: «Голубой всадник», 1993.
Витте С. Ю. Избранные воспоминания. – М.: Мысль, 1991
Восейков В. И. С царем и без царя. – М.: Родник, 1994.
Вырубцова А. А. Фрейлина Ее Величества. – М.: Советский писатель, 1991.
Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. – Париж, 1969.
Гиацингов Э. Н. Записки белого офицера. – СПб: Интерполиграфцентр СПбФКС, 1992
Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. – М.: Новое литературное обозрение, 2001
Голицын К. Н. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. – М.: Рос. Дворян. Собрание, 1997
Граф Г. К. Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906 – 1914. – СПб: БЛИЦ, 2006
Григорьев М. А. Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое. – СПб.: Российский институт истории искусств, 2006
Даниловский А. Воспоминания из жизни в Царской России. – Мюнхен, 1954
Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. – СПб: «Нева», 2003.
Добужинский М. В. Воспоминания. – М.: Наука, 1987
Засосов Д. А. Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. – Л.: Лениздат, 1991.
Зощенко М. М. Перед восходом солнца. – М.: Вагриус, 2004
Иванов Г. Петербургские зимы. – СПб: Азбука, 2000
Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. – Симферополь: Крымиздат, 1953
Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. – М.: НЛО, 2008
Каверин В. А. Открытая книга. Минск Юнацтва, 1988.
Князя Трубецкие. Россия воспрянет. – М.: Военное издательство, 1996
Костенко В. П. На «Орле» в Цусиме. Воспоминания участника Русско-японской войны на море в 1904-1905 гг. – Л.: Судпромгиз, 1955
Кривич В. Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам. В кн.: Литературная мысль. Альманах III. – Л.: Мысль, 1925
Литвинов А. А. Воспоминания кирасира Ее Величества / История Петербурга, № 1 (17), 2004
Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905 – 1917. – Буэнос-Айрес: Доррего, 1951.
Марков А. Кадеты и юнкера. – М.: Военное издательство, 2001
Маршак С. Я. В начале жизни (страницы воспоминаний). – М.: Сов. писатель, 1961
Мейер Ю. К. Записки последнего кирасира / Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. – М., 1995
Минцлов С. Р. Петербург в 1903 – 1910 годах. – Рига, 1931

Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб: Наука, 1992.

Набоков В. В. Другие берега. – Л.: Политехкнига, 1991

Нечаев П. А. Алексеевское военное училище, 1864-1964. – Париж, 1964

Николай II. Воспоминания. Дневники – СПб: Пушкинский фонд, 1994.

Пантюхов О. И. О днях былых. – Мэплвуд: Дюранд хауз, 1969

Петров-Водкин К. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. – Л.: Искусство, 1970

Рождественский Вс. А. Страницы жизни. – М.: Современник, 1974

Санников С. А. Последние дни Пажеского Его Императорского Величества корпуса / Союз пажей, № 14, 1960

Семенов Г. М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. – М.: АСТ, 2002

Толстая А. Л. Дочь. – М.: Вагриус, 2001

Тютчев И. А. В Училище правоведения в 1847-1852 гг. Воспоминания по поводу 50-летнего юбилея Училища / Русская старина. 1885, Т. 48, № 11.

Угличанинова М. С. Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. – М., 1901

Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. – Л.: Лениздат, 1970

Цветаева А. И. Воспоминания. – М.: Советский писатель, 1974

Чегодаев-Саконский А. П., князь. На «Алмазе». От Либавы через Цусиму – во Владивосток. – СПб: Издатель М. А. Леонов, 2004

Юсупов Ф. Ф., князь, граф Сумароков-Эльстон. Мемуары. – М.: Захаров и Вагриус, 1998

Юфревер В. И. Отрывки из воспоминаний / Герценка. Вятские записки. – Вып. № 3. 2002

Fedotoff-White D. Survival through War and Revolution in Russia. – University of Pennsylvania Press, 1939

Книги, монографии, статьи:

Амелехина С., Гафифуллин Р. Платье для императрицы / Родина, № 9, 2001. – С. 101-102.

Аранович А. В. Русский военный костюм. 1907 – 1917. СПб, 2005

Бажанов Е. Вольный город пионеров дикого поля. – Самара: СДП, 1995

Беляков В. В. Русский Египет. – М.: Вече, 2008

Бунин И. А. Рассказы. – М.: Правда, 1983

Гиляровский В. А. Москва и москвичи. – СПб.: Азбука-классика, 2008

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль, 1978

Клевезаль Ф. Ф. Гимнастика для девиц в применении к различным возрастам для общественного и домашнего воспитания: введена для руководства в Санкт-Петербургские институты ведомства Императрицы Марии. – СПб, 1869

Памяти К. Д. Ушинского. – СПб, 1896.

Ривош Н. Я. Время и вещи. – М.: Искусство, 1990.

Сапрыкин Д. Л. Образовательный потенциал Российской империи. – М.: ИИЕТ РАН, 2009

Тарасова Н. И. Ливрейный костюм в собрании Эрмитажа: из опыта атрибуционной работы / Вопросы музеологии, 1(3), 2011 – С. 135.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. – М.: Художественная литература, 1983. Т. 13

Хорошилова О. А. Замурованный эскадрон. Атрибуция одной петербургской находки / Цейхгауз, № 4, 2012. – С. 92-98.

Хорошилова О. А. Русская мода Великой войны / Светский Петербург, № 17, 2012. – С. 104-106.

Хорошилова О. А. «Синяя говядина», «тоняги» и «корнетты». Форма гимназистов императорской России / Теория моды, № 26. – С. 1-20.

Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. – СПб-Петроград, 1914-1915. Т 1-3.

Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII – начало XX в. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001.

Шипов П. Д. Русская военная одежда. – СПб, 1901

Сетевые ресурсы:

Барятинская М. С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. – М., 2006. Электронная библиотека <http://statehistory.ru>.

Горный С. Всякое бывало. – Берлин, 1927 г.: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NGU_AOtsup_Muromtsev2.htm

Животов Н. Н. На извозчичьих козлах: <http://lj.rossia.org>

Животов Н. Н. Среди «шестерок». Шесть дней в роли официанта: <http://22sobaki.livejournal.com/38963.html>

Житков Б. С. Виктор Вавич. <http://www.litmir.net>

Карсавина Т. П. Театральная улица: http://www.belousenko.com/books/memoirs/karsavina_teatr.htm

Манакина З. К. Барышня-смолянка. Воспоминания. www.sakharov-center.ru

Мордвинкин Ю. Б. Белогвардейцы (автобиографическая повесть). <http://www.cadet.ru/liblary>

Полонская Е. Города и встречи / «Лехаим», 2008, № 6 (194). <http://www.lechaim.ru>.

Проскуракова Г. В. Вольшевская старина (воспоминания). <http://porchov.narod.ru/proskur.htm>

Римский-Корсаков Г. А. Мой сосед по парте. <http://www.chesspro.ru>

Тахтаев К. М. Рабочее движение в Петербурге 1893-1901 гг.: <http://www.agitclub.ru/hist/narod/tah/tachtaev01.htm>

Фотографии воспитанниц дореволюционных женских институтов: <http://personalhistory.ru/images/Смирнов Роман>

Хазин О. А. Пажи, кадеты, юнкера. <http://militera.lib.ru>

Чарская Л. А. Записки институтки: http://lib.ru/TALES/CHARSKAYA/zapins.txt_with-big-pictures.html

Чуковский К. И. Анна Ахматова: <http://www.grammar.ru/BIB/?id=3.103>

Ходасевич В. Ф. Воспоминания: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1000.shtml

Научно-популярное издание

Хорошилова Ольга Андреевна

Костюм и мода
Российской империи
Эпоха Николая II

Редактор Н. В. Комарова

Макет: А. П. Зарубин

Корректоры О. В. Круподер, В. А. Нэй

Подписано с готовых диапозитивов
Формат 60х90/8. Гарнитура Garamond
Печ. л. 58 Тираж 2 000 экз.

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru